АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД

Выпуск

1

(А — *besědьlivъ)

Под редакцией
члена-корреспондента АН СССР
О. Н. ТРУБАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА
1974

Первый выпуск словаря содержит предисловие, в котором изложены принципы реконструкции праславянской лексики; список литературы; собственно словарь.

Словарь подготовлен в Секторе этимологии и ономастики Института русского языка АН СССР. Составители: *О. Н. Трубачев*, руководитель (отбор праславянской лексики белорусского, польского, кашубско-словинского, верхнелужицкого, нижнелужицкого, полабского языков), *В. А. Меркулова* (праславянская лексика русского и украинского языков), *Ж. Ж. Варбот* (праславянская лексика чешского и словацкого языков), *Л. А. Гиндин* (праславянская лексика старославянского, болгарского и македонского языков), *Л. В. Куркина* (праславянская лексика словенского языка), *И. П. Петлева* (праславянская лексика сербохорватского языка). Над пополнением этимологической картотеки работала также *Т. В. Горячева*. Значительные материалы по сербохорватской диалектной лексике собрал для Словаря югославский славист *В. Михайлович*. Авторскую работу над текстом Словаря вел *О. Н. Трубачев*.

Э $\frac{70105-150}{042(02)-74}$ 352—74

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый читателю словарь построен на принципах, уже изложенных ранее в печати [1], поэтому здесь нет необходимости говорить о них вновь с прежней подробностью. Уместным кажется здесь лишь подтверждение того, что принципы построения этимологического словаря славянских языков, выдвинутые в самом начале работы, не подверглись существенным изменениям и могут считаться в целом проверенными на большом материале. Не входя в излишние детали, напомним, что в основе настоящего словаря лежит идея древней диалектной сложности славянства в области лексики и словообразования, идея автономности праславянского состояния словарных составов отдельных славянских языков и диалектов. На базе этой концепции с характерной для нее фиксацией как широких, так и узкорегиональных явлений сложилась (насколько известно, впервые в практике работы над славянскими этимологическими словарями) соблюдавшаяся нами совершенно неукоснительно методика отбора и реконструкции праславянских словников, или индексов для каждого исторически известного славянского языка.

Установка на праславянскую реконструкцию представляется закономерным итогом, как и отказ от включения в этимологический словарь славянских языков многочисленных поздних заимствований, произведенных отдельными славянскими языками у неславянских языков или друг у друга. Соответствующие включения в «Славянском этимологическом словаре» Бернекера [2] не могут не считаться чужеродным элементом, как это сделалось очевидным уже давно. Их настоящее место — в этимологическом словаре отдельного славянского языка. Таким образом, если Бернекер провел праславянскую реконструкцию лишь в формально-фонетическом плане (применительно к старой лексике), то мы стремимся провести последовательно — насколько это в наших силах — также праславянскую реконструкцию состава самой лексики. Отбор, как он ни затруднителен, все же здесь возможен. Западногерманские слависты Садник и Айцетмюллер, поставившие перед собой задачу широкого и, можно сказать, неограниченного сравнения словообразователь-

---

[1] «Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи». М., 1963; *О. Н. Трубачев.* Работа над Этимологическим словарем славянских языков. — ВЯ, 1967, № 4, стр. 34 и след.

[2] *E. Berneker.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.

ной активности славянских языков по всем известным материалам, весьма точно назвали свой труд «Сравнительным словарем славянских языков» [3]. Если не упускать из виду эту установку и нашу установку на создание этимологического словаря-реконструкции, то различия задач станут очевидными. Обе задачи имеют фундаментальное значение для сравнительного славянского языкознания, однако совместить в одном труде сравнительный словарь, построенный по принципу этимологических гнезд и не преследующий цели праславянской лексической реконструкции, и этимологический словарь реконструированного праславянского лексического фонда — вещь невозможная. Наверное, это было бы так же неправильно, как и объединение латинского этимологического словаря типа Вальде с романским этимологическим словарем типа Майер-Любке. Наш словарь в этом смысле ближе к словарю Вальде. Казалось бы, логичным в таком случае назвать наш словарь этимологическим словарем праславянского языка, но в этом названии заключалась бы чуждая нам презумпция непосредственного наблюдения праславянской лексики как лексики, скажем, любого живого или исторически зафиксированного языка, что не отвечает действительному положению в науке и может породить ложные иллюзии. Гипотетический по необходимости характер нашего праславянского словника, или индекса реконструированных заглавных слов словаря ставит наш словарь в особое положение среди большинства других этимологических словарей, у которых гипотетическое начинается только в этимологической части словарных статей. Сказанное делает понятной сложность стоявших перед нами задач реконструкции и этимологизации древнего пласта словарного состава славянских языков. Мы не считаем, что все трудности и спорные моменты реконструкции преодолены в нашем словаре, напротив, — спорность некоторых случаев возросла; кроме того, как и всякое систематическое обследование, наша работа выявила целый ряд новых спорных случаев, которые мы выносим на суд читателей. Эти новые спорные реконструкции, кстати сказать, мы считаем тоже полезными результатами своей работы, как и те словарные позиции, для которых мы берем на себя смелость считать свою реконструкцию и этимологизацию достоверной. Задача состояла в том, чтобы с помощью доступных научных средств продвинуться дальше в изучении древнего (праславянского) лексического фонда славянских языков. Настоящий Этимологический словарь славянских языков должен дать ответ на вопрос, как упомянутый праславянский фонд объединяет, а также — как он разобщает славянские языки с их историческим членением на три группы. Здесь нет возможности говорить подробно о других лингвистических аспектах проблемы создания Этимологического словаря славянских языков, которые придают данной про-

---

[3] *L. Sadnik, R. Aitzetmüller.* Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lief. 1—6. Wiesbaden, 1963—1973.

блеме особую актуальность в плане задач сравнительного славянского языкознания в области исследования славянской лексики, славянского словообразования, древней славянской лингвистической географии. Не лишне также упомянуть о внелингвистическом значении работы над этим словарем, в ходе которой отбирается, оценивается в отношении своей древности и этимологизируется большое число лексики, тесно связанной с народной материальной культурой и вообще — с культурой славянства в различных ее аспектах. Этим материалом питается в немалой степени и неизменно актуальная проблематика славянской прародины, древнего расселения славянства.

Такова — в выборочном и кратком изложении — концепция настоящего Этимологического словаря славянских языков, которая, как мы хотели бы надеяться, может претендовать на новизну и жизненность, даже при условии, что речь идет не о первой реализации сходного замысла в истории мировой славистики. Первый научный труд под названием «Этимологический словарь славянских языков» издал в конце прошлого века Миклошич [4]. Через двадцать с лишним лет после этого начал выходить уже называвшийся выше словарь Бернекера, опубликованный только до слова *morъ*. Качества обоих этих словарей, а также их роль в истории славянской этимологии достаточно известны. Особое место занимает уже охарактеризованный нами словарь Садник — Айцетмюллера, выходящий с 1963 г. в Западной Германии, публикация которого, судя по масштабам и темпам (за десять лет изданы статьи на буквы А и В), должна продлиться еще немалое время. О родственных, но весьма варьирующих по своим принципам и задачам научных предприятиях в Чехословакии и Польше говорить пока, видимо, преждевременно, поскольку там выпущены только проекты (пробные выпуски) [5]. Отнюдь не изолируя нужд и потребностей отечественного славяноведения от дезидерат мировой славистики, мы тем не менее не можем не отметить тот факт, что Этимологический словарь славянских языков выходит в нашей стране впервые. Начало его публикации — определенный итог развития славянской этимологии. Однако успех практически каждого словаря измеряется степенью солидности его материальной базы. Издание нового этимологического словаря славянских языков приобретает особый смысл и реальность теперь еще и потому, что усилиями многих лексикографов и диалектологов славянских стран собраны, обработаны и опубликованы огромные лексические материалы. Завершены или близятся к своему завершению большие национальные словари ряда славянских языков, неизменно пополняется коллекция собраний лексики народных ди-

---

[4] *F. Miklosich.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

[5] Отметим в самое последнее время выход словаря: Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule. Sest. F. Kopečný. Red. B. Havránek. Praha, 1973.

алектов, создаются целые монументальные своды вроде «Словаря русских народных говоров», подвигается вперед, хотя и с несколько бо́льшим трудом, публикация исторических словарей славянских языков; в целом наши знания славянской лексики, ее распространения и истории, хотя и остаются далекими от идеальной полноты, все-таки сейчас гораздо полнее и систематичнее того, чем располагал, например, Бернекер, не говоря уже о Миклошиче. Составители настоящего словаря с благодарностью использовали все доступные им новые и старые лексикографические издания по славянским языкам и диалектам, стремясь по возможности дополнить эти сведения также более уникальными материалами, извлеченными из рукописных архивов и картотек различных славистических научных центров (Москва, Ленинград, Киев, Львов, Ужгород, Прага, Брно, София, Белград, Загреб, Любляна). Сказанное, естественно, не должно означать, что предлагаемый словарь свободен от лакун в том, что касается полноты сведений о словах и их ареалах. Мы допускаем возможность дополнений и поправок такого рода и вовсе не склонны относить их за счет недостаточно удовлетворительного состояния науки. Конкретные критические замечания по материалу будут встречены с большим вниманием составителями словаря и могут быть в случае необходимости учтены в дальнейшем в виде дополнений в следующих выпусках словаря.

Первый выпуск Этимологического словаря славянских языков содержит лишь малую часть всей лексики, которая составит наш словарь, — букву А целиком и начало буквы В, поэтому рано думать об обобщениях. Тем не менее, мы хотели бы сделать отдельные наблюдения, по крайней мере по тем вопросам, по которым в данном выпуске представлено уже достаточно материала. Прежде всего стоит отметить, что лексика I выпуска весьма однородна по своему происхождению. Можно указать только два-три старых заимствования: **avorъ* I, название дерева, **ban'a* и, возможно, **bag‹ъ›rъ* I, название цвета и краски. Об остальных словах мы можем утверждать, что они исконны. Конечно, абсолютные констатации возможны только применительно к законченным разделам словаря, например, в нашем случае — к букве А, которая здесь представлена полностью. Так, интересно провести, например, полную инвентаризацию старых сложений с именной приставкой *a-*, причем могут быть названы также образования, ранее не известные науке. Приведем полный список сложений с *a-*, включая новые идентификации и проблематичные случаи: **abolnь* II (> русск. диал., арх. *я́булонь* 'болонь в дереве'), **abrědja*, **abrědъ*, **abrědь*, **abrědьje*, **abrędъ*, **abrędъka*, **abrędъkъ*, **abrędь*, **abrędьje*, **adera*? (> русск. диал. *я́дера* 'сварливый, неуживчивый человек'), **aduxa*, **adušivъjь*, **adušь*, **agolvo*? (русск. диал. *я́голово*, *я́глово* 'скотина, убитая хищным зверем'), **apadь*, **aręb-* (и гнездо), **askǫdь*, **ašutь* (и производные), **avida*?, **avidь*?, **avodь*?, **avorъ* II (> др.-русск. *яворъ* 'кладь сена?', единичный пример начала XVI в.). К известным особенностям префиксального *a-*

следует отнести то, что оно образует с именными и глагольными основами исключительно именные сложения, а также то, что продуктивность утрачена этой моделью еще в отдаленном прошлом (последнее обстоятельство используется как один из критериев праславянской реконструкции, причем также в тех случаях, когда мы имеем дело с лексикой узкого распространения, а таких примеров, как можно было заметить даже из беглого перечня выше, не так уж мало). Архаическая праславянская приставка *а-* восходит к индоевропейской древности, и это тоже хорошо известно, однако до сих пор отсутствовали в распоряжении исследователей полные индоевропейские соответствия славянским сложным словам на *а-*. В настоящем выпуске словаря предпринимается попытка установить такие соответствия и причем — для слов, которые ранее вообще не были предметом этимологического исследования, ср. **avorъ* II и его греческую параллель и некоторые другие случаи. Сугубо реликтовая по своему употреблению приставка *а-* трудно определима семантически, поэтому, как нам кажется, не может не представить интереса выявляемая в ряде статей настоящего выпуска парность употребления славянской приставки *а-* и такой живой и продуктивной приставки славянских языков, как *za-*, ср. **abolnь* II—**zabolnь*, **aduxa*—**zaduxa*, **apadь*—**zapad-*, **avorъ* II—**zavorъ*.

Довольно отлична картина у сложений с другой редкой приставкой — **ba-*, которая фигурирует у нас в нескольких, почти исключительно глагольных образованиях (исключение представляет существительное **bakošь*? > чеш. диал. *bakoš* 'большая корзина, куда складывают яйца, подаренные на рождество'): **badoriti*?/**baduriti*? > чеш. *bakuřiti* 'обманывать', слвц. *badúrit'* 'подталкивать, подзадоривать, подначивать', н.-луж. *badoriś* 'болтать', польск. *badurzyć* 'болтать небылицы'; *baruxati*? > чеш. диал. *barouchat* 'мять, комкать'; **batoriti* > слвц. диал. *bátorit'* 'шуршать, шуметь', польск. диал. *botorzyć* 'лепетать (о ребенке, начинающем говорить)', русск. диал. *батóрить* 'разговаривать, беседовать'. Как видно, *ba-* выступает здесь главным образом как глагольная приставка, преверб, усиливающий значение глагольной основы, которая вычленяется в каждом примере довольно легко (между прочим, и здесь речь идет о случаях, как правило игнорировавшихся ранее этимологическим исследованием). Стоит подумать об этимологическом родстве этого славянского *ba-* и литовского дуративного преверба *be-* (см. по этому поводу специально статью **batoriti*).

Поскольку мы заговорили о словах, лежавших прежде вне поля зрения славянской этимологии и сравнительной грамматики, уместно сказать, что уже в данном небольшом по объему первом выпуске нашего словаря насчитывается ряд примеров, ранее не рассматривавшихся в славянских этимологических словарях. Таковы **agnidlo*?, **aščelь*?, **avida*?, **avidь*?, **avorъ* II, **bakošь*?, **bakul'a*/**bakъl'a*, **batoriti*, **bazъ*, **berika*/**berьka*. Они отсутствуют не только у Миклошича и Бернекера, которые, сравнительно с нашим слова-

рем, дают меньше славянских слов, но и у Садник — Айцетмюллера, собравших словарный материал славянских языков в избыточном количестве. Ряд традиционных толкований подвергнут нами ревизии, и взамен выдвинуты новые этимологии, ср., например, статьи **a če*, **a si*, **atje*, **avida?*, **avidъ?*, **avorъ* II, **azъ*, **bačęgъ?*, **bag‹ъ›rъ* II, **bakul'a/*bakъl'a*, **balagovati*, **balamъčь*, **batoriti*, **bedrenьcь/*bedrьnьcь*, **bedro*, **bedrunъka/*bedrunica/*bedrenъka*, **berka*. Кроме того, уделяется постоянное внимание и тому, что мы называем цельнолексемными параллелями или соответствиями славянских и других индоевропейских образований. Примеры здесь могли бы оказаться весьма многочисленными и причем как в случаях новой этимологизации, так и в статьях, в которых нами разделяется уже известная в литературе точка зрения, но дополнительно к ней называется новая аргументация именно в виде параллелей упомянутого рода. При этом — что тоже целесообразно отметить — такие этимологические по своему характеру цельнолексемные параллели приводятся очень часто не в основных этимологических статьях, а как раз в статьях словообразовательного содержания и, так сказать, отсылочного характера. Так, латинское *orneus*, близкая словообразовательно-этимологическая параллель славянскому прилагательному **asenevъ*, рассматривается нами именно под этой производной формой, а не под непроизводной формой **asenъ*, где сосредоточена вся общая этимологическая информация. Это придает больший вес словообразовательным статьям, которые в нашем словаре вообще сознательно никакой резкой гранью от преимущественно этимологических статей не отделяются. Мы продолжаем придавать серьезное значение цельнолексемным словообразовательно-этимологическим параллелям, особенно еще не выявленным, полагая, что они позволят в отдельных случаях удревнить хронологию славянских производных. Кажется, что в этом смысле наш словарь дает некоторый материал для пересмотра отдельных укоренившихся взглядов. Возьмем, например, такой разряд производных славянских форм как прилагательные на *-ov-*. Из их числа принято выделять производные от немногих субстантивных основ на *-u-*, считая только эти прилагательные с суффиксом *-ov-* древними, в то время как значительная группа прочих прилагательных с тем же суффиксом, не соотносительных с именами на *-u-*, характеризуется как типично славянские словообразовательные инновации [6], в том числе — поздние. Между тем славянско-индоевропейские отношения в этом вопросе совершенно недвусмысленно указывают путь к правильному решению проблемы, зашедшей к настоящему времени в тупик по причине узкославистического подхода к материалу. Дело в том, что наряду с действительными случаями, когда «суффиксальное» *-ov-* представляет собой по сути

---

[6] *F. Sławski.* Z zagadnień rekonstrukcji słowotwórstwa prasłowiańskiego. «Z polskich studiów slawistycznych». Ser. 3. Językoznawstwo». Warszawa, 1968, 40.

дела гетеросиллабический вариант соответствующего гласного исхода основы, например **domovъ* 'домовой': **domъ*/**domu* 'дом' и т. п., следует считаться с древним наличием и широким функционированием совершенно особого и в подлинном смысле суффиксального форманта прилагательных *-ov-*, который был построен как расширенный элементом *-u̯-* гласный *-e/o-* конца субстантивной основы. Последнее обстоятельство указывает на непосредственную и древнюю (индоевропейскую) связь прямой деривации прилагательных на *-ov-* и существительных с основой на *-o-*. Ср. наши словарные статьи **asenevъ*, особенно — **berzovъ*, где говорится о прилагательных на *-ov-* не от основ на *-u-*.

Говоря о прилагательных от основы **berz-*, нельзя здесь не упомянуть также о производном с суффиксом *-ьn-*, которое дошло до нас только в составе ономастики (см. специально статью **berzьno*), тогда как, например, в балтийском мы имеем широкое распространение именно адъективной модели **beržin-* 'березовый'. Перед нами также и в этом случае факт, слабо изученный славянским сравнительным языкознанием (трудно, в частности, безоговорочно принять мнение некоторых авторов-ономастов, согласно которому слав. **berzьnъ* — абсолютно более древняя формация, предшествующая более позднему **berzovъ*, так как последнее, как мы можем видеть из материалов соответствующей статьи нашего словаря, пожалуй, в неменьшей степени претендует на архаичность; что же касается славянской адъективной формы **berzьnъ*, ее характеризует определенная ареальная ограниченность, а это может быть связано и с ее генезисом).

Вот лишь немногие выделенные для иллюстрации примеры из предлагаемого первого выпуска Этимологического словаря славянских языков, которые показывают возможности использования данного словаря в дальнейших исследованиях по славянской этимологии и словообразованию и шире — по славянскому сравнительно-историческому языкознанию. Спорные в формальном отношении реконструкции или такие, древность которых проблематична, выделены у нас знаком вопроса (**aru*?, **babrovъjь*?, **beka*?), точно так же всегда специально оговорена возможность двоякой или троякой формальной реконструкции, ср. дублеты вроде **alovъjь*/**jalovъjь*. Остальная символика (не говоря о системе сокращений, раскрываемых в нижеследующих списках) вполне традиционна, общепринята в научной литературе и не требует никаких пояснений.

Всем участвовавшим в обсуждении рукописей, особенно рецензентам А. С. Мельничуку, О. Б. Ткаченко и В. Н. Топорову коллектив составителей Словаря приносит глубокую благодарность.

ИСТОЧНИКИ

Старославянский язык

Микл. — *Fr. Miklosich.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.

Мирчев—Кодов Е. А. — *К. Мирчев, Хр. Кодов.* Енински апостол. София, 1965.

Sad. — *L. Sadnik, R. Aitzetmüller.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského, I — Československá akademie věd. Praha, 1959.

Вост. — *А. Х. Востоков.* Словарь церковно-славянского языка, I—II. СПб., 1858, 1861.

Вук. ев. — *J. Врана.* Вуканово еванђеље. Београд, 1967.

Болгарский язык

Архив Болгарского возрождения. София.

Архив Болгарского диалектного словаря. София.

Архив Софийского университета (дипломные работы по диалектологии).

БД — Българска диалектология, I—III. БАН. София, 1962, 1965, 1967.

Бернштейн — *С. Б. Бернштейн.* Болгарско-русский словарь. М., 1953; М., 1966.

Божкова БД I — *З. Божкова.* Принос към речника на софийския говор. — БД I.

БТР — *Л. Андрейчин и др.* Български тълковен речник. София, 1955.

Георгиев — *Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев.* Български етимологичен речник. София, 1962—.

Геров — *Н. Геровъ.* Рѣчникъ на блъгарскый языкъ, I—V. Пловдив, 1895—1904.

Геров—Панчев — *Т. Панчев.* Допълнение на българския рѣчникъ отъ Н. Геровъ. Пловдив, 1908.

Горов. Страндж. БД I — *Г. Горов.* Странджанският говор. — БД I.

Гълъбов БД II — *Л. Гълъбов.* Говорът на с. Доброславци, Софийско. — БД II.

Илчев БД I — *С. Илчев.* Към ботевградската лексика. — БД I.

Качановский. Сборник западноболгарских песен. — *В. Качановский.* Сборник западноболгарских песен со словарем. — Сб. ОРЯС XXX. СПб., 1882.

Клепикова. Материалы — *Г. П. Клепикова.* Материалы для словаря юго-восточных болгарских говоров. «Славянская лексикология и лексикография». М., 1966.

Колев БД III. — *Ник. Ив. Колев.* По-особени думи в говора на с. Страхилово, Свищовско. — БД III.

Мечев БД II — *Конст. Мечев.* Особени думи и изрази в еленския говор. — БД II.

Младенов БТР — *Ст. Младенов.* Български тълковен речник, 1. София, 1951.

М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско. — *М. Младенов.* Говорът на Ново Село, Видинско. Принос към проблема за смесените говори. София, 1969.

М. Младенов БД III — *М. Сл. Младенов.* Лексиката на ихтиманския говор. — БД III.

Попгеоргиев БД I — *С. Попгеоргиев.* Из лексиката на с. Чешнегирово, Пловдивско. — БД I.
Попиванов БД I — *Г. Попиванов.* Бележки за говорите в Севлиевско, Троянско и Тетевенско. — БД I.
РБЕ — Речник на съвременния български книжовен език, т. 1—3. София, 1954—1959.
Сакъов БД III — *Д. Н. Сакъов.* Принос към речника на кукушкия говор. — БД III.
Стойчев БД II — *Т. Стойчев.* Родопски речник. — БД II.
Шапкарев—Близнев БД III — *И. К. Шапкарев* и *Л. Близнев.* Речник на самоковския градски говор. — БД III.

Македонский язык

Андоно(в)ски А. Зборови од Дебарско. MJ I, 9—10, 1950, стр. 240—241, MJ II, 3—4, 1951, стр. 93—95, MJ III, 5, 1952, стр. 119—120, MJ IV, 3, 1953, стр. 71—72, MJ IV, 4, стр. 94—96, MJ IV, 5—6, стр. 143—144, MJ IV, 7, стр. 166—168.
Видоески. Поречкиот г-р. — *Б. Видоески.* Поречкиот говор. Филозофски факултет на универзитетот Скопје. Дипломски работи, кн. I. Скопје, 1950.
И-С — *Д. Толовски, В. М. Иллич-Свитыч.* Македонско-русский словарь. М., 1963.
Кон — *Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски.* Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, I—III. Ред. Б. Конески. Скопје, 1961.
С. Поповски. Зборови од Мариово. MJ I, 7, 9—10, 1950.

Сербохорватский язык

Алексић — *Р. Алексић.* Језик Матије Антуна Рељковића. — ЈФ X, 1931.
Белић — *Б. Белић.* Збирка речи коларске и столарске терминологије (1958, рукоп., Серб. АН, Белград).
Cres — *M. Tentor.* Der čakavische Dialekt der Stadt Cres [Cherso]. — AfslPh 30. Berlin, 1909.
Djk — *Ст. Тановић.* Српска народна јела и пића ђевђелијске казе. — СЕЗб XXII. II одељ. Живот и обичаји народни, 14. Београд, 1925.
Djor — *Т. Ђорђевић.* Природа у веровању и предању нашега народа I. — СЕЗб LXXI. Одељ. друштв. наука. Живот и обичаји народни, 32. Београд, 1958.
Ел. I, II — *Гл. Елезовић.* Речник косовско-метохиског дијалекта, I—II. Београд, 1932—1935.
FG — *М. Шкарић.* Живот и обичаји «планинаца» под Фрушком гором. — СЕЗб LIV. II одељ. Живот и обичаји народни, 24. Београд, 1939.
GP — *М. Филиповић, П. Томић.* Горња Пчиња. — СЕЗб LXVIII. IV одељ. Расправе и грађа, 3. Београд, 1965.
Gter — *J. Schütz.* Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.
Hraste — *M. Hraste.* Crtice o bruškom dijalektu. — ЈФ VI, 1926—1927.
Iveković—Broz — *F. Iveković, I. Broz.* Rječnik hrvatskoga jezika, I—II. Zagreb, 1901.
Јар — *Ср. Кнежевић, М. Јовановић.* Јарменовци. — СЕЗб LXXIII. Одељ. друштв. наука. Расправе и грађа, 4. Београд, 1958.
Јов — *Ј. Л. Јововић.* Варваризми и провинцијализми у говору старих Црмничана, Бокеља и Барана (1955, рукоп., Серб. АН, Белград).
Jr — *M. Kosor.* Izvori, pravopis i jezik Jurinovih rječnika. «Rad JAZU» 315. Zagreb, 1957.
JŠ — *Ј. Павловић.* Живот и обичаји народни у крагујевачкој Јасеници и Шумадији. — СЕЗб XXII. Живот и обичаји народни, 12. Београд, 1921.

Ka — *J. Jardas.* Kastavština. «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slovena» 39. Zagreb, 1957.
Kan — *Tv. Kanaet.* Podveležje i Podvelešci. «Naučno društvo NR Bosne i Hercegovine» VI. Odelj. istor.-filol. nauka, 5. Sarajevo, 1955.
Караџић — Српски рјечник. 3 изд. Биоград, 1898.
Ku — *Ст. Дучић.* Живот и обичаји племена Куча. — СЕЗб XLVIII. II одељ. Живот и обичаји народни, 20. Београд, 1931.
Lex — *T. Matić.* Lexicalia iz starih Hrvatskih pisaca. «Rad JAZU» 315. Zagreb, 1957.
LM — *Dr. Ђорђевић.* Живот и обичаји у Лесковачкој Морави. — СЕЗб LXX. Одељ. друштв. наука. Живот и обичаји народни, 31. Београд, 1958.
Maš — *Lj. Maštrović.* Rječničko blago ninskoga govora. «Radovi Instituta JAZU» III. Zagreb, 1957.
Mić — *Љ. Мићовић.* Живот и обичаји Поповаца. — СЕЗб II одељ. Живот и обичаји народни, 29. Београд, 1952.
Mikl. — *Fr. Miklosich.* Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865.
Моск. — *С. М. Московљевић.* Збирка речи из Поцерине и других крајева (рукоп., Серб. АН, Белград).
Pal. 138 — *L. Zore.* Paļetkovańe. «Rad JAZU» 138. Zagreb, 1899.
Pal. 170 — *L. Zore.* Paljetkovańe po oblasti našega jezika. «Rad JAZU» 170. Zagreb, 1907.
Пеш. — *М. Пешикан.* Збирка речи из Трешњева (рукоп., Серб. АН, Белград).
PH — *J. Brabec.* Govor podunavskih Hrvata u Austriji. «Hrvatski dijalektološki zbornik» 2. Zagreb, 1966.
RB — *Б. Радовић.* Гајење и обрада лана у нашем народу. «Гласник Етнограф. музеја у Београду» књ. XIX, т. XIX. Београд, 1956.
Радул. — *J. Радуловић.* Збирка речи из Херцеговине (1956, рукоп. Серб. АН, Белград).
Rs — *Ст. Мијатовић.* Ресава. — СЕЗб XLVI. Насеља и пор. становништа, 26. Београд, 1920.
RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I—XIX. Zagreb, 1880—1967.
Ровинский — *П. Ровинский.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб, 1905 (СбОРЯС т. LXXX, № 2).
РСА — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, I, 1959.
Sekereš Nk. — *St. Sekereš.* Govor našičkog kraja. «Hrvatski dijalektološki zbornik» 2. Zagreb. 1966.
Sekereš Os — *St. Sekereš.* Govor osječkih Srba. Зборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1963.
Skok — *P. Skok.* Mundartliches aus Žumberak [Sichelburg]. — AfslPh 33. Berlin, 1912.
Snj — *С. Грбић.* Српска народна јела и пића из среза Бољевачког. — СЕЗб XXXII. Живот и обичаји народни, 14. Београд, 1925.
Sus — *J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina.* Govor otoka Suska. «Hrvatski dijalektološki zbornik» 1. Zagreb, 1956.
Šaul. — *А. Шаулић.* Прилог лексици народних говора. «Наш језик». Нова серија, VIII.
Šu — *J. Ердељановић.* Етнолошка грађа о Шумадинцима. — СЕЗб LXIV. IV одељ. Расправе и грађа, 2. Београд, 1951.
Tentor. Leksička slaganja — *M. Tentor.* Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika. Razprave. Dissertationes I. Ljubljana, 1950.
Tr — *Ст. Мијатовић, Т. Бушетић.* Технички радови Срба сељака у Левчу и Темнићу. — СЕЗб XXXII. II одељ. Живот и обичаји народни, 14. Београд, 1925.
Трб. — *П. Трбојевић.* Збирка речи из Лике и Војводине (рукоп., Серб. АН, Белград).
Vis — *М. Филиповић.* Живот и обичаји народни у Височкој нахији. —

СЕЗб LXI. II одељ. Живот и обичаји народни, 27. Београд, 1949.
Влајинац — *М. Влајинац*. Речник наших старих мера у току векова. Београд, 1961.
Vr — *I. Žic*. Vrbnik (otok Krk). «Zbornik za narodne običaje južnih Slavena». 33. Zagreb, 1949.
Vuk. — *J. Вуковић*. Акценат говора Пиве и Дробњака. «Српски дијалектолошки зборник» X. Београд, 1940.
Вук. ев. — *J. Врана*. Вуканово еванђеље. Београд, 1967.
ZkM — *A. Šepić*. Zakon kaštela Mošćenic, prijepisi njegovi, tekst i jezik. «Rad JAZU» 315. Zagreb, 1957.

Словенский язык

Badjura — *R. Badjura*. Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953.
Barle — *J. Barle*. Iz narodne zakladnice. Letopis Slovenske Matice. Ljubljana, 1893.
Бодуэн де Куртенэ. Резьяне. Словарный материал. Архив АН СССР. ф. 102, оп. 1, №№ 8—9.
Бодуэн. Материалы I, II — *И. А. Бодуэн де Куртенэ*. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. I. Резьянские тексты собрал в 1872, 1873 и 1877 гг. СПб., 1895; II. Образцы языка на говорах терских славян в северовосточной Италии. СПб., 1904.
Бодуэн. Резьян. — *И. А. Бодуэн де Куртенэ*. Резьянский словарь (под редакцией Н. И. Толстого). «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 183—224.
J. Dular. Soseske zidanice v vzhodni Beli Krajini. «Slovenski etnograf» XVI—XVII, 1963—1964.
Gutsmann—Deutsch-windisches Wörterbuch mit einer Sammlung der verdeutschen windischen Stammwörter und einiger vorzüglichern abstammenden Wörter verfasst von O. Gutsmann, Weltpriester. Klagenfurt, 1789.
M. Jagodic-Makarovič. Zibelka na Slovenskem. «Slovenski etnograf» XII, 1959.
Jarnik. — Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich nach verläβlichen Quellen bearbeitet von U. Jarnik. Klagenfurt, 1832.
Jurančič. Panon. — *J. Jurančič*. O leksiki v Panonskih govorih. «Panonski zbornik». Pomurska založba. Murska Sobota, 1966, стр. 31—34.
Kastelec. — *M. Kastelec*. Dictionarium latino-carniolicum, 1650—1700. (Ljubljana. Slov. Ak. znan. in umetn. Рукопись).
V. Koren. Oskrba z vodo in oblike vodjakov v Prekmurju. «Slovenski etnograf» XV, 1962.
M. Kos. S kmečkih domačij v Hrastovljah iz dobe okoli 1300. «Slovenski etnograf» XVI—XVII, 1963—1964.
J. Koštial. O slovenski in srbohrvatski ljudski mlekarski terminologije. «Etnolog» XIII, 1940.
Lokar — *J. Lokar*. Lovsko-ribiški slovar. Ljubljana, 1937.
M. Ložar. Rokavci v slovenskih nošah. «Etnolog» XVII, 1944.
R. Ložar. Ljudska kurjava in razsvetljava. «Etnolog» XVII, 1944.
Lužar — *F. Lužar*. Narodni izrazi. — Letopis Slovenske Matice. Ljubljana, 1900, стр. 26—53.
M. Makarovič. Moške srajce slovenske kmečke noše. «Slovenski etnograf» XVIII—XIX, 1965—1966.
Megiser. Dictionarium 1744.
Megiser VII — *H. Megiser*. Slovenisch-deutsch-lateinisches Wörterbuch. Neugestaltung und Faksimile der ersten Ausgabe aus dem Jahre 1592. Bearbeitet von Annelies Lägreid. Otto Harrassowitz. Wiesbaden, 1967 (=Monumenta linguae slavicae dialecti veteris fontes et dissertationes. Editores: Rudolf Aitzetmüller. Josef Matl. Linda Sadnik. t. VII).

A. Novak. Domače tkalstvo v Gornjesavski dolini. «Slovenski etnograf» XVI—XVII, 1963—1964.
V. Novak. Ovčarstvo pod Stolom in v Planici. «Etnolog» XV, 1942.
V. Novak. Pridelovanje lanu v slovenski krajini. «Etnolog» XV, 1942.
B. Orel. Ralo na Slovenskem. «Slovenski etnograf» XIV, 1961.
Pintar I, II — *L. Pintar*. Slovarski in besedoslovni paberki. Letopis Slovenske Matice». Ljubljana, I — 1895, II — 1898.
Plet. — *M. Pleteršnik*. Slovensko-nemški slovar, I—II. Ljubljana, 1894—1895.
Rož. — *J. Šašel*. Rožanski narečni besednjak (Slov. Ak. znan. in umetn. Ljubljana. Рукопись № II 24205).
Slovar sloven. jezika — Slovar slovenskega knjižnega jezika, I. Ljubljana, 1970.
F. Šarf. Kmečka postelja na Gorenjskem v 19 stol. «Slovenski etnograf» XII, 1959.
J. Šašel. Pravne starožitnosti iz Roža. «Etnolog», XVII, 1944.
Šašel, Ramovš — *J. Šašel* in *F. Ramovš*. Narodno blago iz Roža. Arhiv za zgodovino in narodopisje II. Maribor, 1936—1937.
Štrekelj — *K. Štrekelj*. Iz besednega zaklada narodovega. «Letopis Slovenske Matice». Ljubljana, 1892.
Štrekelj Slov. — *K. Štrekelj*. Slovarski doneski iz živega jezika narodovega. «Letopis Slovenske Matice». Ljubljana, 1894.
Tominec. — *J. Tominec*. Črnovrški dialekt. Kratka monografija in slovar. Ljubljana, 1964.

Чешский язык

Без ссылки даются материалы словаря: Příruční slovník jazyka českého· Vydává třetí třída České akademie věd a umění. D. I—VIII. Praha, 1935—1957·
Bartoš. Slov. — *F. Bartoš*. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 6).
Brandl — *V. Brandl*. Glossarium illustrans bohemico-moravicae historiae fontes. Brünn, 1876.
Gebauer — *J. Gebauer*. Slovník staročeský. Praha, D. I — 1903, D. II — 1916.
Gregor. Slov. slavk.-bučov. — *A. Gregor*. Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha—Brno, 1959 (= Spisy University v Brně. Filosofická fakulta, 59).
Hošek. Českomorav. — *J. Hošek*. Nářečí českomoravské. Praha, D. I — 1900, D. II — 1905 (= Rozpravy České Akademie pro vědy, slovesnost a umění, třída III, ročn. 8, číslo 1, ročn. 9, číslo 21, 22).
Hruška. Slov. chod. — *J. F. Hruška*. Dialektický slovník chodský. Praha, 1907 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 7).
Jungmann — *J. Jungmann*. Slovník česko-německý. D. I—V. Praha, 1835—1839.
Kašík. Středobečev. — *A. Kašík*. Popis a rozbor nářečí středobečevského. Praha, 1908 (= Pozpravy České Akademie pro vědy, slovesnost a umění, třída III, ročn. 9, číslo 26).
Kellner. Východolaš. — *A. Kellner*. Vychodolašská nářečí. Brno, D. I — 1946, D. II — 1949.
Koníř. Slov. morav. — *A. Koníř*. Přispěvek k dialektickému slovníku moravskému. — Μνημα. Sborník vydaný na paměť čtyřicítiletého učitelského působení prof. Josefa Zubatého na Universitě Karlově 1885—1925. Praha, 1926.
Kopečný. Urč. — *F. Kopečný*. Nářečí Určic a okolí. Prostějovský úsek hanáckého nářečí centralního. Praha, 1957.
Kott — *F. Št. Kott*. Česko-německý slovník. D. I—VII. Praha, 1878—1893.
Kott. Dod. k Bart. — *F. Št. Kott*. Dodatky k Bartošovu Dialektickému slovníku moravskému. Praha, 1910 (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 8).
Kubín. Čech. klad. — *J. Š. Kubín*. Lidomluva Čechů kladských. Praha, 1913.
Lamprecht. Slov. středoopav. — *A. Lamprecht*. Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963 (= Publikace Slezského ústavu ČSAV v Opavě, sv. 48).

Malina. Mistř. — *J. Malina.* Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946 (=Archiv pro lexikografii a dialektologii, číslo 10).
Profous — *A. Profous.* Místní jména v Čechách. Jejich vznik, původní význam a změny. D. I—IV. Praha, 1947—1957 (Том IV в соавторстве с *Я.* Свободой).
Ст.-чеш., Прага — Материалы из картотеки Старочешского словаря Института чешского языка (Прага).
Svěrák. Boskov. — *F. Svěrák.* Boskovické nářečí. Brno, 1941.
Svěrák. Brněn. — *F. Svěrak.* Brněnská mluva. Brno, 1971.
Svěrák. Karlov. — *F. Svěrák.* Karlovické nářečí. Praha, 1957 (= Sborník vědeckých prací Vyšší pedagogické školy v Brně, sv. 2).
J. Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.
Šimek — *F. Šimek.* Slovníček staré češtiny. Praha, 1947.
Těma. Mluva hutn. — *B. Těma.* Mluva hutníků na Bohumínsku a Karvínsku. Praha, 1958.
Vydra. Hornoblan. — *B. Vydra.* Popis a rozbor podřečí hornoblanického. Praha, 1923 (=Facultas philosophica Universitatis Carolinae pragensis. Prace z věd. ústavů, III).

Словацкий язык

Blanár. Hist. lexikol. — *V. Blanár.* Zo slovenskej historickej lexikológie. Slovnikový rozbor počtových kníh z baníckej osady Boce. Bratislava, 1961.
Buffa. Dlhá Lúka — *F. Buffa.* Nárečie Dlhej Lúky v Bardejovskom okrese. Bratislava, 1953.
Habovštiak. Orav. — *A. Habovštiak.* Oravské nárečia. Bratislava, 1965.
Kálal — *M. Kálal.* Slovenský slovník z literatúry aj nárečí. Banská Bystrica, 1924.
Matejčík. Východonovohrad. — *J. Matejčík.* Slovník východonovohradského nárečia. Banská Bystrica, 1972 (ротапринт).
Ondrus. Stredosloven. v Mad'ar. — *P. Ondrus.* Stredoslovenské nárečiá v Mad'arskej L'udovej Republike. Bratislava, 1956.
Palkovič. Z vecn. slovn. Slovákov v Mad'ar. — *K. Palkovič.* Z vecného slovníka Slovákov v Mad'arsku. «Jazykovedné štúdie», II, 1957.
Pauliny. Nár. zátop. osád na horn. Ostr. — *E. Pauliny.* Nárečie zátopových osád na hornej Ostrave. Turč. Sv. Martin, 1947 (= Spisy Jazykovedného odboru Matice Slovenskej, seria B, sv. 3).
SSJ — Slovník slovenského jazyka. Vyd. Slovenskej Akademie Vied. Vedecký redaktor dr. Št. Peciar. D. I—VI. Bratislava, 1959—1968.
Stanislav. Lipt. — *J. Stanislav.* Liptovské nárečiá. Turč. Sv. Martin, 1932.
Štolc. Sloven. v Mad'ar. — *J. Štolc.* Nárečie troch slovenských ostrovov v Mad'arsku. Bratislava, 1949.
Štolc. Sloven. v Juhosl. — *J. Štolc.* Reč Slovákov v Juhoslavii. Bratislava, 1968.
Vážný. Středověk. list. — *V. Vážný.* Glossarium bohemoslavicum. Slovník k «Středověkým listům ze Slovenska» s jazykovým rozborem. Bratislava, 1937 (= Knihovňa Slovenského archivu, sv. 1).
Zoch — *K. Palkovič.* Oravský idiotikon Ctibora Zocha. «Slavica Slovaca», ročn. 2, 1, 1961, стр. 70—77.
Žilinsk. kn. — *F. Ryšánek.* Slovník k Žilinské knize. Bratislava, 1954.

Верхнелужицкий язык

Jakubaš — *F. Jakubaš.* Hornjoserbsko-němski słownik. Budyšin, 1954.
Pfuhl — *Dr. Pfuhl.* Łužiski serbski słownik. Budyšin, 1866.
Schuster-Šewc, Sprachdenkm. — *H. Schuster-Šewc.* Sorbische Sprachdenkmäler (16.—18. Jahrhundert). Bautzen, 1967 (=«Spisy Instituta za serbski ludospyt» 31).

Нижнелужицкий язык

H. Faßke. – Unbekanntes niedersorbisches Wortgut aus Werben. — ZfS, Bd. V, H. 4, 1960.
Muka Sł. I, II — *E. Muka.* Słownik dołnoserbskeje rěcy a jeje narěcow, I. Пг., 1921; II, Praha, 1928.
Щерба. Вост.-луж. — *Л. В. Щерба.* Восточнолужицкое наречие, т. I. Пг., 1915.
Schuster-Šewc, Sprachdenkm. — *H. Schuster-Šewc.* Sorbische Sprachdenkmäler (16.—18. Jahrhundert). Bautzen, 1967 (=«Spisy Instituta za serbski ludospyt», 31).

Полабский язык

Polański—Sehnert — *K. Polański* and *G. A. Sehnert.* Polabian-English dictionary. The Hague—Paris, 1967.
Rost — *P. Rost.* Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.

Польский язык

Bąk, Kramsk — *P. Bąk.* Słownictwo gwary okolic Kramska na tle kultury ludowej. Wrocław, 1960 («Prace językoznawcze» PAN 20).
Kucała — *M. Kucała.* Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
Linde — *S. B. Linde.* Słownik języka polskiego. T. I — VI. Warszawa, 1807—1814.
Olesch, S. Annaberg — *R. Olesch.* Der Wortschatz der polnischen Mundart von Sankt Annaberg. Erster Teil. Wiesbaden, 1958 (=«Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin», Bd. 17).
Pawłowski, Podegr. — *E. Pawłowski.* Gwara podegrodzka wraz z próbą wyznaczenia południowozachodniej granicy gwar sądeckich. Wrocław—Kraków, 1955.
Sł. gw. p. — «Słownik gwar polskich», ułożył J. Karłowicz, t. 1—6. Kraków.
Sł. stpol. — «Słownik staropolski». Warszawa, 1953—.
Dorosz. — «Słownik języka polskiego», red. W. Doroszewski, t. I —. Warszawa, 1958—.
Szymczak, Doman. — *M. Szymczak.* Słownik gwary Domaniewka w powiecie łęczyckim. Cz. I —. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962—.
Tomasz., Łop. — *A. Tomaszewski.* Gwara Łopienna i okolicy w północnej Wielkopolsce. Kraków, 1930 (=«Prace Komisji Językowej PAN» № 16).
Warsz. — *J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki.* Słownik języka polskiego, t. I—VIII, wyd. fotooffsetowe. Warszawa, 1952.
Zaręba, Niepoł. — *A. Zaręba.* Słownictwo Niepołomic. — «Prace i materiały etnograficzne (Polskie towarzystwo ludoznawcze)», t. X, zesz. 1, Wrocław—Kraków, 1952/53.

Кашубско-словинский язык

Berka — *A. Berka.* Słownik kaszubski porównawczy. Warszawa, 1891.
Lorentz Slowinz. Wb. I—II — *Fr. Lorentz.* Slovinzisches Wörterbuch. Erster Teil. St. Petersburg, 1908; Zweiter Teil. St. Petersburg, 1912.
Lorentz Pomor. I—II — *Fr. Lorentz.* Pomoranisches Wörterbuch. Bd. I: A — P. Berlin, 1958; Bd. II, 1. Berlin, 1968.
Pobłocki — *G. Pobłocki.* Słowniczek kaszubski z dodatkiem idyotyzmów chełmińskich i kociewskich. Chełmno, 1887.

Ramułt — *S. Ramułt.* Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.
Rudnicki — *M. Rudnicki.* Przyczynki do gramatyki i słownika słowińskiego. — MPKJ VI.
Sychta — *B. Sychta.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Tom I: A—G. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1967.

Русский язык

Без ссылки даются материалы словарей: от А до Р — Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1950—1967; от Р до Я — Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова, т. I—IV. М., 1935—1940.

А. Балов. Народный говор в Пошехонском уезде, Ярославской губернии. — Ж. Ст., год третий, вып. IV. СПб., 1893.
В. Бартенев. О русском языке в Обдорском крае. — Ж. Ст., год четвертый, вып. I. СПб., 1894.
Богораз. — *В. Г. Богораз.* Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901.
Н. Белоруссов. Местные слова Вологодской губ. — РФВ, т. XVIII, 1897.
Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей Рязанского говора. — РФВ, т. XXVIII, 1892.
Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. — ИОРЯС, т. III, кн. 3. СПб., 1898.
Булич — *С. К. Булич.* Материалы для русского словаря. — ИОРЯС, т. I, кн. 1. СПб., 1896.
Бурнашев. Опыт терминологического словаря — *В. Бурнашев.* Опыт терминологического словаря, т. I—II. СПб., 1843.
Бычков. Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии — Слова Валдайского уезда и Владимирской губернии, извлеченные А. Р. Бычковым из доставленных в Отделение материалов. Сб. ОРЯС, т. VIII. СПб., 1872.
Васнецов — Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Вятка, 1907.
Г. С. Виноградов. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири. — Ж. Ст., год двадцать четвертый, вып. IV. СПб., 1915.
Вяч. Водарский. Список некоторых областных слов. — РФВ, т. LXVIII, 1912.
Герасимов — *М. К. Герасимов.* Словарь уездного Череповецкого говора. — Сб. ОРЯС, т. 87, кн. 3. СПб., 1910.
М. Герасимов. О говоре крестьян южной части Череповецкого уезда Новгородской губ. — Ж. Ст., год третий, вып. II. СПб., 1893.
Говоры Прибалтики — *В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Р. Мурникова.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
Грот. Дополнения и заметки к «Толковому словарю» Даля — Дополнения и заметки Я. К. Грота к «Толковому словарю» Даля. — Сб. ОРЯС, т. VII, кн. 10. СПб., 1870.
Даль [3] — *В. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. I—IV. СПб., 1903—1909.
Данилевский. Дополнение к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря Н. Я. Данилевского. — Сб. ОРЯС, т. VII, № 3. СПб., 1869.
Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора. (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под редакцией И. А. Оссовецкого. М., 1969.
Диттель. Сборник рязанских областных слов. — Ж. Ст., год восьмой, вып. II. СПб., 1898.

Добровольский — *В. Н. Добровольский.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
В. Н. Добровольский. Данные для народного календаря Смоленской губернии в связи с народными верованиями. — Ж. Ст., год седьмой, вып. III—IV. СПб., 1897.

Доп. к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
М. Едемский. Вечерованье, песни и городки (хороводы) в Кокшеньге Тотемского уезда. — Ж. Ст., год четырнадцатый, вып. III—IV. СПб., 1905.
М. Едемский. Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде Вологодской губернии в 1905—1908 гг. — Ж. Ст., год двадцать первый, вып. II. СПб., 1912.
Д. Зеленин. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. — Ж. Ст., год одиннадцатый, вып. I. СПб., 1901.
Ф. Зобнин. Из года в год (Описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницынском Тюменского округа). — Ж. Ст., год четвертый, вып. I. СПб., 1894.
Ф. Зобнин. Игры (в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа). — Ж. Ст., год шестой, вып. IV. СПб., 1896.
Н. Иваницкий. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. — Ж. Ст., год восьмой, вып. I. СПб., 1898.
Вл. Иванов. Причитанья на рукобитье (записанные в Архангельской губернии Шенкурском уезде). — Ж. Ст., год пятый, вып. II. СПб., 1895.
К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино Пушкинского района Псковского округа. — ИОРЯС, т. III, кн. 2. Л., 1930.
М. Караулов. Областные слова Моздокского уезда Терской области. — РФВ, т. XLIV, 1900.
А. Б. Карпов. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками. — Сб. ОРЯС, т. 87, № 1. СПб., 1910.

Картотека Печорского словаря — *Л. А. Ивашко.* Картотека Печорского словаря (в Межкафедральном словарном кабинете филологического ф-та ЛГУ).

Картотека Псковского областного словаря — Картотека Псковского областного словаря (в Межкафедральном словарном кабинете филологического ф-та ЛГУ).

Картотека Словаря русских народных говоров — Картотека Словаря русских народных говоров (Словарный сектор Ин-та языкознания АН СССР в Ленинграде).

Картотека СДР — Картотека Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.

Картотека ДРС — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. (Институт русского языка АН СССР. Москва).

Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия — Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия М. А. Колосова — Сб. ОРЯС, т. XVII, № 3. СПб., 1877.

Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ. — *С. А. Копорский.* О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (Материалы и наблюдения). — Труды Ярославского Пединститута, т. II, вып. 3.

Котков. Лекс. южн.-русск. письм. XVI—XVIII вв. — *С. И. Котков.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970.

Куликовский — *Г. Куликовский.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
К. Лавров. Простонародные слова, употребляемые в уездах Новгородской губернии: Новгородском, Крестецком, Старорусском, Кирилловском и Боровичском. — Ж. Ст., год пятый, вып. III—IV. СПб., 1895.
В. Ламанский. Говор южной части Томского округа Томской губ. — Ж. Ст. год пятый, вып. III—IV. СПб., 1895.

Материалы «Смоленского словаря» — *А. И. Иванова, М. А. Кустарева, Б. А. Моисеев.* Материалы для «Смоленского областного словаря». Уч. Зап. Смоленского ГПИ, вып. IX. Кафедра русского языка. Смоленск, 1958.

Мельниченко — *Г. Г. Мельниченко.* Краткий ярославский областной словарь, объединяющий материалы ранее составленных словарей (1820—1956 гг.). Ярославль, 1961.

Миртов. Донской словарь — *А. В. Миртов.* Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов-на-Дону, 1929.

Молотилов. Говор Северной Барабы — *А. Молотилов.* Говор русского старожилого населения Северной Барабы (Каинского уезда, Томской губ.). Материалы для Сибирской диалектологии. Томск, 1913.

Мотовилов. Симбирская молвь — *А. Мотовилов.* Симбирская молвь. К материалам для изучения областных наречий русского языка. — Сб. ОРЯС, т. XLIV, № 4. СПб., 1888 г.

Наумов — Дополнения и заметки И. Р. Наумова к Толковому словарю Даля. — Сб. ОРЯС, т. XI, № 6. СПб., 1874.

А. Никольский. О языке Ипатьевской летописи. — РФВ, т. XLII, 1899.

Ол. Светлов — *Я. Светлов.* О говоре жителей Каргопольского края (Олонецкой губернии). — Ж. Ст., год второй, вып. III. СПб., 1892.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Опыт словаря говоров Калининской области — *Т. В. Кириллова, Н. С. Бондарчук, В. П. Куликова, А. А. Белова.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.

Н. Г. Ордин. Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда. — Ж. Ст., год шестой, вып. I. СПб., 1896.

Печорские былины — Печорские былины. Записал Н. Ончуков. — Зап. РГО, т. XXX. СПб., 1904.

Подвысоцкий — *А. Подвысоцкий.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Ф. Покровский. О народном говоре Чухломского уезда Костромской губ. — Ж. Ст., год девятый, вып. III. СПб., 1899.

Ф. Покровский. Особенности в говоре населения, расположенного по реке Письме Костромской губернии Буйского уезда. — Ж. Ст., год пятый, вып. III—IV. СПб., 1895.

Г. Потанин. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. — Ж. Ст., год девятый, вып. II. СПб., 1899.

Потанин. Юго-зап. часть Томской губернии — *Г. Н. Потанин.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. «Этнографический сборник РГО», вып. VI. СПб., 1864.

Псковский областной словарь — Псковский областной словарь с историческими данными, вып. 1 —. Л., 1967—.

А. Путинцев. О говоре в местности Хворостань Воронежской губернии. — Ж. Ст., год пятнадцатый, вып. I. СПб., 1906.

П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Минск, 1974.

В. Резанов. К диалектологии великорусских наречий. Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губ. — РФВ, т. XXXVIII, 1897.

М. Синозерский. Домашний быт крестьян Левочской волости Боровичского уезда Новгородской губ. — Ж. Ст., год девятый, вып. IV. СПб., 1899.

Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби — Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 1—3. Томск, 1964—1968.

Сл. Среднего Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 1. Свердловск, 1964.

И. Солосин. Материалы для этнографии Астраханского края. Краткие сведения о говоре Ахтубинских сел Царевского уезда. — РФВ, т. LXIII, 1910.

Список Тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском, Тюмен-

ском, Курганском и Сургутском округах, в двух первых Паткановым, в трех последних Зобниным и приведенных в алфавитный порядок студ. Николаевым. — Ж. Ст., год девятый, вып. IV. СПб., 1899.
Срезневский — *И. И. Срезневский.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I—III. СПб., 1893—1903.
Труды МДК. Н. Соколов. Поездка в Тихвинский уезд Новгородской губ. Словарик говора д. Пешневы. — РФВ, т. LXII, 1909.
Труды МДК. Свод материалов, собранных Комиссией. Словарь к ответам на программу по Саратовской губ. — РФВ, т. LXVI, 1911.
Труды МДК. Свод материалов, собранных комиссией. Словарь к ответам на программу по Тамбовской губ. — РФВ, т. LXVI, 1911.
Труды МДК. Болховский уезд Орловской губ. Словарь. — РФВ, т. LXXI, 1914.
Труды МДК. Севский уезд Орловской губ. Словарь. — РФВ, т. LXXXI, 1914.
М. Успенский. Марипчельская крестьянская свадьба. — Ж. Ст., год восьмой, вып. I. СПб., 1898.
Филин — Словарь русских народных говоров, вып. 1 и след. Л., 1965 и след.
М. Халанский. О некоторых особенностях народного говора в северной части Путивльского у. Курской губ. — РФВ, т. XVI, 1886.
Шайтанов. Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губ. — Ж. Ст., год пятый, вып. III—IV. СПб., 1895.
В. Шевляков. Местные слова города Тотьмы (Вологодской губ.). — Ж. Ст., год девятый, вып. I. СПб., 1899.
Шейн. Сказки Самарского края — *П. Шейн.* К диалектологии великорусских наречий. Извлечения из сборника сказок и преданий Самарского края, собранных Д. Н. Садовниковым. — РФВ, т. XLI, 1899.
Шренк — *А. И. Шренк.* Областные выражения русского языка в Архангельской губернии. — Зап. РГО, кн. IV. СПб., 1850.
А. Шустиков. Сказания и сказки. — Ж. Ст., год пятый, вып. III—IV. СПб., 1895.

Украинский язык

В. В. Анохина, Н. В. Никончук. Полесская терминология пчеловодства. «Лексика Полесья». М., 1968.
В. В. Бабинець. Говірка села Лавки Мукачівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1954.
М. Й. Бараній. Морфологічні особливості говірки села Тересви, Тячівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1957.
Д. А. Бейлина. Материалы для Полесского ботанического словаря. «Лексика Полесья». М., 1968.
І. І. Берцик. Особливості говірки села Чорноголова Велико-Березнянського округу. (Дип. роб.). Ужгород, 1952.
П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966.
М. І. Білогорка. Тваринницька лексика с. Білки Іршавського району. ((Дип. роб.). Ужгород, 1959.
М. А. Білинець. Особливості говірки села Доробратово Іршавського району (Дип. роб.). Ужгород, 1956.
М. П. Варцаба. Особливості говірки села Кушниці Іршавського округу (Дип. роб.). Ужгород, 1952.
Ващенко. Лінгвістична географія Наддніпрянщини — *В. С. Ващенко.* Лінгвістична географія Наддніпрянщини. Лексичні матеріали. Дніпропетровськ. 1968.
В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів. Вип. 1. Харків, 1960.
Верхратський. Знадоби. — *І. Верхратський.* Знадоби до пізнання угорсько-руських говорів. — ЗНТШ, т. XXVII и XXIX. Львов, 1899—1901.

Г. Р. Вешторт. Названия пищи в говорах Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968.
Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. «Лексика Полесья». М., 1968.
Л. Т. Выгонная. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья». М., 1968.
М. К. Гайдар. Сільскогосподарська лексика села Нижні Ремети Берегівського району (Дип. роб.). Ужгород, 1959.
М. В. Гасинець. Морфологічні та синтаксичні особливості говірки с. Терново Тячівського району (Дип. роб.). Ужгород, 1956.
Ю. *І. Герей.* Морфологічні особливості говірки села Руські Комарівці. (Дип. роб.). Ужгород, 1956.
S. Hrabec. Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950.
Гринченко — *Б. Д. Гринченко.* Словарь украинского языка, т. I—IV. Киев, 1907—1909.
Л. Деже. Материалы к словарю закарпатской литературы XVI—XVII вв. Будапешт, 1965 (микрофильм).
Dejna. Tarnopolszczyzna — *Karol Dejna.* Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957.
Й. О. Дзендзелівський. Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністров'я. «Лексикографічний бюлетень», вип. VI. Київ, 1958.
Дзендзелівський. Атлас — *Й. О. Дзендзелівський.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (лексика), ч. I. Ужгород, 1958.
Т. П. Довбак. Словотвір іменних частин мови в говірці с. Королево Виноградівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1957.
Г. Е. Дорій. Особливості говірки села Підгород Мукачівського округу. (Дип. роб.). Ужгород, 1953.
Дорошенко. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини — *С. І. Дорошенко.* Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини. «Діалектологічний бюлетень», вип. IX. Київ, 1962.
Желеховский — *Е. Желеховскій* и *С. Недільский.* Малоруско-німецкий словар. Л., 1886.
Карпатский диалектологический атлас — *С. Б. Бернштейн, В. М. Иллич-Свитыч, Г. П. Клепикова, Т. В. Попова, В. В. Усачева.* Карпатский диалектологический атлас. М., 1967.
Картотека словаря Тимченко — Картотека Исторического словаря украинского языка Е. Тимченко (Львов).
Картотека украинского академического словаря (Киев).
Картотека Словника староукраїнської мови XIV—XV вв. (Львов).
Ф. Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968.
Т. І. Кобаль. Система іменника у говірці села Броньки Іршавського району Закарпатської області (Дип. роб.). Ужгород, 1962.
Б. Кобилянський. Гуцульский говір і його відношення до говору Покуття. «Український діалектологічний збірник». Київ, 1928.
І. С. Колесник. Матеріали до словника діалектизмів українських говорів Буковини. 1959 (рукопись).
М. Д. Колісниченко. Сільскогосподарська лексика с. Невицького Ужгородського району (Дип. роб.). Ужгород, 1959.
Н. Д. Корень, М. С. Шушкевич. Полесская строительная терминология (Хата и хозяйственные постройки). «Лексика Полесья». М., 1968.
А. А. Кривицкий. Из словаря полесских рыболовов. «Полесье». М., 1968.
І. П. Кучерявий. Особливості говірки села Порошково Перечинського округу. (Дип. роб.). Ужгород, 1952.
М. Ю. Левко. Особливості говірки села Старого Давидкова Мукачівського округу. (Дип. роб.). Ужгород, 1952.

М. М. Лизанець. Морфологічні особливості (словозміна) говірки села Родниківка (Ізвор) Свалявського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1956.

П. С. Лисенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. «Лексикографічний бюлетень», вип. VI. Київ, 1958.

П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961.

П. С. Лисенко. Лексичні особливості говірок Ставищанського району Київської обл. «Діалектологічний бюлетень», вип. V, 1955.

П. С. Лисенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966.

М. Г. Лукач. Сільськогосподарська лексика села Вишня Визниця Мукачівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1956.

Г. Ю. Мальованець. Система іменника в говірці села Майдана Міжгірського району Закарпатської області (Дип. роб.). Ужгород, 1960.

Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). «Полесье». М., 1968.

Л. И. Масленникова. Из полесской терминологии транспорта. «Лексика Полесья». М., 1968.

А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.

Г. Г. Немченко. Особливості говірки с. Широкий Луг Тячівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1954.

Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. «Лексика Полесья». М., 1968.

Н. В. Никончук. Полесские названия птиц. «Лексика Полесья». М., 1968.

Онишкевич. Словник бойківського діалекту — *М. Й. Онишкевич.* Словник бойківського діалекту. Львів, 1960 (рукопись).

Онышкевич. Словарь бойковского диалекта — *М. О. Онышкевич.* Словарь бойковского диалекта. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966. (Материалы по букве Б).

Л. С. Паламарчук. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки (Вчорайшенського району Житомирської области). «Лексикографічний бюлетень», вип. VI. Київ, 1958.

О. А. Пертель. Говірка села Середне Ужгородського району Закарпатської обл. (Дип. роб.). Ужгород, 1954.

Пискунов — *Ф. Пискунов.* Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Изд. 2-е. Киев, 1882.

Приймак. До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області — *І. І. Приймак.* До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області (Матеріали до словника українських говорів). Нова Каховка, 1957.

М. В. Решко. Говірка села Ключарки Мукачівського району (Дип. роб.). Ужгород, 1951.

И. Свенцицкий. Опыт сравнительного словаря русских говоров (Галицко-бойковский говор). Ж. Ст., год десятый, вып. I—II. СПб., 1900.

С. М. Семан. Особливості говірки села Коритняни. (Дип. роб.). Ужгород, 1954.

М. Ю. Сливка. Говірка с. Медведівці Мукачівського району Закарпатської області. (Дип. роб.). Ужгород, 1956.

А. С. Соколовская. Полесские названия одежды и обуви. «Лексика Полесья». М., 1968.

І. А. Софілканич. Особливості говірки с. Лецовиця Мукачівського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1954.

Тимченко — *Е. Тимченко.* Історичний словник українського язика, т. I. А—Ж. Київ, 1930.

М. М. Тівадар. Система іменника в говірці села Руське Поле Тячівського району Закарпатської області. (Дип. роб.). Ужгород, 1957.

М. Й. Туряниця. Сільськогосподарська лексика говірки с. Вел. Раковець Іршавського району Закарпатської області. (Дип. роб.). Ужгород, 1959.
П. І. Феденець. Особливості говірки села Малий Раковець Іршавського округу. (Дип. роб.). Ужгород, 1952.
П. П. Чучка. Українські говірки околиці Ужгорода (Фонетика і морфологія). (Канд. дисс. рукопись). Ужгород, 1958.
Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.
І. М. Шляхта. Морфологічні особливості говірки села Ярок Ужгородського району. (Дип. роб.). Ужгород, 1956.

Белорусский язык

Атл. блр. м. — «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». [I :] Уступныя артыкулы, даведачныя матэрыялы і каментарыі да карт. [II:] Карты. Пад рэд. Р. І. Аванесава, К. К. Крапівы і Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963.
Байкоў—Некраш. — *М. Байкоў* і *С. Некрашэвіч.* Беларуска-расійскі слоўнік. Менск, 1925.
Блр.-русск. — Белорусско-русский словарь. Под ред. К. К. Крапивы. М., 1962.
Булгак. Пинчуки — *Д. Г. Булгаковский.* Пинчуки. Этнографический сборник. «Записки РГО», т. 13, вып. 3. СПб., 1890 (Словарь к песням, загадкам и пословицам).
Бялькевіч Магіл. — *І. К. Бялькевіч.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. Мінск, 1970.
Владимиров, Скорина — *П. В. Владимиров.* Доктор Франциск Скорина. СПб., 1888.
Гарэцкі — *М. Гарэцкі.* Беларуска-расійскі слоўнічак, выд. 3. Менск, 1925.
Горбач. — *Н. Горбачевский.* Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильна, 1874.
Довнар.-Зап. Блр. Полесье — *М. Довнар-Запольский.* Белорусское Полесье. Сборник этнографических материалов. Песни Пинчуков. Киев, 1895.
Карский, Белор. — *Е. Ф. Карский.* Белоруссы. Кн. I. Вильна, 1904; т. II, вып. 1. Варшава, 1908; т. II, вып. 2. Варшава, 1911; т. II, вып. 3. Варшава, 1912; т. III, вып. 1. М., 1916; т. III, вып. 2. Пг., 1921; т. III, вып. 3. Пг., 1922.
Карский, Труды — *Е. Ф. Карский.* Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962.
Касьпяровіч — *М. І. Касьпяровіч.* Віцебскі краёвы слоўнік (матер'ялы). Под рэд. М. Я. Байкова й праф. Б. І. Эпімаха-Шыпілы. Віцебск, 1927.
Ластоўскі — *В. Ластоўскі.* Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924.
Мат. — «Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы». Пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960.
Новицкий — *И. П. Новицкий.* Справочный словарь юридических терминов древнего актового языка юго-западной России. Киев, 1871 (=«Университетские Известия»).
Носов. — *И. И. Носович.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
Носов. Доп. — *И. И. Носович.* Дополнение к Белорусскому словарю. СПб., 1881 (=Сб. ОРЯС, т. XXI, № 6).
Носович. Сборник белорусских пословиц — Сборник белорусских пословиц, составленный И. И. Носовичем. — Сб. ОРЯС, т. XII, № 2. СПб., 1874.
Pietkiewicz, Rzecz. — *Cz. Pietkiewicz.* Polesie Rzeczyckie. Materiały etnograficzne. Część I. Kultura materialna. Kraków, 1928 (=«Prace Komisji etnograficznej PAU», N 7).
Полевой, Новозыбк. — *А. Полевой.* О языке населения Новозыбковского уезда Гомельской губернии. Менск, 1926.
Расторгуев, Северск.-блр. — *П. А. Расторгуев.* Северско-белорусский говор. Исследования в области диалектологии и истории белорусских говоров. Л., 1927.

Романов — *Е. Р. Романов.* Белорусский сборник, т. I. Вып. 1 и 2. Киев, 1886; вып. 3. Витебск, 1887; вып. 4. Витебск, 1891; вып. 8—9. Вильна, 1912.
Русско-белорусский словарь под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки. М., 1953.
Сержпутовский, Чудина — *А. К. Сержпутовский.* Грамматический очерк белорусского наречия дер. Чудина, Слуцкого уезда, Минской губернии. — Сб. ОРЯС, т. LXXIX, № 1. СПб., 1911.
Stang, Westruss. Kanzleispr. — *Chr. S. Stang*, Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935.
Stang, Urk. Polozk — *Chr. S. Stang.* Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.
Сцяшковіч, Грод. — *Т. Ф. Сцяшковіч.* Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.
Feder.(owski) I, II, III — *M. Federowski.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej. Kraków, t. I, 1897; t. II, 1902; t. III, 1903.
Хрэст. — «Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы», I—II. Мінск, 1961.
Шатэрнік — *М. В. Шатэрнік* Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.
Юрчанка, Мсцісл. — *Г. Юрчанка.* Дыялектны слоўнік (з гаворак Мсціслаўшчыны). Мінск, 1966.
Янкоўскі I — *Ф. Янкоўскі.* Дыялектны слоўнік, I. Мінск, 1959.
Янкоўскі II — *Ф. Янкоўскі.* Дыялектны слоўнік, II. Мінск, 1960.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев I — *В. И. Абаев.* Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I (А—К). М.—Л., 1958.
AfslPh — Archiv für slavische Philologie. Berlin u. Leipzig.
AGI — Archivio glottologico italiano. Torino—Firenze.
AION — Annali del Istituto orientale di Napoli. [Sezione slava, sezione linguistica]. Napoli.
AJPh — American Journal of Philology. Philadelphia.
Arumaa. Urslav. Gramm. — *P. Arumaa.* Urslavische Grammatik. Bd. I. Heidelberg, 1964.
AUC — Acta universitatis Carolinae. Praha.
BB — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgeg. von A. Bezzenberger. Göttingen.
Беларуская лексікалогія і этымалогія (Праграма і тэзісы дакладаў міжрэспубліканскай канферэнцыі на беларускай лексікалогіі і этымалогіі, 19—23 лютага 1968 г.). Мінск, 1968.
Э. Бенвенист. Очерки по осетинскому языку. М., 1965.
Berneker — *E. Berneker.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.
Bezlaj. Eseji o sloven. jez. — *F. Bezlaj.* Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Bezlaj. Etim. slovar. рукоп. — *F. Bezlaj.* Etimološki slovar slovenskega jezika, рукоп., Любляна.
Bezlaj. Etim. slovar. Poskusni zvezek. — *F. Bezlaj.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek. Ljubljana, 1963.
F. Bezlaj. Novejše zanimivosti iz slovenske leksike. IV Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1968. Рукопись.
F. Bezlaj. Slovenska vodna imena, I—II. Ljubljana, 1956—1961.
F. Bezlaj. Slovenščina v krogu slovanskih jezikov. Доклад на семинаре словенского языка, литературы и культуры. Любляна, 1967. Рукоп.
F. Bezlaj. Zajednička problematika slovenske i čakavske leksike. Доклад на Семинаре сербохорватского языка в Загребе. 1967. Рукопись.
Birnbaum. Indo-European nominal formations submerged in Slavic — *H. Birnbaum.* Indo-European nominal formations submerged in Slavic. «The Slavic

Word. Proceedings of the International Slavistic Colloquium at UCLA. September 11—16, 1970». Mouton. The Hague. Paris, 1972.
BNF — Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg.
H. Borek. Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem -ьn-. Wrocław, 1968.
BPTJ — Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Kraków.
Brückner — *A. Brückner.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Wyd. 2. Kraków, 1957.
Brugmann KVGr. — *K. Brugmann.* Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.
BSL — Bulletin de la Société de linguistique de Paris.
А. Будилович. Первобытные славяне — *А. Будилович.* Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян, т. 1, 2. Киев, 1878, 1879.
K. Būga. Rinktiniai raštai. Vilnius.
А. А. Бурячок. Назви спорідненості і свояцтва в українській мові. Київ, 1961.
M. Camaj. Albanische Wortbildung. Wiesbaden, 1966.
Canadian Slavonic Papers.
ČJKL — Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino. Ljubljana.
ČMF — Časopis pro moderní filologii. Praha.
Dabartinės lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1954.
D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.
Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.
Ernout—Meillet[3] — *A. Ernout, A. Meillet.* Dictionnaire étymologique de la langue latine, т. I—II, 3 éd. Paris, 1951.
Этимологические исследования по русскому языку. М.
Этимология. М.
Etnolog. Glasilo Etnografskega muzeja v Ljubljani.
Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo. Brno, 1966.
Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов. София, 1957.
Фасмер — *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, т. I. М., 1964; т. II — 1967; т. III — 1971; т. IV — 1973.
Feist — *S. Feist.* Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
Festschrift für M. Woltner. Heidelberg, 1967.
Fick[3] — Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, 3 Aufl. Göttingen, 1874.
Filologija — Filologija za hrvatsko filološko društvo. Zagreb.
Filološki pregled. Beograd.
Fraenkel — *E. Fraenkel.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg—Göttingen, 1955
P. Friedrich. Proto-Indo-European trees. «Indo-European and Indo-Europeans. Papers presented at the University of Pennsylvania», ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970.
Frisk — *Hj. Frisk.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954 и сл.
Георгиев БЕР. — *В. И. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимов, Ст. Илчев.* Български етимологичен речник. София, 1962 и сл.
Георгиев. Исследования — *В. И. Георгиев.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
Georgiev. La toponymie ancienne — *V. Georgiev.* La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne. Sofia, 1961.
В. И. Георгиев. Вокалната система в развоя на славянските езици. София, 1964.
Vl. Georgiev. Vorgriechische Sprachwissenschaft, I—II. Sofia, 1941—1945.
Glasnik — Glasnik muzejskega društva za Slovenijo. Ljubljana.

Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. Göttingen.
Godišnjak. Balkanološki institut. Sarajevo.
Gołąb. The Grammar of Slavic Caus. — *Z. Gołąb*. The Grammar of Slavic Causatives (=«American contributions to the Sixth International congress of Slavists»). Prague, 1968, Preprint.
O. Haas. Das frühitalische Element. Versuch über die Sprache der ersten Indogermanen Italiens. Wien, 1960.
G. Herne. Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala, 1954.
Hofmann — *J. B. Hofmann*. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. München, 1950.
Holthausen. Vgl. u. etym. Wb. des Awn. — *F. Holthausen*. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch des Altwestnordischen, Altnorwegisch-isländischen. Göttingen, 1948.
Holub-Kopečný — *J. Holub*, *F. Kopečný*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
J. Hubschmid. Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen. «Vox Romanica» 14 (1954/1955).
J. Hubschmid. Schläuche und Fässer. Bern, 1955.
ИАН ОЛЯ — Известия Академии Наук Отделения литературы и языка. М.
IF — Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. Strassburg—Berlin.
IJSLP — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics
Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб. — Пг. 1896—1927.
A. V. Isačenko. Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok. Bratislava, 1943.
В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965.
В. В. Иванов, *В. Н. Топоров*. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
Ivšićev zbornik. Zagreb, 1963.
Изв. ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1852—1863.
Jazykovedné štúdie. 11. Jónov sborník. Bratislava, 1971.
ЈФ — Јужнословенски филолог. Београд.
Jis — Jezik in slovstvo. Ljubljana.
JP — Język Polski. Kraków.
V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. «Annales Academiae Scientiarum Fennicae», Ser. B, t. 32. Helsinki, 1934.
Z. Klemensiewicz, *T. Lehr-Spławiński*, *S. Urbańczyk*. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
Kluge[15] — *F. Kluge*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 15. neubearb. Aufl. von A. Götze. Berlin, 1951.
Knežević. Die Turzismen. — *A. Knežević*. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, 1962.
Kratylos. Kritisches Berichts-und Rezensionsorgan für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Wiesbaden.
Krok.
I. Kuryłowicz. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956.
KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn. Berlin—Göttingen, 1852 и след.
Language. Journal of the Linguistic Society of America. Baltimore.
I. Leder. Russische Fischnamen. Wiesbaden, 1968.
Лексикологический сборник. М., 1957 и сл.
Letopis Akademije znanosti in umetnosti v Ljubljani.
LF — Listy filologické. Praha.
Linguistica. Ljubljana.

LP — Lingua Posnaniensis. Poznań.
LUÅrs — Lunds Universitets Årsskrift.
А. С. Львов. Очерки — *А. С. Львов.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
Machek — *V. Machek.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Machek. Jména rostlin — *V. Machek.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha, 1954.
Материалы Украинского этимологического словаря под ред. А. С. Мельничука. Рукопись.
Mayrhofer — *M. Mayrhofer.* Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der Altindischen. Heidelberg, 1953.
А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951.
О. С. Мельничук. Розвиток структури слов'янського речення. Київ, 1966.
В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967.
W. Merlingen. Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlichvorhistorischen Grundlagen. Wien, 1955.
Mikkola. Urslav. Gramm. — *J. J. Mikkola.* Urslavische Grammatik. 1. Teil. 1913, 2. Teil. 1942, 3. Teil, 1950, Heidelberg.
Miklosich — *F. Miklosich.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
Miklosich. Vgl. Gr. — *F. Miklosich.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. II, III. Wien, 1875, 1876.
MJ — Македонски јазик. Скопие.
Младенов ЕПР — *С. Младенов.* Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
M. Monier-Williams. A Sanskr.-Engl. dictionary. — *M. Monier-Williams.* A dictionary English and Sanskrit. Reprinted by photoprocess from the edition of 1851. Published by W. H. Allen, London. Delhi—Varanasi—Patna, 1956.
Moszyński. Pierwotny zasiąg — *K. Moszyński.* Pierwotny zasiąg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1957.
Мовознавство, Київ.
MPKJ — Materiały i Prace Komisji językowej Akademii umiejętności w Krakowie. Kraków.
MSL — Mémoires de la Société de linguistique de Paris.
Mülenb.—Endz. — *K. Mülenbach.* Latviešu valodas vārdnīca, red. J. Endzelīns. Rīgā, 1923 и след.
НЈ — Наш језик. Београд.
NŘ — Naše řeč. Praha.
Oxford Slavonic papers.
Ю. В. Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.
Paideia. Rivista letteraria di informazione bibliografica. Milano—Genova—Brescia.
PBB — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Begründ. von W. Braune. Tübingen—Halle (Saale).
P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Bd. 2. Uppsala—Leipzig, 1912.
H. Petersson. Arische und armenische Studien. Lund—Leipzig, 1920.
PF — Prace Filologiczne. Warszawa.
PJ — Poradnik językowy. Warszawa.
PKJ — Prace Komisji językowej Polskiej Akademii umiejętności. Kraków.
Pokorny — *J. Pokorny.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.
А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957.
Popović. Geschichte der serbokr. Spr. — *I. Popović.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.

Преобр. — *А. Преображенский.* Этимологический словарь русского языка, т. I—II. М., 1910—1914; окончание — «Труды ИРЯ», т. I. М., 1949.

Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists. Cambridge, Mass., 1962 (1964).

Rad (JAZU) — Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb.

Radovi zavoda za slavensku filologiju. Sveučilište u Zagrebu, filozofski fakultet. Zagreb.

RÉS — Revue des Études slaves. Paris.

РФВ — Русский филологический вестник. Варшава.

Рідна мова. Науково-популярний місячник, присвячений вивченю української мови. Warszawa.

RKJWTN — Rozprawy Komisji językowej. Wrocławskie towarzystwo naukowe. Wrocław.

RO — Rocznik Orientalistyczny. Kraków.

Rudnyćkyj — *J. B. Rudnyćkyj.* An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. Parts 1—5. Winnipeg, 1962—1966.

RS — Rocznik Slawistyczny. Wrocław—Kraków—Warszawa.

Русская речь. М.

A. Sabaliauskas. Baltų kalbų naminių gyvulių pavadinimai (jų kilmė ir santykis su atitinkamais slavų kalbų pavadinimais) «Baltų ir slavų kalbų ryšiai». Vilnius, 1968.

Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch — *L. Sadnik, R. Aitzetmüller.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. — *L. Sadnik, R. Aitzetmüller.* Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Lieferung 1—6. Wiesbaden, 1963—1973.

SaER — The Slavonic and Easteuropean Review. London.

SaPL — Studie a práce linguistické k šedesátým narozeninám ak. B. Havránka. Praha, 1954.

SaS — Slovo a slovesnost. Praha.

Сб. в честь С. Б. Бернштейна. — Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна. М., 1971.

Сб. в честь Эндзелина. — Сборник статей, посвященный акад. профессору доктору Яну Эндзелину в связи с 85-летием со дня рождения и 65-летием научной деятельности. Рига, 1959.

Сб. к 70-летию В. И. Борковского. — Проблемы истории и диалектологии славянских языков. (Сб. статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского). М., 1971.

Сб. НУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София.

Сб. ОРЯС — Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., Пг.

Scando-Slavica, Göteborg.

Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963.

Skok. Etim. rječn. — *P. Skok.* Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. Institut jezika Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1971—.

Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha.

Slavica. Debrecen.

Славянска филология, т. III. София, 1963.

Славянское языкознание (V Международный съезд славистов). М., 1963.

The Slavonic Review. London.

Sławski — *F. Sławski.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952—.

Slovenski etnograf. Ljubljana.

Slovenski jezik. Ljubljana.

Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny. Kraków, 1961.

Slov. reč. — Slovenská reč. Bratislava.

Slsl — Slavica slovaca. Bratislava.

SO — Slavia Occidentalis. Poznań.

SOr — Slavia Orientalis. Warszawa.
F. Specht. Ursprung — *F. Specht.* Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944.
SPFFBU — Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university. Brno.
Die Sprache. Zeitschrift für Sprachwissenschaft. Wien—Köln—Wiesbaden.
SR — Slavistična revija. Ljubljana.
Stang. Vgl. Gr. — *Chr. S. Stang.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsö, 1966.
Studia in honorem T. Lehr-Spławiński. 1963.
Studia linguistica. Lund—Copenhague.
Studia linguistica baltico-slavica C. O. Falk. . . oblata. Lundae, 1966/1968.
Studia Slavica. Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa.
Studi baltici. Roma.
Shevelov. A prehistory of Slavic. — A prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic by George Y. Shevelov. Heidelberg, 1964.
J. Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889.
Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
T. Torbiörnsson. Die gemeinslavische Liquidametathese. Uppsala, 1901.
Trautmann BSW — *R. Trautmann.* Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.
Трубачев. Дом. жив. — *О. Н. Трубачев.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
Трубачев. Ремесленная терминология — *О. Н. Трубачев.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
Трубачев. Слав. терм. родства — *О. Н. Трубачев.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
UAJb — Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden.
УЗЛГПИ — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Л.
I. Vahros. Grossruss. Sauna. — *I. Vahros.* Zur Geschichte und Folklore der grossrussischen Sauna (=«Folklore Fellows Communications», vol. LXXXII, № 197). Helsinki, 1966.
Vaillant. Gramm. comparée. — *A. Vaillant.* Grammaire comparée des langues slaves, т. 1. Paris—Lyon, 1950; т. 2, 1954—1958.
Walde² — *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910.
Walde-Hofm. — *A. Walde.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. von *J. B. Hofmann.* Heidelberg, 1938.
Ж. Ж. Варбот. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.
M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941.
Vasmer — *M. Vasmer.* Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Heidelberg, 1953—1958.
WdS — Die Welt der Slaven. Wiesbaden.
WienslJb — Wiener slavistisches Jahrbuch.
A. J. Van Windekens. Contributions a l'étude de l'onomastique pélasgique. Louvain, 1954.
A. J. Van Windekens. Études pélasgiques. Louvain, 1960.
A. J. Van Windekens. Le pélasgique. Essai sur une langue indo-européenne préhellénique. Louvain, 1952.
ВЯ — Вопросы языкознания. М.
Vondrák Vgl. Slav. Gramm. — *W. Vondrak.* Vergleichende slavische Grammatik, Bd. I—II. Göttingen, 1906—1908.
Вопросы филологии. К 70-летию И. А. Василенко. М., 1969.

Word. Journal of the Linguistic Circle of New York. New York.
WuS — Wörter und Sachen. Heidelberg.
Základní všeslovanská slovní zásoba. Ústav jazyků a literatur ČSAV. Etymologické pracoviště v Brně. Brno, 1964.
Zbornik filozofske fakultete. Ljubljana.
Зборник за филологиjу и лингвистику. Нови Сад.
ZfceltPh — Zeitschrift für celtische Philologie. Halle—Tübingen.
ВСЯ — Вопросы славянского языкознания. М.
ZfS — Zeitschrift für Slawistik. Berlin.
ZfslPh — Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig—Heidelberg.
ЗНТШ — Записки Наукового товариства імени Шевченка, у Львові.
J. Zubatý. Studie a články. Sv. 1—2. Praha, 1945—1954.
Živa antika. Skoplje.
Ж Ст. — Живая Старина. СПб.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

авест. авестийский
алб. албанский
англ. английский
англос. англосаксонский
араб. арабский
аргосск. аргосский
арм. армянский
арх. архангельский
астрах. астраханский
атт. аттический
бав. баварский
балт. балтийский
баск. баскский
беломор. беломорский
блр. белорусский
болг. болгарский
брет. бретонский
валашск. валашский
великол. великолукский
венг. венгерский
венет. венетский
в.-луж. верхнелужицкий
влад. владимирский
волог. вологодский
вост.-слав. восточнославянский
вят. вятский
галло-роман. галло-романский
галльск. галльский
герм. германский
гомер. гомеровский
гот. готский
греч. греческий
гуцул. гуцульский
гэльск. гэльский
дат. датский
догреч. догреческий
донск. донской
дор. дорийский
дослав. дославянский
др.-англ. древнеанглийский
др.-бав. древнебаварский
др.-болг. древнеболгарский
др.-в.-нем. древневерхненемецкий
др.-евр. древнееврейский
др.-инд. древнеиндийский
др.-ирл. древнеирландский
др.-исл. древнеисландский
др.-кимр. древнекимрский
др.-лат. древнелатинский
др.-перс. древнеперсидский
др.-прусск. древнепрусский
др.-русск. древнерусский
др.-сакс. древнесаксонский
др.-серб. древнесербский
др.-словен. древнесловенский
др.-тюрк. древнетюркский
енис. енисейский
жем. жемайтский
зап.-герм. западногерманский
зап.-европ. западноевропейский
зап.-слав. западнославянский
зап.-укр. западноукраинский
зап.-фин. западнофинский
и.-е. индоевропейский
иллир. иллирийский
индо-ир. индоиранский
ион. ионический
ир. иранский
ирл. ирландский
исл. исландский
исп. испанский
ит. итальянский
итал. италийский
каз. казанский
кайк. кайкавский
калуж. калужский
кашуб.-словин. кашубско-словинский

кельт.	кельтский
кимр.	кимрский
кинеш.	кинешемский
корн.	корнуэльский
костр.	костромской
крым.-гот.	крымско-готский
куйб.	куйбышевский
курд.	курдский
курск.	курский
лат.	латинский
ленингр.	ленинградский
ливск.	ливский
лид.	лидийский
лик.	ликийский
лит.	литовский
лтш.	латышский
макед.	македонский
мессап.	мессапский
монг.	монгольский
мор(ав).	моравский
нем.	немецкий
нидерл.	нидерландский
нижегор.	нижегородский
нижне-донск.	нижнедонской
н.-луж.	нижнелужицкий
н.-нем.	нижненемецкий
новг.	новгородский
н.-перс.	новоперсидский
норв.	норвежский
олон.	олонецкий
орл.	орловский
осет.	осетинский
оск.	оскский
осташк.	осташковский
памир.	памирский
пеласг.	пеласгский
пенз.	пензенский
перм.	пермский
перс.	персидский
печорск.	печорский
полаб.	полабский
польск.	польский
прагерм.	прагерманский
праслав.	праславянский
пск.	псковский
роман.	романский
рум.	румынский
русск.	русский
русск.-цслав.	русско-церковно-славянский
ряз.	рязанский
сак.	сакский
санскр.	санскритский
свердл.	свердловский
с.-в.-р.	северновеликорусский
сев.-ит.	северноитальянский
сев.-слав.	северославянский
сербохорв.	сербохорватский
сербск.-цслав.	сербско-церковно-славянский
скиф.	скифский
слав.	славянский
слвц.	словацкий
словен.	словенский
словин.	словинский
смол.	смоленский
согд.	согдийский
ср.-в.-нем.	средневерхненемецкий
ср.-греч.	среднегреческий
ср.-ирл.	среднеирландский
ср.-лат.	среднелатинский
ср.-нидерл.	средненидерландский
ср.-н.-нем.	средненижненемецкий
ср.-перс.	среднеперсидский
ст.-блр.	старобелорусский
ст.-лит.	старолитовский
ст.-польск.	старопольский
ст.-слав.	старославянский
ст.-укр.	староукраинский
ст.-чеш.	старочешский
тадж.	таджикский
талыш.	талышский
тамб.	тамбовский
твер(ск.).	тверской
том.	томский
тохар.	тохарский
тул.	тульский
тур.	турецкий
тюринг.	тюрингский
тюрк.	тюркский
укр.	украинский
умбр.	умбрский
урал.	уральский
фрак.	фракийский
франц.	французский
фриульск.	фриульский
хетт.	хеттский
холмогорск.	холмогорский
хорв.	хорватский
цслав.	церковнославянский
чак.	чакавский
черногорск.	черногорский
чеш.	чешский
шв.	шведский
этрусск.	этрусский
ю.-в.-р.	южновеликорусский
ю.-слав.	южнославянский
ю.-франц.	южнофранцузский
яросл.	ярославский

А

***а**, союз: ст.-слав. а δέ, καί, δή, 'а, и, же' (SJS), болг. *а* 'а, но' (БТР), макед. *а* 'а, но; как только; чтобы' (И-С), сербохорв. *а* 'но, а, и' (в эпических песнях часто лишено конкретного значения, см. Караџић, s. v.), словен. *а* 'но, а, и' (Plet. I, 1), чеш. *а* 'и, а, но', диал. моравск. *ja*, служ. слово, начинающее ответ, а также вводящее умеренный запрет; в песнях — как зачин, лишенный конкретного значения (Bartoš Slov. 125), слвц. *а* 'и' (SSJ I, 1—2), в.-луж. *а* 'и' (Pfuhl 1), н.-луж. *а* 'а' (Muka Sł. I, 1), польск. *а* 'а, и' (Dorosz. I, 1), словин. *а* 'и, а, но' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 1), др.-русск. *а* 'и, а, же' (Срезневский I, 2, 3), русск. *а*, противит., сопоставит. и присоединит. союз, укр. *а* 'а, же, но, напротив; да (союз)' (Гринченко I, 1), блр. *а* 'а, но'.

Как противит., так и присоединит. функции праслав. союза **а* представлены практически на всей слав. территории. Вместе с тем значительную древность следует признать, вероятно, за случаями отсутствия конкретного значения (см. выше сербохорв., моравск.), которые примыкают к присоединит. функции.

Союз **а* обычно объясняют, аналогично некоторым другим союзам (напр. **i*), из падежной формы местоименной основы и.-е. **e-/o-*, причем реконструируется праслав. **а* < и.-е. **ēd/*ōd*, абл. ед. ч. Ср. прежде всего др.-инд. *ā́t* 'затем, потом; также, и' (абл. ед. ч. от мест. *a-*), авест. *āaṯ* 'затем, потом; и, но'. См. Miklosich 1; Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 78; J. Zubatý BB XVIII, 243; Berneker I, 22; А. Мейе. Общеслав. язык 389; Brückner, 1; Sławski I, 23; Фасмер I, 55; Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch, 211; Pokorny I, 284; Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 1—2; Bednarczuk BPTJ XIX, 104 и след.; он же «Studia linguistica in honorem T. Lehr-Spławiński» 61—62; «Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny», 2; A. Bajec SR V—VII, 1954, 195.

С некоторыми отличиями — из местоименной основы *i̯o-* (откуда *ja* > *а* в условиях сандхи) — объясняет союз **а* Маретич: «Отсюда видно, что правильной формой названного союза является *ja*, которое действительно имеется в болгарском и сербохорватском языке» (T. Maretić «Rad» LXXXVI, 1887, 84). Здесь встает попутно проблема фонетической формы, причем одни ученые отделяют вообще болг. *я* 'но', 'или', сербохорв. *ja* 'и; или', видя в них заимствование из тур. (Berneker, там же; Младенов 701), другие усматривают в части последних вторичный протетический *j-*, см. Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb., там же. При решении во-

проса следует не упускать из виду чеш. диал. (моравск.) *ja* (см. выше), относительно которого было бы трудно предполагать тур. влияние.

Большинство авторов, занимавшихся происхождением праслав. **a*, указывали на его родство с лит. *õ*, см. еще Meillet MSL 14, 1907, 387; Fraenkel I, 514—515. Вполне возможно, впрочем, что лит. *õ*, значение которого точно соответствует значению русск., блр. *а*, и которое, с другой стороны, не имеет близких соответствий в других балт. языках, само заимствовано из слав., на что и указывали Скарджюс (у Френкеля, там же), Садник-Айцетмюллер, там же. Изолированному положению лит. *õ* в лит. словаре (исключение: производная форма *ogi*, возможно, не без влияния лит. *ẽgi*) противостоит редкая активность слав. **a*, см. ниже **a bo*, **a by*, **a če*, **a ono*, **a le*, **a li*, **a ni*, **a si*, **a ti*, **a to*, **a že*. Ни одно из этих сочетаний-сложений слав. **a* практически не имеет соответствий в лит. языке. Наконец, лит. *õ* фонетически вообще не может продолжать и.-е. **ōd*, реконструируемое для праслав. **a*, почему целесообразно пока исключать лит. *õ* из числа форм, исконнородственных слав. слову. Впрочем, вопрос о праформе слав. **a* не может считаться окончательно ясным. См. еще специально **a če*. Некоторые ученые, сознавая, по-видимому, определенную проблематичность реконструкции **ōd* в данном случае, предпочитают сближать праслав. **a* с алб. *o* 'или', греч. *ἤ* то же, др.-инд. *ā* 'также; близ, к', см. S. E. Mann, «Language» 26, 1950, 380; Machek 15 (последний отождествляет слав. *a* присоединительное и др.-инд. *ā* в близкой функции, против см. специально Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 2).

Серьезного внимания заслуживает теория об участии в образовании данного союза эмфатических частиц или междометий, см. W. Prellwitz. Hervorhebende partikeln in der indogermanischen Wortbildung. — «Glotta» 19, 1931, 95; еще более определенно — Holub-Kopečný 59, где все случаи слав. *а* характеризуются как «первоначально вероятно междометие». См. еще J. Kurz «Slavia» XXIV, 144; J. Bauer. Vývoj českého souvětí, 1960, 34, 125 (цит. по: «Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny» 2).

***a bo:** слвц. *abo* (народн., поэт.) 'или' (SSJ I, 3), в.-луж. *abo* 'или' (Pfuhl 1), н.-луж. *abo* 'или; до' (Muka Sł. I, 1), ст.-польск. *abo* 'или; ли; ибо, так как' (Sł. stpol. I, 8—9), словин. *ãbə* 'или' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 1), др.-русск. *або* 'или' (XIV в., Срезневский I, 3; Картотека СДР: *або*: тогда *або* и отроци въ сѧ пришьдъше всѧ имъ по малꙋ повѣдаша. Син. Пат. XI в., л. 146), русск. диал. *áбó* 'или, либо; когда бы, если бы; иначе; разве, или' (Филин 1, 190), укр. *або́* 'или, либо; разве' (Гринченко I, 2), блр. *або́* 'или' (Байкоў—Некраш. 13).

Сложный союз, словосочетание праслав. **a bo* практически не отразилось в ю.-слав. языках. Его продолжения в вост.-слав. языках нуждаются в комментариях. Примеры русск. диал. *áбó*,

при всей их многочисленности, имеют исключительно западное и южное распространение (см. Филин, там же). Русск.-цслав. пример *або* в новом Словаре древнерусского языка XI—XIV вв. не очень надежен, ср. более вероятное чтение соответствующего места текста: тогда *бо* и отроци въ сѧ пришьдъше вса имъ помалꙋ повѣдаша («Синайский патерик», изд. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967, 327=л. 146). Примеры XIV в. у Срезневского, равно как и укр., блр. *або́* могут быть сочтены ранними проникновениями из польск., ср. ст.-польск. *abo*, постепенно вытесненное более сложным *albo* (см. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, 446). Конструкция **a bo* ограничивается в древности, таким образом, рамками западнославянских языков. Менее вероятным исторически и типологически представляется объяснение формы *abo* из более сложного *a li bo*, выдвигаемое многими исследователями, см. Berneker I, 21; Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 435; Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 3. Дальнейшие этимологические связи см. на **a*, **bo*.

***a by:** ст.-слав. а бы εἰ, εἴγε 'если бы' (SJS), чеш. *aby* 'чтобы', слвц. *aby* 'чтобы' (SSJ I, 5—6), в.-луж. *aby* 'чтобы' (Pfuhl 2), н.-луж. *aby* 'чтобы; если бы, лишь бы; как будто, как бы' (Muka Sł. I, 1), ст.-польск. *aby* 'ut, si, чтобы, если бы' (Sł. stpol. I, 10—14), польск. *aby* 'чтобы, хоть бы, лишь' (Warsz. I, 5), кашуб.-словин. *ъbə* 'чтобы' (Lorentz Pomor. I, 1), др.-русск. *абы* 'чтобы, дабы; если бы, лишь бы' (Срезневский I, 4), русск. обл. *абы́* 'лишь бы, только бы, хоть бы', диал. (арх.) *а́бы* 'ой, ахти, увы' (Филин 1, 192), *абы́* 'лишь бы, только бы' (Миртов. Донской словарь, 1), *а́бы́* 'лишь бы, только бы, хоть бы; чтобы; если бы, если; либо; как бы; то есть' (Филин 1, 195), укр. *аби́* 'дабы, чтобы, лишь бы' (Гринченко I, 1—2), блр. *абы́* 'лишь бы, чтобы только' (Байкоў-Некраш. 16).

Союзное словосочетание **a by*, главным образом со значением цели, а также условия, широко представленное в зап. и вост. слав. языках. Что касается ю.-слав. языков, старославянский пример (Супр.) стоит особняком и тяготеет скорее к соответствующим севернославянским данным. Сочетание **a* (см.) и глагольной формы *by* (см. **byti*), первоначально — аорист 2 и 3 л. ед. ч. (ср. 1 л. ед. ч. в чеш. *abych* 'чтобы я...' и 1 л. мн. ч. в ст.-слав. а быхомъ, Супр.). Предполагать, что *abych* < *at'bych* (см. Machek 15), необязательно. См. Berneker I, 21; Holub-Kopečný, 59, 82 (*aby*, *bych*); Фасмер I, 58; Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 2. Подробно см. О. С. Мельничук. Розвиток структури слов'янського речення (Київ, 1966) 76, 79.

***a če/*a či,** союз: болг. *а че* 'после, и затем' (Геров), словен. *ače* 'ако' (Plet. I, 1), чеш. *ač* 'хотя', также в сложении *ačkoli*, *ačkoliv* то же, слвц. диал. *ači* 'или' (Kálal 7), н.-луж. *ac* 'ли; хотя; как' (Muka Sł. I, 1—2), также в сложении н.-луж. стар. *aškolі*

(Якуб.) 'хотя' (Muka Sł. I, 5), ст.-польск. *acz* 'если; хотя; потому что; что; ли' (Sł. stpol. I, 16—18), польск. стар. *acz* 'хоть; но; несмотря на то, что' (Dorosz. I, 20), также в сложении польск. *aczkolwiek* 'хотя, хоть', др.-русск. *аче* 'если, si', 'хотя, etiamsi' (Срезневский I, 33—34), русск.-цслав. *ѩче* 'сколь, насколько' (Златостр. XII в., Срезневский III, 1675), если последнее — не к **atje* (см. ниже); русск. диал. (ряз.) *ач* 'вот еще, как бы не так, еще что' (Даль[3] I, 80), укр. *ачéй* 'авось' (Укр.-рос. словн. I, 20).

Реконструируемое обычно в форме праслав. **a če* (авторы предпочитают писать **ače*, хотя здесь целесообразно считаться с наличием словосочетания, а не слова) объясняется из сложения союза **a* (см.) и древней энклитики местоименного происхождения **če* (см.). См. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 491—492; Berneker I, 22; Brückner 2; Sławski I, 23; Machek 15; «Słownik prasłowiański, Zeszyt próbny» 2 («Прозрачное сложение *a+če*»); Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 2. Иначе см. Г. А. Ильинский у Трубачева — ВЯ, 1957, № 6, 93.

Прозрачность состава делала, видимо, излишней необходимость восстановления более древней истории. Тем не менее, слав. **a če* имеет аналогии или соответствия в родственном материале других и.-е. языков. Ср. прежде всего лат. *atque*, *adque* 'с другой стороны, более того, однако, как, и' (подробности о лат. слове см. Ernout-Meillet [3], I, 94—95). Сближение праслав. **a če* и лат. *atque / adque*, представляющее собой одновременно тождество минимальных контекстов и включающее этимологическое тождество *če=que*, есть вместе с тем и этимология для праслав. **a* (см.), которое логично отождествить этимологически с лат. *at* 'с другой стороны, а, но'. Ср. пример из Павла Феста, приводимый у Эрну и Мейе, где ярко видно функциональное тождество со слав. *a*, русск. *а* в оборотах типа *один. . ., а другой. . .*: Scipio est bellator, at Marcus Cato orator. Сюда же лат. *ad* 'при, у, к', которое вместе с лат. *at*, а также, по-видимому, праслав. **a* восходит к и.-е. **ad*, предлогу и послелогу с присоединительным значением (см., с отличиями в трактовке, Pokorny I, 3). Обычно считается, что эта и.-е. форма неизвестна слав. языкам. Что касается количества и.-е. гласного, который был скорее всего кратким, то в славянском, вполне вероятно, имело место эмфатическое удлинение **ăd* > **ā*, оправданное в условиях фразы. Любопытно отметить, что сближение слав. *a* и лат. *at*, *et* встречается в литературе (см. например Holub-Kopečný 59), но не привлекло достаточного внимания исследователей. Ср. еще др.-инд. *áccha* 'к, при' (< *at ca*). См. О. Н. Трубачев «Вопросы филологии. К 70-летию И. А. Василенко» (М., 1969) 334.

***a jьno?/*a ono:** болг. *анó* 'потому что' (Геров), сербохорв. стар. (союз) *ano*, с XIV в. (RJA I, 91: «savez *a* s pronominom u srednjem rodu *ono* sastavljen. . . (âno). — Dolazi od XIV v. . . ., između

rječnika samo u Daničićevu. . .»), диал. *анô* 'да, но' (Елез. I), словен. *àn* 'но, кроме' (Plet. I, 4), *àno* 'и, но, а', союз (Plet. 5), *ano*, *onoj* 'давно', наречие, *anoboj* 'но, однако' (там же), сюда же *àda* 'теперь' (Plet. 1), ст.-чеш. *an*, ед. ч. м. р., *ana* ж. р., *ano* ср. р. (Gebauer, 11), чеш. *ano* 'да', слвц. *áno* 'да' (SSJ I, 35) диал. *an*, *án* 'тут, там' (Kálal, 8), польск. *ano* 'да, ну да, конечно; итак, вот' (Dorosz. I, 145), др.-русск. *ано*, *анъ* 'а' (Новг. I л., 1215 г., Срезневский I, 23), *анъ* (. . . а чьи судьи на третии не поѣду^т^ или на кого третии помолви^т^ / *анъ* взꙗтого не отдастъ, то правому отнꙗти. — Грам. докончальн. кн. Дм. Ив. с кн. Твер., 1375 г., сп. XV в., рукоп. ЦГАДА. Картотека СДР, русск. стар. диал. *ан*, *áнó*, союз и част., 'так что, даже; а вот; а вместо этого; или, а то' (Даль[3] I, 16, Филин 1, 260), укр. диал. *анó* 'но, только' (Гринченко 1, 7).

Из двух указанных в заглавии статьи реконструкций более вероятна праформа **a ono*, где второй компонент словосочетания **a* (см.)+**ono* — местоимение (см. **onъ*), ср. соответствующее мнение уже у зачинателей Загребского академического словаря (см. выше), подробно см. J. Zubatý LF 36, 113 и след. =Studie a články I, 2, 6; далее — Преобр. I, 1; Machek 18 (там же приводятся польск. *a ono*, *a ino*); Sadnik — Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 4. Специально см. V. M. Du Feu. The conjunctions *ино* and *ано* in old Russian. — «Canadian Slavonic Papers» 5, 128—142 (цит. по: RS XXVI, cz. 2, 1966, 323). Следует также считаться с иным объяснением — из **a po* / *пъ*, см. Berneker I, 22; Фасмер I, 77; A. Bajec SR V—VII, 1954, 195, 196.

***a le**: чеш. *ale* 'но, ну', слвц. *ale* 'но, ну' сюда же противит. союз слвц. *alebo* (SSJ I, 23—24), в.-луж. *ale* 'но, однако' (Pfuhl 2), н.-луж. *ale* 'но, между тем' (Muka Sł. I, 3), польск. *ale* 'но, ну' (Dorosz. I, 77—78), словин. *ālä* 'но' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 4), укр. *алé* 'но, однако, впрочем', 'ну' (Гринченко I, 6), блр. *але* 'но'.

Исключительно сев.-слав. союзное словосочетание **a* (см.)+ +**le* (см.). В свете известного распределения формы (чеш., слвц., в.-луж., н.-луж., польск., словин., укр., блр.) соответствующие укр. и блр. формы вполне могут быть заимствованы из польск. Болг. *алá* 'но' заимств. из греч. *ἀλλά* с тем же значением и к рассматриваемому здесь слав. образованию отношения не имеет, точно так же, как и само греч. слово, восходящее к и.-е. **al̯io-* 'другой'. Таким образом, уверенно можно говорить только о зап.-слав. **a le*, выступающем там, впрочем, достаточно рано, ср. польск. *ale* — с XIV в., см. Sławski I, 24. Далее см. Berneker I, 22, 698; Sadnik — Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 2—3 (оба последних словаря приводят еще болг. *але* 'глядь', но оно, по всей вероятности, сюда не относится, см. Георгиев БЕР I, 9). Будучи новообразованием части слав. диалектов, **a le* лишено соответствий за пределами славянского. Лит. alè заимств. из слав., см. Fraenkel I, 7.

***a li:** ст.-слав. а ли καί, δέ 'разве, но, если' (SJS, Sad.), болг. диал. *алú* 'или' (с. Корница, Благоевградско, дип. раб., Архив Соф. ун-та), 'но, однако' (Геров), 'разве, или' (Геров — Панчев; Стойчев БД II, 123), макед. *али* 'или; разве' (Кон.), сербохорв. *ӑли* 'но; или' (Вук Караџић s. v.; RJA I, 67—74), диал. *ӑли* 'или, ли, разве' (Елез. I), *jӑли* 'или' (Вук Караџић), *ale*, *aleti* 'или; но' (Ка, 387), словен. *àli* 'или, ли; но; конечно' (Plet. I, 3) сюда же *àliboj* 'или, ли' (там же), *aboj* 'или' (Plet. I, 1), сюда же, далее, чеш. *albo* 'или, либо' (Kott. Dod. k Bart. 1), н.-луж. стар. *albo* 'или' (Muka Sł. I, 3), польск. *albo* 'или; разве' (Dorosz. I, 73—74); др.-русск. *али* 'но, же' (Син. Пат., XI в., Срезневский I, 15), *али* 'ли, ужели, или, если, по крайней мере' (Срезневский I, 15—16), русск. обл. *áли* 'или, либо; разве' (Даль³ I, 27; Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ., 82; Картотека Печорского словаря), сюда же *áльбо* 'или, либо' (Филин 1, 244—245) и *áльнó* 'так что; даже' (Филин 1, 246), укр. *альбó* 'или, либо' (Гринченко 1, 6), диал. *ал'бу* 'или' (Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, 240).

Союзное словосочетание **a* (см.)+**li* (см.), отраженное практически во всех слав. языках, в чем состоит его отличие от **a le* (см.), к которому **a li* близко подходит в значении 'но' (сербохорв., др.-русск. частично—словен., см. выше). Ср. еще болг. *албý* 'но' (Геров—Панчев). Энклитическая конструкция **a li bo* вторично произведена в отдельных языках от **a li*. См. Sadnik — Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 3.

***a ni:** словен. *ani* 'ни' (Plet. I, 5), чеш. *ani* 'ни', слвц. *ani* 'ни' (SSJ I, 34), в.-луж. *ani* 'и ни' (Pfuhl 2), польск. *ani* 'ни' (Dorosz. I, 135), укр. *анí* 'ни', блр. *анí* 'ни; даже и не' (Носов. 6).

Словосочетание **a ni* представляет собой усиленное союзом **a* (см.) отрицание **ni* (см.). Конструкция **a ni* носит характер преимущественно западнославянского образования, остальные примеры (словен., укр., блр.) имеет смысл аналогично другим подобным случаям расценивать как маргинальные по отношению к зап.-слав. ареалу. Новообразование, не имеющее соответствий за пределами славянского. Функция сравнения, выступающая у **a ni* в разных языках, вторична. См. Berneker I, 21; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 3; Sławski I, 24; Machek 18; A. Bajec SR V—VII, 1954, 196.

***a si/*a se:** чеш. *asi* 'примерно, возможно', также с уступительными значениями, слвц. *asi* то же (SSJ I, 48—49), сюда же слвц. *azda* 'возможно, может быть' (SSJ I, 58) < **a si da*, диал. *ozda* то же (Buffa. Dlhá Lúka 192), *ažda* (Habovštiak. Orav. 97, 181, 311), далее — словин. *ӑu̯s* 'и' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 9), последнее — фонетически из **as* (*i*), наконец, сюда же, видимо, и русск. просторечн. *ась*, ответ, отклик на обращение.

Несмотря на наличие на польской периферии — в кашубско-словинском — продолжения праслав. *a si*, в само́м польском исконное существование этой конструкции вызывает сомнения. Ср., впрочем, M. Zembaty—Michalakowa JP XLIV, 1964, 161—164 (где говорится о том, что ст.-польск. *asi* 'но' нельзя считать чехизмом). В целом распространение **a si* (чеш., слвц., словин., русск.) позволяет говорить о реликтовом характере конструкции, а не о свежей инновации (ср. Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 4: «. . . da die Zusammenrückung *a si* jüngeren Datums ist . . .»). Относительно происхождения **a si*, особенно — его второго компонента, среди ученых нет единства мнений. Наименее вероятна этимология, согласно которой **a si* — сложение союза **a* (см.) и формы дат. п. ед. ч. энклитического возвратного местоимения **si* (см.) 'себе'. См. Sadnik—Aitzetmüller, там же (где и дальнейшая литература). Функция *si* была бы при этом неясной. Ссылка Садник и Айцетмюллера на усилительную функцию *si* и на соответствующие рассуждения Вайяна (см. Vaillant. Gramm. comparée II, 447) неудачна, поскольку Вайян имеет в виду усилительную функцию si п р и г л а г о л е, ср. болг. *спи си* 'спит себе'. Две другие этимологии *si* в составе словосочетания **a si* — от указательного местоимения **sь* (см.) и от древнего оптатива **si* < и.-е. **sīt* 'да будет' — заслуживают внимательного изучения. Эти этимологии не исключают одна другую, как полагают Садник и Айцетмюллер (там же), решительно отклоняющие мысль об оптативе, выдвигаемую Бернекером, Голубом — Копечным, Махеком и др. (см. ниже). Решение проблемы требует правильной группировки материала. При этом **a si*, лежащее в основе чеш. и слвц. наречий со значением приблизительности, возможности (см. выше), явно содержит во втором компоненте продолжение древнего оптатива. Небезынтересно отметить, что из латинского оптатива *sīt* 'пусть будет' развились на романской почве совершенно аналогичные наречия со значениями возможности, предположительности, ср. франц. *soit* 'возможно, положим'. В славянском выявлено немало следов оптативного **si*: польск. *ktoś*=*ktobądź*; словен. *bodisi*, тавтологическое сочетание, ср. еще свободное *si* в древнесловенских Фрейзингенских памятниках (Bezlaj. Eseji o sloven. jez. 143); ст.-слав. юшѧ 'utinam', ср. др.-лат. *siēt* (Ильинский. Праславянская грамматика, 488). Имеются основания сближать описанное праслав. диал. (чеш.-слвц.) **a si* с лат. *etsī* 'и однако', 'даже если', 'хотя' как соответствующие конструкции, а также как сочетание этимологически родственных компонентов, причем лат. *et*, *at* (*ad*)= =слав. **a*; лат. *sī* условное 'если' (которое трудно отрывать от оптатива лат. *sīt*)=слав. **si*. О лат. словах см. иначе Ernout—Meillet³ I, 361—362; II, 1097—1098; Walde² 707; Walde—Hofm. I, 421.

Для словин. *ȁs* и русск. *ась* 'я здесь' можно реконструировать праслав. **a se*, второй компонент которого представляет собой ср. р. указательного местоимения **sь* 'этот' (см. Фасмер I, 95). И опять вся конструкция, продолжающая условно и.-е. **ad k̂e*, может быть сравнена целиком с лат. *ecce* 'вот, смотри' < **ed ce* (см. о последнем, без упомянутого сближения, Walde—Hofm. I, 390). Определенные трудности разграничения праслав. **a si* и **a se* заставляют рассматривать их вместе. См. из литературы: Berneker I, 21; Holub—Kopečný 61, 331; Machek 19; Sadnik—Aitzetmüller, там же; «Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo», 1—2, 94—96. См. О. Н. Трубачёв «Вопросы филологии. К 70-летию И. А. Василенко», 335—336.

***a ti:** чеш. *ať* союз 'чтобы, дабы, пусть, да', ст.-польск. *ać* 'пусть, давай' (Sł. stpol. I, 20), др.-русск. *ати*, *ать* 'пусть, ut' (Лавр. л. под 1148 г., Срезневский I, 32), *ате* (. . . Тако аже роускии гость биѥтьсѧ оу ризѣ или на гочкомь березе, латине то не надъбѣ. *Ате* промьжю сьбою оурѧдате сѧ. Смол. грам. 1229 г. Картотека СДР).

Союзное словосочетание **a ti*, образованное из союза **a* (см.) и местоименной основы **te-* / **to-* (см. **tъ*) с первоначальной указат. функцией, которая вполне закономерно развила здесь значение побудительное, пермиссивное, ср. развитие близкой модальности у других местоименных основ. Ср. еще др.-русск. *атъ* 'пусть, да, ut' (см. след. статью). Местоименный компонент **ti* можно уверенно сравнивать вслед за Ягичем с лит. пермиссивной частицей *te-* (напр. *tegyvúoja* 'да здравствует'), дейктическая природа которой очевидна, см. Fraenkel II, 1071. Аналогично объясняется слав. *da*, русск. *да* 'чтобы, дабы' — из и.-е. указат. мест. **do-* см. Фасмер I, 480. Подробно см. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 427, 489—490, где бегло упомянут параллелизм с *da*, а кроме того, говорится о связи с другими употреблениями *ti* (союз, энклитика). См. еще Berneker I, 21; Brückner 2; Machek 19. Менее вероятно объяснение из дат. п. ед. ч. (dativus ethicus) от мест. *ty* 'ты' (Фасмер I, 96, с литературой; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 4; A. V. Isačenko «Scando-Slavica» XVI, 1970, 197).

***a to:** болг. *ато́* 'а выходит, а оказывается, что' (Геров), др.-русск. *ато* (. . . и рекоста се оуже Игорѧ есте оубили. *ато* похорониⷲ тѣло ѥго. Лавр. л. 1377 г., л. 106. Картотека СДР), ср. еще др.-русск. *атъ* 'пусть, да, ut' (Пов. вр. л. и др., Срезневский I, 32); русск. диал. *ато́*, *ато́ж* 'а как же, как иначе; да, так' (Даль³ I, 73), укр. *ато́* 'а, но, а не то, а между тем; кроме того, еще' (Гринченко I, 11).

Союзное (или наречное) словосочетание **a to*, образованное из **a* (см.) и формы ср. р. указат. местоимения **to* (см. **tъ*). См. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 4—5. Др.-русск. пример четко обнаруживает целевую, побудительную функцию, тогда

как русск., укр. примеры совершенно самостоятельны семантически и употреблены в противительной функции.

***a že:** сербохорв. стар. *äre* (XV—XVI вв., RJA I, 103), чеш. *až* 'до тех пор, пока', слвц. *až* то же (SSJ I, 58—59), диал. *ež* (Habovštiak. Orav. 48, 298, 305), н.-луж. *až*, *ažo* 'до; что; до тех пор, пока; чтобы' (Muka Sł. I, 5—6), польск. *aż*, стар. *aże* 'даже; вот; до тех пор, пока; как только; так что' (Warsz. I, 76), кашуб.-словин. *ažlə* 'если, ли' (Lorentz Pomor. I, 9), др.-русск. *аже*, *ажь* 'что; если; даже; тем более; ан вот' (Срезневский I, 8—9), русск. обл. *áже*, *аж* 'инда, даже, так что; напротив, между тем; ведь' (Даль[3] I, 16), диал. (ряз.) *áже* 'даже' (Филин 1, 209) (ряз., смол.) *áжó* 'даже, так что' (Филин 1, 213), *аж* 'что, даже' (курск., Доп. к Опыту 1), *áжнó* 'даже, так что; как будто, точно, словно; а ведь, но, однако, между тем как, оказывается; возможно, вероятно; или, неужели' (Филин 1, 211—212), укр. *аж* 'так что даже, даже; до' (Гринченко I, 4—5), блр. *аж* 'а, но вот; даже, что даже; пока даже; и вот; как' (Носов. 3).

Союзное и наречное словосочетание из **a* (см.) и усилительной частицы **že* (см.). См. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 495; Machek 20; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 5. Очень подробно см. «Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo», 3—11. За пределами славянского параллель может быть указана в лит. *õgi* 'ведь, а вот; а ведь' (аналогичное усиление союза *õ* с помощью энклитической частицы, близкой слав. *že*). Обращает на себя внимание близость значений лит. слова и ряда значений вост.-слав. слов, возможно, вызванная контактами этих соседствующих языков. Относительно лит. *õ* см. специально на **a*.

***ablo:** болг. *я́бло* ср. р. 'яблоко' (Геров), словен. *jáblo* ср. р. 'яблоко, яблоня' (Plet. I, 353), чеш. *jablo* 'яблоко' (Kott I, 593), ст.-польск. *jabło* 'яблоко' (Warsz. II, 120), словин. (кашуб.) *jãblө*, *i̯abło* ср. р. 'яблоко' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 374; он же. Pomor. I, 293).

Название яблока **ablo*, представляющее собой *-o-* основу среднего рода, т. е. образование, заметно отличающееся от праслав. **ablъko* (см.); должно, вопреки установившейся практике, трактоваться отдельно от этого последнего. Будучи не новообразованием, а скорее независимым архаизмом (ср. при этом реликтовый характер распространения **ablo*, не имеющего четкого ареала и охватывающего часть западных и часть южных слав. языков), праслав. **ablo*, как и близкая к нему основа на *-o-* м. р. **ablъ* (см.), может быть, по-видимому, прямо увязано с и.-е. **ăblo-*, ср. герм. **apla-* (крым.-гот. *apel*, др.-исл. *epli* ср. р. 'яблоко' *apaldr* 'яблоня'), см. Pokorny I, 1—2 (где слав. *-o-* основы оставлены без упоминания). Подробнее об этимологических связях всей группы слов см. на **ablъko*.

***ablonevъjь/*ablonovъjь:** чеш. *jabloňový* 'яблоневый', слвц. *jabloňový* то же (SSJ I, 637), н.-луж. *jabłońowy* 'яблоневый' (Muka Sł. I,

519), польск. *jabłoniowy*, диал. *jabłonowy* 'яблоневый' (Warsz. II, 121), словин. *jablọ̃ŭ̇ovï* то же (Lorentz Slovinz. Wb. I, 374), др.-русск. *ıаблоновыи* 'сделанный из яблонового дерева' (Срезневский III, 1632), *ıаблоневъ* (1583 г., ДРС), русск. *я́блоневый*, *я́блоновый*, укр. *яблуне́вий* 'свойственный, принадлежащий яблоне' (Гринченко, IV, 534).

Прилагательное регулярного вида, образованное с формантом *-ov-* от названия яблони. Суфф. *-ev-* представляет собой позиционный вариант форманта *-ov-* после основы на *-i-* **ablonь* (см.). Сюда же, по сути, примыкают образования от праслав. **abolnovъjь* (см.), уверенно реконструируемые лишь для ю.-слав. языков.

***ablonica/*abolnica?:** в.-луж. *jabłońca* ж. р. 'яблоня' (Pfuhl 228).

Не исключено, что это слово представляет собой относительно позднее новообразование с суфф. *-ica* на базе более древнего **ablonь* (см.), ср. в.-луж. *jabłoń* 'яблоня'. Мотивы новообразования недостаточно ясны ввиду синонимичности производного слова и производящей основы. Ср. чеш. диал. *jablonice* ж. р. 'яблоневый сад' (Kott I, 594), а также серб. *Jȁblanica*, местное и водное название (RJA IV, 384), где мотивация налицо.

***ablonišče/*abolnišče:** словен. *jablaníšče* ср. р. 'яблоневый сад' (Plet. I, 353), чеш. *jabloniště* ср. р. 'яблоневый сад' (Kott I, 594), в.-луж. *jabłonišćo* ср. р. 'яблоневый сад' (Pfuhl 228).

Производное с суфф. собирательности *-išče* от **ablonь* (см.).

***ablonь:** чеш. *jabloň* ж. р. 'яблоня Malus', слвц. *jabloň* ж. р. то же (SSJ I, 627), в.-луж. *jabłoń* ж. р. 'яблоня' (Pfuhl 228), н.-луж. *jabłoń* ж. р., реже — м. р. (Muka Sł. I, 518—519), полаб. *joblün/joblüňă* ж. р. 'яблоня' (Polański—Sehnert 75), польск. *jabłoń*, диал. *jabłeń*, *jabłonia* 'яблоня' (Warsz. II, 121), словин. *jãblȯ̂un* ж. р. 'яблоня' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 374), др.-русск. *ıаблонь* 'яблоня' (Ио. экз. Шест., Срезневский III, 1632), русск. *я́блонь* ж. р., *я́блоня*, укр. *я́блунь* ж. р., *я́блуня*, *я́блінь* 'яблоня' (Гринченко IV, 534), блр. *я́блыня* 'яблоня'.

Праслав. **ablonь* ж. р. распространено в этой форме в зап. и вост.-слав. языках, при **abolnь* / **abolnъ* в ю.-слав. Основа на *-i-* ж. р. является инновацией, параллель к которой наблюдаем в балт. (зап.) **ābalni* ж. р., откуда др.-прусск. *wobalne* 'яблоня' (см. Trautmann BSW 2), хотя близость эта в остальном касается скорее праслав. **abolnь* (см.), а не анализируемой здесь формы. (К числу дальнейших местных инноваций отдельных слав. языков относится преобразование **ablonь* по *-a*-основам в русск., блр., частично — укр., польск. диал., полаб.; местные поздние преобразования вокализма **ablonь* под влиянием формы названия яблока, откуда блр. *я́блыня* — ср. *я́блык*; укр. *я́блуня* — ср. *я́блуко*, а также польск. диал. *jabłeń* — при польск. *jabłko*, род. п. мн. ч. *jabłek*).

Праслав. *ablonь* представляет собой расширение более древней основы **ablon-*, где сравнение с названием яблока в разных и.-е. языках позволяет выделить суфф. *-on-*. И.-е. **abl-on-* обнаруживает семантику 'яблочный, связанный с яблоками', откуда значение 'яблоня'. Ср. *Abella*, название оскского города в Кампании (Италия), снабженное у Виргилия эпитетом *mālifera* 'обильная яблоками', которое объясняют из **ablonā*. См. Walde—Hofm. I, 3; Ernout—Meillet[3] I, 5; Pokorny I, 1. Иное соотношение корня и суффикса можно указать в и.-е. **abal-n-*, которое реконструируют для ср.-ирл. *aball* ж. р. (**abalnā*) 'яблоня', др.-кимр. *aball* (Pokorny, там же). Так, парность основ праслав. **ablonь*: **abolnь* восходит еще к и.-е. парности **abl-on-*: **abal-n-*, причем взаимоотношения морфем (краткость корня — при полноте суффикса и наоборот) в принципе ясны. Менее вероятно иное объяснение парности ст.-слав. абланъ : русск. *яблонь* — из суффиксального чередования *-an-*: *-on-* (и.-е. *-ōn-*: *-on-*), напр. Meillet MSL 14, 1907, 368. Гипотезы о древнеевропейских, дославянских связях слав. *āblăn-* см. K. Oštir «Etnolog» IV, 1930, 2, где указывается на этрусск. **ăblon-* 'яблоко' в составе имени этрусск. *Au̯lu̯n-iϑ-* 'Pomona'. Праевропейские, доиндоевропейские истоки усматривают здесь и другие ученые, см. Holub—Kopečný 148; Machek 168 (у последнего см. полезное указание на то, что название яблони представляет собой единственный случай, когда название фруктового дерева настолько отличается от названия самих фруктов).

Старую теорию о метатезе **abolnь* > **ablonь* под влиянием **ablo* (Torbiörnsson. Die gemeinslav. Liquidametathese I, 72; Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 481; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 8) лучше, по-видимому, оставить. Точно так же изложенное выше исследование древности вариантов **ablonь*: **abolnь* делает излишним объяснение вост.-слав., чеш., полаб. форм как заимств. из польск. (Berneker I, 23). Далее об этимологии см. на **ablъko*.

***ablonьjь:** чеш. *jabloní* 'яблоневый'.

Прилагательное, произведенное с *j*-овым суффиксом от **ablonь* (см.).

***ablonьje:** чеш. (редк.) *jabloní* ср. р. 'яблони', укр. *яблуння́* ср. р. собир. 'яблони' (Гринченко IV, 534).

Производное с суфф. *-ьje* от праслав. **ablonь* (см.) с четкой функцией собирательности.

***ablonьnъjь/*abolnьnъjь:** словен. *jábolen* 'яблочный' (Plet. I, 353), чеш. (редк.) *jablonný* 'яблоневый', н.-луж. *jabłonny* 'яблоневый' (Muka Sł. I, 519), словин. *jablanı̃* [sic!] 'яблочный, die Äpfel betreffend' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 374), др.-русск. *ꙗблоньный* 'яблоновый' (1579 г., Срезневский III, 271), русск. *я́блонный*.

Оговорки требует словен. *jábolen*, которое может продолжать также особое праслав. **ablьnъ*, прилагательное на *-ьnъ* от назва-

ния яблока без расширителя *-k-* (ср. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 7), правда, форма без *-k-*, от которой логично производить словен. *jábolen* 'яблочный', является как раз названием яблони (словен. *jábel*, см. след.), тогда как яблоко обозначается в словенском стандартной формой с расширением — *jábolko*. Далее, проблематично словин. *jablanï*, которое может представлять собой производное с суфф. *-ěnъ/-ěnьnъjь* от словинского же *jãblø* 'яблоко' (см. **ablo*).

В остальном **ablonьnъjь* представляет собой прилагательное с суфф. *-(ь)nъjь* от праслав. **ablonь* (см.). Возможную древность *n*-ового адъективного производного от этой основы может показывать такой любопытный параллелизм в италийском (романском) словообразовании как лат. *abellānus*, *abellāna*, эпитет к *nux* 'орех', откуда ит., исп. *avellana* 'орешник' (праформа **ablonānos*, ж. р. **ablonānā*), и *abellīnus* (**ablonīnos*). «Неяблочные» значения известны также и в славянском, см. **abolnь*, **abolnъ*.

***ablъ:** болг. диал. *йа́бол* м. р. 'яблоко' (с. Червенбряг, Луковитско. СПТВ 266. Архив Болг. диал. словаря, София), словен. *jábel*, род. *-bla*, м. р. '*яблоня*' (Plet. I, 353).

Праслав. **ablъ*, как и **ablo* (см.), является основой на *-o-*, достаточно древним (< и.-е. **ăb(a)lo-*), но вместе с тем вторичным, расширением первоначальной согласной основы на *-l-*. Более регулярно представлено в слав. языках другое древнее расширение — на *-u-* (см. подробнее **ablъko*). Праслав. **ablъ* распространено спорадически, судя по известным данным. Нет оснований видеть в нем *-u-* основу (так см. Sadnik—Aitzetmüller 1, 7).

***ablъčьnъjь:** бол. *я́бълчен* 'яблочный' (Геров: *а́блъчный*), макед. *јаболчен*, только в выражении *јаболчна коска* 'скула' (И-С), сербохорв, *jȁbučan* 'яблочный' (с XVII в., RJA IV, 385), словен. *jábolčen* 'яблочный' (Plet. I, 353), чеш. *jablečný*, слвц. *jablčný* (SSJ I, 627), польск. *jabłeczny* (Warsz. II, 120), русск. *я́блочный*, укр. *я́блушний* 'яблочный' (Гринченко IV, 534), блр. *я́блычны* 'яблочный' (Блр.-русск.).

Регулярное адъективное производное с суфф. *-ьnъ(jь)* от **ablъko* (см.).

***ablъka:** болг. *я́бълка* ж. р. 'яблоня, яблоко' (БТР), *а́бълка* (Геров), диал. *бъ́лка* ж. р. (Геров—Панчев), *йа́бока*, *йа́болка* ж. р. (Стойчев БД II, 175), *йа́бука* ж. р. (М. Младенов БД III, 81; Шанкарев—Близнев БД III, 226), сербохорв. *jȁbuka* ж. р. 'яблоня, яблоко', словен. *jábolka* ж. р. 'яблоко, яблоня' (Plet. I, 353).

Только ю.-слав. Генетически соотносимо с формой мн. ч. от **ablъko* (см.), употребляемой на остальной слав. территории исключительно в своей морфологической функции.

***ablъko:** ст.-слав. аблъко ср. р. 'яблоко, μῆλον' [Быт. XXX, 14, в рукоп. 1538 г.] (Вост.; Mikl.), болг. диал. *а́блъко*, *я́блъко* ср. р. 'яблоко' (Геров), макед. *јаболко* ср. р. 'яблоко' (И-С, Кон.),

сербохорв. стар. и обл. *jäбyкo* ср. р. (Вук Караџић, RJA s. v.), словен. *jábolko* ср. р. 'яблоко' (Plet. I, 353), чеш. *jablko* ср. р. 'яблоко', слвц. *jablko* ср. р. 'яблоко' (SSJ I, 626—627), в.-луж. *jabłuko* ср. р. 'яблоко' (Pfuhl 228), н.-луж. *jabłuko* ср. р. то же (Muka Sł. I, 519), полаб. *jopt'ü* ср. р. 'яблоко' (Polański-Sehnert 76), польск. *jabłko* 'яблоко' (Warsz. II, 120), словин. *jãpkə* ср. р. 'яблоко' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 381), др.-русск. *ꙗблъко*, *ꙗблоко* 'яблоко, плод яблони' (Срезневский III, 1632), русск. *я́блоко* ср. р., укр. *я́блуко* ср. р. 'яблоко' (Гринченко IV, 534).

Праслав. **ablъko* — наиболее распространенное, сравнительно с **ablo* (см.) и **ablъ* (см.), название яблока в слав. языках. Форма **ablъko* — прозрачное производное с продуктивным слав. суфф. *-k-*, не имеющее полных соответствий вне славянского, от *-u-*основы **ablŭ-*, не сохранившейся в чистом виде в слав. языках, но прослеживаемой, в свою очередь, в других и.-е. языках, ср. прежде всего герм. **aplu-* (основа косв. п. п. **aplw-*, откуда **appl-*: англ. *apple*, др.-в.-нем. *apful* 'яблоко'), см. специально Vaillant. Gramm. comparée II, 1, 169. О кельт. словах, также продолжающих основу **ablu-*, см. G. S. Lane «Language» 9, 1933, 251; Pokorny I, 1—2. Следует отметить, что представленное в праслав. инновации **ablъko* расширение и.-е. именной основы на *-u-* с помощью *-k-* суффиксального — характерная для слав. развития и достаточно архаичная черта.

И.-е. **ăblu-*, а также **ăb(a)lo-* (см. о последнем под **ablo*, **ablъ*), очевидно, продолжают и.-е. консонантную основу **ăbl-*. Следы склонения на согласный видны, например, в лит. *obelìs*, род. п. ед. ч. *obeliẽs*, род. п. мн. ч. *obelų̃* 'яблоня'. См. Fraenkel I, 515. Однако было бы неправильно переносить все особенности вокализма балт. формы в и.-е. древность, как это делают, реконструируя на основе лит. *óbuolas* 'яблоко' и.-е. консонантную основу **ābōl-*, см. G. S. Lane, там же; Pokorny, там же. См. еще J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika (Vilnius, 1968) 286: R. Eckert «Baltistica» V, 1 (Vilnius, 1969), 10 и след.

Более правы те исследователи, которые видят в вокализме корня лит. форм вторичную, местную обработку, см. Vaillant, там же. Сравнение внутри балтийского позволяет выделить др.-прусск. *woble* ж. р. 'яблоко' как наиболее архаичное и соответствующее и.-е. **ābl-*, все же остальные балт. огласовки (лит. *óbuolas*, *obuolỹs*, диал. *óbulas*, *óbalas* 'яблоко', *obelìs* 'яблоня', см. обзор: К. Буга РФВ LXX, 1913, 100; K. Būga. Rinktiniai raštai I, 433; Trautmann BSW 2) — не более как вторичные вокализации праформы **ābl-*, включенные в активные балт. апофонические ряды. Слав. и балт. формы названия яблока объединяет долгота начального *ā*, противополагающая их другим и.-е. формам (см. Mikkola. Urslav. Gramm. I, 51), прочие фонетико-морфологические особенности слав. и балт. форм (см. выше) скорее разъединяют их. Обращает на себя внимание совершенно

регулярное развитие протезы *j*- перед начальным *a*- почти во всех слав. языках, см. Мейе. Общеслав. язык 69, Arumaa. Urslav. Gramm. I, 108.

Проблема дальнейших связей и генезиса и.-е. **ăblu-*, **ăblo-* представляется сложной с разных точек зрения. Неслучайно ставился вопрос о заимствованном происхождении этого слова. См. недавно P. Friedrich. Proto-Indo-European trees. — Indo-European and Indo-Europeans. Papers presented at the University of Pennsylvania», ed. by G. Cardona, H. M. Hoenigswald and A. Senn. Philadelphia, 1970, 16—17. При этом указывалось на наличие крайне редкого для и.-е. лексики согласного *b* непридыхательного (см. Moszyński. Pierwotny zasiąg 280, с литературой), на исключительно европейский ареал распространения этого слова, неизвестного азиатским ветвям и.-е. группы языков (ср., однако, ниже). Последнее обстоятельство вызвало мнение о доиндоевропейском, «праевропейском» происхождении (так — Оштир, Махек и др., см. еще под **ablonь*). Долгое время не было ясности, впрочем, и в отношениях и.-е. форм между собой. Так, близость ст.-слав. ablъko, лит. *obuolỹs*, др.-в.-нем. *apfal*, др.-исл. *eple*, ирл. *aball*, *uball* и лат. *Abella*, название города (см. O. Schrader BB XV, 1889, 287), одно время объясняли как заимств. в слав. и балт. из кельт. на нижнем Дунае (так см. A. Fick BB XVI, 1890, 170; тот же ученый раньше говорил только о родстве слав., кельт., герм. и балт. слов, см. A. Fick BB II, 1878, 195). Мнение Фика о заимствовании из кельт. повторяет А. А. Шахматов (AfslPh XXXIII, 1911, 89). Иначе — как заимствование из *Abella* («*malum abellanum* 'яблоко из Абеллы [в Кампании]'») — толкует все, в том числе кельт., слова Миклошич (см. Miklosich 1). В современной науке эти точки зрения считаются преодоленными, и названные выше слав., балт., герм., кельт. и итал. слова трактуются как исконнородственные, см. Berneker I, 22—23; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 7—8. Давно указывалось на древнее знакомство с яблоней в диком виде и на древнюю культуру яблони в средней полосе Европы и примыкающих областях. См. А. Будилович. Первобытные славяне I, 1 (Киев, 1879), 330—331. Нет никаких объективных причин возводить **ablu-* к доиндоевропейскому субстрату. Это слово имеет и.-е. морфологический вид. При определении круга родственных форм и их распространения нужно считаться с семантическими отклонениями, которым вполне подвержено и название яблони (ср. **abolnъ*, **abolnь*, ниже). Из этого исходили, видимо, прежние исследователи, сближавшие название яблока, яблони с названием травянистого растения лат. *ebulus* и с лат. *abies* 'ель' (см. Moszyński, там же), далее — с др.-инд. *abala* м. р. растение Crataeva Roxburghii, см. H. Ebel KZ VI, 1857, 216 (последнее слово, приводимое автором по словарю Бётлинка—Рота, объясняют также, впрочем, как сложение с отрицанием *a-bala*, собственно — 'несильный,

слабый', ср. Monier—Williams. A Sanskr. — Engl. dictionary 60, где упомин. значение 'растение Tapia Crataeva'). Таким образом, древние этимологические связи праслав. **ablъko*, и.-с. **ablu-* лишены ясности. Ср. старые и новые сближения с санскр. *ab* 'идти, звучать' (С. Микуцкий. Изв. ОРЯС, V, 1856, 51), с и.-е. **abō* 'бегу, теку', лат. *amnis* 'река', сюда же якобы **ablu-s* 'плод для выжимания сока' (J. Loewenthal WuS X, 1927, 157).

Далее см. Фасмер IV, 539; Sławski I, 479—480.

***ablъkovъ(jь):** макед. *јаболков* 'яблочный' (И-С), сербохорв. *jȁbukov* 'яблоневый, яблочный' (RJA IV, 389), чеш. *jablkový* 'яблочный', слвц. *jablkový* (SSJ, I, 627), в.-луж. *jabłukowy* 'яблочный' (Pfuhl 228), н.-луж. *jabłukowy* то же (Muka Sł. I, 519), польск. *jabłkowy* 'яблочный' (Warsz. II, 120).

Прилагательное, производное на *-ovъ(jь)*, от **ablъko* (см). Праслав. древность проблематична.

***ablъkъ:** др.-русск. *яблокъ* м. р. (Среди церкви паникадило мѣдное, *яблокъ* прорѣзной ... А. Хол. и Уст. I, 1665 г. — СДР XI—XVII вв.), русск. диал. *я́блок* м. р. 'яблоко', блр. *я́блык* м. р. 'яблоко'.

Образование, примыкающее практически во всем, кроме рода, к **ablъko* (см.).

***abolnovъ(jь):** болг. *я́бланов* 'платановый' (БТР), сербохорв. *jȁбланов* 'тополиный', словен. *jáblanov* 'яблоневый' (Plet. I, 353).

Прилагательное, производное с суфф. *-ovъ-* от **abolnъ* (см.) или **abolnь* I (см.).

***abolnъ:** болг. *я́блан* м. р. 'платан, чинара Platanus orientalis' (БТР), *а́блан* м. р. 'раст. Platanus occidentalis, платан, чинара' (Геров—Панчев), *абла́м* м. р. то же (там же), *ябле́н*, *абле́н* м. р. то же (Геров), 'раст. Kerria japonica' (Геров—Панчев), *авла́н* м. р. (Геров—Панчев: «раст. нѣкакво, не е ли абланъ?»), болг. диал. *абла́н*, *абле́н* 'яблан' (Георгиев), сербохорв. *jȁблâн* м. р. 'пирамидальный тополь, растение Trollius europeus L.' (Вук Караџић), диал. *ȁblan* 'jablan' (Nk 270), *ȁblâm* м. р. (RJA I, 29).

Морфол. характеристика (во всех примерах — м. р.!) сопутствует своеобразному развитию значения. И то и другое, по-видимому, вторично по отношению к **abolnь* I (см.), которому **abolnъ* тождественно этимологически.

***abolnь I:** ст.-слав. аблань ж. р. μηλέα (Mikl.), в рукоп. XV в. (Вост.) 'яблоня', словен. *jáblan* ж. р. 'яблоня' (Plet. I, 353), н.-луж. диал. *jabolń* ж. р., наряду с *jabłoń* [см. выше, под **ablonь*] (Muka Sł. I, 519).

Гл. обр. ю.-слав. форма (ср., впрочем, интересный н.-луж. пример, выше), **abolnь* 'яблоня' представляет собой древний дублет к синонимичному и этимологически близко родственному **ablonь* (см.). Этимологически тождественные формы с отклонениями в значении см. под **abolnъ*.

***abolnь II:** русск. диал. (арх.) *я́булонь* ж. р. 'болонь в дереве' (Опыт 273).

Сложение старого префикса **a-*, недостаточно ясного по семантике, но вполне достоверного формально (< и.-е. **ō-* / **ē-*), с основой праслав. **bolna* (см.). См. О. Н. Трубачёв. Сб. к 70-летию В. И. Борковского 268.

***abrědja:** польск. диал. *brzadza* ж. р. 'плодовое дерево' (Warsz. I, 217).

Производное с суфф. *-j* (*a*) от названия плода — **abrědъ* (см.). Условиями фразовой фонетики и вторичными осмыслениями можно объяснить утрату начального *a-*, которое мы восстанавливаем здесь так же, как и во всех прочих представителях этой семьи слов (см. ниже **abrědъ*, **abrědь*, **abrědьje*, **abrędъ*, **abrędъka*, **abrędъkъ*, **abrędь*, **abrędьje*).

***abrědъ/*obrědъ:** польск. диал. *brzad*, *obrzád* м. р. 'садовые фрукты; сухие фрукты' (Warsz. I, 216—217), словин. *vu̇ǫbrŏd* м. р. 'фрукты' (Lorentz Slovinz. Wb. II, 1361).

В этом случае, как и в других образованиях этого обширного лексического гнезда (см. **abrědь*, **abrědьje*, **abrędъ*, **abrędъkъ* и т. д.), мы принимаем наличие древнего (а не вторично удлиненного из *o-*, как см. Berneker I, 85) префикса *a-* со значением приближенности (< и.-е. **ō-*/**ē-*). Обращает на себя внимание последовательное наличие *a-* префиксального во всех вариантах этой семьи слов (**abrědъ*, **abrędъ*). Специальное сравнение огласовки **brěd-* с греч. βρῖθω 'тяготеть, быть отягощенным' (Berneker, там же) неверно, потому что греч. слово нельзя отрывать от βαρύς 'тяжелый' < **g^ụəru*, ср. др.-инд. *gurú-*, лат. *gravis* то же. См. Frisk I, 221, 268; Hofmann 33, 39. Более подробный этимол. анализ см. под **abrědь*, **abrędъ*, **abrędъkъ*.

В связи со сказанным выше случаи типа польск. *obrzad* мы понимаем как вторично префигированные с помощью *o*(*b*)-.

***abrědь:** русск.-цслав. *абрѣдь* 'акрида, ἀκρίς, locusta' (Стихир. XII в., Срезневский I, 4).

Высказывались различные сомнения по поводу правильности такого толкования значения цслав. слова, передающего греч. ἀκρίδες в том месте евангельского рассказа об Иоанне Крестителе, где говорится в греч. тексте, что пищей святого были саранча и дикий мед. Berneker I, 84: «Возможно, последующие переписчики уже не понимали иноязычного слова и, поскольку речь шла о чем-то съедобном, употребили вместо него подходящее по смыслу *абрѣдь*, *ѩбрѣдъ*, *обрѣда*, которое по свидетельству других слав. языков, могло означать только плоды, овощи». Суть других сомнений сводится к тому, что толковники евангелия, понимая текст, «не могли согласиться с мыслью, чтобы Иоанн Креститель ел саранчу» (Brückner 43), откуда замены. О непонимании тут говорить, наверное, не приходится, ср. передачу греч. слова в канонических ст.-слав. текстах через прѫзи, акриди. Кроме того, в иных употреблениях цслав. *абрѣдь*, *ѩбрѣдиѥ*

пока не встречено, так что со значением 'акрида, саранча' нужно считаться как с реальным. Поэтому нет оснований отвергать этимологию Фасмера, вполне правдоподобную словообразовательно и этимологически: *абрѣдь*, *ꙗбрѣдь* 'саранча' < префикс *а-* (и.-е. **ē- / *ō-*, со значением приближения, ср. др.-инд. *ānīlas* 'синеватый': *nīlas* 'черный')+**brěd-*, родственное др.-прусск. *braydis* 'лось', лит. *bríedis* 'олень', причем насекомое, как это нередко бывает (ср. русск. *божья коровка*, диал. *олёнка* 'навозный жук' < олень), обозначено метафорически. См. Vasmer «Езиков. изследв. в чест на Младенов» (София, 1957) 352; Фасмер IV, 540 (где некоторые дополнительные данные). Против см. Vaillant RES 35, 1958, 102, см. еще литературное дополнение в издании Фасмер I, 57; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 159 (где Фасмер в общем справедливо критикуется за невнимание к назализованным формам, см. ниже **abrędъ* **abrędъkъ* и др.).

***abrědьje:** русск.-цслав. *ꙗбрѣдиѥ* собир. 'саранча' (Мстисл. ев. 1117 г.), *абрѣдиѥ* 'акриды, ἀκρίδες, locustae' (Ев. Акад. XIV в.; Срезневский, I, 3; III, 1633).

Производное с суфф. *-ьje* (и собир. значением) от **abrědь* (см.).

***abrędъ:** польск. диал. *jabrząd* м. р. 'вид тополя' (Warsz. II, 121).

Праслав. **abrędъ* вместе с нижеследующими **abrędъka*, **abrędъkъ*, **abrędь*, **abrędьje* (см.) объединяется вокруг корня **bręd-*, представляющего собой назализованный дублет к форме **brěd-*, выступающей в праслав. **abrědъ*, **abrědь* (см.) и производных. Эта семья слов обнаруживает черты общности в семантике, морфологии и словообразовании, охватывающие все названные варианты. Со стороны семантики значения слов с основой **bręd-/*brěd-* объединяются вокруг след. главных: 'побег', 'цвет растения', 'плод'. Значение 'саранча' (< '*оленеподобное насекомое', см. **abrědь*) связано с предыдущими, так как рога, наросты на голове, resp. усики насекомого обозначаются как 'побеги', 'то, что выросло'. Т. о., очевидно родство основы праслав. **bręd-/*brěd-* в первую очередь с лит. *bręsti*, *bréndau* 'набухать, набирать силу, созревать', *brandà* 'зрелость, спелость', *branduolȳs* 'ядро, косточка (плода)', лтш. *briêst* 'зреть, спеть', *bruôds* 'почка', далее — с ирл. *bruinne* 'грудь', лат. *frons*, род. п. ед. ч. frontis 'лоб'. См. Fraenkel I, 56 (говорит о родстве только со слав. назальными формами — польск. *jabrząd* и др.); Trautmann BSW 35—36 (где правильно — о родстве со слав. **brědъ* и **brędъ*); Pokorny I, 167—168 (там же — указание на дальнейшее родство с и.-е. **bher-* 'выдаваться, торчать'). Далее, сюда же, согласно этимологии Фасмера (см. подробнее **abrědь*), — названия оленя лит. *bríedis*, лтш. *briêdis* 'лось, олень', др.-прусск. *braydis* 'лось'. Несомненность родства балт. названий оленя с иллир. (мессап.) βρένδον 'ἔλαφον (см. Fraenkel I, 57; Frisk I, 265) подводит к принятию вариантности **brend-/*brei̯d-/*broi̯d-* в пределах одной основы. Кстати, иллир. семантика 'голова оленя, рога' (βρέντιον· ἡ κεφαλὴ τοῦ ἐλάφου,

Гесихий; ср. алб. *brî*, *brîni* 'рог, рога') очень близка к семантике 'ветвь, побег, вырастать'. О словообразовательно-морфологической стороне проблемы в целом справедливо судит Откупщиков («Из истории и.-е. словообразования», 118), который видит в русск.-цслав. *ѩбрѣдиѥ* и польск. *jabrząd*, а также в лит. *bríedis* и мессап. βρένδον единую основу. Правда, их значения он объединяет вокруг общего 'резать', в чем мы с ним расходимся, ср. выше обзор значений родственной лексики. Ясно одно: нельзя считать назальный вариант корня менее древним или славянским новообразованием, как это делают некоторые ученые, см. Sławski I, 482; особенно см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 158—159 (где говорится о вторичной назализации).

Из прочей литературы см. Berneker I, 84—85; Brückner 43—44; А. И. Соболевский «Slavia» V, 1927, 440—441 (где *абрѣдиѥ* сравнивается, в частности, с русск. диал. *бреди́на* 'ива', *бредовый* 'ивовый'); Moszyński JP XXXVII, 1957, 293—294 (автор относит к польск. *jabrząd* и праслав. **bronъ* < **brodnъ* 'сивый, буланый, гнедой', русск. диал. *броне́ть* 'белеть, желтеть, дозревать — об овсе' и т. д.); Moszyński. Pierwotny zasiąg 298, 319. Маловероятно см. Vaillant. Gramm. comparée II, 1, 159 (реконструирует **jad-brędъ* 'тот, кто ест плод', первоначально якобы — о паразитическом побеге).

***abrędъka:** слвц. диал. *jabrátka*, *jaburátka* мн. ч. ср. р. 'сережки (на вербе, иве и т. п.)', 'гусята' (Kálal 214).

Производное с суфф. *-ъka* (ед. ч. *-ъko*) от **abrędъ* или от **abrędь* (см.), ближайшим образом связанное с другой производной формой — праслав. **abrędъkъ* (см. след.).

***abrędъkъ:** словен. *âbranek*, род. *-nka* м. р. 'сережка на орешнике, ольхе, сосне; весенняя гроздь винограда' (Plet. I, 1), *jâbranek* 'цвет орешника' (Plet. I, 353), *jâmbrek* 'цвет ольхи' (Plet. I, 357), ст.-чеш. *jabřadek*, род. *-dka/-dku* м. р. или *jabřadka* ж. р. 'побег виноградной лозы' (Gebauer I, 588).

Производное с суфф. *-ъkъ* от **abrędъ* (см.; там же и подробно об этимологии, см. еще под **abrědъ*, **abrědь*). Заслугой Безлая является включение сюда приведенных выше словен. слов, что важно также в плане слав. лингвистической географии (ср. ниже). См. Bezlaj SR XI, 1958, 169—172 (здесь дается удивительное множество диал. вариантов одновременно с анализом, причем отдельные варианты весьма далеки от центральной формы и затемнены; отметим, что сюда же автор относит *brábranek*, ср. хорв. (кайк.) *brabranak*, кот. не из нем. *Beere*, как см. И. Поповић ЈФ XIX, 1951—1952, 170; Безлай производит словен. формы из **a-brǫdъkъ* / **a-brędъkъ* и связывает все слав. случаи **bręd-* / **brěd-* вместе); см. также Bezlaj. Etim. slovar (Poskusni zvezek) 7; Bezlaj. Eseji o sloven. jez. 148—149; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 155, 158—159. Т. о., распространение форм **abrědъ*, **abrědь*, **abrědьje*, **abrędъ* (см.), **abrędъkъ* и др. (польск. диал.,

кашуб.-словин., чеш., слвц., словен., цслав.) позволяет говорить о праслав. регионализме особого распространения — с центром в чеш.-слвц. группе, куда примыкают словен. и польск.-поморск. примеры. По имеющимся сведениям, этих слов не знают собственно ю.-слав. языки и все вост.-слав. языки, т. к. русск.-цслав. *ıабрѣдь*, *ıабрѣдиѥ* лишено народной вост.-слав. основы, встречается только в евангелических текстах и является там, судя по всему, лексическим чехоморавизмом, или паннонизмом. Следовательно, характеризовать **abrędъ* / **abrědъ* как сев.-слав. слово (так см. Sławski I, 482; автор еще не знал тогда словен. *âbranek*) значит допускать неточность. В таком случае ошибочно и мнение Безлая о том, что на словен. почве можно наблюдать в словах этого семейства смешение зап.-слав. и вост.-слав. дублетов (Bezlaj. Eseji o sloven. jez., там же).

Не может быть принята этимология Махека, который сближал чеш., слвц. и польск. соответствия с греч. ὄβρια мн. ч. ср. р. 'детеныши диких зверей' (см. Machek LP I, 1949, 95; Machek 168—169). Греч. слово признано темным, в прошлом его сближали — тоже неубедительно — с лат. *agnus* и т. д., см. Frisk II, 345.

***abrędь:** слвц. диал. *jäbrat'* ж. р. собир. 'сережки, цвет (на дереве)' (Kálal 924), польск. диал. *jabrządź*, род. *-ędzia* м. р. 'вид тополя' (Warsz. II, 121), *jabrzędź*, род. *-a* м. р. то же (там же), *jawrzęć* ж. р. 'тополь' (Warsz. II, 148).

Основа на *-i-* ж. р., в остальном этимологически и словообразовательно тождественная **abrędъ* (см.).

***abrędьje:** польск. диал. *jabrzędzie* ср. р. 'вид тополя' (Warsz. II, 121), *abrzędzie* то же (Sł. g. polsk. I, 1).

Производное с суфф. *-ьje* от основы, представленной в **abrędъ* (см.). Можно отметить формальный параллелизм праслав. **abrędьje* и иллир. (мессап.) βρέντιον, где этимологически тождественные основы расширены с помощью тождественного суфф. *-iio-*. См. еще **abrědьje*.

***abьje:** ст.-слав. абиѥ нареч. εὐθέως, εὐθύς, παραχρῆμα, ἤδη 'сейчас же, тотчас' (SJS, Sad.), ıабиѥ (Sad.), русск.-цслав. *абиѥ*, *абье* 'тотчас, statim' (Остр. ев. и др., Срезневский I, 3).

Это исключительно ст.-слав. (др.-болг.) слово, распространившееся позднее в некоторых цслав. изводах книжным путем (напр. русск.-цслав.), неясно в этимологическом отношении. Сомнительно отнесение к др.-инд. *ahnāya* 'тотчас', греч. ἄφαρ 'тотчас', ἄφνω(ς) 'внезапно' (J. Schmidt. Die Pluralbildungen der indogermanischen Neutra. Weimar, 1889, 216; Фасмер I, 56). Эту этимологию принимает Покорный, одновременно указывая на то, что др.-инд. *ahnāya* — скорее к др.-инд. *áhar*, *áhan-* 'день', см. Pokorny I, 2. Но остающееся сравнение с греч. словами еще более шатко, поскольку не учитывает морфол. структуры: греч. наречие времени ἄφαρ, ἄφνω представляет собой падежные

остатки согласной именной основы на *-r/n-*, в остальном этимологически неясно, см. Frisk I, 194, 196. Тут было бы оправдано выдвинуть сравнение греч. ἄφαρ с лит. *dabaȓ* нареч. 'теперь', которое тоже представляет собой падежный остаток основы на *-r/n-* ср. р. (см. о лит. слове Fraenkel I, 79). Полнее учитывает структуру слав. слова этимология **abьje* < **obьje* 'об эту (пору)', с удлинением начального *o-* > *a-*, см. Berneker I, 23. Ср. русск. *сию минуту*, *сейчас*, *тотчас* в знач. 'немедленно'. См. еще V. Pisani «Paideia», IV, 1949, 158. Против см. Sadnik—Aitzetmüller. Handwörterbuch 211; Vaillant. Gramm. comparée II, 2, 699—700 (автор ставит под сомнение вообще древность и исконность ст.-слав. абиѥ и видит в нем балкано-роман. заимствование, ср. рум. *abia* 'лишь только, едва только'); Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 7; Фасмер, там же. Относительно вторичной йотации см. E. Nieminen «Scando—Slavica» II, 1956, 25.

***adati:** ст.-чеш. *jadati* 'испытывать, исследовать' (Gebauer I, 588).

Как правдоподобно предполагал уже Гебауэр (там же), слово первоначально начиналось на гласный *a-*, протеза *j-* развилась во избежание зияния. Праслав. **adati* возводят к и.-е. **ōd-*, представленному в лит. *úosti*, *úodžiu* 'нюхать', греч. δυσ-ώδης 'зловонный', εὐ-ώδης 'благовонный', далее — с краткостью гласного — лат. *odor* (стар. *odōs*) 'запах, благовоние', арм. *hot* 'запах', греч. ὄζω (**odi̯ō*) 'пахнуть'. См. Berneker I, 24; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 9; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 79.

***adera?:** русск. диал. *ядера* 'сварливый, неуживчивый человек', (Мельниченко 222; Картотека Словаря русских народных говоров).

Именное сложение **a-dera* с приставкой *a-*, обозначающей приблизительность (< и.-е. **ē-* / **ō-*); основа — к **derǫ*, **dьrati*, ср. русск. *драть*, а также *дрáться*. Предположительно относим к праслав. ввиду древности приставки и потенциальной древности префиксальных сложений данного типа, ср., например, **abrědь*, **abrędъ*, **aduxa* (и т. п. в настоящем выпуске словаря). Показательна акцентологическая характеристика русск. *я́дера* — ударение на исконно долгом гласном, что соответствует изложенной этимологии.

***aduxa:** польск. диал. *jaducha* ж. р. 'кашель, удушье; чахотка' (Warsz. II, 123; Sł. g. polsk. II, 217), укр. диал. *я́духа*, чаще мн. *я́дýхи* 'удушье' (Гринченко IV, 536), *йадýха* 'одышка' (А. А. Москаленко. Словник діалектизмів укр. говірок Одеської обл. Одеса, 1958, 37).

Именное сложение приставки *a-* (< и.-е. **ō-* / **ē-*), обычно обозначающей приближенность, а в данном сложении близкой к *za-*, ср. **za-dux-*, и основы *dux-* (см. **duxъ*, **dyšati*). Это префиксальное сложение особенно характерно для луж. и укр. (см. ниже **adušiцъjь*, **adušь*). Ударение укр. *я́духа*, мн. *я́духи* говорит о древней долготе приставочного гласного, что подтверждает этимологию **a-duxa* и вместе с тем делает сомнительным объяс-

нение из **je̜-dux-* от *je̜ti* 'брать, захватывать' (последнее см. Berneker I, 429; Фасмер IV, 548).

***adušivъjь:** в.-луж. *jadušiwy* 'страдающий одышкой' (Pfuhl 229), н.-луж. *jadušywy* то же (Muka Sł. I, 524). Сюда же примыкает — с некоторыми отличиями в деталях словообразования — укр. диал. *ядушливий* 'страдающий одышкой' (А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. — «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, 60).

Производное с суфф. *-iv-* от имени **aduxa* (см.). Ударение на приставке в укр. *ядушливий* (возможно, из **ядушивий*) свидетельствует здесь, очевидно, о древней акутовой долготе, что соответствует этимологии *a-dušiv-* и исключает иные этимологии, о кот. см. под **aduxa*. Любопытная луж.-укр. изолекса, при синонимичных сложениях *za-dux*, *za-duš-* во всех остальных слав. языках. См. Трубачев. «Сербо-луж. лингв. сборник» (М., 1963), 163.

***adušь:** н.-луж. *jaduš* ж. р. 'одышка, удушье' (Muka Sł. I, 524).

Именное сложение приставки *a-* (< и.-е. **ō-*/**ē-*) со значением приближенности и основы *dux-*, *duš-* (см. **duxъ*, **duša*, **dušiti*), возможно, с одновременным участием суфф. *-jь*. Близкие образования и этимол. сведения см. под **aduxa*, **adušivъjь*..

***aglъjь/*jaglъjь:** русск. диал. *яглый*, *яглая земля* 'тучная, черная почва, чернозем' (вост., Даль[2] IV, 672).

Давно отмечено изолированное положение этого русск. слова в слав. лексике. Приводимые обычно в связи с ним глаголы русск. диал. (смол.) *яглить* 'кипеть, гореть желанием, страстно хотеть', (нижегор., астрах.) *яглиться* 'двигаться, шевелиться' (Даль, там же; см. Berneker I, 443; Фасмер IV, 544) сами произведены от *яглый*, поэтому непосредственного значения для этимологии нашего слова не имеют. Судя по всему, *яглый* — старое слово с признаками прилагательного (ср. суфф. *-l-*). Допустимо возводить его к праслав. диал. состоянию. Реконструкция его праслав. формы в виде **aglъjь*, **jaglъjь* или даже **ěglъjь* целиком определяется внешними сравнениями и поэтому проблематична. Для реконструкции **aglъjь* может быть использовано сближение с лит. *úoglis* 'однолетний побег, росток', *uoglus* 'название растения' и далее — с лит. *úoga* 'ягода', слав. *agoda* (см. J. Zubatý AfslPh XVI, 1894, 394; E. Lidén IF XVIII, 1905—1906, 506; см. еще J. Loewenthal AfslPh XXXVII, 1920, 383: *яглая* (*земля*) < и.-е. **agló-s* 'выжженный лес', ср. др.-инд. *aga-ḥ* 'солнце', англос. *acan* 'болеть', англ. *ache* 'боль' < 'горение'). Реконструкцию **jaglъjь*, где *j-* не фонетич. протеза, а древнее начало основы, можно, в свою очередь, мотивировать серьезным сближением с лит. *jẽgti* 'мочь, быть в состоянии', *jėgà* 'сила', см. J. Zubatý AfslPh XVI, 1894, 395. Прочие сближения и литературу см. F. A. Wood «Language» 3, 1927, 185; Berneker, там же; Фасмер, там же.

***agnevъjъ?:** словин. *jagńu̯ǫvï* 'ягнячий' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 377).

Неясно, можно ли считать эту единичную форму древним производным непосредственно от непроизводной формы названия ягненка **agnъ*, не сохранившейся в слав. языках (см. **agnę*, **agnьcь*). Тогда ожидалось бы **agnovъjь*, впрочем, мягкий вариант **agnevъjь* может объясняться вторичным влиянием популярного **agnę* (см. и словин. *jãgńą* 'ягненок') на более древнюю форму. Несмотря на указанную проблематичность, форма представляет определенный интерес, как игнорировавшийся ранее компонент в кругу относящихся сюда родственных образований.

***agnę:** ст.-слав. агнѧ, род. -ѧте ср. р. ἀρνίον, ἀρήν, ἀμνός 'ягненок, агнец' (SJS), болг. *а́гне* ср. р. 'ягненок' (БТР), *ягня* то же (Геров), йе́йне (Стойчев БД II, 176), макед. *јагне* ср. р. 'ягненок' (И-С), сербохорв. *jȁгне*, род. -*ета* ср. р. 'ягненок', словен. *ágnje* ср. р., *jágnje*, *jánje*, род. *-eta* ср. р. 'ягненок' (Plet. I, 2, 355, 358), чеш. *jehně*, род. *-te* ср. р. 'ягненок', слвц. *jahňa*, род. *-aťa* ср. р. то же (SSJ I, 628), в.-луж. *jehnjo*, род. *-jeća* ср. р. 'ягненок' (Pfuhl 235), н.-луж. *jagńe*, род. -ńeśa ср. р. (Muka Sł, I, 526), полаб. *jogną* ср. р. 'ягненок; козленок' (Polański—Sehnert 75), польск. *jagnię*, род. *ęcia* 'ягненок' (Warsz. II, 123), словин. *jãgńą* ср. р. 'ягненок' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 37), др.-русск. ıагнѧ 'ягненок' (Сл. Дан. Зат., Срезневский III, 1638), русск. *ягнёнок*, род. *-нка* м. р., укр. *ягня́*, род. *-я́ти* ср. р. 'ягненок' (Гринченко IV, 535), блр. ягня́, род. *-я́ці* ср. р. 'ягненок'.

Производное с продуктивным суфф. уменьшительности *-ęt-* от основы **agn-*, неизвестной в свободном виде в слав. языках, хотя и реконструируемой исследователями для праслав., см. Miklosich 1 (: с заглавным *agnй*); Berneker I, 24—25 (**agnę* < **agnъ*); Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 414 («*agnę* и *jagnьcь* предполагают **agno-*»). При всей прозрачности и относительной новизне словооформления **agnę* и **agnьcь*, исходное **agnъ* установимо для праславянского лишь косвенным путем, ср. еще **agnevъjь* (выше). Поэтому методологически целесообразнее характеризовать **agnъ*, **agno-* как дославянскую форму (реконструкция второй ступени). Родственные формы объединяются вокрук и.-е. **ăgᵘ̯no-* и **agᵘ̯hno-*, причем детали вокализма и консонантизма неясны. См. в связи с этим H. Osthoff IF V, 1895, 324—327 (где речь идет об исконности *o*-вокализма, вопреки греч. и лат. данным). Ср. лат. *agnus* 'ягненок', греч. ἀμνός 'ягненок', др.-ирл. *ūan* то же (последнее — из **ogno-*), англос. *ēanian*, англ. *to yean* 'ягниться' (хотя эти глагольные формы более специально соответствуют праслав. **agniti* см.). См. Pokorny I, 9; Walde—Hofm. I, 23; Ernout—Meillet³ I, 27; Frisk I, 93. Долготу начального гласного в слав. **agnę* объясняют ввиду других и.-е. соответствий как удлинение первоначально краткого *a*, см. Mikkola. Urslav. Gramm. I, 51; Machek 174. Перечень родственных форм можно

пополнить греч. ἄγνος 'название дерева Vitex agnus castus', ср. *agnędъ (ниже).

Интересно, что это и.-е. название ягненка, известное в лат., греч., кельт., герм. и слав. языках, полностью отсутствует в балт., где имеются свои древние названия, см. A. Sabaliauskas. Baltų kalbų naminių gyvulių pavadinimai. — «Lietuvių kalbotyros klausimai» X (Vilnius, 1968) 117. Отнесение формы *āgna- 'ягненок' к балто-славянской лексике (см. Trautmann BSW 2) является в связи с этим абсолютно формальным и несостоятельным. Дальнейшее этимологическое членение *ag-n-o- и родство остается неясным, хотя очевидно наличие здесь производного с суфф. -n-.

См. из литературы: Meillet BSL 24, 1923, 183—184; Мейе. Общеслав. язык 69, 290, 294, 396; F. Solmsen KZ XXXVII, 1904, 5; J. Strachan BB XX, 1894, 13; Фасмер IV, 545; Brückner 197; Sławski I, 488; Младенов ЕПР 2; Георгиев БЕР 1, 3 (удлинение гласного определяется как регулярно возникшее в глаголе *agniti sę); V. Georgiev. Slave agnę et ses correspondances. — RÉS 40, 1964, 94—96; Трубачев. Дом. жив. 71—73; Откупщиков. Из истории и.-е. словообразования 21; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 11; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 79.

***agnędъ:** русск.-цслав. агнѧдъ м. р. αἴγειρος, populus nigra (Mikl.), сербохорв. jàгнēд м. р. 'тополь Populus nigra L.' (Вук Караџић), диал. jагњеда, jагнед то же (Djor, 130), словен. jágned, jágnjed м. р. 'тополь Populus nigra L.' (Plet. I, 354, 355), чеш. редк. jehněd м. р., сюда же — jehněda ж. р. 'цвет, сережки', ст.-чеш. jěhněd м. р. 'сережки (на деревьях)' (Gebauer I, 623), слвц. jahňada ж. р. то же (SSJ I, 628).

Это слово, представленное в данной форме в сербохорв., словен., чеш. (см. еще *agnędьje, ниже; ср. еще обзор в кн.: А. Будилович. Первобытные славяне I, 1. Киев, 1878, 131; 2. Киев, 1879, 326), является обозначением черного тополя, осокоря или его цветов по известному названию животного — *agnę (см.). Связь *agnę — *agnędъ вполне прозрачна, тем не менее о деталях словообразования ведутся споры, — является ли *agnęd- звонким вариантом основы названия животного *agnęt-, что говорило бы о согласном типе данной именной основы, или же здесь представлен другой суффикс, расширение *agnę-d- с собирательным значением. См. Berneker I, 25; Zubatý. Studie a články I, 1, 36; Holub—Kopečný 151 (где неточно: «Только чеш., древнее»); Machek 174—175; Moszyński. Pierwotny zasiąg 34, 319; Фасмер IV, 545 (реконструирует *agnędь); Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 11—12; Откупщиков. Из истории и.-е. словообразования 149, 150, 154. Однако ученые, которые членят слово как *agnę-d- (Sadnik—Aitzetmüller, Откупщиков), должны еще доказать древность основы *agnen- в слав.

Давно обратили внимание на сходство названий деревьев — праслав. *agnędъ и греч. ἄγνος 'Vitex agnus castus' (см. E. Lidén

IF XVIII, 1905—1906, 506; Mikkola. Urslav. Gramm. I, 51), что затрудняется неясностью греч. слова (из др.-евр.? См. Hofmann 2, Frisk I, 13). Аналогию **agnędъ—*agnę* представляют греч. αἴγειρος 'черный тополь, осокорь' — αἴξ, αἰγός 'коза', см. Трубачев ВЯ 1957, № 3, 149.

***agnędьje:** сербохорв. *jagńeđe* ср. р. собир. 'тополя' (RJA IV, 412), словен. *jágnedje* ср. р. собир. 'der Schwarzpappelwald' (Plet. I, 354), русск.-цслав. *ıагнадиѥ* 'чернотополье' (Ио. экз. Шест., Срезневский III, 1638).

Русск.-цслав. форма не должна вводить в заблуждение, будучи ю.-слав. (или зап.-слав.? Ср. отсутствие близких форм в болг. и макед.) элементом цслав. лексики. Собственно вост.-слав. соответствия нам неизвестны. Праслав. **agnędьje* — производное с суфф. *-ьje* от основы **agnęd-* (см. **agnędъ*, где и об этимологии).

***agnętina:** сербохорв. *jàгњетина*, *јањетина* ж. р. 'ягнятина; шкурка ягненка' (Вук Караџић; RJA: с XIV в.), словен. *janjêtina* ж. р. 'ягнятина' (Plet. I, 358), чеш. *jehněčina* ж. р. 'мясо или шкурка ягненка', слвц. jahňačina ж. р. то же (SSJ I, 628), н.-луж. *jagńeśina* ж. р. 'ягнятина' (Muka Sł. I, 526), русск. *ягня́тина* 'мясо ягненка' (см. например Картотеку Словаря русских народных говоров), укр. *ягня́тина* ж. р. то же (Гринченко, IV, 535).

Производное на *-ina* от основы **agnęt-* (см. **agnę*). Замечания требует чеш. форма: по-видимому, из **agnętъčina* или непосредственно от чеш. jehněčí (см. след.).

***agnętjьjь:** сербск.-цслав. агнаитъ прилаг. ἀμνῶν (Mikl.), сербохорв. *jàгњеħū*, *јагњѐħū*, *јањеħи* 'ягнячий', словен. *jagneči*, *jágnječji*, *jánječi* 'ягнячий' (Plet. I, 354, 355, 358), чеш. *jehněcí* (стар.), *jehněčí* 'ягнячий', слвц. *jahňací* то же (SSJ I, 628), н.-луж. *jagńecy* 'ягнячий' (Muka Sł. I, 526), русск. *ягня́чий*, укр. *ягня́чий* то же (Гринченко IV, 535—536).

Адъективное производное с *j*-овым суфф. и значением принадлежности от основы **agnęt-* (см. *agnę).

***agnica:** сербохорв. *jàгњица*, *јањица* ж. р. диал. (черногорск.) 'ягненок женского пола' (Караџић; RJA: с XVI в.), словен. *jágnjica* ж. р. то же (Plet. I, 355), чеш. (редкое) *jehnice* ж. р. 'суягная овца', слвц. *jahnica* ж. р. то же (SSJ I, 628), укр. *ягни́ця* ж. р. 'молодая овца' (Гринченко IV, 535).

Производное с суфф. *-ica* от нераспространенной основы **agn-* (см. **agnę*). Относительно позднее образование, т. е. древнее **agn-*, праслав. **agnę* характеризуется как исключительно возрастное название ('детеныш овцы') без указания на пол.

***agnidlo?:** болг. *агни́ло* ср. р. 'ягнятник; время ягнения овец', *ягни́ло* ср. р. 'место, куда пригоняют овец ягниться; время ягнения овец' (Геров; Горов. Страндж. БД I, 91), *йегни́ло* (Стойчев БД II, 176), макед. *јагнило* ср. р. 'время окота овец' (И-С), сербохорв. *jȁгњило* ср. р. 'место, где ягнятся овцы' (Караџић; RJA: с XIV в.), диал. *јањило* 'загон' (Mić.).

В слав. этимол. словарях специально не рассматривается. Отглагольное именное производное с суфф. *-dlo* от основы на *-i(ti)* **agniti (sę)*, см. Разительное сходство этого ю.-слав. слова с лат. *agnīle* ср. р. 'овечий хлев' оказывается не более, чем внешним подобием ввиду регулярного словообразовательного характера слав. слова с реконструируемой праформой **agnidlo* (см. выше), а также ввиду вторичности формы лат. *agnīle* — по образцу *ovīle*. См. специально Walde—Hofm. I, 23.

***agniti(sę):** болг. *áгня се* 'ягниться' (БТР), диал. *йáгни се* 'ягниться' (Шапкарев—Близнев БД III, 226), макед. *јагни* 'давать приплод (об овце)' (И-С), сербохорв. *jàгњити*, *jaњити* 'ягниться', *jäгњити се* то же, словен. *jágnjiti (se)* 'ягниться' (Plet. I, 355), чеш. *jehniti se* 'ягниться' (Kott I, 616), слвц. *jahnit' sa* 'ягниться' (SSJ I, 628), н.-луж. *jagniś sa* 'ягниться' (Muka Sł. I, 526), русск. *ягнúться*, диал. (псковск.) *янúть* 'ягниться' (Опыт 274; Картотека Псковского областного словаря), укр. *ягнúтися* 'рожать ягнят' (Гринченко IV, 535).

Отыменный глагол с основой на *-i(ti)*, производный от основы **agn-* (см. **agnę*). В ряде слав. языков уступил место префиксальному глагольному сложению **obagniti sę* (см.) с тем же значением. Следует обратить внимание на близкий словообразовательно-морфологический параллелизм между слав. **agniti* и англос. *ēanian* с тем же значением: оба глагола образованы от одной и той же основы с помощью одинаковой глагольной темы *-i-*.

***agnьcь:** ст.-слав. агньць м. р. ἀμνός, ἀρνίον, ἀρήν 'агнец, ягненок' (SJS, Sad.), ꙗгньць (Sad.), болг. *áгнец*, *я́гнец* 'барашек' (Геров) '(жертвенный) агнец' (РБЕ), сербохорв. *jàgńac* м. р., диал. *jáњац*, род. *-њца* 'ягненок' (RJA IV, 410), *jägańac* (с XIV в.), словен. *âgnec*, *jâgnec*, *jâgnjec*, *jânec*, *jânjec* м. р. 'ягненок, барашек' (Plet. I, 2, 354, 355, 358), чеш. *jehnec* м. р. 'ягненок' (Kott I, 616), русск. диал. *ягунец* 'ягнёнок' (Ф. Зобнин. Игры в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа). — ЖСт. VI, 1896, 540).

Распространенное в основном в ю.-слав. языках именное производное с суфф. уменьшительности *-ьсь* от **agn-* (см. **agnę*, где подробно об этимологии). Праслав. словообразовательная инновация.

***agoda:** ст.-слав. агода ж. р. καρπός, ῥώξ 'плод' (SJS), ꙗгода (Sad.), болг. *я́года* ж. р. 'земляника Fragaria vesca' (БТР), диал. *áгудъ* ж. р. 'ягода' (с. Певец, Търговищко; дип. раб., Архив Соф. унив-та), макед. *јагода* ж. р. 'клубника, земляника' (И-С), сербохорв. *jäгода* ж. р. 'земляника' (Караџић), 'ягода', 'щека' (RJA IV, 413—414), 'плод ежевики' (диал., Maš. 433), диал. *jäγoda* (Sus 161), словен. *jágoda* ж. р. 'ягода' (Plet. I,355), чеш. *jahoda* ж. р. 'земляника, ягода', слвц. *jahoda* ж. р. 'земляника' (SSJ I, 628—629), в.-луж. *jahoda* ж. р. 'ягода' (Pfuhl 229), н.-луж. *jagoda* ж. р. то же (Muka Sł. I, 526), полаб. *jod'ădăi* мн.

(**agody*) 'ягода; оспа' (Polański—Sehnert 75), польск. *jagoda* ж. р. 'ягода', 'щеки' (Warsz. II, 124), словин. *jãgødă* ж. р. 'ягода, особенно — черника' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 377), др.-русск. *ꙗгода* 'ягода (преимущественно плод винограда)' (Парем. 1271 г. и др., Срезневский III, 1639), русск. *я́года* ж. р. 'небольшой сочный плод кустарниковых или травянистых растений', укр. *я́года* ж. р. 'ягода', мн. 'мускулы на лицевых скулах' (Гринченко IV, 536), диал. *я́года* 'клубника, земляника; общее название ягод; шелковица; черника' (Карпатский диалектологический атлас, карта № 46), 'земляника' (J. Верхратський. Знадоби 274), сюда же диал. *йа́готка* 'земляника' (Ужг. р. Закарп. обл., Чучка 321), блр. *я́гада* 'ягода'. См. обзор: J. Majowa. Nazwy jagód w gwarach kaszubskich. — «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej» 8, 117—118.

Праслав. **agoda* представляет собой довольно отчетливое производное с собир. суфф. *-oda* от незасвидетельствованного имени **aga*. Прямых следов этого последнего в слав. языках не сохранилось. После убедительных доводов Садник-Айцетмюллера можно считать доказанным, что сербск.-цслав. виньга (XVII в.), сербохорв. *ви̏њага* 'дикий виноград', вопреки общепринятой этимологии, является не сложением со вторым компонентом **aga* (тогда ожидалось бы фонетически **vinaga*), а производным с суфф. *-jaga* от *vino* для обозначения дикого винограда в отличие от культурного. См. Sadnik-Aitzetmüller 1, 12—13. Почти все слав. формы от **agoda* развили протетическое *j-* перед начальным гласным, см. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 182; Мейе. Общеслав. язык 69; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 105.

Реконструируемое **aga* этимологически тождественно лит. *úoga* 'ягода', лтш. *uôga* то же, родство с которыми установлено давно. См. Miklosich 99; Berneker I, 25; Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 77; E. Lidén IF XVIII, 1905—1906, 504; Trautmann BSW 202; Fraenkel II, 1165; Brückner 197; Holub—Kopečný 148; Machek 169; Sławski I, 488—489; Фасмер IV, 545; Sadnik-Aitzetmüller, там же; Меркулова. Очерки по русск. народн. номенклатуре растений (М., 1967), 211—212. Тождество с балт. словами говорит о праформе **ōgā*. Дальнейшие связи далеко не так очевидны. Отметим прежде всего возможность родства с тохар. *oko* 'плод', вокализм которого, однако, исторически двусмыслен. См., вслед за Лиденом, G. S. Lane «Language» 14, 1938, 33. Менее ясно отношение слав. слова к гот. *akran* ср. р. 'плод (древесный, злаковый)', нем. *Ecker* 'желудь' и близким герм. формам, а также к ирл. *āirne* (**ag-rīnịā*) 'вид сливы' и проч. кельт., которые с бо́льшими и меньшими оговорками обычно относятся к числу родственных со слав. и балт. словами. См. еще G. S. Lane «Language» 9, 1933, 251; Pokorny I, 773; A. Carnoy «Studia linguistica» XIII, № 2, 1959, 114 (где также приводится сближение с лат. *acinus* 'ягода' якобы с фрак.-пеласг. k < g). Родство праслав. **ag(oda)*

и лат. *ūva* 'виноград' (ср. Ernout—Meillet[3] II, 1340) очень сомнительно ввиду возможности иных, более вероятных связей лат. слова, см. еще Walde [2] 864. Покорный объединяет слав., балт., герм., кельт. слова вокруг специального и.-е. **ōg-*, **əg-* 'расти; плод, ягода', куда он относит также арм. *ačem* 'расту', см. Pokorny, там же. См. еще В. Čop «Zbornik filozofske fakultete». Ljubljana, 1960, 25; Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьм. периода арм. языка (Ереван, 1967) 169, где арм. слово вместе с лит. *úoga* и русск. *ягода*, вслед за Ачаряном и др., возводится к разновидности и.-е. **aug-* 'увеличиваться'. Это отдаленное сближение принадлежит к числу спорных; зная предысторию вокализма праслав. **ag* (*oda*) (см. выше), можно говорить в таком случае скорее об и.-е. **ōug-* в значении 'расти, увеличиваться', но и здесь реальным был бы только слав. рефлекс **u-*, ср. **ustьje*, **usta* — при лат. *ōs*: и.-е. **ōus-*. Ср. соответствующее мнение Буги в письме Эндзелину, см. K. Būga. Rinktiniai raštai III, 1961, 875.

Прочие (маловероятные) толкования слав. слова см. С. Микуцкий ИОРЯС IV, 1855, 405; Moszyński. Pierwotny zasiąg 282—283 (из и.-е. **ăg-* 'съедобный; плод, ягода'); Machek, там же (сближает праслав. **agoda* и лит. *úoga* с лат. *bāca* 'ягода', относя все к «праевропейскому»).

***agodica:** макед. *јагодица* ж. р. 'скула' (И-С), сербохорв. *jȁгодица* ж. р., ум. от *јагода* (см. выше **agoda*), мн. *јагодице* 'щеки' (Караџић; RJA: с XVI в., с одновременным указанием на древность последнего значения), русск. *я́годица* ж. р. 1. только мн. 'задняя мясистая часть тела, седалище', 2. 'округлая половина этой части'. 3. (обл.) 'сосок женской груди', диал. *я́годица* ж. р. 'скула' (новгор.), 'щека' (томск.) (Опыт 273), *я́годица* 'щека' (Куликовский 142) 'скула' (Картотека Печорского словаря), блр. *я́гадзіца* 'ягодица'.

Производное с суфф. *-ica* от **agoda* (см.) с новым значением 'округлая, выпуклая часть тела', откуда конкретная семантическая реализация по отдельным слав. языкам: 'скула', 'щека', 'грудь', 'ягодица'. Первоначальный семантический признак, т. о., — 'округлость, выпуклость' (непосредственно развившийся из значения 'ягода, округлый, мясистый плод'), а не 'румянец', как полагал Брюкнер (см. Brückner 197). Семантические переносы 'плод растения' > 'часть, орган тела' вообще нередки, ср. напр. болг. *сли́ва* 'слива' — *сли́вица* 'миндалина'. Ни на чем не основано мнение Махека об особом происхождении ст.-чеш. *jahoda*, *jahódka*, польск. *jagoda*, сербохорв. *јагодица*, русск. *ягодица* 'часть лица', якобы родственного нем. *Backe* 'щека', «праевропейского» происхождения (см. Machek 169: *jahoda* 2).

***agodina?:** сербохорв. *jȁgodina* ж. р. 'название растения', также ув. от *jagoda* и в роли топонима (RJA IV, 415), ст.-чеш. *jahodina* 'куст земляники' (Gebauer I, 590), чеш. *jahodina* то же, русск.

ягодина 'Ficus sycomorus' (RJA, там же, без указания источника).

Производное от **agoda* (см.) с помощью суф. *-ina*, выступающего здесь в функции собирательности или увеличительности.

***agodišče:** чеш. *jahodiště* ср. р. 'место, где растут ягоды', ср. также кайкав.-хорв. *jagodište*, *jagodišće*, местное название близ Загреба (RJA IV, 415).

Производное с суфф. *-išče* в функции собирательности от **agoda* (см.). Значительная древность сомнительна, ср. указание на собирательное значение суфф. *-oda* в составе самого **agoda*.

***agodъka,** мн. ***agodъky:** макед. диал. *јаготка* ж. р. 'скула' (И-С), русск. диал. *ягодки* мн. 'верхняя часть щеки, верхние скулы' (Даль[3] IV, 1561), блр. *ягадкі* 'скулы лица' (Гарэцкі 174).

Оставляя в стороне чистые деминутивы, производные с суфф. *-ъka* от **agoda* (см.) (ср. макед. *јаготка* 'клубника; земляника', словен. *jágodka*, чеш. *jahůdka*, слвц. *jahôdka*, в-луж. *jahodka*, польск. *jagódka*, укр. *ягідка*) выделим лексически самостоятельные производные с тем же суфф., в принципе синонимичные производным на *-ica* (см. **agodica*).

***agodьje:** словен. *jágodje* ср. р. собир. 'ягоды' (Plet. I, 355), чеш. *jahodí*, *jahůdí* ср. р. 'jahodníkový porost', укр. *ягіддя* (Гринченко).

Производное от **agoda* (см.) с суфф. собирательности *-ьje*.

***agodьnica:** болг. *ягодница* ж. р. 'название дерева' (Геров), чеш. *jahodnice* ж. р. 'тутовое дерево', 'кушанье из земляники' (Kott I, 596), в.-луж. *jahodnica* 'сок из ягод' (Pfuhl 229) русск. диал. *ягодница* 'щека' (Подвысоцкий 197), *ягодницы* мн. 'щеки, скулы' (Материалы Смоленского словаря 154), укр. *ягідни́ця* 'собирающая ягоды'.

Под этой реконструкцией объединены, по-видимому, разные образования: 1) производное с суфф. *-ьnica* от **agoda* (болг., чеш., в.-луж., укр.); 2) случаи, непосредственно связанные с **agodica* (см.) и в этом смысле словообразовательно вторичные.

***agodьnikъ:** сербохорв. *jagodnik* м. р. 'ягода', 'земляника fragaria' (Stulli, RJA IV, 415), чеш. *jahodník* м. р. 'куст земляники' (Kott I, 596), слвц. *jahodník* м. р. 'куст земляники', 'тутовое дерево' (SSJ I, 629), др.-русск. *ıагодьникъ* 'ягодный огород' (Новг. купч. XIV—XV в., Срезневский III, 1639), русск. диал. (сев.) *ягодник* м. р. 'ягодное место', (ряз.) 'ягодное варенье; пастила; пирог', (влад.) 'кустарник, на котором родятся ягоды' (Даль[3] IV, 1561), укр. *ягідник* 'земляника лесная Fragaria vesca' (Гринченко IV, 535), *ягідни́к* 'стебли, кусты клубники или земляники' (Гринченко IV, 535). Ср. еще словен. *jágodnjak* м. р. 'земляника Fragaria vesca' (Plet. I, 355).

Производное от **agoda* (см.) с суфф. *-ьnikъ*, в данном образовании — с функцией собирательности (обозначение растения в целом, куста с ягодами и т. п.). Не исключена, впрочем, соотнесенность непосредственно с прилаг. **agodьnъjь* (см.).

***agodьnъjь:** сербохорв. *jăgodan* 'ягодный' (RJA IV, 414), ср. топоним *Јăгодњâ* (Караџић), словен. jágoden 'ягодный' (Plet. I, 355), чеш. *jahodný*, *jahodní* 'ягодный' (Kott I, 596), н.-луж. *jagodny* 'ягодный, земляничный' (Muka Sł. I, 526), словин. *jagŭǫdnï* 'ягодный, черничный' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 378), русск. *ягодный*, укр. *ягідний* (Укр.-рос. словн., VI).

Адъективное производное регулярного типа от **agoda* (см.) с суфф. *-ьn(ъjь)*.

***agolvo?:** русск. диал. (костр.) *яголово* ср. р. 'скотина, убитая хищным зверем' (Даль [3] IV, 1561, Картотека Словаря русских народных говоров), *ягло*, *яглово* ср. р. (нижегор., костр.) 'скотина, задранная медведем, зарезанная волком; мертвечина, падаль' (Даль [3] IV, 1560).

Возможно, старое сложение имени **golva* (см.) и архаического префикса *a-* со значением приблизительности (из и.-е. **ō-/ē-*); примеров подобных сложений немало в настоящем выпуске словаря. Семантически близко к данному случаю употребление др.-русск. *голова* в значении 'убитый' (см. Срезневский I, 542). См. О. Н. Трубачёв. Сб. к 70-летию В. И. Борковского 269. Невероятна и по семантическим соображениям неприемлема этимология Мошинского — к **jagla*, **jaglo* 'толокно, просяная каша' < 'еда, пища вообще' и к **agoda* (см. Moszyński. Pierwotny zasiąg 227).

***ajatъ(jь):** сербохорв. *jàjat* 'cum testiculis' (XVIII в., RJA IV, 420).

Адъективное производное с суфф. *-atъ(jь)* от **aje* (см.). Ср. параллельное образование с родственным формантом *-ātus* в лат. *ōvātus* 'яйцеобразный'.

***aje:** сербохорв. *jáje* ср. р. 'яйцо, яичко', также в качестве названия определенной меры жидких или сыпучих тел (Влаjинац II, 312), в.-луж. *jejo*, *wejo* ср. р. 'яйцо, яичко' (Pfuhl 235, 776), н.-луж. *jajo* ср. р. 'яйцо' (Muka Sł. I, 528), полаб. *joji* ср. р. 'яйцо' (Polański—Sehnert 75), польск. *jaje*, диал. *jajo* 'яйцо' (Warsz. II, 125), словин. *jãjä* ср. р. 'яйцо' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 379), укр. *айо* (диал., детск.) 'яйцо' (Мельничук. Словник специфічної лексики говірки села Писарівки. «Лексикографічний бюлетень». II. Київ, 1952, стр. 98).

Праслав. **aje* ср. р. восходит к и.-е. **ōi̯om*, как о том свидетельствует вокализм лат. *ōvum* 'яйцо', греч. ᾠόν то же, очевидное родство с которыми не позволяет принимать особое удлинение гласного в слав. Долгота корневого гласного носила здесь, т. о., диал. и.-е. характер (ср. еще иран. данные, ниже; см. Mikkola. Urslav. Gramm. I, 51), при краткости в некоторых других и.-е. диалектах, напр. в герм. Структура лат. *ōvum* и особенно греч. ᾠόν, лесб. ὤϊον, дор. ὤεον, аргосск. ὤβεα·τὰ ὠά (см. Walde [2] 550; Ernout—Meillet [3] II, 837; Hofmann 430) приводила исследователей к мысли о том, что исходная для них форма и.-е. **ōu̯(i̯)om* лежит также в основе слав. *aje, хотя в плане слав. звукового

развития рефлексация и.-е. *ōu̯ > слав. *a* маловероятна. Ср. еще Miklosich 99: «Производят *jaje* из *āvje*, не будучи в состоянии обосновать выпадение *v*». Ср. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 182, прим. 1. Замечено, что следов *-u̯-* в середине слова не сохранилось ни в слав. **aje*, ни в герм. **ajja-*, откуда др.-в.-нем. *ei*, нем. *Ei* 'яйцо', др.-исл. *egg* то же, см. Ernout—Meillet [3], там же. На этом основании мы принимаем для слав. названия яйца и.-е. праформу *ōi̯om*. Ср. еще иран. **āi̯a-*, н.-перс. *xāya* 'яйцо', см. Berneker I, 26; Фасмер IV, 552. О герм. формах см. специально F. O. Lindeman «Studia linguistica» XIV, № 2, 1960, 10—11.

Начальное *j-*, развившееся перед *a-* в большинстве слав. форм, объясняется как нормальная протеза, см. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 182; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 105; Мейе. Общеслав. язык 69. Родственное арм. *ju* 'яйцо' тоже обнаруживает начальное *j-*, которое Мейе называет «загадочным» (Ernout—Meillet [3], там же), но этот вторичный звук объясняют условиями развития арм. формы, см. Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьм. периода арм. языка (Ереван, 1967) 264. Отличное — и тоже протетическое — консонантное начало имеют в.-луж. *wejo* и чеш. *vejce*, слвц. *vajce* (последние две формы см. под **ajьce*, ниже). Едва ли правильно нефонетическое истолкование этого *v-* у Вайяна, который говорит об отражении дублета **ōja-* в слав. **aje* и дублета **u̯ōja-* — в слав. **vaje* (см. Vaillant. Gramm. comparée I, 186).

Обычно принимают этимологическую связь с названием птицы на и.-е. уровне, указывая на лат. *avis* 'птица' и некоторые другие формы (см. Pokorny I, 783—784), что говорит косвенно о вторичности и.-е. **ōi̯om* (без *-u̯-*) сравнительно с **ōu̯om*, **ōu̯i̯om*. Удлинение коренного гласного (врддхи) хорошо соответствовало бы при этом значению 'птичье', восстановимому этимологически. В остальном отношения вокализма здесь недостаточно ясны. Весьма знаменательно полное отсутствие близкого названия яйца в балт. языках (чисто условно следует воспринимать присутствие **ōi̯a-* 'яйцо' в словаре: Trautmann BSW 202). В то же время не исключено, что балт. языки сохранили родственное название птицы — лит. *vištà* 'курица, наседка', лтш. *vista* то же, ср. авест. *vīš* 'птица', лат. *avis* и т. д. (ср. Fraenkel II, 1266; критически см. K. Būga. Rinktiniai raštai II, 327). В последнем случае любопытно, что название яйца, родственное слав. ***pъtica***, ***pъtakъ*** (см.), неизвестное из слав. языков, представлено в лит. *pаũtas*.

Из литературы: Sadnik-Aitzetmüller 1, 13—14; Brückner 196—197; Holub-Kopečný 411; Sławski I, 489—490; Machek 559; «Základní všeslovanská slovní zásoba» (Brno, 1964) 55; Meillet MSL 14, 1907, 370; J. Loewenthal WuS IX, 1926, 186—187. Дальнейшие этимологические связи см. под **ajьce*.

***ajina**: сербохорв. диал. *jajina* 'яичная скорлупа' (Maš. 434), также в топонимии (RJA IV, 422).

Производное с суфф. *-ina* от **aje* (см.).

***ajitъjь?:** слвц. диал. *vajitý* 'овальный' (Kálal 757).

Производное, возраст которого остается для нас проблематичным, образованное с адъективным суфф. *-it-* от **aje* (см.). Ср. **ajatъ* (выше).

***ajьce:** ст.-слав. аицє ср. р. ᾠόν, *ovum* 'яйцо' (SJS), болг. *яйцé* ср. р. 'яйцо' (БТР), диал. *айцé* ср. р. (с. Добротино, Гоцеделчевско; дип. раб., Архив Соф. унив-та), *ацé* ср. р. (Стойчев БД II, 125), *йецé* ср. р. (там же, 176), макед. *jajце* ср. р. 'яйцо' (И-С), сербохорв. *jájце* ср. р., ум. от *jaje* 'яйцо', диал. (сев., сев.-зап.) также без ум. знач. (RJA IV, 420), *Jajце*, название города в Боснии, словен. *jájce* ср. р. 'яйцо', 'яичко' (Plet. I, 355—356), чеш. *vejce* 'яйцо' (Kott IV, 595—596), диал. *vijce* (Hruška, Slov. chod. 105), *více* (Kott, Dod. k Bart. 135), слвц. *vajce* ср. р. то же (SSJ V, 11—12), диал. *vajco* ср. р. (Buffa. Dlhá Lúka 228), польск. стар., диал. *jajce*, *jajco*, *jejce* 'яйцо' (Warsz. II, 125, 167), словин. *jãịcä* ср. р. 'яичко testiculus' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 379), др.-русск. *ꙗице* 'яйцо птичье' (Пал. XIV в. и др., Срезневский III, 1651), русск. *яйцó*, укр. *яйцé* ср. р. 'яйцо, яичко' (Гринченко IV, 537), блр. *яйцó* ср. р. 'яйцо'.

Праслав. **ajьce* ведет себя как ум. форма, образованная с суфф. *-ьce*, по отношению к **aje* (см.). Об этом говорит и ситуация в тех слав. языках, где основной термин со значением 'яйцо' — **aje*, ср. сербохорв. *jaje* — ум. *jajце*. Вместе с тем однозначно трактовать форму **ajьce* как поздний продукт исключительно слав. развития мешают некоторые близкие внеславянские данные. Ср. осет. *айк* / *айкæ* 'яйцо' (см. об осет. слове Бенвенист. Очерки по осет. языку. М., 1965, 26). На особый параллелизм словообразования слав. и осет. форм в славистической литературе не обращалось должного внимания. Слав. и иран. названия яйца с *-k-* суффиксальным (праслав. **ajьce* < **ajьko*) близки функционально, выражая уменьшительность. См. специально Абаев I, 41.

***ajьčьjь:** словен. *jájčji* 'яичный' (Plet. I, 356), чеш. (редк.) *vaječí* то же.

Производное с суфф. *-ьjь* от **ajьce* (см.), **ajьko* (см.).

***ajьčьna:** укр. *яéшня* ж. р. 'яичница' (Гринченко IV, 536), блр. *яéчня* 'яичница'.

Первоначально адъективное производное с суфф. *-ьna* ж. р. от **ajьce* (см.).

***ajьčьnica:** сербохорв. *jajčenica* ж. р. 'праздничное кушанье, из теста с крашеным яйцом посередине' (RJA IV, 420), чеш. диал. *vaječňica* ж. р. 'яичница' (Svěrák. Karlov. 139), слвц. *vaječnica* ж. р. 'яичница из взбитых яиц' (SSJ V, 12), польск. *jajecznica* ж. р. 'яичница', русск. *яúчница* ж. р. 'кушанье из поджаренных на сковороде яиц', укр. *яéчниця* (Гринченко IV, 536).

Производное с суфф. *-ica* от основы прилагательного **ajьčьn-* (см. **ajьčьnъjь*). Может быть понято как субстантивация перво-

начально адъективного образования **ajьčьna* (см.), ср. аналогичные отношения **vьdova—*vьdovica*.

***ajьčьnikъ:** болг. диал. *яйчник* м. р. 'кушанье с яйцами', 'яичница' (БТР, Геров), *яйченик* (Геров), макед. *јајчник* м. р. (Кон.), сербохорв. диал. *jajčenik* м. р. (RJA IV, 420), *јајчаник* 'кушанье из яиц' (LM 117), 'железа на горле скотины' (Šu 163), словен. *jȃjčnik* м. р. 'кушанье с яйцами; яичница' (Plet. I, 356), чеш. *vaječník* м. р. 'яичница', укр. *яєшник* 'вид гриба' (Гринченко IV, 536).

Производное с суфф. *-ikъ* от основы прилагательного **ajьčьn-* (см. **ajьčьnъjь*). Аналогичное выражение субстантивации ср. в отношениях **ajьčьnica—*ajьčьna* (см. s. vv.).

***ajьčьnъjь:** болг. *яйчен* 'яичный' (БТР), макед. *јајчин* (Кон.), сербохорв. *jajčan*, *jajčen* (RJA IV, 420), словен. *jájčen* 'яичный' (Plet. I, 356), чеш. *vaječný*, слвц. *vaječný* 'яичный, из яиц' (SSJ V, 12), польск. *jajeczny* то же (Warsz. II, 125), русск. *яичный*, укр. *яєшний* 'яичный' (Гринченко IV, 536), *яєчний* (Гринченко IV, 536).

Прилагательное, производное с суфф. *-ьnъ(jь)* от **ajьce* (см.).

***ajьko:** чеш. диал. *vajko* ср. р. 'яйцо' (моравск., Kott IV, 538; Malina Mistř. 135), *jajko* то же (Kott Dod. k Bart. 36), слвц. *vajko* ср. р. 'яйцо' (SSJ V, 12), в.-луж. *jejko* 'яичко' (Pfuhl, 235), н.-луж. *jajko* ср. р. 'пасхальное яйцо', 'круглая ягодка как плод растения' (Muka Sł. I, 527), польск. *jajko* (Warsz. II, 125), русск. диал. *яйко* 'яйцо' (Картотека Псковского областного словаря), укр. *яйко* ср. р.=*яйце* (Гринченко IV, 537).

Праслав. **ajьko* соотносимо с **aje* (см.) и дублетно к **ajьce* (см.) в морфолого-словообразовательном отношении (их объединяет наличие *-k-* суффиксального в общей функции уменьшительности). Момент хронологии неясен, поскольку, с одной стороны, есть несомненные параллели за пределами славянского (см. под *ajьce), а с другой стороны — возможно воспроизводство той же модели (**ajьko*) в достаточно позднее время.

***ajьno:** русск. стар. *яйнó* ср. р. 'пузырь, плена, сорочка, в коей иногда родятся младенцы' (Даль[3] IV, 1569).

Производное (адъективное по типу, см. **ajьnъjь*) от **aje* (см.).

***ajьnъjь:** сербохорв. *jájan* 'яичный' (RJA IV, 419; с XV в.), словен. *jájen* 'яичный' (Plet. I, 356), слвц. диал. *vajný* 'овальный' (Kálal 757), польск. *jajny* 'яичный' (Warsz. II, 125).

Прилагательное с суфф. *-ьnъ(jь)* от **aje* (см.).

***ako** / ***jako?:** ст.-слав. ако, ꙗко, нареч. и союз, ὥσει, ὡς, ὥστε, ὥσπερ, ὅτι (Вост., Sad.) 'как, будто', болг. *акó* 'если', диал. *áко* (М. Младенов БД III, 35), *áко* 'хотя' (Гълъбов БД II, 68), *ак* =*ако* (Геров — Панчев), макед *ако* 'если; хотя' (И-С), сербохорв. *ако* 'если', словен. *ako* 'если, поскольку; хотя; ли' (Plet. I, 3), чеш. *jak* 'как; когда, если', *jako* 'как', слвц. *ak* 'если', *ako* 'как', диал. *jak* 'как' (SSJ I, 15—16, 18—19, 629), в.-луж. *ako*, *ak*=*jako*,

hako (Pfuhl 2), польск. *jak*, *jako* 'как' (Warsz. II, 126), словин. *ăk* = *jăkɵ*, *jăk* 'как' (Lorentz. Slovinz. Wb. I, 2, 379), русск.-цслав., др.-русск. *ако*, *ꙗко* 'что, как, когда; так что, чтобы, ибо, так как; хотя' (Срезневский I, 12; III, 1652—1653, 1655), русск. диал. *ак* 'как' (печорск., уральск.), 'так' (арханг.) (Филин 1, 225), укр. *як* 'как, как будто; если, когда' (Гринченко IV, 537—538), блр. *як* 'как' (Блр.-русск. 1045).

Неясность реконструкции праформы вынуждает объединить в одной статье приведенный выше материал, тем более что семантическая близость случаев **ako* и **jako* действительно велика. Учитывая наличие праслав. **tako* (см.) от указат. местоим. и.-е. **to-*, трудно спорить против возможности этимологии **jako* из и.-е. *i̯e-/*i̯o- 'этот', где также местоименная основа. Согласно крайней точке зрения на все случаи **ako*/**jako*, примеры с *a*-начальным утратили *j-* в условиях фразовой фонетики и, следовательно, вторичны. См. Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 473; Vaillant. Gramm. comparée I, 183; Sadnik-Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 15; Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch 211; E. Nieminen «Scando-Slavica» II, 1956, 24. Широта распространения форм **ako* (практически во всех трех группах слав. языков, в том числе — там, где наличие **jako* не отмечено, ср. особенно ранее не привлекавшиеся русск. диал. печорск., уральск., арханг. примеры) вызывало, с другой стороны, предположение об исконном праслав. **ako* для части перечисленных форм — из и.-е. указат. местоим. **e-*/**o-* См. Berneker I, 26; A. Meillet MSL 19, 1915, 286; Фасмер IV, 553. Следует также серьезно взвесить восходящее еще к Маретичу толкование **ako* как соединения *a*+*ko* (см. Vondrák, там же), позднее принятое Младеновым, см. Младенов 4 (где говорится о союзе *a* и и.-е. местоимении *k^{u}o-*); Георгиев БЕР I, 6. Ср. праслав. **a če* (см.), а также тождество значений словен. *ako*=*ače* (Plet. I, 1). Садник и Айцетмюллер, признающие этимологию Младенова невероятной, не сомневаются (что естественно) в происхождении словен. *ače* < **a če*, см. Sadnik—Aitzetmüller 1, 2.

Сводку слав. форм см. еще в: «Základní všeslovanská slovní zásoba» (Brno, 1964), 55. Из литературы см. также специально A. P. Caleman. *Jak* and *jako* in Polish. «Language» 7, 1931, 131—135; Мельничук. Розвиток структури слов'янського речення, 210—214.

***alověti / *jalověti:** чеш. *jalověti*, слвц. *jalovieť* 'становиться бесплодным (о животном)' (SSJ I, 630), польск. *jałowieć*, словин. *jalɵvjău̯c* 'быть, оставаться бесплодным' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 380), русск. *яловеть* 'о корове: быть яловой, становиться яловой', укр. *яловiти* 'оставаться бесплодной (о самке скота)', 'оставаться невспаханной (о земле)' (Гринченко IV, 540), блр. *ялавецъ* (Блр.-русск.).

Глагол, производный от основы прилагательного **alov-* (см. **alovъjь* / **alovaja*).

***alovę / *jalovę:** н.-луж. *jałowe*, род. *-eśa* ср. р. 'яловица, яловка, телка' (Muka Sł. I, 529), чеш. (редк.) *jalůvě*, род. п. ед. ч. *-te*, ср. р. слвц. *jalovä*, род. *-ät'a* ср. р. 'телок, телка' (SSJ I, 630).

Существительное, производное с суфф. *-ęt-* от адъективной основы **alov-* (см. **alovъjь / *alovaja*).

***alovica/*jalovica:** цслав. ѧловицѧ ж. р. ἀτεκνοῦσα (Mikl.), болг. *ялови́ца* ж. р. 'яловица; бездетная женщина' (БТР), диал. *йе́ловица* ж. р. 'глинистая почва' (Стойчев БД II, 176), *е́ловица* ж. р. 'вид почвы красноватого цвета; бездетная женщина' (Стойчев БД I, 157), *е́луицъ* ж. р. 'глинистая неплодородная почва, трудно обрабатываемая' (с. Корница, Благоевградско. Дип. раб. Архив Софийск. ун-та), макед. *јаловица* ж. р. 'яловое животное (корова, коза и т. п.); бесплодная земля' (И-С), сербохорв. *ја̏ловица* 'бесплодная корова, овца', 'невспаханное поле', 'теленок' (Караџић), диал. *јаловица* 'овца или коза која «пренесе» једну годину' (Mić 31), словен. *jáloviса* ж. р. 'бесплодная самка животного, особ. яловая корова', 'бесплодная земля' (Plet. I, 356), ст.-чеш. *jalovicě* ж. р. 'яловица, телка' (Gebauer I, 598), слвц. *jalovica* ж. р. то же (SSJ I, 630), в.-луж. *jałojca* ж. р. 'телка' (Pfuhl 230), н.-луж. *jałowica* ж. р. 'не телившаяся молодая корова, яловица, яловка' (Muka Sł. I, 529), полаб. *jolüvaićă* ж. р. 'яловица, не телившаяся телка' (Polański—Sehnert 75), польск. *jałowica*, диал. *jałojca* 'телка, яловица' (Warsz. II, 131), словин. *jalə̀'ícă* ж. р. то же (Lorentz Slovinz. Wb. I, 380), др.-русск. *ꙗловица* 'корова, не дававшая приплода, нетель' (Уст. гр. м. Кипр. Конст. мон. 1392 г., Срезневский III, 1656), (Гр. после 1349 г. Картотека СДР), *яловица* 'несуягная овца' (1633 г.; Котков. Лекс. южн.-русск. письм. XVI—XVIII вв., 112), русск. *я́ловица* ж. р. 'яловая корова, юница, телица, не приносившая еще теленка' (Даль [3] IV, 1572), укр. *я́ловиця* ж. р. 'корова-нетель' (Гринченко IV, 540), блр. *я́лавіца* 'яловица'.

Производное с суфф. *-ica*, представляющее собой субстантивацию соответствующего прилагательного **alova(ja)* (см.). Ср. отношение **vъdova — *vъdovica*.

***alovičina / *jalovičina:** чеш. *jalovičina* ж. р. 'телячья кожа', слвц. *jalovičina* ж. р. то же (SSJ I, 630), др.-русск. *ꙗловичина* 'телятина' (Афан. Никит. 336, Срезневский III, 1656), укр. *я́ловичина* ж. р. 'говядина' (Гринченко IV, 540).

Производное с суфф. *-ina* от **alovica* (см.).

***alovina/*jalovina:** болг. *яловина́* ж. р. 'яловая скотина, овцы, коровы' (Геров), *яловина* (Другаѧ дружина ходи съ стада, кои сѫ раздѣлени, на *ꙗловинѫ*, шилета, доймы и слабы. Г. С. Раковски Показалец, 1859. Архив Болг. возрождения, София), сербохорв. диал. *jalovina* 'скотина, которая не доится' (Kan 269), *јаловиња* 'яловая скотина' (GP 11), словен. *jalovína* ж. р. то же (Plet. I, 357), чеш. *jalovina* ж. р. 'молодой рогатый скот', слвц. *jalovina* то же (SSJ I, 630), русск. диал. (зап.) *яловина* ж. р. 'лядо, запу-

щенная, плохая земля' (Даль [3] IV, 1572), блр. *ялавіна* 'перелог', диал. *јаловына* ж. р. 'поле, засеваемое с промежутком в 2—3 года для повышения плодородия почвы', 'поле, которое не успели обработать' (Л. Т. Выгонная. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья». М., 1968, 130).

Производное с суфф. *-ina* от основы прилагательного **alovъjь*, *-aja* (см.)

***aloviti(sę) / *jaloviti(sę):** макед. *јалови се* 'скидывать (о животном)' (И-С), сербохорв. *ја̏ловити* 'выхолащивать, кастрировать (барана)', 'делать яловой (корову, кобылу, овцу)' (Вук Караџић; RJA: с XVII в.), *ја̏ловити се* 'становиться яловой, бесплодной', словен. *jalovíti* 'делать бесплодной' (Plet. I, 357), в.-луж. *jałowić* 'становиться бесплодной' (Pfuhl 230), словин. *jalŭǫvjĭc* 'делать бесплодной' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 380), русск. *яловиться: земля яловится* 'отдыхает, лежит в пару' (Даль [3] IV, 1572).

Глагол на *-iti* (с каузативным значением), производный от основы прилагательного **alovъjь*, *-aja* (см.)

***aloviznь / *jaloviznь:** чеш. диал. *jałovizeň* ж. р. 'молодой рогатый скот' (валашск., Bartoš Slov. 129), слвц. *jalovizeň*, род. п. ед. ч. *-zne* ж. р. то же (SSJ I, 630).

Именное производное с суфф. *-iznь* и функцией собирательности от адъективной основы **alov-* (см. след.).

***alovъjь, *alovaja / *jalovъjь, *jalovaja:** цслав. ⰰⰾⱁⰲⰰ прилаг. ἀτεκνοῦσα; ѩловъ (Mikl.), болг. *ялов* прил. 'не родящий, бесплодный', (БТР), макед. *јалов* 'яловый' (И-С), сербохорв. *ја̏лов* 'бесплодный (о земле, о скоте)', диал. *ја̏лав* 'яловый' (Елез. I), словен. *jálov* 'яловый, бесплодный'; 'пустой', *jâl* то же (Plet. I, 356), диал. *ávow* 'яловый, молодой (о скоте)' (Šašel, Ramovš 101), чеш. *jalový* 'бесплодный' диал. *jałový* 'недойный (о скоте), постный, несдобный (о тесте)' (Bartoš Slov. 129), слвц. *jalový* 'бесплодный, яловый' (SSJ I, 630), в.-луж. *jałowy* 'яловый (только о корове)' (Pfuhl 230), н.-луж. *jałowy* 'яловый, бесплодный (большей частью о коровах)' (Muka Sł. I, 529), полаб. *jolüvă* прил. ж. р. (**jalovaja*) 'яловая, бесплодная' (Polański—Sehnert 75), польск. *jałowy* 'яловый, бесплодный; неурожайный; сухой, постный, несдобный' (Warsz. II, 132), словин. *jalŭǫvĭ* 'яловый, бесплодный' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 380), др.-русск. ѩловыи 'нестельный, неплодный' (Срезневский III, 1656), русск. *яловый* '(о скоте) бесплодный, неоплодотворенный', 'порожний, пустой, неплодный' (курск., Опыт 274), 'не подвергавшийся пахоте, заобложивший' (Добровольский 1019), *ялая* прил. ж. р. 'молодая корова, нетель' (томск., Опыт 273), укр. *яловий* 'бесплодный (о скоте; о почве, растении)' (Гринченко IV, 540), блр. *ялавая* прил. ж. р. 'яловая'.

Прилаг. с основой **alov-*, как видим, распространено широко в слав. языках и причем повсеместно — в исторически тождественной форме, восходящей к праслав. **alovъjь*. Как спорадическую нужно отметить другую форму, представленную в словен.

диал. *jâl* и в русск. диал. *ялая* (см. выше). Сличение тех и др. форм позволяет выделить в **alovъjь* суфф. *-ov-*. См. еще Miklosich. Vgl. Gramm. II, 230; Г. Ильинский ЈФ V, 1925—1926, 56—57 (с ошибочной, впрочем, концепцией происхождения целой морфологической категории). Реконструкцию праслав. формы (**alovъjь* или **jalovъjь*) затрудняет недостаточная ясность внешнего этимологического родства слав. форм. Один вариант этимологизации делает вероятной именно реконструкцию праслав. **alovъjь*, ср. в качестве исконно родственных лтш. *ãlava* 'яловая корова, не дающая молока', см. E. Fraenkel ZfslPh XI, 1934, 36—38. Следует, вслед за Френкелем, особо выделить то обстоятельство, что различие в начале лтш. и слав. слов (последние в течение всего исторического периода регулярно обнаруживают начальную йотацию) исключает заимствование балт. форм из слав., русск., вопреки мнению ряда ученых (напр. Miklosich 99; Berneker I, 444). Френкель (там же) относит сюда еще лит. диал. (жем.) *olaus* < **olavas* 'холостой', см. также Fraenkel I, 516. Другой вариант этимологизации ставит вопрос об исконности начального *j-* в слав. слове, которое при этом сравнивается, правда, с более отдаленными по значению словами: кимр. *ial* 'место в лесу, оголенное от деревьев, поле' (J. Pokorny ZfceltPh 21, 55 и след. — Цит. по: RS XV, 1939, 156; Pokorny I, 504—505; см. еще Van Windekens. Études pélasgiques 100—102, где сюда же отнесены греч. (пелазг. ?) ἅλιος 'тщетный, бесполезный', топонимы вроде Ἀλίσαρνα и др.); лтш. *jêls* 'сырой, незрелый', см. Trautmann BSW 107; Brückner 198; Младенов 702—703; Holub—Kopečný 148; Фасмер IV, 555. Френкель (ZfslPh, там же) отвергает сближение с лтш. *jêls*, хотя позднее он же как будто допускает родство и с лтш. *jêls* и с лит. *jẽlas* 'несоленый, пресный, свежий', а также, вслед за Махеком (Machek «Slavia» 8, 209 и след.), — с лит. *alùs* 'пиво', слав. *olъ* (см. Fraenkel I, 8—9, 193), что подводит к мысли о возможности компромиссного решения **el-* / **i̯el-* / **ol-*, **al-* / **i̯al-* и примирения реконструкций с йотацией и без нее.

См. еще из литературы: Sławski I, 496—497; E. Mośko PJ 1958, 461; он же JP XLIII, 1963, 245; Machek 170 (знаменательно, что здесь Махек предпочитает говорить о неясности праслав. *jalovъ*).

***alovъka / *jalovъka:** сербохорв. *jȁло̑вка* ж. р. = *јаловица*, словен. *jálovka* ж. р. = *jalovica* 'телка' (Plet. I, 357), чеш. *jalůvka* ж. р., диал. *jalovka* = *jálovice*, слвц. *jalovka* ж. р. 'яловая овца или корова' (SSJ I, 630), польск. *jałówka* = *jałowica* (Warsz. II, 132), русск. обл. *яловка* ж. р. 'телица, молодая корова, яловица' (волог., тамб., тул., Опыт 274), укр. *ялівка* ж. р. 'нетель, неплодная корова' (Гринченко IV, 539), блр. *ялаўка* 'яловка'.

Производное с суфф. *-ъka* от основы прилагательного (см. **alovъjь* и т. д.), вариантное в словообразовательно-лексическом отношении с **alovica* (см.). Семантически тождественное этому

последнему, образование **alovъka*, возможно, уступает ему по возрасту.

***alovъkъ?/*alovakъ?:** болг. *яловáк, ялъвáк* м. р. 'кладеный баран-вожак' (Геров), макед. *јаловак* м. р. 'кастрированное животное (бык, конь и т. п.)' (И-С), сербохорв. диал. *јаловак* 'бесплодный петух' (LM 35).

Образование, недостаточно ясное по своей древности и суффиксальному оформлению: часть примеров указывает как будто на суфф. *-akъ*, отдельные примеры двусмысленны (*-akъ?-ъkъ?*). Общеслав. перспектива, а именно — наличие довольно распространенной формы ж. р. с суфф. *-ъk(a)* (см. **alovъka*) — позволяет допустить и здесь оформление **alovъkъ*.

***alovьcь/*jalovьcь:** сербохорв. *јалóвац*, род. *-вца* м. р. 'кладеный баран', словен. *jálovec* м. р. 'бесплодное животное', 'бесплодный ствол' (Plet. I, 356), чеш. *jalovec*, род. *-vce* м. р. 'растение можжевельник Juniperus', диал. 'яловые овцы' (Kott Dod. k Bart. 36), слвц. диал. *jalovec, -vca* м. р. 'можжевельник' (SSJ I, 630), 'терн' (Buffa. Dlhá Lúka 159), в.-луж. *jałorc* 'можжевельник' (Pfuhl 230), стар. *jalorc, jawolc* то же (1799 г., Schuster-Šewc, Sprachdenkm. 237), н.-луж. *jałowc* м. р. 'можжевельник' (Muka Sł. I, 529), стар. *jaloycz* то же («Hortus Lusatiae», 1594 г., Schuster-Šewc, Sprachdenkm. 46), н.-луж. *jałoẃeńc* м. р. 'можжевельник' (Muka Sł. I, 529), польск. *jałowiec*, род. *-wca* м. р. то же (Warsz. II, 132), русск. обл. *я́ловец* 'можжевельник Juniperus' (Даль [3] IV, 1572), укр. *ялівéць, яловéць* м. р. то же (Гринченко IV, 539).

Видимо, народноэтимологической ассоциации с укр. *ялúна* 'ель' обязано своей формой укр. диал. *ялúниць* 'можжевельник Juniperus communis' (І. Верхратський. Знадоби 274). В остальном, что касается формы **alovьcь* и ее этимологизации, здесь возможно только одно решение: производное с суфф. *-ьcь* от основы прилагательного *alov-* (см. **alovъjь*). Ясно без комментариев, что это точно соответствует значению ю.-слав. и отчасти — чеш. продолжений праслав. **alovьcь* — 'яловый, молодой скот'. Но эта же этимол. связь действительна и для **alovьcь* 'Juniperus', почему слова с тем и с другим значениями объединены здесь в одной статье. Можно сравнить отношение праслав. **alovьcь* 'можжевельник' и **alovica* 'телка, яловица' с отношением лат. *iūniperus* 'можжевельник' и *iūnīx* 'яловица, телка'. Реальную природу такого называния правильно видел еще Брандт, указывавший на то, что можжевельник, двудомное растение, часто оказывается бесплодным. См. Р. Брандт РФВ XXII, 1889, 131; вслед за ним — Berneker I, 444; J. Charpentier «Glotta», 9, 1918, 57; Brückner 198 (: «от мужских, тем самым — бесплодных, яловых, соцветий»); Фасмер IV, 544; Sławski I, 495.

Прочие этимологии неубедительны: недавняя гипотеза Махека о родстве с основой нем. *Wacholder* 'можжевельник', др.-в.-нем. *wehhal-* (Machek 170); сближение с арм. *eɫevin* 'кедр' (см., вслед

за Лиденом, Berneker I, 272, с реконструкцией праслав. *ělovьcь; K. Oštir «Etnolog» III, 1929, 101; IV, 1930, 5; Trautmann BSW 69; Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьм. периода арм. языка (Ереван, 1967), 240—241; A. Carnoy. Études étymologiques sur le vocabulaire latin des plantes. «Studia linguistica» XIII (Lund—Copenhague, 1959), 118, где сюда же относится лат. *elbus* 'pinus Cembra').

***ama / *jama:** болг. *я́ма* ж. р. 'яма' (БТР), макед. *jама* ж. р. 'яма, воронка' (И-С), сербохорв. *ja̋ма* ж. р. 'яма', словен. *jáma* 'яма, пещера' (Plet. I, 357), чеш. *jáma* ж. р. 'углубление в земле, яма', слвц. *jama* ж. р. то же (SSJ I, 630—631), в.-луж. *jama* 'яма, пещера' (Pfuhl 230), н.-луж. jama ж. р. 'яма, углубление' (Muka Sł. I, 529), полаб. *jomo* ж. р. 'яма, могила' (Polański—Sehnert 75), польск. *jama* ж. р. 'яма, нора, пещера' (Warsz. II, 132), словин. *ją̃mă* ж. р. 'пещера, яма' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 391), др.-русск. *ѩма* 'яма, ров' (Срезневский III, 1657), 'могила' (Картотека СДР), русск. *я́ма* ж. р. 'углубление, вырытое или образовавшееся в земле', укр. *я́ма* ж. р. 'яма; могила; погреб' (Гринченко IV, 540), блр. *я́ма* 'яма'.

См. еще обзор слав. форм в: «Základní všeslovanská slovní zásoba» (Brno, 1964) 153, s. v. *jama*. Однозначная реконструкция праслав. формы затруднена. На основании показаний слав. языков и текстов Соболевский, например (РФВ LXIV, 1910, 103), возводит начало слова даже не к *a-* и не к *ja-*, а к *(j)ě-*. В конечном счете праслав. реконструкция определяется наиболее вероятными внешними этимологическими связями, которые, по нашему мнению, говорят все-таки о праслав. **ama*, а не **jama*, вопреки ряду ученых (Berneker I, 444; Фасмер IV, 555; Sławski I, 497). Ср. греч. ἄμη 'лопата, мотыга', см. H. Osthoff KZ XXIII, 1877, 87 (где неправильно сюда же отнесено греч. ἄντλος 'куча, копна', в действительности — из и.-е. **sem-* 'собирать'); Frisk I, 88 (со ссылкой на Сольмсена); Hofmann 15. Отсюда — естественная характеристика начального слав. *j-* как протезы вследствие зияния в условиях фразовой фонетики, см. об этом Machek 170. Более проблематична этимология, согласно которой слав. слово — из **āmā* или **ōmā*, которое, в свою очередь, — из **ōu-mā*, соответствующего ирл., гэльск. *uaimh* 'нора, могила, пещера', др.-ирл. *huam* мн. 'specus', далее — авест. *ŭnā-* ж. р. 'дыра, трещина (в земле)', греч. εὐνή 'постель, ложе, логово' (E. Lidén KZ XLI, 1907, 395—396). По поводу последней этимологии можно сказать, что нам известны как достоверные только рефлексы слав. *u* < и.-е. *ōu*.

Менее надежны этимологии, исходящие из реконструкции праслав. **jama*, напр. сближение с лтш. *juõma* 'глубина, морской пролив' (V. Jagić AfslPh II, 1877, 396; J. Zubatý BB XVIII, 1892, 251), потому что лтш. слово — зап.-фин. (ливск.) происхождения, см. Berneker, там же; Фасмер, там же (с литер.); сомнительно

с разных точек зрения и сближение Гебауэра — *jama* : *jęti*, *jьmǫ* 'брать', см. Meillet MSL 14, 1907, 365. Спорна, наконец, связь слав. слова с фин. *uoma* 'глубина, впадина' (J. Rozwadowski RS VI, 1913, 53).

***amo/*jamo:** сербохорв. *а̑мо* 'сюда' (Вук Караџић; RJA I, 81—82: с XVI в.; авторы толкуют из *oamo* < *ovamo*, т. е. не связано в таком случае с праслав. **amo/*jamo*), болг. диал., макед. *áмо*= *овамо* (Геров; Крушово, Струга; Архив Болг. диал. словаря, София), ст.-чеш. *jam* (Gebauer I, 598), ст.-польск. *jamo* 'куда' (1393 г., Sł. stpol. III, 116; ср. еще Warsz. II, 133), русск.-цслав., др.-русск. *ꙗмо* 'куда' (Георг. Ам., Срезневский III, 1657; Лавр. летоп. 1377 г., Син. пат. XI в. Картотека СДР), *амо* (. . .и поустить *амо* же хощеть. Новг. Корм. 1282 г. и др. Картотека СДР), сюда же *ꙗмꙋ* 'куда' (Ев. 1270 г., Срезневский III, 1658).

Наречие, образованное с суфф. *-mo* (ср. др. аналогичные наречия места **kamo*, **tamo*, см.) от местоим. основы. Трудности реконструкции начала слова для праслав. — те же, что и в случае **ako/*jako* (см.). Так же, как и там, речь может вестись или о происхождении от праслав. **jь* (см.), и.-е. *i̯o-, или от и.-е. **e-/*o-*. См. Berneker I, 417—418; Фасмер IV, 557; Sławski I, 498 (с литер.); Šuman AfslPh XXX, 1909, 293. См. еще K. Netteberg. «Scando-Slavica» IV, 1958, 185.

***apa?:** русск.-слав., др.-русск. *апа* 'надежда, ожидание, spes, exspectatio' (встречается в слож. с предлогами: *заапа*, Срезневский I, 25).

Ограниченная по распространению основа (см. еще **apati*, **apьnъjь*), в настоящем случае неясная по древности своего морфологического оформления. Этимологически обычно сближают с лат. *opīnor* 'полагаю, воображаю', *opto*, *optāre* 'желать', с иным количеством корневого гласного. С греч. ἐξ-απίνης 'внезапно' (< *ἐξ-α-πϜ-ινης, см. Hofmann 85) не связано. См. Berneker I, 29—30; Walde [2] 542; Pokorny I, 781; Фасмер I, 328 (там же — более старая литер.); Machek 170 (s. v. *japati*, где говорится о вторичном происхождении *j-* начального, а долгота корневого слав. гласного приписывается глагольной итеративной форме, см. **apati*).

***apadь:** сербохорв. *ја̏па̑д* ж. р. (местн. п. ед. ч. *јапáди*) 'тенистое место'.

Очевидное стар. сложение основы гл. **padǫ*, **pasti* (см.) и префикса *a-*, обычно выступающего в знач. приблизительности, здесь же близкого по функции префиксу *za-* (ср. Фасмер IV: *я-*), ср. случаи вроде **aduxa—*zaduxa* (см. **aduxa*). Мнение о тюрк. происхождении (Knežević. Die Turzismen 164) менее вероятно.

***apati:** ст.-чеш. *japati, jápati* 'наблюдать, созерцать, внимать' (Gebauer I, 601).

«Хотя глагол представлен на довольно небольшой территории, он является достоверно праслав.» (Machek 170). Вместе с тем это — слав. новообразование в плане морфологии (итеративный

гл. на -*ati*) и в плане корневого вокализма, где слав. форма обнаруживает долготу, при краткости в родственном лат. opīnor 'полагаю' (см. подробнее об этимологии под **apa*). Несмотря на то, что инновационные долготы присущи целому ряду слав. форм, природа долготы гласного здесь не вполне ясна. Махек (там же) предположил для нее морфол. происхождение — из глагольного итератива, что влечет за собой заключение о вторичном, аналогическом распространении этой долготы во всех формах с этой основой — **apa* (см.), **арьпъјь* (см.), сами же эти формы могут быть значительно древнее, особенно последняя.

***арьпо?/*vapьno** (см.): сербохорв. диал. *jáпно* ср. р. = вапно (Караџић; RJA s. v.: с XVI в.), ср. еще *jàпненица* ж. р. 'der Kalkofen, die Kalkhütte, calcaria' (хорв., Караџић; RJA: с XII—XIII в.), словен. *ápno* ср. р. 'известь, vapno' (Plet. I, 5), *jápno* то же (Plet. I, 358).

При всей гипотетичности заглавной реконструкции *арьпо (обычно говорят только о форме **vapьno*, см. ниже, которая, действительно, объединяет большинство форм слав. языков), она логично вытекает прежде всего из названных выше словен. и сербохорв. форм (прочие многочисленные примеры из этих языков, их топонимии, а также соответствующие исторические данные приводятся у: Bezlaj. Etim. slovar. Ljubljana, рукоп.). Если начальное *j*- при этом — бесспорно протетическое и, как таковое, при реконструкции снимается, то гораздо менее ясно положение дела с вариантом **vapьno*. Предположить здесь протезу *v*- (подобные случаи известны, ср. **ајьсе*, **atra*) мешают принимаемые обычно этимологические сравнения с др.-прусск. *woapis* 'краска', лтш. *vãpe* 'глазурь' (см. Trautmann BSW 341; Фасмер I, 272), но не исключено, что балт. слова заимств. из слав. Еще Брюкнер проводил сравнение между польск. *wapno* 'известь' и ст.-слав. капа 'озеро, болото' (Brückner 601). Если последовательно продумать это сравнение, то станет ясной возможность связи **арьпо*/**vapьno* (производное с суфф. -*ьпо* на слав. почве) с большой группой архаических и.-е. слов, обозначающих воду, из которых часть объединяется вокруг **ăp*-, другая часть — вокруг **ир*- (ступень редукции?). Формы вроде **и̯āр*- могли произойти от взаимодействия обоих рядов.

***арьпъјь:** чеш. стар. *japný* 'остроумный, находчивый'.

Только чеш. слово, по-видимому, праслав. происхождения. Прилаг., производное от основы, выступающей еще в **apa* (см.), особенно — **apati* (см.). Праслав. **арьп*- находит своеобразное соответствие в лат. -*opīnus* (лат. *in-opīnus* 'неожиданный'=ст.-чеш. *ne-japný* то же, см. Machek 170), причем долгота корня и краткость суффикса слав. слова соответствуют краткости корня и долготе суффикса лат. слова.

***arębatъjь:** болг. *ярябáтый* 'пестрый, рябой' (Геров), *йаребáта*, прилаг., 'сивопепелява на цвят' (М. Младенов БД III, 82), чеш.

jeřabatý, диал. *jařabatý* 'пестрый' (Kott Dod. k Bart. 36), *jařabatí* 'полосатый' (Malina Mistř. 40), слвц. *jarabatý* 'рябой, пестрый' (SSJ I, 632), н.-луж. *jerjebaty*, польск. *jarzębaty* 'пестрый'.

Прилаг., производное с суф. *-at-* от именной основы **arębъ* (см.).

***arębica:** сербск.-цслав. ıарѧбица ж. р. πέρδιξ, perdix (Mikl.), болг. *я̀ребица* ж. р. 'куропатка Perdix cinerea' (БТР), макед. *јаребица* ж. р. 'куропатка' (И-С), *еребица* ж. р. то же (Кон.), сербохорв. *jарѐбица* ж. р. (Вук Караџић; RJA: с XV в.), диал. *jеребѝца* ж. р. (Елез. I), словен. *jarebíca*, *jerebíca* ж. р. 'куропатка Perdix cinerea (самка)' (Plet. I, 359, 366), чеш. диал. *jeřabice* ж. р. 'рябчик', слвц. *jarebica* ж. р. 'куропатка Perdix' (SSJ I, 632).

Производное с суфф. *-ica* от **arębь* (см.) или **arębъ* (см.).

***arębika:** словен. *jerebíka* 'рябина Sorbus aucuparia' (Plet. I, 366), возможно, первоначально сюда же русск. диал. *рябѝка* 'рябина' (ряз., Опыт 195; Диттель. Сборник рязанских областных слов. — ЖСт. 1898, вып. II, 222; Труды МДК. Свод материалов, собранных Комиссией. Словарь к ответам на программу по Тамбовской губ. — РФВ LXVI, 1911, 216).

Образование с суфф. *-ika* от префигированного прилаг. **arębъjь* (см.) или — в случае с русск. *рябика* — от **rębъjь* (см.).

***arębina:** словен. *jerebína* ж. р. 'мясо куропатки', 'плод рябины' (Plet. I, 366), чеш. *jeřabina* ж. р. 'рябина', *řeřabina* то же, слвц. *jarabina* ж. р. 'рябина' (SSJ I, 632), диал. *garabiňa* то же (Kálal 144), в.-луж. *wjerjebina*, н.-луж. *jerjebina* ж. р. 'рябина', польск. *jarzębina* 'рябина Sorbus' (Warsz. II, 138), возможно, сюда и русск. *рябѝна* ж. р., укр. *рябѝна* ж. р. 'рябина Sorbus aucuparia' (Гринченко IV, 91), блр. *рабíна* 'рябина'.

Последние (русск., укр., блр.) примеры могли бы с неменьшим основанием быть объединены вокруг реконструкции праслав. **rębina* (см.), поэтому в настоящей статье присутствуют на правах спорных рефлексов. Что касается укр. *орябина* (сюда же укр. *горобѝна*, *оробѝна* ж. р. 'рябина' [Гринченко I, 314; III 63]), то оно, напротив, по мысли Булаховского (ср. Л. А. Булаховский ВЯ 1968, № 4, 102—103, где говорится о русск.-цслав. *орябь*, укр. *оря̀бок*), возможно, относится преимущественно к праслав. **(j)arębina* / **ěrębina*, будучи отражением вост.-слав. перехода *je-* > *o-* в начале слова. Неправдоподобна особая этимология для укр. *орябина* — из и.-е. **ar̥mbo-s* 'огненный', ср. греч. ἀρία 'растение Sorbus aria Crtz.' (J. Loewenthal WuS X, 1927, 161). Впрочем, аналогия отношений **a-brědъ* : **brěd-* : **o-brědъ* (см. выше **abrědъ*) напрашивается и в рассматриваемом случае, тем более, что отношения **a-ręb-* : **ręb-* : **o-ręb-* (вторично префигированное) четко прослеживаются ввиду наличия реального **rębъjь* (см.).

В остальном праслав. **arębina* — производное с суфф. *-ina* от основы **arębъ* (см. там же подробнее об этимологии).

***arębъ:** сербохорв. *jа̏рêб* м. р. 'горная куропатка Perdix saxatilis', словен. *jarêb*, *jerêb* м. р. 'куропатка (самец)' (Plet. I, 359, 366),

чеш. *jeřáb* м. р. 'рябина Sorbus', редк. *řeřáb* то же, польск. *jarząb* м. р. 'рябина', 'вид тополя', 'рябчик' (Warsz. II, 137).

Мы говорим о едином праслав. **arębъ*, хотя оно и объединяет столь разные и самостоятельные лексические значения 'название птицы (рябчик, куропатка)', 'название дерева (рябина и др.)'. Это разнообразие значений в общем характерно для всего данного семейства слов (см. **arębь*, **arębъkъ* и др.), объединяющегося вокруг обозначений цвета — **arębъjь* (см.), а также **rębъjь* (см.). Уже сравнение двух последних слов позволяет расчленить на слав. почве *a-* префиксальное и корень *ręb-*, но вся сложность картины отношений форм становится ясной только после следующих далее сравнений. Что касается *a-* префиксального, то его констатацию в данном случае см. Фасмер IV, 563 (автор, впрочем, не исключает здесь также иные, апофонические отношения, ср. ниже Мейе и Вайян; сомнения по этому поводу см. Pisani «Paideia» XIII, 1958, 315). Говоря об отношениях основы **rěb-*, нельзя не указать на ее родство с синонимичным слав. **ręb-*, откуда укр. *рiбий* 'рябой', ср. лит. *raĩbas*, лтш. *raibs* 'пестрый, рябой', др.-прусск. *roaban* 'полосатый' (см. о слав. **rěb-* и родственных: J. Zubatý AfslPh XVI, 1894, 409—410). Т. о., можно говорить о назальном и неназальном варианте (**remb-*: **roi̯b-*) одной древней основы (ср. Brückner KZ XLV, 1913, 318). Сюда же, далее, словен. диал. *rebad*, *rubad*, *rbad* ж. р. 'корь', которое Безлай (ВЯ 1967, № 4, 52) реконструирует как **rębędь*, ср. русск. *рябой*, см. еще Bezlaj. Eseji o sloven. jez. 79. Не исключено, впрочем, что часть словен. форм продолжает праслав. **rъb-*, дослав. **r̥b-*, с близким значением 'рябой, пестрый', подобно тому как сербохорв. *рбина* 'черепок' этимологизируется как **rъbina*, родственное лтш. *rubinat* 'делать зарубки, грызть' (J. Zubatý, там же), а с другой стороны — как родственное праслав. **rǫbiti*, русск. *рубить*, а также праслав. **ręb̄ati*, словен. *rébati* 'грызть', лит. *rémbėti* 'покрываться рубцами, сучками' (см. о словен. слове F. Bezlaj «Linguistica» VIII/1, 1966—1968, 68). На этих немногих сравнениях видно без комментариев родство лексики со значениями 'рубить, делать зарубки' и 'рябой'. Однако возраст выделения значения 'рябой', основного для названий куропатки, рябчика, рябины и т. п., трудно определить даже приблизительно, здесь целесообразно говорить об отдаленной, дослав. древности. Ср. ирл. *ríabach* 'пестрый, пятнистый', др.-в.-нем. *erpf*, название цвета, др.-исл. *iarpr* то же (см. E. Zupitza KZ XXXVI, 1900, 67), сюда же лтш. *irbe*, нем. *Reb-huhn*, шв. *rapp-höna* 'куропатка' (ср. J. J. Mikkola RS I, 1908, 18), нем. *Eber-esche* 'рябина'. Отнюдь не обязательно объяснять близость нем. и слав. названия рябины «праевропейским» субстратным происхождением (см. в этом смысле V. Machek LP II, 1950, 155—156; Machek 176; Holub—Kopečný 152). Следует возразить против стремления упомянутых чеш. ученых отнести сюда же лат. *sorbus* 'рябина', якобы из

*s-orbus (см. лучше о лат. слове Walde[2] 726). В остальном близость нем. и слав. названия рябины заслуживает серьезного изучения и не должна игнорироваться. Германисты, не учитывающие слав. материала при этимологизации нем. *Eberesche* (см. Kluge[15] 155), идут, видимо, по неправильному пути. Вторичное, народноэтимол. преобразование коснулось, вероятно, не только нем. *Reb-huhn* (в связи с *Rebe* 'виноградная лоза', см. Kluge[15] 604), но и *Eber-esche* (в связи с *Eber* 'кабан, вепрь'?). Рациональная мысль, которая может быть использована в этом направлении, заключается в предположении Махека (там же) о метатезе *r—b* > *b—r* в герм. слове. Нельзя не сказать здесь о том, что такие случаи (тоже по народной этимологии?) могут быть отмечены и в слав. языках, ср. болг. диал. *еберица* — при обычном болг. *яребица*, *еребица* (цит. по Miklosich 275; Berneker I, 274, s. v. *ěrębь*, *erębь*, где говорится о метатезе). Весьма своеобразны и сложны балт. соответствия, ср. лит. *jerubė̃*, *ìrbė*, диал. *jãrubė*, *jerumbė̃* 'рябчик', которые могут продолжать **r̥b-*, **e-r̥b-*, **e-rm̥b-*, родственные праслав. **arębъ/ь* и др. Ср. (с отличиями в трактовке) Trautmann BSW 104—105. Оригинально, но маловероятно см. Fraenkel I, 193, который толкует балт. названия с началом *je-* как интенсивную редупликацию корня, предоставленного в лтш. *rubenis* 'тетерев', др.-исл. *rjúpa* 'снежная куропатка'. Так же толкует Френкель и слав. факты (*ꙗрѧбь*, *jarząb* в отношении к *rębъ*). См. E. Fraenkel «Festschrift für M. Vasmer» 155. Однако правильнее видеть в слав., балт., герм. фактах преломление на местной почве более древних, и.-е. апофонических отношений. Если рассмотреть и.-е. слова, которые в литературе обычно объединяются вокруг **ĕreb(h)-*, **ŏrob(h)-*, название цвета (ср. еще греч. ὀρφνός 'мрачный, темный', см. Frisk II, 431—432; Pokorny I, 334), то станет ясным одно их существенное отличие от бесспорно родственного им, инфигированного праслав. **arębъ*: на и.-е. уровне мы имеем дело с гласной протезой *e/o-*, чисто фонетической, видимо, по природе (с ее помощью избегался *r-* в анлауте, что известно из разных языков и типологически представляется древней чертой), тогда как слав. материал говорит о наличии префикса *a-*. Славянский, т. о., провел грамматикализацию древнего фонетического элемента, который представлен, напр., в балт. *ja-*, *je-* еще в древнем, дограмматическом качестве.

Трудно разделить точку зрения Мейе и Вайяна, которые отрывают **(j)arębъ/ь* от **rębъ* и относят наше слово (как производное с суфф. *-ęb-*) к основе *jar-* 'весна', также в названиях молодых, годовалых животных (см. A. Meillet et A. Vaillant RES XIII, 1933, 101—102; Мейе. Общеслав. язык 295). Прочая литер.: H. Petersson. Arische und armenische Studien (Lund—Leipzig, 1920) 9; Brückner 200; Sławski I, 506—507; A. Carnoy «Studia linguistica» XIII, № 2, 1959, 115.

***arębъjь:** чеш. диал. *jařabý* 'пестрый' (Bartoš Slov. 130), *jarabý*, слвц. *jarabý* 'пестрый, рябой (обычно о птицах)' (SSJ I, 632).

Членная адъективная форма основы **aręb-* (см. **arębъ*).

***arębъkъ:** чеш. *jeřábek*, род. *-bka* м. р. 'рябчик', польск. *jarząbek*, род. *-bka* м. р. 'рябчик', 'рябина' (Warsz. II, 137), диал. *i̯ažombek* 'рябина обыкновенная Sorbus aucuparia' (Szymczak Doman. II, 343), укр. *орябок*, род. п. ед. ч. *-бка* 'рябчик Tetrao bonatia' (Гринченко III, 64).

Ум. производное с суфф. *-ъкъ* от **arębъ* (см.; там же подробно об этимологии).

***arębь:** русск.-ц.-слав. ıарѧбь 'куропатка' (Ио. Леств., Срезневский III, 1665).

Именная форма, тождественная практически во всем, кроме конца основы, праслав. **arębъ* (см.).

***arębьje:** чеш. (редк.) *jeřabí*, *řeřábí* ср. р. 'заросли, кусты рябины'. Собир. производное с суфф. *-ьje* от **arębъ* (см.).

***aru?:** ст.-слав. ıароу межд. εἴθε utinam 'если бы' (Супр., Mikl., Sad.), русск.-цслав. *арꙋ*, *ıарꙋ* 'если бы, utinam' (Срезневский I, 28).

Темное слово. Предположение Бернекера о заимствовании из греч. ἆρ οὐ, вопросит. част. (Berneker I, 446), кажется сомнительным (о греч. ἄρα, ἄρ 'конечно, как раз, тогда, итак', см. Frisk I, 127). См. Sadnik—Aitzetmüller. Handwörterbuch 213; Фасмер IV, 561. Эту по всей вероятности древнюю исконную форму пытались объяснить как застывшую форму словоизменения, предполагая в ней или косвенный падеж от прилаг. *jarъ* 'ярый, сильный', ср. в.-луж. *jara* 'очень' (Brückner KZ XLVIII, 1918, 170), или первоначальную форму 2 л. ед. ч. пов. накл. из и.-е. **ōrou̯-*, ср. лат. *ōrāre* 'говорить, просить', др.-инд. *āryati* 'прославляет', с семантическим переходом 'желай' > 'если бы' (Г. Ильинский РФВ LXVI, 1911, 271—274).

***arьmiti:** сербохорв. *jármiti* (RJA IV, 472), словен. *jármiti* 'запрягать в ярмо' (Plet. I, 359), чеш. *jařmiti* (стар. и поэт.) 'порабощать, угнетать', слвц. *jarmit'* (книжн.) 'порабощать, угнетать' (SSJ I, 633), польск. (редк.) *jarzmić* 'запрягать в ярмо' (Warsz. II, 138). Глагол на *-iti*, производный от имени **arьmo*, **arьmъ* (см.).

***arьmo:** чеш. *jařmo*, реже — *jarmo* ср. р. 'ярмо для крупного рогатого скота', слвц. *jarmo* ср. р. 'воловье ярмо' (SSJ I, 633), польск. *jarzmo*, диал. *jerzmo*, *jarmo*, *jirzmo* ср. р. 'воловье ярмо' (Warsz. II, 138), русск. *ярмó* ср. р. 'деревянный хомут для упряжки рабочего рогатого скота', диал. *ярмó* 'воловья упряжь' (Миртов. Донской словарь 374), *армó* ср. р. 'деревянная часть сохи, на которую насаживается «отрез»' (вят., Филин 1, 276), укр. *ярмó* ср. р. 'ярмо; ключица' (Гринченко IV, 542—543), диал. *йáрмó* 'ключица' (Онишкевич. Словник бойківського діалекту), блр. *ярмó* 'ярмо' (см. также Сержпутовский Чудина 52). См. еще о значениях слов В. С. Парасунько. До етимології слів *ярмо*, *глиця* і *сноза*. — «Мовознавство», 1968, № 4, 49-51.

Наряду с близкой формой м. р. **arьmъ* (см. след.) рассматриваемое здесь **arьmo* — широко распространенное с древности обозначение основной части воловьей упряжи в слав. языках. Праслав. **arьmo*, сущ. ср. р., соотносимо с глаголом **ariti*, восстанавливаемым для праслав. косвенно, на основе польск. *kojarzyć* 'соединять, сочленять' (см. **kojariti*). Однако это еще не дает права считать **arьmo* производным с суфф. *-ьmo* (типа **pisьmo*) и видеть в нем абсолютное новообразование праслав. языка. Уместнее говорить лишь об относительном новообразовании, имея в виду семантику слав. слова (см. ниже), в формальном же отношении целесообразно ставить вопрос о сохранении или воспроизводстве древней словообразовательной модели: и.-е. **ar-m-* > праслав. **arьmo* с введением тематического элемента (близкое и.-е. **ar-m-* 'плечевой сустав' сохранено в архаическом праслав. **ormę*, см.). В этом смысле мы говорим о родстве праслав. **arьmo* и лат. *arma* pl. tant. 'снаряжение, оружие', греч. ἅρμα ср. р. 'повозка' (**arm̥n̥* или **arsm̥n̥*), возможно, также лат. *armentum* 'крупный рогатый скот, стадо'. Глагольная основа, суффигируемая в этих именах древними формантами *-men-/*-m-, представлена, например, в греч. ἀραρίσκω 'сочленять, соединять'. См. подробно Walde—Hofm. I, 67—68; Frisk I, 128—129, 142—143; Miklosich 100; Berneker I, 31; H. Pedersen KZ XXXVIII, 1905, 313; Brückner 199; Sławski I, 508—509; Фасмер IV, 561; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 26—27; J. Loewenthal WuS. IX, 1926, 177.

Культурно-исторический переход от более древнего ига (см. **jьgo*) к ярму весьма убедительно охарактеризовал Махек: «Отличие (ярма. — *О. Т.*) от ига состояло скорее всего в том, что первоначально иго было, вероятно, всего лишь простым куском дерева, помещавшимся на голову или на шею (в последнем случае снабжавшимся снизу ремнем, который охватывал шею), за который вол тянул, ярмо же, видимо, явилось уже сочлененным устройством для пары волов, укрепленным на дышле» (Machek 171, а также рис. на стр. 174). Прочие значения слова вторичны.

Гласное начало праслав. слова, реконструируемое нами на основе сравнения с и.-е. лексикой, развило фонетическую протезу *j-* для устранения зияния, ср. выше примеры из всех слав. языков (любопытное русск. диал *армó* могло лишиться этой протезы вторично). Слав. *a-* долгий имеет вторичную долготу, см. H. Pedersen, там же (где специально о первоначальном *a-* в словен. *jérmen*); Machek, там же (долготу объясняет из врдхи). См. еще о начале слова: А. Соболевский РФВ LXIV, 1910, 103.

***arьmъ:** ст.-слав. ꙗрьмъ м. р. ζυγόν, ζυγός, jugum 'ярмо, иго' (Супр., Mikl., Sad.), болг. *ярѐм* м. р. 'ярмо' (БТР), *ярми́* мн. 'перекладины на четырех столбах, крепящие валяльное устройство' (Геров), диал. *ерéм* м. р. 'хомут' (Стойчев БД II, 157), *йарéм* то же (Зап. Болгария, см. М. Сл. Младенов Сб. в честь С. Б. Бернштейна 365), макед. *јарем* м. р. то же (И-С), сербохорв. *jáрам* м. р. 'во-

ловье ярмо' (Караџић; подробно о знач. и употреблениях слова см. Влајинац II, 313), диал. *jārаm* (Maš. 434), *јерам* (LM 190), словен. *jarem*, род. п. *-rma* м. р. 'ярмо (Jarnik XI: *jarm*; Plet. I, 359), слвц. диал. *jārom* (Stanislav. Lipt. 122), др.-русск. *ꙗрьмъ*, *ꙗръмъ* 'ярмо', 'вес, мера' (Срезневский III, 1664—1665), русск. диал. *ярём* м. р. (и *ярёмь* ж. р.) 'страдная пора, пора сенокоса и жатвы' (влад., Даль [3] IV, 1577), укр. диал. *ярем* 'ярмо' (гуцул.; Карпатский диалектологический атлас 249), блр. диал. *ярўом* (Сержпутовский Чудина 52).

Праслав. **arьmъ*, отличаясь довольно четко своим ю.-слав. и — частично — вост.-слав. распространением от праслав. **arьmo* (сев.-слав., см. выше), во всем остальном может быть охарактеризовано так же, как и это последнее (см. предыд. статью).

***arьmьnikъ:** словен. *jârmnik*, *jarêmnik* м. р. 'деталь ярма' (Plet. I, 359), др.-русск. *ꙗрьмьникъ* 'подъяремник; скот, ходящий под ярмом' (Ефр. корм., Срезневский III, 1665).

Производное с суфф. *-ьnikъ* от **arьmъ* (см.) или от **arьmo* (см.), или же с суфф. *-ikъ* от соответствующего прилаг., см. **arьmьnъ(jь)*.

***arьmьnъ(jь):** сербохорв. *jarman* 'koji pripada jarmu' (с XIV—XV в.; Даничич: *ꙗрьмьнь*, RJA IV, 472), русск.-цслав. *ꙗрьмьныи* (Изб. 1073 г., Срезневский III, 1665), русск. *ярёмный* 'подъяремный, рабочий, впрягальный (скот, вол)' (Даль [3] IV, 1576).

Прилаг., производное с суфф. *-ьn-* от **arьmъ* (см.) или **arьmo* (см.).

***asenica:** словен. *jasenîca* ж. р. 'ясень Fraxinus ornus' (Plet. I, 360).

Производное с суфф. *-ica* от **asenъ* / **asenь* (см.). Функция суффиксации, помимо формального перехода в ж. р., неясна.

***asenika:** словен. *jesenîka* ж. р. 'ясень' (Plet. I, 367).

Производное с суфф. *-ika* от **asenъ* / **asenь* (см.) с тем же значением. Возможно позднее образование.

***asenikъ:** болг. *ясеник* м. р. 'ясень' (Геров), сербохорв. *jасѐнӣк* м. р. 'ясеневый лес', сюда же чеш. *Jeseník*, название гор, вост. часть Судетов (Kott I, 622).

Производное с суфф. *-ikъ* от названия дерева **asenъ*/**asenь* (см.).

***asenišče:** сербохорв. *jasènīšte* ср. р. 'ясеневый лес' (RJA IV, 478), диал. *јасѐнӣште* 'место где су била некад јасенова дрвета' (Vuk. 388).

Производное с собир. суфф. *-išče*, популярность которого в сербохорв. языке и топонимии вызывает подозрение в позднем образовании слова. См. далее **asenъ*/**asenь*.

***asenovъ(jь)/*asenevъ(jь):** болг. *я́сенов* 'ясеневый' (БТР), сербохорв. *јасѐнов*, *ја̏сенов* 'ясеневый', стар. и диал. *jèsenov* то же (RJA IV, 621), словен. *jesénov* то же (Plet. I, 367), чеш. *jasanový*, стар. *jasenový*, слвц. *jaseňový* 'ясеневый' (SSJ I, 634), в.-луж. *jasenjowy* 'ясеневый' (Jakubaš 129), польск. *jesionowy* 'ясеневый' (Warsz. II, 171), словин. *jasənů̇ǫvï* 'ясеневый' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 384), русск. *я́сеневый*, др.-русск. *ясновый* (Арх. Онеж. Кр. мон-ря.

1658 г. — ДРС), укр. *ясеновий* (Гринченко IV, 543), блр. *ясяпёвы* (Блр.-русск. 1047).

Прилаг., производное с суфф. *-ov-* от **asenъ* / **asenь* (см.). Полезно обратить внимание на структурную близость праслав. **asenov-*/**asenev-* и лат. *orneus* < **oseneu̯os* 'ясеневый'.

***asenъ/*asenь:** болг. *ясен* м. р. 'ясень Fraxinus' (БТР), макед. *jaceн* м. р. то же (И-С), сербохорв. *jȁсêн* м. р. 'ясень', диал. стар. *jȅsēn* (Ка 393; RJA IV, 620), словен. *jásen*, *jésen* м. р. 'ясень Fraxinus excelsior' (Plet. I, 360, 367), диал. *ásen* (Бодуэн де Куртенэ. Резьяне. Словарный материал. Архив. ф. 102, оп. 1, № 8, 16), чеш. *jasan* м. р. 'ясень', стар. *jesen*, диал. *jasen*, *jaseň* 'ясень' (валашск., ляшск., Bartoš Slov. 130), слвц. *jaseň* м. р. 'ясень Fraxinus excelsior' (SSJ I, 634), диал. *ješeň* ж. р. (Buffa. Dlhá Lúka 160), в.-луж. *jaseń* ж. р. 'ясень' (Pfuhl 231), н.-луж. *jaseń* м. р. 'ясень' (Muka Sł. I, 533), полаб. *josin* м. р. 'ясень' (Polański—Sehnert 76), польск. стар. *jasien*, *jasion*, *jesion*, диал. *jason*, *jasień*, стар. *jesień* 'ясень' (Warsz. II, 139, 143, 171), словин. *jãsǫ̂u̯n* м. р. 'ясень' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 384), др.-русск. ꙗсьнь 'ясень' (Псков. I л. под 1471 г., Срезневский III, 1668), русск. *ясень* м. р., укр. *ясень* м. р. 'ясень Fraxinus excelsior' (Гринченко IV, 543), а также *ясен* («Укр.-рос. словн.» VI), блр. *ясень* 'ясень'.

Географическое распределение — соответственно — форм **asenъ* и **asenь* лишено какой бы то ни было четкости, почему они и даются здесь совмещенно, в сравнительно-историческом же и типологическом отношении более первоначальной является форма **asenъ* (основа на *-o-*, см. также ниже). Праслав. **asenъ/ь* ближе всего соответствует лат. *ornus* 'ясень' < **osenos*, причем оба слова объединяет не только и.-е. корень **os-*, выступающий также в др. языках, но и общее расширение основы **en-*. Близкая праформа **os-no-* лежит также в основе кельт. названий дерева: др.-ирл. *huinnius*, кимр. *onnen*, др.-корн. *onnen*, брет. *ounnenn*. См. F. Solmsen KZ XXXIV, 1897, 32, примеч. 1; Walde [2] 547; A. Meillet BSL 24, 1923, 41; Ernout—Meillet [3] II, 831; O. Szemerényi «Glotta» 38, 1965, 229; Pokorny I, 782. Слав. форма продолжает и.-е. **ōseno-*, с долготой корневого гласного, отражая, видимо, вторичное удлинение и.-е. *o*. Эта последняя черта сближает праслав. **asenъ/ь* с балт. названиями, которые тоже продолжают **ōs-*: лит. *úosis*, лтш. *uosis*, *uoss*, др.-прусск. *woasis* 'ясень'. См. J. Zubatý BB XVIII, 1892, 254; C. C. Uhlenbeck AfslPh XVI, 1894, 373; Vondrák. Vgl. slav. Gramm. I, 77; Miklosich 100; Berneker I, 31; Trautmann BSW 203; Fraenkel II, 1167; Фасмер IV, 564; Brückner 200; Sławski I, 564; Machek 171; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 31; о более далеких расширениях и.-е. **os-* с помощью *-k-* в герм., алб. и арм. см. еще Kluge [15] 179 (: *Esche*). В остальном балт. и слав. названия ясеня отличаются по структуре, причем и то и другое самостоятельно восходит к древней

основе на согласный (*$\bar{o}s$-*i*-, *$\bar{o}s$-*en-o*-). См. Machek, там же; Vaillant. Gramm. comparée II, 1, 201. Начальный элемент *j*- в формах живых слав. языков объясняется как вторичная протеза, подобно начальному *w*- в др.-прусск. слове. См. Мейе. Общеслав. язык 69; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 108. См. еще G. Bonfante «Studi baltici» 4, 1934—1935, 127.

***asenьcь:** болг. *ясенец* м. р. 'растение Dictamnus Fraxinella' (Геров—Панчев), сербохорв. *jasénac* м. р. 'Dictamnus albus L.' (с XVII в., RJA IV, 478), словен. *jesênec*, род. п. *-nca* м. р. 'растение Cytisus spinescens' (Plet. I, 367), чеш. *jesenec*, род. п. *-nce* м. р. 'название растения', н.-луж. *jaseńc* м. р. 'ясеневый лес' (Muka Sł. I., 533) русск. *я́сене́ц*, род. п. *-нца́*, м. р. 'многолетнее травянистое растение с перистыми листьями, как у ясеня', укр. *ясене́ць* 'растение Dictamnus fraxinella' (Грінченко IV, 543). Объединяемые заглавным **asenьcь* формы могут быть в действительности разнородными по происхождению: с одной стороны, производное на *-ьcь* от **asenъ/ь* (см.) с собирательным значением 'ясеневый лес' (н.-луж.), с другой стороны — потенциальные терминологические кальки вроде болг. *ясен-ец*, ср. лат. *fraxin-ella*, букв. 'маленький ясень'. Махек полагает, что чеш. *jesenec* 'растение Centaurea scabiosa' заимств. из польск. *jasieniec*, допуская одновременно происхождение от прил. *siný* и контаминацию с *jasný* (см. Machek 176).

***asenьje:** сербохорв. *jàсêње* ср. р. собир. 'ясени', сюда же *Jèsêñe* в хорв. топонимии (RJA IV, 621), словен. *jesênje* ср. р. 'ясеневый лес' (Plet. I, 367), чеш. *jasaní*, диал. *jasení* ср. р. 'группа ясеней', а также укр. *Ясі́ння́*, название населенного пункта в Карпатах (см. о последнем В. В. Німчук «Повідомлення Укр. ономастичної комісії» 3 (Київ, 1967), 54).

Производное с собир. суфф. *-ьje* от **asenъ/ь* (см.).

***asika:** болг. обл. *яси́ка* ж. р. 'осина; береза; вид тополя' (БТР), диал. *еси́ка* ж. р. 'осина' (с. Долна Мелна, Трънско. Дип. раб. Архив Софийск. ун-та), макед. *jасика* ж. р. 'осина' (И-С), сербохорв. *jàсика* ж. р. 'осина', диал. *jасика* 'Populus nigra осокорь' (Djor. 130), словен. *jasíka* ж. р. 'осина Populus tremula', 'ясень Fraxinus ornus' (Plet. I, 360), *jesíka* ж. р. 'осина' (Plet. I, 367).

Принимая во внимание наличие тождественных или близких по значению праслав. **osika*, **osica*, **osina* (см. svv.), ср. напр. укр. *оси́ка*, русск. *оси́на*, которые, в свою очередь происходят из **opsā/*apsā* (ср. лтш. *apsa*, лит. *apušė* 'осина', нем. *Espe* то же), мы можем объяснять форму **asika* только как результат вторичного продления первоначального *o*- уже на слав. почве в форме **osika*. Природа этого продления, охватившего ю.-слав. языки (ср., впрочем, **asokorъ/ь*, ниже) недостаточно ясна. См. Miklosich 101 (где говорится о влиянии слова *ясный*); Berneker I, 32; Sadnik—Aitzetmüller, Vgl. Wb. 1, 32. В свете сказанного выше отпадает сближение с лит. *úosis* 'ясень', лат. *ornus* 'вид ясеня', греч. ἀχερωΐς

'вид тополя' (A. Fick BB XVI, 1890, 171; F. de Saussure MSL 8, 1894, 431).

***asikъ:** сербохорв. *jàсӣк* м. р. 'осиновый лес'.

Тесно связано с **asika* (см.). Возможно позднее (обратное) образование и осмысление в связи с собирательными названиями леса, рощи на *-ikъ* от названий деревьев.

***aska?:** сербохорв. *jaska* ж. р. (с неясным знач., возм., относится к рельефу местности, у одного автора XVIII в. дважды, напр.: Prostire se ńih (Mlečića) vladanje vrhu Talije, Ilirika, Grčke i zemļe arbanaske, odkle im iđu brane *jaske*; особенно ср.: Da ne traska po svem glibu, po svih *jaska*), словен. *jâška* ж. р. 'углубление в земле' (Plet. I, 360), *jâčka* ж. р. 'яма, лужа' (Plet. I, 354).

Видимо, непосредственно связано с **askъ* (см.).

***askǫdь:** серб.-цслав. *оусты* ꙗ *скудь* τὸ στόμα διεσταλμένος (Mikl.).

Сложение основ прилаг. **skǫdъ* (см.) с префиксом *a-* в знач. приближенности. См. Фасмер IV, 537 (*я-*). Видимо, старое.

***askъ:** словен. *jašek* 'яма с водой' (Plet. I, 360), слвц. (книжн., стар.) *jask* м. р. 'туннель' (SSJ I, 634), н.-луж. *jašk* м. р. 'отверстие верши или рыбачьего кузова' (Muka Sł. I, 535—536).

Праслав. **askъ*, охватывающее названные выше языки, не имеет ясной этимологии. Единственная более или менее развернутая попытка этимологии и реконструкции этой основы как **ěsko-*, адъективизированное прич., собств. 'выдолбленный, пустой', из **ěz-k-o-*, родственного **ězva* (см.), с другим расширением, см. Berneker I, 275 (отметим, что автор не учитывает словен. и н.-луж. слов, а слвц. определяет как неологизм, но см. иначе Machek 177, а также ремарку «стар.» в SSJ, выше). Мы предпочитаем реконструкцию **askъ*, имея в виду прежде всего связь ее с праслав. **askyni* (см.), а также возможность более отдаленной связи с праслав. **aščerъ* (см.). Можно думать, что **askъ* — достаточно старое слово (ср. самый факт произведения от этой основы разбираемого далее праслав. **askyni* с помощью редкого старого форманта *-yni*), но этимологическое родство **askъ* остается неясным. Исконное родство с нем. *Asch*, др.-в.-нем. *asc* 'миска, сосуд' сомнительно, если последнее этимологически — 'сосуд, судно и з я с е н я' (см. Kluge [15] 34—35). Едва ли верна мысль о заимствовании словен. слова из этих нем. форм (Sadnik—Aitzetmüller, Vgl. Wb. 1, 33). Принимать родство с греч. ἀσκός 'мех, бурдюк' (см. кратко Brückner 200) трудно ввиду неясности происхождения греч. слова, см. о последнем Frisk I, 165; J. Hubschmid. Schläuche und Fässer (Bern, 1955) 80.

См. еще из литер.: Трубачев «Сербо-луж. лингв. сборник» (М., 1963) 163—164; Bezlaj. Eseji o sloven. jez. 148.

***askyni:** чеш. *jeskyně* ж. р. 'пещера', слвц. *jaskyňa* ж. р. то же (SSJ I, 634), польск. *jaskinia*, стар., диал. *askinia* ж. р. то же (Warsz. II, 139), укр. диал. *яскиня* 'пещера' (Т. А. Марусенко. Материалы

к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — сб. «Полесье». М., 1968, 255).

Праслав. слово, реконструируемое нами как **askyni* (о реконструкции **ěskyni* < **ěz-k-o-* см. предыд. статью), — типичный зап.-слав. элемент лексики (укр. диал. зап. *яскúня*, по-видимому, заимств. из слвц. или польск.). Производное с суфф. *-yni* от **askъ* (см.), судя по форманту — достаточно древнее по времени образования. Для суждений о начале праслав. слова небезынтересно ст.-польск., польск. диал. *askinia* (см. выше). Кроме литер., приводимой под **askъ* (выше), см. еще Sławski I, 512—513 (автор следует в основном Бернекеру). Поскольку ареалы **askyni* (чеш., слвц., польск.) и **askъ* (словен., слвц., н.-луж.) совпадают лишь отчасти, можно думать, что до нас дошли только реликты древних отношений и ареалов.

***asokorъ/ь:** польск. диал. *jasiokor* м. р. ʻосокорь Populus nigra’ (Warsz. II, 139), укр. *ясокíр*, род. *-кóру* м. р. ʻрастение Populus nigra’ (Гринченко IV, 545), диал. *я́сакар*, *я́сокор* ʻPopulus nigra осокорь’ (П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, 72), блр. *ясакáр* ʻосокорь’.

Праслав. **asokorъ/ь* тесно связано с **osokorъ/ь* (см.), а в плане вокализма — также с **asika* (см. выше). Последнее обстоятельство интересно еще и потому, что **asika* — ю.-слав. форма, тогда как **asokorъ/ь* — почти исключительно укр. и блр. форма (польск. *jasiokor* — из вост.-слав.?). Все эти взаимоотношения не оставляют места для иной этимологии, кроме как из сложения **aso-kor-*, где первый компонент — из **apsa* (см. **asika*, **osina* и др.), а второй связан с праслав. **kora* (см.), следовательно — ʻ(дерево) с корой, как у осины’. Дублетность **osokorь* / **asokorь* свидетельствует против связи с *ясный*, праслав. **ěsknъjь* (в пользу этой связи см. Moszyński. Pierwotny zasiąg 299, отчасти — Фасмер III, 163). Сюда же, далее, названия рябины — праслав. **osokoruxa*, **osokoruša* (см.), откуда сербохорв. *ȍскоруша*, чеш. *oskeruše* и др. В их формальной эволюции (синкопа и т. д.) нет ничего необычного, ср. еще бóльшую причудливость отражения праслав. **skorolupa* (см.) по слав. языкам. Поэтому излишне говорить о «неясности», о до-и.-е. субстрате для праслав. **asokorъ/ь* (так см. Machek 342: *oskeruše*; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 32), несмотря на действительное наличие очень похожих слов вроде глоссового ἄσκρα·δρῦς ἄκαρπος, баск. *azkář* ʻвид дуба’ (см., без сравнения со слав., Frisk I, 165).

***astrębica:** чеш. диал. *jastřabica* ʻястреб’ (валашск., Bartoš Slov. 130).

Не исключено позднее местное происхождение этого производного с суфф. *-ica* от **astrębъ/ь* (см.). Ср. сербохорв. *Jastrèbica*, назв. горы и топоним (RJA IV, 485).

***astrębinъjь:** н.-луж. *jastšebiny* ʻястребов’ (Muka Sł. I, 535), русск. *ястребúный*, прилаг. к *я́стреб*.

Производное с суфф. прилагательного *-in-*, видимо, непосредственно от варианта основы **astrębь* (см.). Ср. **golǫbь—*golǫbinъjь*.

***astrębovъ:** болг. *я́стребов* 'ястребиный' (БТР), макед. *јастребов* то же (И-С), сербохорв. *jästrêbov* 'ястребиный' (RJA IV, 485—486).

Прилаг., производное с суфф. *-ov-* от **astrębъ* (см.).

***astrębъ / *astrębь:** болг. *я́стреб* м. р. 'ястреб Astur palumbarius' (БТР), макед. *јастреб* м. р. 'ястреб' (И-С), сербохорв. *jästrijeb*, диал. *jästrêb*, *jästrîb* м. р. 'коршун', сюда же сербохорв. диал. *jästrov* (Црес, Tentor. Leksička slaganja 75) и *strebić* м. р. 'вид птицы Aërocephalis palustris' (RJA XVI, 712), словен. *jâstreb* м. р. 'ястреб, коршун' (Plet. I, 360), чеш. *jestřáb* м. р. 'ястреб Astur palumbarius', слвц. *jastrab* м. р. 'ястреб' (SSJ I, 636), в.-луж. *jatřob'*, род. *-bja* м. р. 'ястреб Astur; коршун Vultur' (Pfuhl 231, 1072), н.-луж. *jastśeb'*, *jastśeb* м. р. 'ястреб' (Muka Sł. I, 534—535), польск. *jastrząb*, род. *-ębia* 'ястреб Astur palumbarius' (Warsz. II, 143), словин. *jãstřĭb* м. р. 'ястреб' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 385), др.-русск. *ꙗстрѧбъ*, *ꙗстребъ* 'ястреб' (Срезневский III, 1667), русск. *я́стреб* **м.** р., укр. *я́стріб* м. р. 'ястреб', диал. *астря́б* то же (Гринченко I, 11; IV, 545), *йáс'тр'аб* (В. В. Бабинець. Говірка села Лавки Мукачівського району. Дипломна робота. Ужгород, 1954, рукоп.), *я́стряб* 'ястреб' (І. Верхратський. Знадоби 21), блр. *я́страб* 'ястреб'.

Мы реконструируем праслав. название для Astur palumbarius с начальным *а-* (ср. в этой связи любопытное укр. диал. *астря́б*, выше), опираясь в значительной мере на внеславянские сравнения, о которых — ниже. Этимологии, которые возводят начало слав. слова к дифтонгу **oi-/*ei-* 'идти' (или **eis-* 'быстро двигаться', см. то и другое: Г. Ильинский РФВ LVIII, 1908, 424—427), сомнительные фонетически, сомнительны также в акцентологическом плане, потому что слав. **astrębъ/ь* отражает, судя по месту ударения в русск. и по характеру ударения в сербохорв., древнюю акутовую долготу. См. о последнем Л. А. Булаховский ВЯ 1968, № 4, 105—106. Далее, мы предпочитаем оперировать дублетной реконструкцией **astrębъ* / **astrębь*, т. е. говорить наряду с *-о-* основой также об *-i-* основе, о чем в данном случае свидетельствует производная форма **astrębinъjь* (см.) и аналогии вроде **golǫbь* (см.). Незначительность проявления *-i-* основы в данном слове может объясняться тенденцией к отвердению губных согласных в этой позиции в слав. языках. Ср. Vaillant. Gramm. comparée I, 60—61). С точки зрения праслав. языка, можно, видимо, игнорировать такие формы, как словен. *jâstran*, ст.-польск. *jastram* ввиду их вторичности (см. Brückner 200). Равным образом видим мы вторичное оформление и в сербохорв. *jästrijeb*, *jästrîb* — не из **astrěbъ*, несмотря на укр. *я́стріб* (реконструкцию такого праслав. дублета см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 34). Булаховский (там же) объясняет сербохорв. форму влиянием названия другой птицы — тетерева

в том же языке. Последнему автору можно вместе с тем возразить, что едва ли целесообразно считать поздней перестройкой укр. *я́струб* (см. специально **astrǫbъ*, ниже). Именно путем сличения внутрислав. вариантов **astrǫbъ* и **astrębъ* мы приходим к выводу о наличии в этом имени суфф. *-ǫb/-ęb-*, встречаемого и в других слав. названиях птиц (не говоря о ряде названий животных с родственным суфф. *-embh/-m̥bh-* в различных и.-е. языках), ср. прежде всего пару сербохорв. *гȍлӯб* 'голубь' — *га̏лēб* 'чайка', которые продолжают соответственно праслав. **gol-ǫbь* и **gal-ębъ* (см.).

Т. о., праслав. **astrębъ/ь* объясняется как производное с помощью суфф. *-ęb-* от основы **astr-*, которая могла функционировать либо как название той же птицы (см. **astrъ*, ниже), либо как название какого-то качества, свойства, о чем см. также ниже. Собственно слав. характер производного **astr-ęb-* оттеняет то любопытное обстоятельство, что полные соответствия этому слав. названию ястреба за пределами слав. языков или отсутствуют совершенно или же крайне сомнительны, каково, напр. *Astrabakos*, имя героя, догреч. происхождения (сближение см. O. Haas «Балканско езикознание» I, 1959, 41; он же LP III, 1951, 90—91; автор производит имя из гиллейск. **astrabo-* < и.-е. **ok̂r̥nbho-*; сочувственно по этому поводу: Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 35). Еще одно проблематичное субстратное сближение см. J. Loewenthal WuS. XI, 1928, 62 (где слав. название признается родственным венет. *Assoparis*, буквально якобы 'детеныш ястреба', из иллир. **assos* 'ястреб' < и.-е. **attos*, ср. др.-ирл. *áith* 'острый', лтш. *ātrs* 'резкий, стремительный').

Нам представляется полезной незаслуженно игнорируемая этимология А. Майера, согласно которой основа слав. **astr-ębъ* родственна слову *astur* 'ястреб' (в лат. текстах — с XIII в.), определяемому автором как мессап. название (см. A. Mayer KZ LXVI, 1939, 102 и след.; он же KZ LXX, 1951, 105; M. Leumann «Glotta» 36, 1957, 145). Романисты обычно оспаривают древность слова *astur*, считая его преобразованием лат. *accipiter*, см. Walde—Hofm. I, 74 (где специально против произведения из и.-е. **astr̥* и сближения со слав. названием ястреба, в частности у Петерссона, см. H. Petersson IF XXXIV, 247); Ernout-Meillet[3] I, 93. Однако бросается в глаза парность *astur* — *vultur*, причем последнее — лат. название коршуна — считают древним, см. Ernout — Meillet [3], II, 1328.

В литературе пользуется популярностью этимология **astrębъ* < и.-е. **āk̂ro-* или **ōk̂ro-*, тогда как лат. *accipiter*<**āci-/*āсu-*, сюда же, далее эпитеты греч. ὠκυπέτης 'быстролетящий', др.-инд. *āšu-pátvan-* (A. Meillet MSL 11, 1899, 185—186; A. Meillet et A. Vaillant RES XIII, 1933, 101—102, где специально о *-b-* суффиксальном; Berneker I, 32—33; А. Соболевский «Slavia» V, 1927, 439—440; Brückner 200; Sławski I, 518 и след., с подробной

литер.; Фасмер IV, 566; Shevelov. A prehistory of Slavic 201; W. Doroszewski. Monografie słowotwórcze PF 13, 1928, 83). К этой этимологии тесно примыкает другое объяснение, усматривающее в праслав. *astrębъ старое сложение *asŭ-str- < и.-е. *ōk̂u-ptr (M. Vey BSL 49, 24—40). Вайян, предполагая здесь сложение, считает его темным по составу, см. Vaillant. Gramm. comparée II, 1, 159. Близкое к этимологии Вея (выше) понимание слав. слова как продолжения и.-е. *ōk̂u-pet-ros, общего с лат. *accipiter*, см. Machek 177 (отличия слав. слова приписываются метатезе и др. фонетич. процессам). Еще Ягич анализировал слав. название как сложение двух компонентов, относя первый из них к др.-инд. *āśú*, греч. ὠκύς 'быстрый', а второй — к слав. *rębъ*, в то время как, напр., Уленбек реконструировал **jastь-rębъ*, якобы 'пожиратель куропаток', см. C. C. Uhlenbeck KZ XL, 1907, 556—557 (там же литер.), против чего см. Фасмер, там же. См. еще Л. А. Булаховский ИАН ОЛЯ XVII, 1948, 116—117.

Присущее бо́льшей части приведенных выше этимологий выделение праслав. прилаг. **astrъ* < **ōk̂ro-/*āk̂ro-* 'быстрый, резкий' весьма уязвимо, поскольку слав. языки знают достоверно только **ostrъ* < и.-е. **ak̂ro-/*ok̂ro-*, что же касается гипотетического синонима с долготой гласного (само наличие которого в слав. уже a priori проблематично), то небезынтересно указать на его фактическую недоказанность также и в и.-е. плане. Здесь можно назвать одно лишь лат. *ācer* 'острый', однако и о нем высказываются достаточно неопределенные суждения: «Долгий гласный в слове *ācer*, напоминающий долготу в *sācris* сравнительно с *săcer*, не имеет надежного соответствия» (Ernout—Meillet³ I, 10).

Искусственно толкование праслав. **astrębъ* из и.-е. **n̥t-trm̥bh-* 'уто-треп' (Д. В. Бубрих ИОРЯС XXIV, 1919—1921, 255). Неясны мотивы вскользь высказанного у Садник и Айцетмюллера (там же) толкования из префиксального сложения **ja-strębъ* (что собой представляет в таком случае **strębъ*?). Как курьез можно назвать устаревшее мнение С. Микуцкого (Изв. ОРЯС IV, 1855, 407), который тоже считал *я-* в слове *ястреб* «благозвучной приставкой».

***astrębъkъ:** чеш. *jestřábek*, род. *-bka* м. р., ум. от *jestřáb* (Kott I, 624), н.-луж. *jastšebk* м. р. 'рябчик Bonasa silvestris' (Muka Sł. I, 535), польск. *jastrząbek*, род. *-bka*, ум. от *jastrząb* (Warsz. II, 143), русск. *ястребо́к*, род. *-бка* 'маленький ястреб'.

Производное регулярного вида с ум. суфф. *-ъkъ* от **astrębъ/ь* (см.). Значение н.-луж. слова вызвано влиянием форм от **arębъkъ* (см.) и родственных.

***astrębьcь:** болг. *я̀стребец* ум. от *я̀стреб* (Геров), сербохорв. *jastrébac*, род. *-pca* м. р., ум. от *jastreb* (RJA IV, 485), чеш. *jestřábec*, род. п. *-bce*, м. р. 'ястребок', ум. от *jestřáb* (Kott I, 624).

Ум. производное с суфф. *-ьcь* от **astrębъ/ь* (см.).

***astrębьjь / *astrębjь:** словен. *jâstrebji* 'ястребиный' (Plet. I, 360), чеш. *jestřábí* 'ястребиный', слвц. *jastrabí* 'ястребиный' (SSJ I, 636),

польск. *jastrzębi* то же (Warsz. II, 143), словин. *jastřǎbji* 'ястребиный' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 385), русск.-цслав. *ıастрѧбль* (Ио. Леств., XII в., Срезневский III, 1667).

Вариантность оформления праслав. притяж. прилагательного от **astrębъ* / **astrębь* (см.) — *-ьjь* / *-jь* — находится, по-видимому, в определенной связи с характером исхода соответствующей субстантивной основы. Древняя картина неизбежно затемняется различной рефлексацией *-j-* непосредственно вслед за губным согласным (*l'*epentheticum или его отсутствие). Иные способы образования притяж. прилагательного от **astrębъ/ь* см. под. **astrębinъjь*, **astrębovъ*.

***astriti:** чеш. диал. *jastřiti*, *jastřit'*, *jastriti* 'зорко, пристально смотреть' (Bartoš Slov. 130), слвц. *jastrit'* то же (SSJ I, 636), польск. *jastrzyć* то же.

Едва ли прав Махек, считая эти зап.-слав. слова вторичными образованиями от усечения полных слвц. *jastráb*, чеш. *jestřáb* 'ястреб' и т. д. (см. Machek 171), хотя общие семантические аналогии такого рода и могут быть названы из глагольной лексики со знач. 'смотреть определенным образом', ср. еще **sǫpъ* — **sǫpiti sę*. Объективно исходное для чеш., слвц. и польск. слов **astriti* может быть охарактеризовано как производное на *-iti* от именной основы **astr-* (см. **astrъ*), представленной также в суффиксальном производном **astr-ębъ* (см.). Образование, надо думать, состоялось еще до присоединения суфф. *-ębъ*, что свидетельствовало бы о значительном возрасте гл. **astriti*.

***astrǫbъ:** словен. *jâstrob* м. р. 'ястреб' (Plet. I, 360), укр. *я́струб* м. р. 'ястреб' (Гринченко IV, 545).

Праслав. словообразовательный дублет **astr-ǫb-* с суфф. *-ǫb-* к распространенному значительно шире в слав. языках и тоже древнему **astr-ęb-*, с другой апофонической огласовкой суффикса. Словен.-укр. словообразовательная изоглосса. Подробности словообразования и этимологии см. под **astrębъ/ь*.

***astrъ:** укр. диал. *я́стер* м. р. 'ястреб' (Гринченко IV, 545).

Может быть охарактеризовано как сохраненная в чистом виде основа, представленная в слав. языках повсеместно в суффигированных **astr-ębъ*, **astr-ǫbъ* (см.). Об этом свидетельствует глагольное образование **astriti* (см.), сохраненное, в свою очередь, в др. слав. языках и расцениваемое нами как производное от праслав. **astrъ*. Предположение о поздних усечениях укр. *яструб*, *ястрiб* и под. > *ястер* кажется сомнительным как раз ввиду полного совпадения основы *ястер*, **astr-* с древним словообразовательным членением **astr-ębъ/ǫbъ*. Об этимологии названия ястреба см. подробно под **astrębъ* / **astrębь*.

***aščelь?:** в.-луж. *ješćel* 'самец ящерицы' (Pfuhl 1073).

В случае, если перед нами не вторичное преобразование первоначального **aščerъ* (см.), может быть объяснено как этимологический дублет к этому последнему (и к прочим образованиям от ос-

новы *aščer-, а именно: *aščelь < *ask-ščel-, где первый компонент относится к *askъ, *askyni (см.), а второй — к *ščeliti (см.), собственно — 'раскалывать', которое, кстати, дублетно в этимологическом отношении к *ščeriti (см.). Описанный диал. дублет подтверждал бы, т. о., этимологию *aščerъ/ь, о кот. см. ниже.

***aščerica:** сербохорв. *jȁштерица* ж. р. 'сыпь на языке, во рту' (Караџић, RJA: с XVIII в., FG 260), словен. *jâščerica* ж. р. 'зеленая ящерица Lacerta viridis', 'растение Imperatoria ostruthium', *jâščarica*, *âščerica*, *âškerica* то же (Plet. I, 7, 360), чеш. *ještěřice* ж. р. =*ještěrka*, диал. *jaščerica* (Bartoš Slov. 130), слвц. *jašterica* ж. р. 'ящерица Lacerta' (SSJ I, 636), в.-луж. *ješćeŕca* ж. р. 'ящерица' (Pfuhl 238), полаб. *vistăraićă* ж. р. 'ящерица' (Polański — Sehnert 173), польск. стар. *jaszczerzyca*, *jeszczerzyca* ж. р. 'ящерица' (Warsz. II, 144, 172), словин. *ješči̯eřäcä* ж. р. 'ящерица' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 393), *vješči̯eřäcă* ж. р. то же (Lorentz Slovinz. Wb. II, 1291), русск.-цслав. *ѩщерица* 'ящерица' (Срезневский III, 1676), русск. *я́щерица* ж. р., укр. *ящури́ця* ж. р. 'ящерица' (Гринченко IV, 547).

Производное с суфф. *-ica* от *aščerъ (см.). Для реконструкции праслав. формы с *a-* начальным показательны формы словен., полаб. и словин. языков (выше), где имеется чистый гласный в начале слова или выступает *v*-протеза, при *j*-протезе в большинстве др.-слав. языков.

***aščerъ:** ст.-слав. ащеръ м. р. σαῦρα, lacerta 'ящерица' (SJS, Sad.), сербохорв. стар. редк. *jȁšter* м. р. 'ангина, воспаление горла' (XVII в.), 'ящерица' (в народной загадке: gušter *jašter* plete gaće navrh kuće: dim. RJA IV, 487), диал. *јаштер* 'ящерица' (Djor. II, 187), чеш. *ještěr* м. р. 'ящер, змей, дракон', слвц. *jašter* м. р. то же (SSJ I, 636), русск.-цслав. *ѩщеръ* 'ящерица' (Срезневский III, 1676), русск. *я́щер* 'шероховатое воспаление языка у скота и лошадей; трещины по языку; рак языка; кожа, обделанная сыпью, шершавая шагрень' (Даль[3] IV, 1588), диал. *я́щер* м. р. 'болезнь языка у рогатого скота' (твер., пенз., Картотека Словаря русских народных говоров).

Сюда же примыкают чеш. диал. *jaščur* 'саламандра' (ляшск., Bartoš Slov. 130), слвц. диал. *jaščur* м. р. 'ящерица' (Buffa. Dlhá Lúka 160), польск. *jaszczur* м. р. 'саламандра', 'шершавая кожа, шагрень' (Warsz. II, 144), русск. *я́щур* м. р. 'род мыши или сони, малый полчок Myoxus avellanarius' (Даль[3] IV, 1590), укр. *я́щур* 'саламандра' (Гринченко IV, 547, I. Верхратський. Знадоби 274), которые восходят к той же праформе *aščerъ. Формальные отличия (*-ur* вм. *-er*) могут быть объяснены фонетически как лабиализация гласного в условиях отвердения предшествующего шипящего, существенный мотив этого развития коренится в семантике слов, выделении производных значений. Чисто морфологическое объяснение (*-ur* суффиксальное) едва ли подошло бы. Очевидное направление семантического развития: 'название животного' >

'название болезни' (ср. аналогию русск. *рак*), затем → 'кожа определенного вида' (примеры — выше). Об отношениях русск. *ящур* 'Myoxus avellanarius' см. специально Фасмер IV, 573 с литер.).

Подробный обзор названий ящерицы с этой основой в слав. языках см. еще Будилович. Первобытные славяне I, 1, 164; Miklosich 101; Berneker I, 33. Наиболее приемлема этимология, согласно которой праслав. **aščerъ* и все близкие формы (см. **aščerica*, **aščerъka*, **aščerь*) происходят из древнего сложения **ask-ščer-*, причем первая часть представлена в **askъ*, **askyni* (см.), в целом же сложное слово значило 'роющий пещеры, норы', ср. тесно примыкающее сюда **guščerъ* (см.), известное гл. обр. в ю.-слав. языках и близко этимологизируемое как **gu-ščer-* 'роющий дыры'. См. Ст. Младенов РФВ LXXI, 1914, 454—458; Младенов ЕПР 115; ср. еще Георгиев БЕР IV, 297. Относительно второй части сложения — глагольной основы *ščer- см. **ščeriti*. Преимущества приведенной этимологии сравнительно с другими объяснениями (см. ниже) заключаются в том, что она объясняет также и те моменты, которые иначе либо игнорируются (напр. **aščelь*, см.), либо прямо признаются темными, как напр. **guščerъ*, слово, несомненно, тесно связанное с **aščerъ* по происхождению. Близкую к изложенной этимологию дал еще Брюкнер, который, однако, видел в конечных *-er*, *-ur* суффиксы, см. Brückner 201.

Прочие этимологии: сближение с греч. ἀσκαρίζω 'прыгать', σκαίρω то же (Berneker, там же; отношение **aščerъ* : **guščerъ* называет темным, оставляет открытым вопрос, — не продолжает ли слав. *a-* и.-е. префикс **ō-*); то же см. Фасмер IV, 572, где сюда относятся еще русск. *скóрый*, а также лит. *skėr̃ys* 'саранча', лтш. *šķírgaĩlis*, *šķir̃gata* 'ящерица' (семейство **guščerъ* не упоминает); сравнение (под знаком вопроса) с греч. ἐσχαρός 'какая-то рыба' см. J. Zubatý KZ XXXI, 1892, 15 (то же см. J Zubatý. Studie a články II. Praha, 1954, 361), но ἔσχαρος этимологически означало 'жареная рыба' и произведено от ἐσχάρη 'очаг', см. Frisk I, 578 (данный словарь указывает именно такое ударение). Ряд этимологий слова построен с учетом возможности происхождения слав. *a-* < и.-е. *ō-* префиксальное. Ср. А. Потебня РФВ VII, 1882, 230 (примеч.), который специально сближал русск. *ящур* 'Myoxus avellanarius' (а за ним прочую русскую лексику со знач. 'ящерица', 'змея', 'род болезни') с санскр. *ākhú* 'мышь, крыса', 'то чем роют, лопата', выделяя в последнем предл. *ā*; Штрекель, занимаясь одним только русск. названием сони, видел в нем сложение *ja-* префиксального с заимствованием из греч. σκίουρος 'белка' (см. K. Štrekelj AfslPh XXVIII, 1906, 514—516); Ильинский, помимо выделения *ja-* < и.-е. предл. *ō*, который у него истолкован как 'от, из', объединял все формы вокруг и.-е. **sker-* и слав. **skora*, откуда **aščerъ* — 'животное со шкурой определенного вида' или 'животное, меняющее кожу' (G. Iljinskij AfslPh XXXII, 1911, 337—

343). См. подробно Sławski I, 521 и след., где неоднократно сказано о ю.-слав. формах «с загадочным *gu-*». Произвольные фонетические интерпретации начала слав. слова см. Д. В. Бубрих ИОРЯС XXIV, 1919 (1921), 256. Махек вначале сближал слав. *aščerъ* с др.-инд. *āśсarya-* 'диковинный (зверь)'; см. V. Machek KZ LXIV, 264, но ср. Mayrhofer I, 83; впоследствии Махек сравнивал слав. слово со второй частью нем *Eid-echse* 'ящерица' (см. V. Machek ZfslPh XXIII, 1954, 120—121; Machek 177), но герм. слово членится обычно совсем по-другому, см. Kluge[15] 160. См. еще Sadnik—Aitzetmüller. Handwörterbuch 211.

***aščerъka:** чеш. *ještěrka* ж. р. 'ящерица', диал. *jaščírka* (Bartoš Slov. 130), *iščerka*, *hiščerka*, *ščurka* (там же, 132), *íštěrka* 'ящерица' (Hruška Slov. chod. 36), польск. *jaszczurka*, стар. *jaszczorka*, *jeszczorka* ж. р. 'ящерица Lacerta' (Warsz. II, 144, 172), русск. *я́щерка* 'ящерица' (Даль[3] IV, 1589), укр. *я́щірка* ж. р. 'ящерица' (Гринченко IV, 546), диал. *я́щірка* 'Salamandra maculosa' (I. Верхратський. Знадоби 274), блр. *я́шчарка* 'ящерица'.

Производное с суфф. *-ъka* от **aščerъ* (см.), функционально близкое к производному на *-ica* **aščerica* (см.). Распространено в зап. и вост. слав. языках.

***aščerь:** в.-луж. *ješćeŕ* м. р. 'выдра; уж' (Pfuhl 238), н.-луж. *jašćeŕ* м. р. 'ящерица; личинка водяного жука' (Muka Sł. I, 535), русск. диал. *я́щерь* м. р. 'ящерица' (Словарь говоров Подмосковья, 554).

Основа на *-jo-*, в остальном формально и по происхождению тождественная праслав. **aščerъ* (см.).

***ašutь:** ст.-слав. ⰰⱎⱆⱅⱐ нареч. δωρεάν, μάτην, gratis, sine causa, frustra 'без причины, напрасно, даром, излишне' (SJS), сербск.-цслав. *ашоуть* то же (Mikl.), ст.-чеш. *jěšut* сущ. ж. р. 'тщетность, ничтожность' (Šimek 58).

Видимо, древний, но бесспорно узкий зап.-слав., почти исключительно чеш. диалектизм. Исходя из употребления в определенных ст.-слав. памятниках и из тождества с соответствующими чеш. словами (см. еще **ašutьnъjь*), ст.-слав. ⰰⱎⱆⱅⱐ характеризуют справедливо как чехо-моравизм, см. подробно А. С. Львов, Очерки по лексике памятников старославянской письменности (М., 1966) 20 и след., особенно 26.

Ст.-слав. ⰰⱎⱆⱅⱐ, эквивалентами которого в ст.-слав. текстах выступают ⰱⰵⰸⱆⰿⰰ, ⱄⱂⱏⱅⰻ (см. Miklosich 5; А. С. Львов, там же), правильнее всего, по-видимому, анализируется как **a-šut-*, где *a-* — приставка со знач. приблизительности, из и.-е. **ō-*, ср. др.-инд. *ā*, греч. ὠ-, а корень *šut-* тождествен основе праслав. **šutъ*, **šutiti* (см.), сюда же лит. *siáutėti* 'неистовствовать, беситься'. Ср. близко Machek 177. Вызывает сомнения, прежде всего — семантического порядка, соотнесение с *šutъ* в знач. 'комолый, безрогий' (Berneker I, 33; вслед за ним — Фасмер I, 98). Особую форму русск.-цслав. *ошоуть*, *ошоути* тоже пытаются объяснить как способ русск. переписчиков избежать непривычное *а-* началь-

ное (так Львов, там же, 25—26), но следует считаться также с возможностью здесь другой приставки (Фасмер, там же), ср. отношения такого рода в случаях **abrědъ*, **argbъ* (см.). Прочие этимологии: H. Pedersen IF V, 1895, 53 (реконструирует **acheu-*); Г. А. Ильинский РФВ LXXIV, 1915, 127—129 (сближает с **šujь* из общего **k̂eu-* 'быть пустым'); А. И. Соболевский «Slavia» V, 1927, 441 (с одной стороны, сближает с *шут*, *шутка*, но с другой стороны связывает с лат. *as-tus* 'хитрость, коварство'); Sadnik — Aitzetmüller. Handwörterbuch 212; Львов, там же, 29 (из **asi-utь*).

***ašutьnъjь:** чеш. *ješitný* 'тщеславный, пустой, тщетный', слвц. диал. *ješutný* то же (Kálal 222).

Прилаг., производное с суфф. *-(ь)nъjь* от основы **ašutь* (см.; там же подробно об этимологии).

***atje:** ст.-слав. ащє союз ἐάν, εἴ, ἄν, si 'если, если бы', част. εἴ, ἦ, ἐάν, si, an, num 'ли' (SJS, Sad.. Mikl.), гаще то же Mikl., Sad.), др.-серб. *аке* = *аćе* 'если' (до конца XIV в., Даничич, RJA I, 31), ст.-польск. *jacy* 'только', др.-русск. *аче*, *ачи* 'если, si', 'хотя etiamsi' (Р. Прав. Яр. 1019 г. и др.; Ипат. л. под 1180 г., Срезневский I, 34), *аци* 'если, si' (Р. Прав. Вл. Мон. по сп. XIV в., Срезневский I, 33).

Несмотря на близость значений и условий употребления ('хотя', 'если',), нужно различать **a če* (см.) и разбираемое здесь **atje*. Эта формально-семантическая близость такова, что, например, для русск. (др.-русск.) мы практически лишены возможности отделить продолжения праслав. **a če* от **atje* (др.-русск. *аци* = *аче*, *ачи* отражает уже результат собственно русск. неразличения, мены *ц/ч* и нас здесь непосредственно не интересует как факт вторичного развития). Тем не менее, данные других слав. языков вполне позволяют выделить продолжения праслав. **atje* и расценивать последнее как весьма архаическое образование, исчезающее в языке, ср. Popović, Geschichte der serbokr. Spr. 541. Во всяком случае следует возразить против отождествления форм, четко восходящих к **atje*, и таких, напр., как ст.-польск. *acz*, ст.-чеш. *ač* (< **a če*, см.), вопреки Галлису, см. A. Gallis «Scando-Slavica» XI, 1965, 113 и след. Близкой и тоже, по нашему мнению, неприемлемой является другая этимология, по которой между **a če* и **atje* имеется лишь хронологическое различие, причем **atje* (или **at'e*) отражает то же **āt k̂ᵘe* или **ōd k̂ᵘe*, что и **a če*, но на более древнем уровне. Типологически это выглядит как стройное и правдоподобное допущение, но исследователи вынуждены предполагать здесь еще метатезу *-tk-* > *-kt-* (откуда результат *-tj-* перед передним гласным), что усиливает проблематичность толкования, которое см.: A. Meillet MSL 10, 1897, 135, примеч. 1; Мейе. Общеслав. язык 78; см. еще специально A. Musić AfslPh XXIX, 1907, 625 (и.-е. **ōd-que* > ст.-слав. *ꙗє-чє, *ꙗш-чє, *аш-тє, тогда как *аče* — более позднее сложение тех же элементов); H. Birnbaum «Scando-Slavica» V, 1959, 78—86; Sadnik—Aitzetmüller.

Vgl. Wb. 1, 5—6; Shevelov. A prehistory of Slavic 191; Sadnik—Aitzetmüller. Handwörterbuch 211; Фасмер I, 99. Против см. A. Vaillant BSL 59, 1964, 141. Не более вероятны некоторые др. старые этимологии: ащє < *a že če (Vondrák. Vgl. slav. Gramm. II, 491, вслед за Маретичем); ст.-польск. jacy — как образование с суфф. -tji вроде dwojcy 'дважды' (см. напр. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbańczyk. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955, 237; Sławski I, 483, с литер.; см. еще «Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny» 3). Не вызывает также сочувствия оригинальная этимология ст.-слав. ащє < а + хотащє, др.-русск. аче < а + хотяче, ст.-польск. jacy < (j)a + chcącу, с предположением соответствующих редукций (K.-O. Falk. W sprawie etymologii starorosyjskiego аče i starocerkiewno-słowiańskiego ašte 'si', 'etiamsi'. — SO 27, 1968, 63—64).

Единственная реальность, которой можно оперировать, — это происхождение перечисленных выше ст.-слав., др.-серб., ст.-польск. и др.-русск. союзных слов из праслав. *atje (см. еще Miklosich 4, где говорится об atja). Ср. также Berneker I, 34, где *atje анализируется далее как *at̯i̯o-. Принимая это членение в целом и отклоняясь от Бернекера в деталях (ср. его толкование at < и.-е. *ōt, абл. ед. ч. от местоим. *e-/o-), обратим внимание на близость праслав. *atje и лат. etiam 'еще, также, даже'. Окончание -am представляет собой результат лат. развития (ср. наречия iam, tam, quam). Т. о., праслав. *atje так относится к лат. etiam, как праслав. *nyně če — к лат. nunquam (имеется в виду прежде всего конец слов). Древнюю функциональную близость праслав. *atje и лат. etiam как своего рода усилит. частиц можно, как кажется, наблюдать в контекстах вроде ст.-слав. иже ащє, ст.-польск. jacy kto 'кто бы ни' и лат. quis etiam. Ср. выше относительно близости праслав. *a če и лат. atque.

***atra:** болг. вáтра ж. р. 'огонь' (только в идиомат. выражениях, Георгиев), сербохорв. вȁтра ж. р. 'огонь', чеш. стар., диал. vatra ж. р. 'блеск, пламя' (Kott IV, 561—562), слвц. vatra ж. р. 'костер (под открытым небом)' (SSJ V, 26), польск. диал. watra 'огонь, зола' (Warsz. VII, 474), укр. вáтра ж. р. 'очаг; под печи, на котором печется хлеб' (Гринченко I, 129), диал. вáтра ж. р. 'кострище, пепел' (В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів, вип. I. Харків, 1960, 19), 'жар, угли в костре' (П. С. Лисенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини. «Лекс. бюл.», вип. VI, Київ, 1958, 10), 'под печи; огонь, жар; костер, кострище' (Онишкевич. Словник бойківського діалекту. В, стр. 11), 'огонь (в печи, в костре), жар, раскаленные угли с пламенем; место, где горит или горел огонь; теплое место на печи, лежанка' (Карпатский диалектологический атлас, карта № 142), 'костер' (В. Р. Рущак. Система іменника говірки села Негровець. Дипломна робота. Ужгород, 1960, 109), 'огонь' (Г. Г. Нємченко. Особливості говірки с. Широкий Луг Тячівського району. Дип-

ломна робота. Ужгород, 1954, 133), 'пепел, искра из соломы; огонь' (Г. Р. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, 241), *vatŕa* 'под печи' (Dejna. Tarnopolszczyzna 125).

Настоящее слово представляет собой случай, когда этимологические связи в общем ясны, но сама их природа (заимствование? генетическое родство?) продолжает оставаться недостаточно выясненной. По этой причине даже отнесение слова, представленного в части слав. языков (болг., сербохорв., чеш., слвц., польск. диал., укр.), к праслав. периоду не лишено до сих пор проблематичности. Тем не менее, мы склонны думать, что слово, реконструируемое здесь как праслав. **atra*, представляет собой древний элемент слав. лексики, распространенный некогда значительно шире (см. также ниже), т. е. наделенный чертами архаической, изживаемой лексемы, а отнюдь не нового заимствования. Основа этого слова обнаруживает следы древней словообразовательной активности, причем не только в случаях вроде сербохорв. *вȁтрӣште* ср. р. 'кострище', слвц. диал. *vatrisko* ср. р. 'цыганский табор' (Buffa. Dlhá Lúka 229), а также интересного своей великорусской принадлежностью русск. *ватрýшка* 'изделие из теста' (давно и убедительно поставлено в связь с *ватра* 'огонь', см. еще Miklosich 376; А. Погодин РФВ L, 1903, 231, где указывается на польск. диал., подгальск., *watrzniak* 'овсяная лепешка, испеченная на углях'; Фасмер I, 279). Замечено также, что сюда относится и русск.-цслав. *обатрити сѧ* 'воспалиться' (Жит. Ио. Злат., Срезневский II, 499; там же: *обащрение* φλεγμονή 'воспаление, опухоль', XVI—XVII вв.). Фасмер (там же) использует эти образования как свидетельство исконности слав. *(*v*)*atra*, от которого они произведены, как и укр. *ватріти* 'сгорать' (Гринченко, I, 129). Цслав. данные, однако, не могут быть истолкованы как содержащие еще не протезированное **atra*, поскольку с успехом объясняются из *об* + *ватр*=, как видел уже Срезневский. Тем не менее, мы условно восстанавливаем праслав. **atra*, поскольку *v*- возникло здесь бесспорно как вторичное наращение, см. Ильинский, Праслав. грамм. 164; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 105. Об этом же говорят неславянские соответствия, давно и надежно установленные: авест. *ātar*- 'огонь' (см. H. Pedersen KZ XXXVIII, 1905, 311), др.-инд. *átharvā* 'жрец-огнепоклонник' (заимств. из ир., см. Mayrhofer I, 28), возможно, также ирл. *āith* 'печь' и лат. *āter* 'черный, темный'. См. A. Meillet MSL 14, 1907, 370; Мейе. Общеслав. язык 69; Walde—Hofm. I, 75—76; Ernout—Meillet[3] I, 95—96. Все авторы приводят еще в этом ряду арм. *airem* 'жгу, зажигаю' от незасвидетельствованного имени арм. **air* < и.-е. **āter*-, ср. Pokorny I, 69. Как на проблематичное укажем еще на сравнение слав. слова с галльск. *atinia* 'вид вяза', якобы из и.-е. **āthīnā* 'очаг, костер' (L. Loewenthal WuS X, 1927, 163). Вместе с тем другие авторы находят отношение сербо-

хорв. *вȁтра*, чеш. *vatra* и др. к авест. *ātar-* неясным, см. Vaillant. Gramm. comparée I, 186. Более того, несмотря на мнение о том, что форма слав. слова исключает возможность заимствования (см. A. Meillet BSL 24, 1924, 142), а также несмотря на то, что, напр., ударение сербохорв. *вȁтра* как будто правильно отражает исконную древнюю долготу гласного, многие лингвисты видят в слав. слове заимствование: из ир. через тюрк. (Miklosich 376); через цыг. посредство (Brückner 604; Machek 557). Из ир. через рум. объясняет слав. слово Розвадовский (J. Rozwadowski RO 1, 1914—1915, 109—110). Среди балканистов в особенности распространено мнение о заимствовании в слав. из алб. *votrë*, *vatrë* 'костер' — прямо или через рум. *vatră*, см. Иокль у Фасмера (там же); М. Павловић ЈФ XXII, 1957—1958, 269—270; Popović. Geschichte der serbokr. Spr. 537, 540, 613. Последний допускает возможность древнего заимствования из фрак. Ср., Георгиев БЕР II, 123, где слав. слово производится из дако-мизийского *o̥atra* < **otra* < и.-е. **ātr-*; Трубачев. Ремесленная терминология 202; Б. В. Кобилянський «Мовознавство» 1967, № 6, 42; Shevelov. A prehistory of Slavic 243. Критику фрак. (дак.) посредничества в передаче данного слова из ир. см. J. Hubschmid. «Die Kultur Südosteuropas, ihre Geschichte und ihre Ausdrucksformen» (Wiesbaden—München, 1964) 101.

***ava:** макед. *јава* ж. р. 'явь, действительность' (И-С), кашуб.-словин. *i̯ava* ж. р. 'бдение (в противоположность сну)': *po i̯avé* 'наяву' (Lorentz Pomor. I, 302), русск. диал. *я́ва* ж. р. 'показ, выставка' (пск., твер., осташк., Даль³ IV, 1557; Картотека Словаря русских народных говоров), укр. *я́ва́* 'явь, действительность' («Укр.-рос. словн.» VI, 563), блр. *я́ва* ж. р. 'явь; явление, дивное происшествие' (Гарэцкі 174; Носов. 725).

Сущ. с основой на *-a*, соотносительное с гл. **aviti* (см.), а также с нареч. **avě* (см.; там же подробно об этимологии).

***avě:** ст.-слав. авѣ, ꙗвѣ нареч. φανερῶς 'явно, открыто'; δῆλον 'видно, ясно, известно' (SJS), болг. *áве*, *я́ве* нареч. (Геров), макед. диал. *јаве*, нареч. 'наяву' (И-С), сербохорв. *jávi*, нареч. 'aperte, manifesto' (< **javě*, RJA IV, 494), русск.-цслав. ꙗвѣ 'ясно, определенно, открыто' (Срезневский III, 1637—1638).

Кажется вероятным квалифицировать нареч. **avě* как адвербиализированную форму дат.-местн. п. ед. ч. от сущ. на *-a* **ava* (см.), тем более, что последнее реально засвидетельствовано, в частности ср. макед. *јава*, что существенно для истолкования случаев **avě* (в основном — болг., макед.) также в плане лингв. географии. Однако морфол. характер древних и.-е. соответствий вне славянского, среди которых тоже выступают нареч., убеждает в том, что не обязательно сводить на слав. почве наречн. форму **avě* к регулярной падежной форме названного выше слав. имени. Праслав. **avě* давно признано родственным др.-инд. *āvíḥ*, авест. *āviš* 'открыто', см. Miklosich 101; Berneker I, 34; P. Persson. Bei-

träge zur indogerm. Wortforschung 2 (Uppsala, 1912), 723; A. Meillet RES VI, 1926, 173; Мейе. Общеслав. язык 69, 405; Mayrhofer I, 82; далее см. Brückner 201; Sławski I, 527; Machek 178; Фасмер IV, 541; Sadnik—Aitzetmüller Vgl. Wb. 1, 39. Форма индо-ир. слова, а также греч. αἰσθάνομαι 'чувствовать, ощущать' (< **au̯is-dh-*, см. Frisk I, 45), лат. *audiō* 'слышать, слушать' (**au̯is-dh-*, Walde-Hofm. I, 80) позволяет говорить об общем для них и для слав. исходном и.-е. нареч. **āu̯is*, **ău̯ēis*. Практически во всех действительно близких и.-е. формах мы имеем дело с исходом основы *-i-* (что может свидетельствовать о позднем возрасте праслав. **ava* см.). Только как более отдаленное родство можно трактовать в этой связи праслав. **umъ* (см.), на которое обычно указывают авторы. Прочие отдаленные соответствия см. F. Specht «Die Sprache» I, 1949, 45; В. В. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (М., 1965) 155. К праслав. **avě* обычно также относят близкие по форме и знач. лит. *ovyje* 'наяву' и некоторые др. балт. слова, о кот. см. под **aviti*. Праслав. **ěsknъ* (см.), лит. *áiškus* 'ясный' не имеют сюда отношения, вопреки Микколе, см. Mikkola. Urslav. Gramm. II, 165.

***avida?**: укр. диал. *я́вида* м. р. 'черт' (Гринченко IV, 534; І. С. Колесник. Матеріали до словника діалектизмів українських говорів Буковини, 175).

Возможно двоякое объяснение. С одной стороны, это может быть префиксальное сложение **a-vid-* (см. еще **avidь*, ниже) с префиксом в знач. приблизительности от основы гл. **viděti* (см.). В то же время наличие лит. диал. *óvaidas* 'страшный шалун, сорвиголова', сравнительно близкого по знач. и этимологизируемого из сложного **ovi-vaidas* 'являющийся наяву' (K. Būga. Rinktiniai raštai I, 370—371; II, 451—452; Fraenkel I, 519), напоминает нам о возможности происхождения слав. слова из **avi-vid-* 'тот, кто привиделся наяву' (знач. 'черт' могло с успехом развиться из этого последнего). См. О. Н. Трубачев. Сб. к 70-летию В. И. Борковского 270—271.

Не вполне ясным (быть может, табуистическим?) изменением представляется укр. диал. *я́ведрик* м. р. 'чёрт' (Желеховский у Гринченко IV, 534).

***avidь?**: русск. диал. (арх.) *я́видь* ж. р. 'змея, которая водится в тундрах' (Даль³ IV, 1557).

Этимологически тесно связано с предыдущим (см. **avida*), чему не препятствует и знач. обоих слов: 'змея' ∾ 'черт'.

***aviti(sę)**: ст.-слав. авити (сѧ), ꙗвити (сѧ) ἀποκαλύπτειν, φανεροῦν, δεικνύναι, ὁρᾶσθαι, ἀποκαλύπτεσθαι 'явить, открыть, показать; явиться, показаться' (SJS, Sad.) болг. *явя́* 'показать, открыть; сообщить, окликнуть' (БТР), *авя́* (Геров: *авѭ*), диал. *йа́ва* 'показать' (с. Желен, Софийско; дип. раб. Архив Софийск. ун-та), макед. *јави* 'сообщить, передать; заявить, донести', *јави се* 'показаться,

появиться' (И-С), сербохорв. *јáвити* 'объявить', *јавити овце* 'вести за собой овец', *јáвити се* 'заявить о себе, дать о себе знать', 'появиться', словен. *jáviti* 'заявить', *jáviti se* 'явиться, дать о себе знать' (Plet. I, 360—361), чеш. *jeviti* 'проявить, показать' *jeviti se* 'появиться', слвц. *javit'(sa)* то же (SSJ I, 637), н.-луж. *jawiś* 'уведомлять, объявлять' (Muka Sł. I, 536), польск. редк. *jawić* 'делать явным, проявлять', *jawić się* 'являться' (Warsz. II, 147), польск. диал. *i̯ávić śe* 'явиться, прибыть' (Szymczak Doman. II, 343), словин. *jãvjĭc* 'объявить' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 385), русск.-цслав., др.-русск. *ꙗвити* 'показать; заявить, объявить' (Срезневский III, 1634), русск. стар. *явйть* 'обнаружить, показать', *явйться*, укр. *явйти* 'явить, показать, предъявить' (Гринченко IV, 535).

Можно думать, что основа гл. **aviti* произведена от и.-е. наречия, о кот. подробнее см. под **avě*. Обращает на себя внимание тот факт, что как раз в тех языках, в которых установлены надежные родственные соответствия слав. слову, мы имеем дело в первую очередь с наречиями (др.-инд. *āvíḥ*, *āvíṣ*, авест. *āviš*) и с отнаречными образованиями (греч. *αἰσ-θάνομαι*, лат. *au-diō*), глагола же с *-i-* основой **āu̯ēi-* мы там не находим, что может, в частности, свидетельствовать об относительно позднем (в и.-е. плане) возрасте этого глагола. Единственное удивительно близкое и морфологически полное соответствие праслав. **aviti* находим в сопредельном балт.: лит. (стар., редк.) *ovytis* 'являться (в т. ч. во сне)', сюда же ст.-лит. *ovyje* 'наяву'. Но это наводит на мысль о возможном контактном происхождении форм в одном из двух соседних языков. Балто-слав. отношения в этом пункте обычно толкуются как родственные, см. Fraenkel I, 519; Фасмер IV, 540 (приводимое у них также лтш. *âvîtiês* 'болтать чепуху, безобразничать' далеко от сравниваемых здесь слов семантически). Не случайно, однако, ряд авторов говорит о заимствовании из слав. в лит., см. Berneker I, 34; в последнее время см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 39. Вместе с тем положение значительно сложнее, вопрос окончательно не решен. Часть форм с этим корнем, по-видимому, исконна в балт. и прежде всего — лит. *óvaidas* 'сорванец' (о нем подробнее см. выше, под **avida*, **avidъ*), относительно кот. неточно высказываются Садник—Айцетмюллер (там же). О начале слав. слова и развитии протезы *j-* см. E. Nieminen «Scando-Slavica» II, 1956, 25—26.

Отметим попутно, что алб. *avis* 'приближать', *avitem* 'приближаться', которое Фасмер объяснял как заимствование из цслав. ꙗвити сѧ, имеет совсем другую, алб. этимологию, см. подробно M. Camaj. Albanische Wortbildung (Wiesbaden, 1966) 72.

***avo:** ст.-чеш. *javo* только в выражениях *na javo*, *v javo*, *na jěvě* 'явно, открыто' (Gebauer I, 605).

Наречн. образование. Этимологию основы см. подробно под **avě*, **aviti*.

***avodь?:** русск. диал. *яводь* ж. р. 'струя, быстрина' (пск., твер., осташк., Даль[3] IV, 1559; Картотека Словаря русских народных говоров).

Согласно Калиме у Фасмера (см. Vasmer III, 478), сложение приставочного русск. *я-* (< праслав. **a-*) и основы сущ. **voda*. Другая этимология (см. Berneker I, 429) реконструирует в первом компоненте *(*j*)*ę-* (см. **ęti*), что, возможно, менее вероятно.

***avorina:** сербохорв. *jàvorina* ж. р., увелич. от *javor*, также как ороним (у Стулли в знач. 'lignum plataninum'; RJA IV, 498), словен. *jávorina* ж. р. 'древесина клена' (Plet. I, 361), чеш. диал. *javořina* 'яворовый лес', 'место в лесах, отведенное для пастьбы овец' (Bartoš Slov. 131), слвц. *javorina* ж. р. 'яворовая, кленовая поросль' (SSJ I, 638), русск. *яворина* ж. р. 'дерево явор в поделках' (Даль[3] IV, 1559). укр. *яворúна* 'явор, яворовое дерево' (Гринченко IV, 535).

Производное с суфф. *-ina* от **avorъ* I (см.).

***avorišče:** сербохорв. *jàvorīšte* ср. р. 'место, где растут яворы' (Микаля: 'platanetum'; Стулли: 'locus platanis consitus' RJA IV, 498), словен. *jávorišče* ср. р. 'кленовый лес' (Plet. I, 361).

Производное с суфф. *-išče* от **avorъ* I (см.). Ввиду популярности данного суфф., в частности — в сербохорв., древность образования скорее проблематична.

***avorovъ(jь):** ст.-слав. аворовъ πλατάνου 'кленовый, платановый' (SJS), болг. (Геров) *яворо́вый*, *áворовый*, сербохорв. *jȁворов* 'кленовый' (Караџић; RJA: с XIV в.), словен. *jávorov* то же (Plet. I, 361), чеш. *javorový*, слвц. *javorový* 'яворовый, кленовый' (SSJ, I, 637), в.-луж. *jaworowy* 'яворовый', русск. *яворовый*, укр. *яворóвий* 'принадлежащий явору, сделанный из явора' (Гринченко IV, 535), блр. *яваравы* 'яворовый' (Блр.-русск.).

Прилаг., производное от **avorъ* I (см.) с помощью суфф. *-ov-*.

***avorъ I:** цслав. аворъ, іаворъ м. р. πλάτανος, platanus (Mikl.), болг. *явор* м. р. 'явор Acer pseudoplatanus (БТР), *áвор* (Геров), макед. *јавор* м. р. 'явор' (И-С), сербохорв. *jȁвор* м. р. 'явор Acer platanoides', словен. *jávor* м. р. 'клен, явор' (Plet. I, 361), чеш. *javor* м. р. 'клен Acer', диал. *jabor* то же (Hruška Slov. chod. 37), слвц. *javor* м. р. 'явор, белый клен' (SSJ I, 637), в.-луж. *jawor* м. р. 'явор Acer platanoides' (Pfuhl 231), н.-луж. *jawor* м. р. то же (Muka Sł. I, 537), полаб. *jovårĕ* мн. м. р. (**avory*) 'клены' (Polański—Sehnert 76), польск. *jawor* м. р., *jawór*, диал. *jabór* 'явор' (Warsz. II, 148), русск. *явор* м. р. 'особый вид клена, белый клен', 'чинар Platanus orientalis' (Даль[3] IV, 1559), укр. *явір*, род. *явора* м. р. 'явор Acer pseudoplatanus' (Гринченко IV, 534), блр. *явар* 'явор'.

Довольно подробный обзор форм по слав. языкам см. еще: Будилович. Первобытные славяне I, 1, 134 (где сообщается еще любопытное сербохорв. *јахор*).

Праслав. заимствование из герм. (и, кстати, единственное известное нам герм. заимствование в составе праслав. лексики на *а*-начальное). В качестве источника слав. слова уже довольно давно указывали на герм. форму, близкую др.-в.-нем. *āhorn*, соврем. нем. *Ahorn* 'клен', ср. Miklosich 101; см. особенно Berneker I, 35, где предпринята серьезная попытка объяснить разницу в исходе герм. и слав. слов таким образом, что герм. форма на *-n* была воспринята как прилаг. **avorьnъ*, откуда обратное производное **avorъ*. Фонетические неясности, возникающие при этой этимологии, устраняются при произведении слав. слова из более простой герм. формы вроде др.-бав. **ahor-*. См. E. Schwarz AfslPh XL, 1926, 284—287 (ср. там каринтийское *ǭhr* и другие нем. диал. формы); Kiparsky. Die gemeinslav. Lehnwörter aus d. Germ. 229. Ср. еще в пользу герм. источника без конечного *-n* приводимые Махеком многочисленные нем. диал. формы *Are*, *Ohr*, *Ure*, *Ere* и др. (см. V. Machek LP II, 1950, 154; Machek 172; не может вызвать одобрения лишь развиваемая там идея о «праевроп.» субстратном происхождении как слав., так и герм. слова). Пытаются очень точно датировать заимствование из герм. (E. Schwarz, там же: VI—VIII вв. н. э.; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 40: VI—VII вв.) на основании реконструкции прагерм. **ēhura-*, принимая во внимание, что процесс перехода ē > ā в зап.-герм. уже закончился ко второй половине I тысячелетия, откуда зап.-герм. **āhor-*, прототип слав. **avorъ*. См. еще Фасмер IV, 541—542. С точки зрения озвончения герм. *-h-*, которое, видимо, поэтому и не могло быть передано иначе в слав. как с помощью *-v-* на месте возникшего зияния (или можно говорить о субституции *-v-* вместо герм. *-h-* в славянском? — ср. особняком стоящее сербохорв. *jахор*, хотя в последнем можно видеть местное проявление тенденции гиперкорректности), сравнительно поздняя датировка заимствования здесь, действительно, уместна. Но реконструкция прагерм. **ēhura-* не обязательна: родство герм. слова с лат. *acer* 'клен' и греч. ἄκαρνος · δάφνη (Гесихий) говорит о начальном *а*- в прагерм. **ahira-* 'клен', см. Walde—Hofm. I, 6.

Из прочей лит-ры см. подробно Sławski I, 528—529; J. Loewenthal WuS X, 1927, 153 (с неудачной попыткой исконной слав. этимологии); V. Kiparsky AION (sez. slava) I, 1958, 19 с привлечением акцентол. критерия).

***avorъ II:** др.-русск. *яворъ* 'кладь сена?' (коси^{т} на триста коне^{н} и *яворы* г^{с}не с той нѣговы поланы ро^{з}вози^{л} а было на неи се^{м} *яворо*^{к} а ка^{к} г^{с}не ту землю паше^{т} и луги коси^{т} и *яворы* ро^{з}вози^{л} тому се^{м} лѣ^{т}... — Правая Рязанского писца Покр. м-рю, № 81. 1523—1524 гг. ДРС).

Единичная лексема, полные соответствия которой нам неизвестны ни из русск., ни из других слав. языков. Вместе с тем есть основания полагать, что перед нами древнее слово. Из довольно пространного контекста приведенной др.-русск. цитаты явствует

как будто знач. *яворъ* = 'кладь сена (приспособленная для перевозки)', ср. указание на то, что именно яворы развозились с полян и лугов. Это ранее как будто не этимологизировавшееся слово можно объяснить как сложение приименного префикса *a-* и основы **vorъ* (см.), отглагольное производное от **vьrěti* 'запирать', широко встречаемое в слав. лексике как в связанном виде (**zavorъ*, **otvorъ*, **obvora* ж. р.), так и в свободном употреблении — **vorъ*, ср. польск. *wór* 'мешок'. Семантика этой основы вполне соответствует видимому знач. др.-русск. *яворъ* '*увязанная кладь'. Для дальнейшего сравнения с реконструируемым **avorъ* II 'увязанная кладь' целесообразно привлечь греч. ἄορον · μοχλόν, πυλῶνα, θυρωρόν. Κύπριοι (Гесихий). В словаре Фриска это кипрское название дверного запора сближается в первую очередь со ст.-слав. ꙁа-ворь в том же знач. (Frisk I, 117). Однако, думается, что еще более близким соответствием греч. ἄορον, вин. п. ед. ч. от *ἄορος, является праслав. диал. **avorъ* II в описанном знач. Фриск анализирует греч. слово как **sm̥u̯oros*, но исходный гл. ἀείρω 'связывать' встречается последовательно только с приставкой σύν (что было бы при условии упомянутой этимологии плеоназмом), а разные случаи употребления именной основы -ᾱορ- показывают долготу -ᾱ-, что также говорило бы против -α- < -m̥- и скорее в пользу **ā-u̯oros*. Правда, обычно праслав. *a-* префиксальное трактуется как продолжение и.-е. **ō* / **ē* и соответствие греч. ω-, что сообщает определенную проблематичность сближению праслав. **a-vorъ* с греч. *α-Ϝορος. В остальном функциональное тождество праслав. префиксальных сложений **a-vorъ* и **za-vorъ* (см. выше), близко напоминающее случаи **aduxa: *zaduxa* и **apadь* : **zapadь*, позволяет поставить **avorъ* II в один ряд с прочими известными случаями употребления этого префикса. См. О. Н. Трубачёв Сб. к 70-летию В. И. Борковского 271—272.

***avorьje:** словен. *jávorje* ср. р. 'кленовый лес' (Plet. I, 361), чеш. *javoří* ср. р. 'яворовый лес' (Kott I, 604), слвц. *javorie* ср. р. собир. редк. 'яворы, яворовый лес' (SSJ I, 637).

Производное с собир. суфф. *-ьje* от **avorъ* I (см.).

***avorьnica:** сербохорв. *javornica* ж. р. 'явор', 'название растений Rubaghe, Laurus nob. L.' (RJA IV, 499), сюда же чеш. *Javornice* ж. р., название деревни в округе Градец Кралове (Kott I, 604), укр. диал. *явірни́це* 'Johannisbeere, Ribes rubrum' (I. Верхратський. Знадоби 274).

Производное с суфф. *-ьnica* от **avorъ* I (см.) или соответственно — с *-ica* от **avorьnъ* (см.). Древность проблематична.

***avorьnikъ:** словен. *jávornik* м. р. 'сорт виноградной лозы' (Plet. I, 361), чеш. *javorník* м. р. 'майский жук', 'яворовый лес', также название горы в Болеславском округе и в Моравии, название деревни (Kott I, 604).

Производное с суфф. *-ьnikъ* от **avorъ* I (см.) или с суфф. *-ikъ* от основы прилаг. **avorьn-*. Может быть местным новообразованием.

***avorьnъ(jь):** сербохорв. стар. *jȁvōran* 'яворовый' (у одного автора XVII в., а также в словарях Микали, Беллы и Стулли; RJA IV, 498), русск. *я́ворный* 'яворовый' (Даль [3] IV, 1559).

Прилаг., производное с суфф. *-ьn-* от **avorъ* I (см.).

***avъ:** сербохорв. *jâв* м. р. в выражении *ни стрва ни jава* 'ни слуху, ни духу', чеш. *jev* м. р. 'проявление', стар. *jav* 'свет, ясность, явность' (Kott I, 626), польск. *jaw* м. р. в выражении *na jaw* 'на свет божий' (Warsz. II, 146), русск. *яв* м. р. в выражении *на яву́* 'в полном, здравом уме, в бодрствующем состоянии', диал. *яв* 'извещение, уведомление, сообщение' (калуж., Картотека Словаря русских народных говоров).

Будучи распространено относительно широко и представлено в диалектах, сущ. **avъ* имеет, однако, признаки вторичного, отглагольного образования и в свете того, что нам известно о праслав. **avě*, **aviti* (см.), не может возводиться к глубокой древности.

***avъka:** сербохорв. диал. *jȁvka* ж. р. 'курица, несущаяся впервые' (RJA IV, 496), др.-русск. *ꙗвъка* 'вид пошлины' (Жал. гр. Дм. Ив. Тр. Серг. мон. 1389 г. и др., Срезневский III, 1637), русск. *я́вка*, диал. (твер.) 'рубка леса на продажу' (Даль [3] IV, 1558).

Производное с суфф. *-ъka* от гл. **aviti* (См. Ж. Ж. Варбот. Древнерусское именное словообразование (М., 1969) 80—81. Разнохарактерность и пестрота значений и функций в отдельных слав. языках (nomen actionis — в русск., nomen agentis — в сербохорв.) делают вероятным независимое параллельное и сравнительно позднее образование этого производного. Вместе с тем интересно как отражение древней семантики 'впервые показать, явить'.

***avь:** сербохорв. *jâv* ж. р. 'явь, бдение' (RJA IV, 493), польск. *jaw*, род. *jawi* ж. р. (в фразеол. оборотах, Warsz. II, 146), русск. *явь* ж. р. 'реальная действительность в противоположность сну, бреду, мечте', диал. *явь*: *на яви=наяву* (волог., калуж., Картотека Словаря русских народных говоров).

Сущ. ж. р. **avь* образовано вторично от гл. **aviti* (см.). В морфол. иерархии 'наречие' → 'глагол' → 'имя' в случае с семейством слов **avě*, **aviti*, **avъ*, **avъka*, **avь* убеждает нас и сравнение с и.-е. соответствиями, о кот. см. подробно под **avě*, **aviti*. О вторичности образования **avь* см. еще Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 40 (там речь гл. обр. о семантич. мотивах).

***avьnъ(jь):** болг. *я́вен* 'явный, очевидный' (БТР) (Геров: *я́вный*, *а́вный*) макед. *jавен* 'явный, открытый, публичный; общеизвестный' (И-С), сербохорв. *jâван* 'явный', словен. *jáven* то же (Plet. I, 360), чеш. *jevný* 'явный, общественный' (Kott I, 626), слвц. *javný* 'явный, ясный, видимый' (SSJ I, 637), н.-луж. *jawny* 'явный' (Muka Sł I, 537), польск. *jawny* 'публичный, общественный; открытый; видный' (Warsz, II, 147—148), словин. *javnî* 'общественный' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 386), др.-русск. *ꙗвьныи* 'явный,

открытый' (Срезневский III, 1637), русск. *явный*, укр. *явний* 'явный, известный, очевидный' (Гринченко IV, 535), блр. *яўны* 'явный'.

Прилаг. с суфф. *-ьn-* от **avь*, **avě* (см.) или др. близких видов этой основы. Условно можно отнести к позднепраслав. времени. Знач. 'общественный, публичный' в ряде слав. языков (чеш., польск. и др.) — новая калька с нем. öffentlich в том же знач. Последнее обстоятельство упускает Славский (см. Sławski I, 527—528, где подробно о данном слове).

***azica**: в.-луж. *jazyca* ж. р. 'рыба Alosa' (Pfuhl 1072), н.-луж. *jazyca* ж. р. 'плотва, шерешпер Idus melanotus' (Muka Sł. I, 538), польск. *jazica* 'язь' (<Warsz. II, 149).

Производное с суфф. *-ica* от **azь* (см.)

***azъ**: ст.-слав. ⰰⰸⱏ азъ мест. ἐγώ 'я' (SJS, Sad), болг. *аз* 'я', обл. *áзе*, *я* 'я' (БТР), диал. *йа* (с. Баница, Врачанско, дип. раб.; Архив Софийск. ун-та), *ес* 'я' (Стойчев БД II, 157), макед. *jac* 'я' (И-С, Кон.), сербохорв. *jâ* 'я', диал. *jȁz* то же (Tentor. Leksička slaganja 75), словен. *jàz* 'я' (Plet. I, 361), чеш. *já* 'я', ст.-чеш. *jaz* (Gebauer I, 606), слвц. *ja* 'я' (SSJ I, 626). в.-луж. *ja* 'я' (Pfuhl 228), н.-луж. 'я' (Muka Sł. I, 518), полаб. *jo, joz* 'я' (Polański—Sehnert 75), ст.-польск. *jaz*, польск. *ja* 'я' (Warsz. II, 148), словин. *jå̄u̯* 'я' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 389), др.-русск., русск.-цслав. *азъ*, ꙗзъ, ꙗ 'я' (Срезневский I, 10; III, 1646), русск. *я*, укр. *я* 'я' (Гринченко IV, 534), блр. *я* 'я'.

Р. Якобсон объясняет форму *ja* как неударенный моносиллабический вариант двухсложного *jazъ* по аналогии *mi—mъně*, *tę—tebe* (см. R. Jakobson IJSLP I/II, 1959, 277).

Местоим. 1 л. ед. ч. праслав. **azъ* сравнивают с др.-инд. *ahám* 'я', авест. *azəm*, др.-перс. *adam*, арм. *es*, греч. ἐγώ, лат. *ego*, венет. *eχo*, гот. *ik*, лит. *àš*, ст.-лит. *eš*, латш. *es*, тох. A *ñuk*, хетт. *uk* в том же знач. См. Miklosich 5; Berneker I, 35; K. Brugmann. Kurze vgl. Gramm. (Strassburg, 1904) 407, 410; Trautmann BSW 72; Walde—Hofm. I, 395—396; Frisk I, 441; Hofmann 68; Kluge [15] 335; Mayrhofer I, 68; Fraenkel I, 18; Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьм. периода арм. языка (Ереван, 1967) 178, 184; Pokorny I, 291; H. Hübschmann KZ XXIII, 1877, 24; A. Meillet MSL 7, 1890, 164. В. И. Георгиев (Исследования 126) высказывает гипотезу об отнесении сюда же фрак. ας в надписи на перстне из Езерово.

Трудности сравнения в и.-е. плане выражаются в расхождениях консонантизма, причем отдельные формы отражают и.-е. *ĝh* (видимо, вторично — под влиянием косв. пп., см. Mayrhofer, там же; A. Meillet MSL 8, 1893, 282), другие — большинство — отражают и.-е. *ĝ* (см. еще по этому вопросу R. G. Kent «Language» 19, 1943, 167—168). Имеется расхождение между и.-е. формами и в вокализме, причем считается, что греч. и лат. восходят к и.-е. **eĝōm*, а индо-ир. и практически все остальные — к и.-е. **eĝ(h)om*,

с краткостью гласного. Пользуется популярностью также теория морфологических различий и.-е. местоим. личного 1 л. ед. ч., причем за древнейшую форму принимают внешне наиболее простое *eĝ-, тогда как *eĝō объясняют влиянием первичных глагольных окончаний (1 л. ед. ч. наст. вр.), а *eĝom — влиянием вторичных глагольных окончаний (1 л. имперфекта). См. также W. Petersen «Language» 6, 1930, 167—169. Эта теория вступает в явное противоречие с фактом несомненно эмфатического употребления и.-е. *eĝŏm (ср. на этот счет специально Ernout—Meillet [3] I, 343, где говорится об употреблении лат. *ego* для противопоставления др. лицам: *ego* scio=франц. *moi*, je sais. Эта архаическая черта эмфатич. употребления не позволяет приписывать и.-е. *eĝŏm древнего влияния со стороны личных форм глагола, которые синкретически уже содержали в себе указание на лицо. См. еще ниже о независимом употреблении *eĝŏm.

При всех несоответствиях отдельных и.-е. форм между собой, их объединяет одна существенная особенность: краткость начального *e*-. Единственное серьезное исключение — характер начального гласного хетт. и тох. слова, но он находит объяснение в местном взаимовлиянии форм, см. W. Petersen «Language» XI, 1935, 204. На этом фоне резко выделяется несоответствие и.-е. **e*- и слав. *a*- (*azъ*), до сих пор удовлетворительно не объясненное исследователями. (См., например, V. Pisani «Paideia», 1957, 271—272, где говорится об ир. влиянии, ср. хорезмское *āz*, *jāz* 'я', с эмфатическим удлинением.) Имея при этом с одной стороны и.-е. краткий гласный, с другой стороны — слав. долгий гласный, казалось бы логичным говорить об у д л и н е н и и в слав., что и принимают многие ученые. См. специально K. Knutsson. Abg. *azъ*. — ZfslPh XII, 1935, 94—102, где приведены аналогии из герм. Далее см. Holub—Kopečný 147; Brückner 195; Machek 168; Sławski I, 478. Но удлинение *e* дало бы только *ē* > слав. *ě/ja*, ст.-слав. ѣ, ꙗ. Упомянутый рефлекс последовательно сохраняется в ст.-слав., где нет сколько-нибудь надежных древних примеров начального а- на месте первоначального ѣ, ꙗ. Давно уже указано на то, что а- в ст.-слав азъ нельзя связывать с ѣ, см. А. Соболевский РФВ LXIV, 1910, 103, правда, этот ученый делал отсюда вывод об отсутствии тесной связи азъ с лат. *ego*, греч. ἐγώ, в чем за ним едва ли можно последовать. Многие авторы предпочитают квалифицировать отношения слав. формы как неясные. См. Vaillant. Gramm. comparée I, 185; В. Георгиев «Slavia» 28, 1959, 6; Георгиев БЕР I, 5 («. . .*a* в праслав. **azъ* может происходить от и.-е. *ā* или *ō*»). В своей книге «Вокалната система в развоя на славянските езици» (София, 1964) 17 Георгиев уже считает форму ст.-слав. азъ с чистым гласным началом вторичной, из **jazъ* или даже **jazь* < и.-е. *$\acute{e}gH_3m̥$. Но это противоречит тому, что известно об употреблении ст.-слав. форм — в основном азъ, при единичном ѣзъ (в сочетании и ѣзъ,

Мар.). Ср. и В. Георгиев. «Известия на Института за български език» XI, 38. Надо считаться с фактом, что *j-* здесь не был постоянным первое время и лишь появлялся в определенных синтаксич. условиях, ср. упомянутое и ѣзъ. См. A. Meillet BSL 26, 1925, 202; E. Nieminen «Scando-Slavica» II, 1956, 25 (где проводится сравнение и ѣзъ, Мар. с и азъ, Зогр.). Не могут быть приняты всерьез попытки реконструкции форм вроде русск. *я* < **je*, **jō* < и.-е. *H_1j-eH_1 в кн.: G. Liebert. Die i.-e. Personalpronomina und die Laryngaltheorie (Lund, 1957; цит. по рец.: J. Puhvel «Language» 35, 1959, 654). Не является выходом из положения и гипотеза о стяжении *a *ezъ* > **azъ* (Berneker I, 35), потому что реальные стяжения с союзом *a* обычно не вступают затем в новые сочетания с этим союзом, напр. русск. *ан* (< **a ono*), в отличие от обычного русск. *а я* и т. п.

Мысль о слав.-ир. изоглоссной связи вокализма слав. **azъ* и осет. *æz*, курд. *äz*, талыш. *az*, памир. *az*, согд. *azu*, авест. *azəm* то же см. В. И. Абаев Сб. к 70-летию В. И. Борковского 11.

Можно констатировать лишь, что ни одним из известных способов не удалось доказать вероятность исторического тождества и.-е. *e-* и праслав. *a-* в формах местоим. 1-го л. ед. ч. И.-е. **eĝō(m)* должно было правильно отразиться в слав. в виде **eza* или **jьza*, ср. в последнем случае отношение начала слов лат. *emō*: праслав. **jьmǫ*. Праслав. **jьza* 'ego' оказалось в невыгодной ситуации по причине возникшей омофонии с предл. **za* (см.) и его сочетаниями (**jьz za*), почему и могло подвергнуться метатезе (> **azъ*) для сохранения формальной самостоятельности важного слова. Допущение подобной «патологии и терапевтики» в случае с **azъ* единственно способно простейшим образом объяснить количество и качество гласного *a-*. Между прочим, к мысли о метатезе здесь близко подходят те из индоевропеистов, которые говорят об отражении в слав. форме особого и.-е. **ōĝ-* (см. Ernout—Meillet [3] I, 343; T. Milewski; цит. по: RS XII, 1936, 80).

Что касается древней независимости употребления и эмфатической природы данного и.-е. местоим., то многое говорит за то, что перед нами в сущности целое слово-предложение, которое можно прочесть как **eĝōm* < **e ĝo eme* 'вот я!' Здесь **e* — указат. мест., **ĝo* — энклитическая частица, **eme* — основа косв. пп. местоим. 1-го л., в данном случае — в употреблении, близком англ. *it is m e* 'это я'. Такая фразовая реконструкция позволяет заключить, что в основе в с е х и.-е. форм лежало полное **eĝom* (с заместительным удлинением *ō* или без него), поэтому реконструкции якобы более архаичного **eĝ-* оказываются беспредметными. Возможность образования и.-е. формы из *e-* местоименного и частиц **ghe*, **gho* названа у Покорного (см. Pokorny I, 291), но ключевое для всей конструкции *-m* конечное охарактеризовано им неудачно — как показатель ср. р. (вслед за И. Шмидтом).

Иной порядок расположения упомянутых элементов — *m-e-$\hat{g}o$ представлен в тох. *ñuk*, венет. *meχo*.

***azъkъ / *azьkъ:** чеш. диал. *jazek* 'рыба елец' (Bartoš Slov. 13), н.-луж. *jazk* м. р. 'малый шерех' (Muka Sł. I, 537).

Производное с соответствующей суффиксацией (*-ъkъ* или *-ьkъ*) от основы **azь* (см.).

***azь:** сербохорв. *jâz* м. р. 'рыба Idus melanotus' (RJA IV, 500), словен. *jêz* м. р. 'плотва, язь' (Plet. I, 369), чеш. *jes*, *jesen* м. р. 'язь Leuciscus', в.-луж. *jaz* 'бычок, Cottus', н.-луж. *jaz* м. р. 'язь, шерешпер Leuciscus idus, Idus melanotus' (Muka Sł. I, 537), польск. *jaź* м. р. 'язь' (Warsz. II, 149), русск. *язь* м. р. 'пресноводная рыба из семейства карпов, Leuciscus idus' (Подвысоцкий 197), укр. диал. *я́зя* ж. р. 'рыба Leuciscus idus' (Гринченко IV, 537), *язь* м. р. 'Leuciscus idus, Idus melanotus' (там же), блр. *язь* 'язь'.

Убедительно проэтимологизировано Янзеном как родственное лит. **ožỹs* 'козел', что предполагает и для праслав. **azь* первоначальное знач. 'козел', полностью вытесненное затем вторичным знач. 'язь, рыба', (ср., впрочем, еще **azьno* как остаток, след древнего знач.). Такое обозначение объясняется тем, что для карпообразных рыб характерно наличие подобия усов, отсюда — возможность сравнения их с бородатым козлом. В нем. языке язь носит также название *Ziege* 'коза'. См. A. Janzén ZfslPh XVIII, 1942, 29—32; Фасмер IV, 551; Machek 172; Fraenkel I, 519; А. П. Критенко «Русск. речь» 1968, № 5, 129—131 (то же см. «Мовознавство» 1967, № 1). Необходимо, впрочем, взвесить и др. возможность — происхождение от **ězъ* 'плотина, запруда', поскольку язи периодически сбиваются массами поперек реки, см. Sławski I, 532—533. Нем. название рыбы *Jesen* скорее само заимствовано из слав., чем наоборот (как см. K. Štrekelj AfslPh XIV, 1892, 526). См. еще K. Moszyński JP XXXVII, 1957, 298. Очень подробно в последнее время см. I. Leder. Russische Fischnamen (Wiesbaden, 1968) 51 и след., где подвергнута сомнению этимология Янзена, сам автор толкует слово из первонач. обозначения блеска.

***azьněnъjь:** русск.-цслав. *ѩзьнѣныи* 'кожаный' (Изб. 1073 г., Срезневский III, 1650).

Прибал., производное с суфф. *-ěn-* от **azьno* (см.).

***azьno:** серб.-цслав. *азно* ср. р. βύρσα corium detractum, *ѩзьно* ср. р. δέρμα corium (Mikl. 3, 1145), русск.-цслав. *ѩзьно* 'кожа' (Гр. Наз. XI в. и др., Срезневский III, 1650).

Субстантивированное прилаг., производное с суфф. *-ьn-* от **azь* (см.) в древнем знач. 'коза, 'козел'. Точное соответствие находит в др.-инд. *ajínam* ср. р. 'шкура', далее — лит. прилаг. *ožìnis* 'козий', ср. др.-инд. *ajá-* м. р. 'козел', лит. *ožỹs* м. р. то же. В семантическом отношении ср. праслав. **koža* 'кожа' — от **koza*

'коза'. См. Berneker I, 35—36; A. Meillet MSL 12, 1902, 226 (где обращается внимание на отношение *ā*: *ă*); Mikkola. Urslav. Gramm. I, 51 (говорит о продлении анлаута в отличие от др.-инд.); J. Loewenthal AfslPh XXXVII, 1920, 387; Trautmann BSW 22; Мейе. Общеслав. язык 396; Фасмер IV, 550; Mayrhofer I, 23; Fraenkel I, 519; Трубачев. Дом. жив. 84; O. Haas «Godišnjak» II, 1961, 95; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 42; A. Sabaliauskas. Baltų kalbų naminių gyvulių pavadinimai. «Lietuvių kalbotyros klausimai» X (Vilnius, 1968), 123.

***aževina?:** словен. *aževína* ж. р. 'отходы при дублении кож', 'сердцевина тыквы, густой мох на деревьях и сырых стенах' (Plet. I, 7).

В литературе уже указывалось на возможность связи с **azьno* (см.), см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 1, 42, Bezlaj. Etim. slovar., рукоп. Детали словообразования неясны. Можно объяснить из **az-jev-ina* с той же основой, что и **azь*. Два последних знач. словен. слова представляются вторичными.

B

***ba:** болг. *ба*, междом. с противит. знач. (БТР), диал. *ба*, утвердит. част., 'да' (с. Добротино, Гоцеделчевско, дип. раб. Архив Софийск. ун-та, М. Младенов. Говорът на Ново Село, Видинско 207), макед. *ба*! междом., передающее удивление в связи с чем-либо неожиданным (Кон.), сербохорв. *bȁ*, междом., передающее удивление и утверждение (редк., с XVI в., RJA I, 128; Елез. I), чеш. *ba*, нареч. утвердит., усилит., слвц. *ba*, част. утвердит., усилит. (SSJ I, 60; Buffa. Dlhá Lúka 130), н.-луж. *ba*, междом. удивления (Muka Sł. I, 6), польск. *ba* 'поистине, ей-ей', 'даже, больше того', 'вот', 'ага', 'еще бы, конечно', 'ну' (Warsz. I, 77), русск. *ба*, междом., выражающее удивление, догадку, укр. *ба*, междом. 'вишь, видишь; вот, а вот; да, да нет; даже, да и' (Гринченко I, 12), ст.-укр. *ба* 'даже' (XVII в.), 'наоборот, как раз' (XVIII в.) (Тимченко I, 44).

Праслав. **ba* — междом. весьма старого вида и происхождения, характеризовавшееся целым комплексом значений, начиная с сугубо экспрессивных междометных функций (сигнализация удивления, неожиданной ситуации, далее — сюда же обозначение чего-либо отвратительного, в обращении к детям, ср. русск. *бя* и др. опускаемые здесь слав. примеры), видимо, древнейших, и кончая функциями утвердит. частицы вроде 'да', 'конечно' и под. Трудно отделять одно от другого, как это делают разные авторы, см. Berneker I, 36; Фасмер I, 39; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 61. Ср. Георгиев БЕР I, 22, где указывается, что *ба* 'утвердит. част.' есть, по всей вероятности, семантическая разновидность междом. *ба*. Родственно авест. *bā*, утвердит. и усилит. частица, греч. φή 'словно', лит. *bà*, утвердит. част. См. Berneker, там же; Trautmann BSW 22—23; Sławski I, 24; Machek 20; Pokorny I, 113 (:*bhĕ*, *bhŏ*); Hofmann 396; Fraenkel I, 28; «Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny» 4. Очевидную связь **ba* и **bo* (см.) нередко толкуют с помощью чередования гласных, однако справедливее считать, что праслав. **bo* вторично не только семантически (см. Мейе. Общеслав. язык 388, о знач. 'потому что'), но и формально, по своему вокализму, а именно: **bā*, междом. > > **bă* > **bo*, с сокращением древней долготы в условиях энклитич. употребления (см. **i bo*, **li bo* и др.).

***baba:** ст.-слав. БАБА ж. р. μάμμη, avia 'бабушка', μαῖα, obstetrix 'повивальная бабка', nutrix 'пестунья, воспитательница' (SJS, Sad.), болг. *ба́ба* ж. р. 'бабушка; старуха; теща' (БТР), 'пленка, в кот. появляется на свет ребенок', 'колбаса из толстой свиной

кишки, начиненной мясом' (Младенов БТР, Геров), 'пеликан', 'хищная птица, нападающая на кур' (Младенов БТР, Геров — Панчев), 'повитуха, акушерка', 'крупная дикорастущая ягода', 'старое дерево', 'отверстие, в кот. ходит ось мельничного жернова', 'детская игра' (Горов. Страндж. БД I, 65; Попгеоргиев БД I, 207; Стойчев. Родоп. БД II, 125), макед. *баба* ж. р. 'бабушка; теща; старуха; повивальная бабка, акушерка' (И-С), диал. *ба́ба* 'деревянная ступица оси мельничного жернова' (С. Поповски. Зборови од Мариово. — MJ I, 1950, 162), сербохорв. *ба̏ба* ж. р. 'бабушка', 'старуха', 'кормилица', 'жена', 'теща', 'свекровь', 'тетка' (РСА I, 218—219; Mić 172; LM 366; GP 79), 'повитуха, акушерка', 'пчелиная матка' (Vis 148, 198, 24, 195), *bȁbe* ж. р. 'божья коровка Coccinella septempunctata' (у Вука — *ба̂бе*, собственно — зв. п. ед. ч., RJA I, 131; сюда же диал. *babaciȇnka* 'божья коровка', Sus 151), также в проч. значениях — 'самый крупный табачный лист', 'стропило, балка', 'опора моста', 'опора веретена верхнего мельничного жернова', 'рычаг, подъемная стрела', 'путевой, межевой знак', 'круглый камешек', вообще — термин ряда детских игр, название изделий из теста, название разных видов рыб и морских животных (РСА, там же), словен. *baba* ж. р. 'бабушка', 'повивальная бабка, акушерка', 'баба, взрослая женщина', также название ряда технических деталей, 'гайка' (Plet. I, 7—8), чеш. *bába* ж. р. 'бабушка', 'ста̀руха', 'повивальная бабка', 'баба, замужняя женщина', также название ряда обычаев, игр, кушаний (см. еще Kott. Dod. k Bart. 1), *báby*, *baby* мн. 'разновидность облаков', слвц. *baba* ж. р. 'бабушка, старуха', 'баба', 'жена, замужняя женщина', 'повитуха', название изделий из теста, 'пугало' (SSJ I, 60), в.-луж. *baba* ж. р. 'старуха, бабушка', 'повитуха', 'изделие из теста', 'птица пеликан Pelecanus onocrotalus' (Pfuhl 3, 1054), н.-луж. *baba* 'старуха, (старая) баба', 'баба (пирожное или булка круглой формы)', диал. 'повивальная бабка' (Muka Sł. I, 6), полаб. *bobo* ж. р. 'старуха', *babă* ж. р. 'бабка с материнской стороны', *bobă* ж. р. 'повивальная бабка' (Polański—Sehnert 35, 39), польск. *baba* ж. р. 'баба, жена', 'старуха', 'замужняя женщина', 'бабушка, мать, тетка матери или отца', 'изделие, выпеченное из теста в особой форме', *baby* мн. 'старопольское название созвездия плеяд' (Dorosz. I, 278—280), словин. *bãbă* ж. р. 'старуха', 'баба', 'самка животного' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 10), др.-русск. *баба* 'женщина замужняя', 'мать отца или матери', 'повивальная бабка', 'ворожея' (Срезневский I, 36—37), русск. *ба́ба* ж. р. 'замужняя женщина', 'жена', 'бабушка', 'тяжелый молот, болванка, гиря разного устройства', диал. *ба́ба* 'треног с железным наверху шпилем, на кот. насаживают воробы' (Подвысоцкий 2), 'прибор для свивания ниток, состоящий из тренога и вращающегося на нем креста, со вставленными на его концах веретенами' (Куликовский 2), 'птица пеликан Pelecanus onocrotalus' (Даль [3] I, 83),

'синяя или зеленая стрекоза', 'устарелая бесплодная пчелиная матка', 'моль, бабочка' (Картотека Псковского областного словаря), 'рыба Cottus gobio L., подкаменщик' (Филин 2, 14), 'род высокого кулича, из очень сдобного теста, выпекаемого в цилиндрических формах', 'булка из пшеничной муки, имеющая цилиндрическую форму' (Добровольский 18), сюда же диал. *бабáха* ж. р. 'оладья, лепешка' (Псковский областной словарь 1, 80), ст.-укр. *баба* ж. р. 'замужняя женщина', 'старуха', 'бабушка', 'знахарка, ворожея', 'повитуха' (Тимченко I, 44), укр. *бáба* 'женщина, баба', 'старуха', 'бабка, бабушка', 'повивальная бабка', 'нищая', 'знахарка', 'рыба Cottus, бычек, головач' (Гринченко I, 12—13), 'колода, чурбан с рукоятями для вбивания свай или утрамбовки земли' (там же), 'деревянная колода с полукруглыми выемками для бревен или с ручками, которую ставят в сани при перевозке бревен', 'задняя часть саней' (Л. И. Масленникова. Из полесской терминологии транспорта. «Лексика Полесья». М., 1968, 161), 'большой шарообразный комок горшечной глины, образованный для перевозки глины с места добывания в мастерскую горшечника' (Гринченко, там же), 'трясина' (А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, 9), 'птица пеликан Pelecanus crispus', 'сойка Corvus glandarius' (Гринченко I, 13), 'вид кушанья из теста' (там же), блр. *бáба* 'баба'.

«У всех славян *baba* имеет одно и то же основное значение, а часто и одинаковые вторичные значения» (Machek 20). Это высказывание суммирует распространенную в науке точку зрения, согласно которой праслав. **baba* — слово детской речи (Lallwort) с главным знач. 'старуха, бабка', тогда как остальные значения — результат вторичного переноса, в основе которого лежит либо простая метафора (обозначение чего-либо по сходству со старой женщиной, бабой), либо языческое представление, напр. русск. *бабочка* 'мотылек' — это первоначально 'душа бабки, предка женского пола'. См. А. А. Потебня РФВ VII, 1882, 69; Фасмер I, 100. Знач. 'старуха, бабка' — бесспорно древнее, ср. лит. *bóba* 'старуха, баба', лтш. *bãba* то же; см. F. de Saussure MSL 8, 1894, 431; Berneker I, 36; Trautmann BSW 23; Фасмер, там же; Fraenkel I, 52; Трубачев. Слав. термин. родства 72; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 64; Георгиев БЕР I, 23. Однако едва ли необходимо считать, что именно это знач. легло в основу всех прочих перечисленных выше. Укр. диал. значение 'трясина' и некоторые другие трудно объяснить из 'бабка, старуха'. Здесь могли отразиться древние значения 'жидкая пища, каша', 'набухать', свойственные еще для и.-е. звукокомплексов **bab-*, **pap-*. Примеры см. Pokorny I, 91, 789. Недалеко от истины было бы мнение, что в слав. **baba* сохраняется простейший древний звукокомплекс (редупликация) с чертами

древнего полисемантизма или даже пансемантизма, ввиду которого едва ли оправданы предположения об обязательной исторической иерархии всех известных значений.

О слав. **baba* как термине родства см. еще «Słownik prasłowiański. Zeszyt próbny» 4—6; А. А. Бурячок. Назви спорідненості і свояцтва в укр. мові (Київ, 1961) 50 и след.; Трубачев «Лексикогр. сб.» VI (1963), 6 и след.; M. Piškur. Pomenska analiza besede *baba*. — JiS X, 1965, 6—16.

***baba ęga:** русск. *баба-яга* 'злая волшебница и людоедка'.

По-видимому, старое словосочетание **baba* (см.) и **ęga* (см.), ср. также **ęza* (см., где подробно говорится об этимологии этих последних слов). См. еще Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (М., 1965), 78, 179, где содержатся суждения относительно древнего функционирования этого термина и соответствующего образа в мифологической традиции (персонификация смерти, женщина-колдунья и т. д.).

***baba rǫga?:** сербохорв. диал. *ба̏ба ру̑га* ж. р. 'мифическое существо, которым пугают детей'.

Словосочетание, состоящее из **baba* (см.) и отглагольного имени **rǫga* (см. **rǫgati*, где говорится об этимол. связях). Праслав. древность проблематична.

***babakъ:** болг. *бабяк* м. р. 'птица цапля Ardea cinerea', 'растение Verbascum thapsus, медвежье ухо' (Геров, Младенов — БТР), словен. *bâbjak* м. р. 'бабник', 'дикий шалфей Salvia silvestris' (Plet. I, 8), чеш. *babák* м. р. (вульг.) 'вошь', 'муж повитухи', 'страшилище, пожирающее детей' (Jungmann I, 195; в собств. именах с XIV в.; см. J. Soukup. Příspěvky a výklady ke slovníku českému. «Program rakovnické reálky» 1914, 16. Ст.-чеш. Прага), слвц. *babiak* то же (Kálal 10), русск. диал. *бабья́к* м. р. 'женатый раздевуля' (арх., Даль[3] I, 86), *ба́бья́к* м. р. 'застенчивый женатый человек', 'любитель ухаживать за женщинами' (Филин 2, 31).

Допустимость реконструкции праслав. формы **babakъ* (в том числе для случаев со смягчением *b'* или *bj*, которое снимается при этом как вторичное) еще не дает полной уверенности в древности данного производного с суфф. *-akъ* от **baba* (см.). Для характеристики значений этого производного в общем подходит то, что сказано относительно **baba*.

***baběti:** чеш. *baběti* 'бабиться, становиться старой бабой' (Kott I, 40), укр. *бабі́ти* 'делаться женоподобным, бабиться, изнеживаться', 'набрякать, отекать', 'сморщиваться от долгого пребывания в воде (о человеч. теле)' (Гринченко I, 14).

Гл. состояния, производное регулярного вида с суфф. *-ěti* от **baba* (см.).

***babica:** болг. *ба́бица* ж. р. 'куделя, горсть дурного льна', 'блона' (Геров), 'железа' (Стойчев БД II, 125), 'свиной пузырь, начиненный мясом', 'пучок мелкого недоброкачественного волокна'

(М. Младенов БД III, 37), 'свиной желудок', 'неразвившаяся, больная слива' (Гълъбов БД II, 69), *бáбици* мн. 'острицы Oxyurus vermicularis у детей' (Горов. Страндж. — БД I, 65), сюда же *бáбичка* ж. р. 'старуха, старушка, бабушка' (БТР), макед. *бабица* ж. р. 'акушерка, повивальная бабка' (И-С), сербохорв. *bȁbica* ж. р. — ум. от *bȁba*, а также в различных специальных знач-ях, напр. 'насекомое Millipeda', 'вид морского рака', 'название ряда растений — Plantago и др.', 'стебель', 'наковаленка для отбивки кос', 'столб в постройке' (RJA I, 131; PCA I, 223), *бȁбице* мн. 'злые духи, преследующие маленьких детей', 'родильная лихорадка', 'обряд поминовения' (PCA, там же), словен. *bábica* ж. р. 'бабушка', 'повивальная бабка', 'старушка', 'самка мелких животных', 'рыба Cobitis barbatula', 'белый гриб Boletus edulis', 'вид груши', 'шелуха, кочерыжка (кукурузы)', ряд технических терминов — 'гайка', 'брусок для отбивки косы', 'крышка', 'копна' (Plet. I, 8), *bábička* ж. р. 'старушка-мать' (там же), чеш. *babice* ж. р. 'баба', *babička* 'бабушка', слвц. диал. *babica* ж. р. 'повитуха' (SSJ I, 61), русск. диал. *бáбица* ж. р. собир. 'бабы, бабье' (Даль [3] I, 83), ум. 'бабенка' (там же, 85), *бáбица* ж. р. 'женщина средних лет' (олон., перм.), 'молодая женщина, недавно вышедшая замуж' (волог.), *бабúца* 'распутная женщина' (перм., свердл., Филин 2, 20), укр. *бáбиця* ж. р. 'баба, старуха', 'растение Alyssum campestre', *бáбиці* мн. 'боль, колики в животе' (Гринченко I, 14).

Праслав. **babica* — производное с суфф. *-ica* от **baba* (см.). Сравнение с праслав. **baba* показывает преобладание у производной формы производных (—переносных) значений. Впрочем, вопрос об иерархии значений и их связи со знач. 'старуха, баба' сложен и недостаточно выяснен в деталях также и здесь. Ср. в связи с этим о сербохорв. *бȁбица* и словен. *babica* И. Поповић JФ XIX, 1951—1952, 167—168; Bezlaj. Etim. slovar (рукоп.: «*babica* ж. р. 'Cobitis barbatula'. Неясно; вероятно, только вторично сближено с *baba*»).

***babinъ:** болг. *бáбин* прилаг. 'принадлежащий бабе, бабушке' (БТР), макед. *бабин* прилаг. то же (Кон.), сербск.-цслав. *бабинъ* μάμμης, aviae (Mikl.), сербохорв. *бȁбин* то же (RJA I, 132), сюда же *бȁбине, бȁбиње* мн. 'первые дни после родов и связанные с этим обычаи' (PCA I, 222; Vis 148; Mić 172), чеш. *bábin* прилаг. 'старушечий, повитухин, бабкин' (Jungmann I, 57), н.-луж. *babiny* прилаг. 'принадлежащий старухе или повивальной бабке' (Muka Sł. I, 7), словин. *bābjïn* 'старухин, бабкин' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 10), др.-русск. *бабинъ* 'бабин, aviae' (Срезневский I, 37), русск. *бáбин* 'принадлежащий бабе', ст.-укр. *бабинъ* 'бабий, бабкин' (XVII в., Тимченко I, 45), укр. *бáбин* то же (Гринченко I, 13—14), блр. *бáбін* 'бабушкин' (Блр.-русск.).

Притяж. прилаг., производное с суфф. *-inъ* от **baba* (см.) в знач. 'старуха, бабка'.

***babiti:** цслав. бабити μαιεύειν, obstetricem esse (Exod. 1, 16, Mikl.), болг. *бáбя* 'помогать при родах' (Младенов БТР, Геров—Панчев), макед. *баби* то же (Кон.), серб.-цслав. *бабити сѧ* 'рожать: жена бабить се' (Mikl.), сербохорв. *бȁбити* то же, словен. *babiti* то же (Plet. I, 8), чеш. *babiti* то же, слвц. *babit'* 'помогать при родах, быть повитухой' (SSJ I, 61), в.-луж. *babić* 'быть акушеркой', др.-русск. *бабити* 'бабить, быть повивальной бабкой' (Срезневский I, 37), русск. *бáбить* 'повивать, принимать; лекарить, знахарить' (Даль [3] I, 87), ст.-укр. *бабити* 'принимать детей, быть повитухой' (XVIII в., Тимченко I, 45), укр. *бáбити* то же (Гринченко I, 14). блр. *бáбiць* то же.

Глагольное производное регулярного вида с суфф. *-iti* от **baba* (см.) почти исключительно в знач. 'повитуха, знахарка'.

***babitjь:** сербохорв. *бȁбић* м. р. 'виноградная лоза, плодоносящая разновидностью черного винограда' (РСА I, 223), также в кач-ве фам. *Бȁбић* (там же), др.-русск. *Бабичь*, прозванье довольно многих князей удельных (XIV—XV вв., Срезневский I, 37), русск. диал. *бáбич* 'бабий угодник, прихвостень' (Даль [3] I, 86), 'птица Pelecanus crispus, пеликан' (нижнедонск., Филин 2, 20), укр. *бáбич* м. р. 'бабник', 'неженка', 'самец стрекозы' (Гринченко, I, 14).

Спорадически распространенное и неясное в отношении древности своего образования производное сущ. с суфф. *-itjь* от **baba* (см.). В отдельных примерах видна патронимич. функция этого суффиксального производного, ср. прозвища и фамилии вроде *Бабичь*, *Бабић*, в других примерах можно говорить об иных, более новых функциях суфф. *-itjь*.

***bablati sę:** чеш. диал. *bablat se* 'пачкаться, копаться в чем-либо' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 16; Kopečný. Urč. 135), сюда же чеш. диал. *bachłat* 'перемешивать, путать' (Bartoš. Slov. 10), польск. *babłać* 'возиться', диал. *bablać* 'полоскать, мочить в воде' (Warsz. I, 79), укр. *бáблятися* 'копаться руками в чем-либо жидком, мягком, напр. в тесте; пачкаться' (Гринченко I, 15; Укр.-рос. словн. I, 22; А. А. Москаленко. Словник дiалектизмiв українських говiрок Одеської обл. Одеса, 1958, 14).

Гл. **bablati sę* бесспорно звукоподражательного, экспрессивного происхождения (неполная редупликация **ba-bl-*), соотносим с близким во всех отношениях и более широко распространенным гл. **babrati sę*, см. (мена *l* : *r*). Что касается чеш. диал. *bachłat* (см. выше перечень), кот. Махек связывал прямо с *babrati* (см. Machek 282), для нас очевидна его более непосредственная связь с прочими нашими продолжениями исходного **bablati (sę)*.

***baboniti / *babuniti:** болг. диал. *бобóним* 'говорить густым, гортанным голосом' (Брезнишко, см. Георгиев), сербохорв. *бобдњити* 'бубнить, греметь, гудеть' (РСА I, 670), чеш. диал. *babóňit* 'бесцельно ходить туда—сюда, особ. в потемках' (Gregor. Slovn. slavk.-bučov. 16), ср. еще с основой на *а-* чеш. диал. *babóňat* 'бестол-

ково искать что-либо', 'мотаться' (Kopečný. Urč. 136), далее — слвц. диал. *babuňic* 'колдовать' (Buffa. Dlhá Lúka 130), русск. диал. *бабóнить* 'говорить громко, но невнятно; бубнить' (Филин 2, 26), сюда же *бадунíть* 'гадать, предсказывать что-нибудь' (Псковский областной словарь 1, 91—92), укр. диал. *бабонíти* 'ворожить' (Гринченко I, 15).

Гл., производный от след. имени. На первый взгляд как будто разнородные, значения приведенных выше слов ('ходить туда—сюда', 'громко, невнятно говорить', 'гадать') вполне могут быть объединены емким значением гл. **baboniti*, который, видимо, обозначал совокупность действий колдуна, прорицателя. Этот гл., представленный в народной лексике лишь части слав. языков, является, вероятно, праслав. образованием. Отнесение к праслав. **baboniti* малоизвестного русск. диал. *бадунíть* (см. выше) является одновременно этимологией для этого слова, испытавшего экспрессивную диссимиляцию. Примерно то же можно сказать и о чеш. диал. *babóňit*, которое Махек едва ли удачно выводил из приставочного *pa-búcat* (см. Machek 21).

***babonъ/*babunъ/*babona:** макед. *бабун* м. р. 'тот, у кого морщинистое лицо', 'богумил, член еретической секты в древней Болгарии' (Кон.), ср. еще Геров—Панчев: *бáбун* м. р. 'человек с морщинистым лицом', сербохорв. *бȁбуна* ж. р. 'женщина со злыми глазами' (РСА I, 225), *бȁбоња* м. р. 'мужчина, похожий на бабу', 'старик' (там же, 224), сербск.-цслав. *бабоуни* мн. 'superstitio, суеверие' (Mikl.; ср. еще RJA I, 136), чеш. *baboněk*, род. п. *-ňku* м. р. 'наваждение' (Kott I, 41), слвц. народн. *babona*, *bobona* ж. р. 'суеверие' (SSJ I, 61), др.-русск. *бабȣны* мн. 'чары, колдовство, ворожба' (Срезневский I, 37; III, Доп., 7), укр. диал. *баббны* 'суеверие' (I. Верхратський. Знадоби 201); сюда же слвц. диал. *babuňstvo* ср. р. 'болтовня о чудесах и вера в них' (Buffa. Dlhá Lúka 130).

Сюда примыкают укр. *забобóни* мн., блр. *забабóны* мн. 'суеверие' (откуда позже русск. *забобóны*, см. Фасмер II, 70; есть мнение, что вост.-слав. слова — из польск. *zabobon* м. р. то же, см. Brückner 643). Эти приставочные формы как бы подтверждают мысль об отглагольности всех вообще соответствующих имен, высказанную еще Бернекером, который ссылался на сербохорв. стар. *boboniti* 'strepere, шуметь', сербохорв. *bobònjati* 'болтать' (см. Berneker I, 36—37, где, кроме укр. диал. *бабонити*, не назван ни один глагол из перечисленных у нас выше под **baboniti* /**babuniti* с их специфическими значениями). Но польск., укр. и блр. образования с приставкой *za-* стоят вообще особняком и явно уступают в древности ю.-слав., чеш., слвц., др.-русск. и укр. именным формам, приведенным выше, которые, в свою очередь, обладают более обширным ареалом, чем соответствующий глагол, видимо, произведенный от именной основы **babon-* / **babun-*. Такая фонетическая черта как наличие *-а-* практически во всех сравни-

ваемых здесь формах позволяет взвесить возможность происхождения из частичной редупликации и.-е. *$bh\bar{a}(n)$- 'звук голоса, речь, слово; заповедь, молитва'. Связь с **baba* старуха могла наметиться по народн. этимологии вторично у макед. *бабун* (см. выше). Оценку прочих объяснений и звукоподражательную этимологию см. Berneker, там же.

***babotati:** болг. *ба́ботя* 'издавать гул' (Геров: *ба́ботьж*), сербохорв. *баба̏тати* 'стучать зубами от холода, страха или лихорадки' (РСА I, 221), в.-луж. *babotać* 'болтать', н.-луж. *babotaś* 'болтать' (Muka Sł. I, 7).

Звукоподражательный глагол. Праслав. древность образования предполагается здесь достаточно условно.

***babrati (sę):** сербохорв. *ба̏брати* 'возиться, рыться', 'канителиться' (РСА I, 224), чеш. *babrati se* 'копаться (руками) в чем-либо', слвц. *babrat'* 'пачкать; делать плохо, неумело; трогать', *babrat' sa* 'пачкаться; возиться, медленно и долго делать' (SSJ I, 62), польск. *babrać* 'пачкать, загрязнять; плохо делать' (Dorosz. I, 284), русск. диал. *бара́бать* 'рыть, разрывать; брать, захватывать' (Опыт 6), 'перебирать, приводить в беспорядок', 'говорить о чем-либо без толку, без смысла' (Васнецов 12), *бара́баться* 'плескаться в воде, пачкаться, перебирать грязь, песок', 'лезть вверх' (там же), *бара́бать* 'беспорядочно двигать ногами (о ребенке)', 'хватать, схватывать', 'говорить невнятно или невразумительно' (Сл. Среднего Урала I, 34), укр. *ба́брати* 'пачкать, марать' (Гринченко I, 15), *бе́брати* 'перебирать, выискивать что получше (о еде)' (Л. С. Паламарчук. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки Вчорайшенського р-ну Житомирської обл. — Лекс. бюл. VI. Київ, 1958, 23), *ба́братися* 'копаться в нечистоте, заниматься грязной работой' (Гринченко I, 15). — Возм., сюда же сербохорв. диал. *babȍrati* 'болтать о чем угодно' (Maš 424). Неясно отношение болг. диал. *ба́брѣм са* 'морщиться' (Стойчев БД II, 125).

Этот своеобразный гл. давно охарактеризован как звукоподражательный, см. Berneker I, 37 (где неточно сюда же отнесено укр. *бабру́н* 'божья коровка', о кот. см. подробно ниже, под **bedrun(ъk)a*). В качестве близкой формы может быть указано **paprati* (см.; ср. Brückner 9; Sławski I, 24), экспрессивный вариант, далее — **bablati sę* (см.) с аналогичным парным **paplati* (см.). Наконец, сюда же примыкает близкое в специфическом для ономатопей смысле **bъrbati* (см.), ср. словен. *bȓbati* 'рыть, поднимать пыль, ударять', сербохорв. *бр̏бљати* 'болтать', словен. *brbljáti* 'болтать'. Между прочим, непосредственно к этим последним относил русск. диал. *бара́бать* Шахматов (см. ИОРЯС VII, 1902, 353). В этой общей форме сближение Шахматова может быть сохранено, с тем отличием, что мы не видим необходимости реконструировать вслед за этим ученым сочетания с долгим плавным *ar*, *al* на базе современных *-ара-* в русск. формах, что

можно объяснить проще и непосредственнее в условиях повышенной экспрессивности: из *барб- < *бабр- или из *bъrb-. Основа представляет собой классическую ономатопею с повтором губного согласного и подвижностью плавного. Махек считает родственным хетт. *paprāhh-* 'загрязнять, осквернять' (см. Machek 21), что сомнительно, если учесть описанный характер слав. слова и характер хетт. слова, которое выступает как культовый термин.

***babriti (sę):** слвц. *babrit'* 'пачкать', ~ *sa* 'пачкаться, мараться' (SSJ I 62).

Гл. на *-iti* от той же основы, что и **babrati* (см.).

***babrotati:** слвц. *babrotat' sa* 'пачкаться; возиться' (SSJ I, 62), словин. *bąbrŭǫtăc* 'шлепать, плескать(ся)' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 25).

Гл., производный от той же основы, что и **babrati sę* (см.). Суффиксация (*-otati*) имеет интенсивный характер. Возможно позднее, параллельное новообразование. Впрочем, ср. след. имя.

***babrotъ:** словин. *bą̃brət* м. р. 'плеск' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 25).

Именное образование недостаточно ясного возраста, стоящее в связи с группой экспрессивных, преимущественно глагольных образований, см. выше **babrati* и близкие.

***babrovъjь?:** ст. чеш. *babrový* прилаг.: *babrový stroj* (Lekařství ženské, XV в. Ст.-чеш., Прага).

Словари, в том числе этимологические, обычно не отмечают этой редкой формы с ее необычным корневым вокализмом. Так, напр., этой формы не знает Махек, кот. приводит другие варианты названия бобровой струи, лекарственного выделения желез бобра— ст.-чеш. *bobrový stroj*, *bobrostroj* (см. Machek 36). Ст.-чеш. *babrový* не находит подтверждения ни в других слав. формах названия бобра (считается, что сербохорв. *да̏бар* 'бобр' отражает **bьbrъ* см.), ни в других и.-е. соответствиях, вокализм которых не обнаруживает здесь долготы, которая позволяла бы обосновать древность слав. *-a-*. Все это делает сомнительной древность реконструированного праслав. **babrovъjь*.

***babuxa:** слвц. диал. *babucha* 'закутанная женщина' (Kálal 11), русск. диал. *бабýха* ж. р. 'бабка, старуха', 'прабабка', 'повивальная бабка', 'женщина, баба' (Филин 2, 29).

Производное с суфф. *-uxa* от сущ. **baba* (см.) в знач. 'старуха, бабка'. Достаточно древнее образование, лежащее в основе **babuša* (см.) и **babušьka* (см.), весьма распространенных по слав. языкам. Можно обратить внимание на сходство суффиксального производного **babuxa* (< **bab-ous-*) с лит. *bobaũsis* 'сморчок' от *bóba* 'баба'. Указанное сходство, впрочем, может остаться чисто внешним, если прав Френкель, кот. толкует лит. слово как сложение с сущ. *ausìs* 'ухо' (см. Fraenkel I, 52, с опечаткой *Altweiberrohr*, нужно: *Altweiberohr*).

***babura:** макед. *бабура* ж. р. 'зеленый сладкий перец (круглой формы)' (И-С), 'крупная игла', 'овца с плохими зубами', 'вид маленькой рыбки в р. Брегалнице' (Кон.), сербохорв. *bàbura* ж. р.

'червяк, насекомое', 'насекомое Millipeda', 'какой-то рак', 'нарост, шишка', 'часть дверного запора' (RJA I, 136; PCA I, 226), сюда же *бабурача* ж. р. 'вид жабы Bufo cinereus L.', *babùrica* ж. р. 'божья коровка Coccinella septempunctata', 'шишка, нарост' (RJA, там же), *babùrina* ж. р., увеличит. от *bȁba*, также 'жаба', 'растение Salvia verticillata L.' (RJA, там же), словен. *babûra* ж. р. 'коробка', 'червь Oniscus' (Plet. I, 8), слвц. диал. *baburky* мн. 'сережки вербы' (SSJ I, 62), русск. диал. *бабу́ра* 'рыба' (Мельниченко 27), *бабу́рка* 'бабочка', 'особый род мелкой рыбы', 'чашка', 'поднятая со стлища и поставленная в виде конуса треста' (Мельниченко 27), *бабурки* 'свинячьи лодыжки, маленькие игорные бабки' (Д. Зеленин. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятск. губ. — ЖСт. XI, 1901, 84), укр. диал. *бабу́ра* ж. р. 'старуха, старая баба (презр.)' (І. Верхратський. Знадоби 49), сюда же, возм., укр. *бабе́ра* 'бабища' (презр., Укр.-рос. словн. I, 21).

Производное с суфф. *-ura* от основы **baba* (см.) с целым комплексом значений 'баба, старуха', 'плод округлой формы', 'нарост', 'живые существа разного вида'. Имеются основания говорить также о связи с другими древними разновидностями полисемантической звукоподражательной основы **pap-*, **bob-*, **bǫb-*, **pǫp-*. См. И. Поповић ЈФ XIX, 1951—1952, 167—168; J. Leder. Russische Fischnamen (Wiesbaden, 1968) 150. В последней работе говорится, например, о связи русск. *бабура* 'рыба бычок, подкаменщик' с русск. *бобырь*, *бубырь*. Далее, там же приводятся другие любопытные в указанной выше связи названия рыбы Cottus gobio L. — русск. диал. *поп*, *попок*, которое автор связывает с польск. *pępówka* 'рыба Gobius' и далее — с праслав. **pǫpъ* 'пуп'.

***baburъ:** болг. *ба́бур* м. р. 'улитка Helix' (Геров), русск. диал. *бабу́р* м. р. 'гриб Helvella esculenta, строчок' (Филин 2, 28), укр. диал. *бабур*, *бобыр* м. р. 'обыкновенный ерш' (Кривицкий. Из словаря полесских рыболовов. «Полесье» 166).

Производное м. р. с суфф. *-urъ* от основы **bab-*, см. подробнее **baba* и **babura*, где дается семасиологическая и этимологическая характеристика близких образований.

***babuša:** сербохорв. *babuša* ж. р. 'баба, старуха (грубо)' (RJA I, 136; PCA I, 225), словен. *babúša* ж. р. = *babura*, т. е. 'коробка', 'червь Oniscus' (Plet. I, 8), чеш. *babuše* ж. р. 'бабушка' (Kott I, 41), диал. *babuša* 'глупая баба' (Kott. Dod. k. Bart. 2), 'закутанная баба' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 17), слвц. *babuša* ж. р. 'старушка, бабушка', 'гусь, гусыня', 'название растения' (SSJ I, 62), н.-луж. *babuša* 'бабушка' (Muka Sł. I, 8), русск. диал. *бабу́ша* ж. р. 'бабка, старуха' (орл., Филин 2, 29).

Расширение с помощью *-j-* формы **babuxa* (см.; там же о словообразовании исходной формы).

***babušьka:** болг. *бабушка* 'бабушка, старуха' (Дошлѐ девòк'е ис цвѐк'е, И млàди момчетѝе. По н'и ѝду стàре *бàбушке* Да вѝйу вѐнци на рѐку. Чупреня, Белоградчишко, СбНУ XLI, 419. Архив Болг. диал. словаря, София), *бабýшка* ж. р. 'больная овца с большим животом', 'кокон', 'рыба Gobio', 'какое-то растение' (Младенов БТР), *бабушка* ж. р. 'рыба Gobio' (Геров—Панчев), диал. *бáбушка* ж. р. 'вид лесной травы с широкими мшистыми листьями, которую очень любят свиньи' (Горов. Страндж. БД I, 65), 'вид бурьяна с округлыми мшистыми листьями', 'ослабевшее животное', 'выродившиеся плоды сливы' (Стойчев БД II, 125), макед. *бабушка* ж. р. 'сладкий перец', 'крупная игла', 'больная овца', 'вид небольшой пузатой рыбки в р. Брегалнице' (Кон.), сербохорв. *bàbuška* ж. р. 'насекомое Millipeda', 'шишка, орешек' (RJA I, 137), 'дубовый орешек' (Maš 425), *babȕška* = *žohar* (M. Tentor «Razprave» I, 1950, 571), словен. *babûška* ж. р. 'старуха', 'червь определенного вида' (Plet. I, 8), чеш. *babuška* ж. р. (книжн.) 'бабушка', слвц. *babuška* ж. р. 'старушка, бабушка', 'гусыня', 'мать-и-мачеха' (SSJ I, 62), *babušky* мн. 'зубчатые кружева' (Kálal 12), в.-луж. *babuška* ж. р. 'бабушка' (Pfuhl 4), н.-луж. *babuška* 'бабушка', *babuški* мн. 'скабиоза Scabiosa succisa L., Succisa praemora A.' (Muka Sł. I, 8), русск. бáбушка ж. р. 'мать отца или матери', 'пожилая женщина, старуха', 'повитуха', диал. *бабýшка* ж. р. 'оспина', 'всякая болячка у детей', 'пятна в натуральной оспе' (Доп. к Опыту 3), *бабýшки* 'игрушки' (Г. Потанин. Этнографич. заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. — ЖСт. IX, 1899, 227).

Производное с суфф. -(ь)*ka* от **babuša* (см.). Обращает на себя внимание чрезвычайная множественность значений производного, в известном смысле продолжающая множественность значений исходного имени **baba* (см.).

***babъka:** болг. *бáбка* ж. р., ум. от *баба*, а также в знач. 'старая мелкая монета' (БТР), диал. *бáпка* ж. р. 'раковина, которая идет на ожерелья', 'пуговица (из морской раковины)', 'золотая монета' (Стойчев БД II, 126), 'самка дикой свиньи' (там же), 'глиняный свисток' (Сакъов БД III, 318), макед. *бапка* ж. р. 'зоб' (И-С), 'зоб', 'глотка; гортань; горло', 'свинка (болезнь)', 'шишка', 'опухоль', 'ком' (Кон.), сербохорв. *бȁпка* ж. р. 'старинная монета', 'подпорка', 'наковаленка для отбивки косы', 'перекладина', 'седельная лука', 'груда битого камня для поддержания дороги в исправном состоянии', 'вид морской рыбы Lepadogaster Gouani, название различных мелких животных и паразитов', 'растение Galanthus nivalis', 'пучок шерсти', 'яма' (РСА I, 296; JŠ 28; Ku 16), диал. *бȁпке* мн. 'в селах вокруг Лесковаца так называют злых духов, которые мучат роженицу, принося ей разные болезни, а нередко и смерть' (РСА, там же), словен. *bâbka* ж. р. 'старушка, бабка', 'кукла', *babke* мн. 'кости ног у телят и овец' (Plet. I, 8), чеш. *babka* ж. р. 'баба, бабка;

повитуха, знахарка', 'изделие из теста', 'жук', 'стебель', 'пенек или корень', 'наковаленка, брусок для отбивки косы', диал. *babka* ж. р. 'железная петля для крючка, напр. на двери', 'брусок для косы и серпа' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 16), 'бабка, старушка', 'брусок для косы', 'жук', 'небольшое темное облачко', 'старое дерево', 'бесценок' (Hruška. Slov. chod. 11—12), 'мелкая (венг.) монета' (Brandl 3), слвц. *babka* ж. р. 'бабка, старушка', 'старушка-мать', 'повитуха', 'петля на одежде', 'железная щеколда', 'брусок для отбивки косы', 'пучок чесаного льна' (SSJ I, 61), сюда же *babečka* 'старушка' (SSJ I, 60), диал. *bapka* ж. р. 'наковаленка, брусок', также ум. к *baba* (Buffa. Dlhá Lúka 131), в.-луж. *babka* ж. р., ум. к *baba*, также 'углубление в конце или на боку вареного яйца', фигурально — 'пчела' (Pfuhl 4), н.-луж. *babka* ж. р. 'старушка, бабушка; повивальная бабка' (Muka Sł. I, 7), полаб. *bopkă* ж. р. 'повитуха' (Polański—Sehnert 39), польск. *babka* ж. р. 'баба; бабушка' (Dorosz. I, 282—283), словин. *bằupka* ж. р. 'старушка, бабушка' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 24), русск. *бáбка* ж. р. 'бабушка, старуха', 'повитуха', 'надкопытный сустав ноги у животных, кость этого сустава', 'ящерица' (Псковский областной словарь 1, 83), 'белый гриб', 'растение попутник Plantago arenaria, подорожник' (Даль [3] I, 85). сюда же *бáбочка* ж. р. 'насекомое из отряда полевых', ст.-укр. *бабка* ж. р., ум. от *баба*, 'бабушка' (1577 г.), 'повитуха', 'гриб Boletus scaber' (1604 г.), 'насекомое Coccinella', 'растение Plantago', 'наковаленка', 'опора, столбик' (Тимченко I, 45), укр. *бáбка* ж. р., ум. от *баба*, 'вид гриба Boletus scaber, Agaricus procerus', 'растение подорожник Plantago major', 'Salvia dumetorum', 'Salvia pratensis', 'Centaurea mollis', 'маленькая наковальня, на кот. отбивают косу', 'стрекоза', 'игральная кость из ступни животного' (Гринченко I, 14; Укр.-рос. словн. I, 21), 'узенький круглый ремешок, связывающий две основные части цепа' (Л. Т. Выгонная. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья». М., 1968, 93), 'кушанье из запеченного в высокой посуде тертого картофеля', 'сдобная булка', 'хлеб из гречневой муки', 'кушанье из вареного мятого картофеля', 'запеканка из рисовой или другой каши', 'пенка на кипяченом молоке' (Г. Ф. Вешторт. Названия пищи в говорах Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968, 369; Dejna. Tarnopolszczyzna 123), 'петля к крючку, которым застегивают одежду', 'петля на пуговицу' (А. С. Соколовская. Полесские названия одежды и обуви. «Лексика Полесья», 281), сюда же *бáпки* мн. 'восковая моль' (В. В. Анохина, Н. В. Никончук. Полесская терминология пчеловодства. — Там же, 321), блр. *бáбка* 'бабушка'.

Старое лексикализованное производное с суфф. *-ъka* от **baba* (см.). Среди значений немало продолжений древней семантики исходной основы, есть также новые местные значения — название мелкой монеты и т. п. См. специально F. Sławski RS XXIII, 1964,

154; Sadnik—Aitzetmüller, Vgl. Wb. 2, 64—65. Впрочем, существует мнение, что знач. 'монета' (болг. и др.) развилось особо на чеш. почве, откуда через венг. распространилось среди южных славян, см. (вслед за Шуланом) L. Kiss «Studia Slavica» X, 1964, 465.

***babъkъ:** сербохорв. *бäбак*, род. п. *бäпка* м. р. 'рукоятка косы', 'насекомое Cantharis' (с XVII в.), 'Millipeda' (RJA I, 130), 'Blennius gattorugine', 'божья коровка Coccinella', 'перекладина' (РСА I, 220), диал. *бабак* 'мелкие стеклянные монисты' (черног., Ровинский 641).

Производное м. р. с суфф. *-ъkъ* от **baba* (см.), близко примыкающее к предыдущему **babъka* (см.).

***babyka:** сербохорв. *babika* ж. р. 'растение Plantago' (редк., RJA, I, 132), чеш. *babyka* ж. р. 'вид явора Acer campestre', русск. диал. *бабыка* м. р. 'заика' (арх., Филин 2, 31).

Наблюдается определенная связь с продолжениями **babъka* (см.), обозначающими в некоторых слав. языках растения, в частности — Plantago (русск., укр.). Сравнение говорит о том, что **babyka* — производное от **baba* (см.) с суфф. *-yka*. Соотнесение **babъka* и **babyka* (*-ŭkā*: *-ūkā*) весьма любопытно и может быть использовано для суждений о генезисе этого крайне редкого слав. суффикса, ср. еще праслав. **voldyka* (см.).

Несколько особняком — семантически и, видимо, по своему происхождению — стоит в ряду наших сопоставлений русск. диал. *бабыка* (местное звукоподражание?).

***babьcь:** сербохорв. *бäбац*, род. п. *бäпца* м. р. 'старуха, старая баба', 'крупный орех' (РСА I, 221), словен. *bâbec*, род. п. *-bca* м. р. 'бабник', 'трус', 'кукла', 'раст. Verbascum nigrum' (Plet. I, 8), чеш. *babec'*, род. п. *-bce*, уничиж. 'баба', диал. *babec*, род п. *-bca* м. р. (шутл.) 'дед, старик' (Bartoš. Slov. 8), 'баба, старуха' (уничиж., Gregor. Slov. slavk.bučov. 16), укр. диал. *бабéц* 'головастик, Cottus' (І. Верхратський. Знадоби 201), укр. *бабéць-головáч* 'подкаменщик Cottus gobio L.' (Укр.-рос. словн. I, 21).

Производное с суфф. *-ьcь* от **baba* (см.).

***babьjь:** цслав. бабий прилаг. γραώδης, 'anilis' (Mikl.), сербохорв. *бäб(и)jӣ* прилаг. (РСА I, 221), *bäbļî* 'принадлежащий бабке, старухе' (с XVII в., RJA I, 134), словен. *bâbji* 'старушечий, бабий' (Plet. I, 8), чеш. *babí* 'женский, бабий', слвц. *babí*, обычно только в сочетании *babie leto* 'бабье лето' (SSJ I, 61), н.-луж. *babi* 'старушечий, бабушкин' (Muka Sł. I, 6—7), польск. *babi* 'старушечий, бабушкин' (Dorosz. I, 280—281), словин. *bābjï* 'бабий' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 10), др.-русск. *бабии* < бабий, anilis' (Срезневский I, 37), русск. *бáбий*, ст.-укр. *бáбій* (XVII в., Тимченко I, 45).

Прилаг. притяжат. регулярного вида, производное с суфф. *-ьjь* от **baba* (см.) исключительно в знач. 'женщина, баба, старуха'.

***babьnikъ:** болг. *бáбник* 'род свиной колбасы' (Геров), словен. *bâb*

nik м. р. 'бабник', 'вид шалфея Salvia verticillata' (Plet. I, 8), чеш. редк. *babník* м. р. 'форма для выпечки теста', русск. диал. *бáбник* м. р. 'бабий угодник, прихвостень, волокита' (псковск., Даль [3] I, 86), укр. бабни́к м. р. 'форма для выпечки теста' (Гринченко I, 15), блр. *бáбнік* 'бабник' (Блр.-русск.).

Производное с суфф. *-ьnikъ* от **baba* (см.), охватывающее весьма разнородные по значению и, видимо, по образованию случаи. Праслав. древность вызывает сомнения.

***babьskъjь:** сербохорв. *бȁпскӣ* 'бабий; старушечий' (РСА I, 296), словен. *bâbski* прилаг. то же (Plet. I, 8), чеш. *babský* прилаг. 'бабий; знахарский', слвц. *babský* 'бабий' (SSJ I, 62), н.-луж. (стар.) *babski* 'женский' (Muka Sł. I, 8), польск. *babski* 'бабий' (Dorosz. I, 284), словин. *bapsḱĭ* прилаг. 'бабий' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 15), укр. *бáбський* 'бабий, бабский' (Гринченко I, 15). — Возможно, сюда же в конечном счете и болг. *бáбешки* прилаг. 'старушечий, бабушкин' (БТР), макед. *бабешки* 'бабий, старушечий' (И-С), кот., строго говоря, продолжают некую праформу **babъčьskъjь*.

Производное с суфф. *-ьskъjь* от **baba* (см.).

***bacati (sę)/*bocati (sę):** болг. *бáцам* 'целовать', 'щелкать пальцем по голове' (Георгиев), 'колоть' (Шапкарев—Близнев БД III, 202), *бóцам* 'покалывать', диал. *бýцам* 'толкать, бить' (Георгиев), сюда же *бáкам* 'целовать' (Младенов БТР), макед. *баца се* 'пачкаться, грязниться', *буца* 'бодать' (И-С), сюда же *боцка* 'покалывать' (там же), сербохорв. *бȁцати* 'бросать, метать, стрелять' (RJA I, 137), *бȍцати* 'колоть', *bécati* 'trudere, ringi', 'pungere', ∾ *se* 'ringi, torvo oculo aliquem intueri' (RJA I, 218), 'злиться', диал. *буца̏т* (Елез. I), словен. *bacáti* 'ползти на четвереньках', 'медленно идти' (Plet. I, 9), *bȍdcati* 'прорастать' (Plet. I, 38), *becáti* 'толкать, пинать' (Plet. I, 15), чеш. *bacati* 'бить', диал. *bacat* то же (Hruška. Slov. chod. 12; Malina. Mistř. 8), слвц. *bácat'* экспр. 'бить, ударять; бухать' (SSJ I, 63), сюда же *bicat'* то же (Kálal 24), русск. *бáцать* 'хлопать, бить со стуком' (Даль [3] I, 141), 'ударяя, производить сильный, резкий, отрывистый звук', 'стрелять' (Филин 2, 159), *боцáть* 'бить, колотить', 'стучать по полу при ходьбе' (Филин 3, 139—140), *бýцать* 'ударять, громко стучать' (Филин 3, 327), далее — сюда же *бýцкать* 'сбивать, бить в чем-либо' (Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби 1, 56), укр. *бáцяти* 'бацать' (Rudnyćkyj. An etymological dictionary I, 90), *бýцати* 'бить, ударять лбом (о баране)' (Гринченко I, 118).

Этимологизация этого слова, представленного здесь в нескольких реконструированных праформах, взаимосвязанных хронологически (см. также ниже), наталкивается на трудности. К числу помех относится возможность независимого, спонтанного образования сходных глаголов в разных слав. языках от междом. типа русск. *бац*. Тем не менее, большинство собранных

здесь форм может продолжать праслав. *bodьcati. Последнее достаточно рано выступает в аллегровом варианте *bocati или — с проведением вокализма, обычного для итеративов, — в виде *bacati (вторичные, местные огласовки -u- построены на -o- вокализме). Праформа *bodьcati реконструирована, по сути, Георгиевым, который указал и на точное соответствие в лат. fodico 'покалывать' < и.-е. *bhod-ik-ājō. См. Георгиев БЕР I, 70. Действительно, семантика 'колоть, покалывать', 'бодать' характерна для многих продолжений *bacati / *bocati. Т. о., этимологическое родство с *bodьcь, *bodъ (см.) тоже вполне очевидно. Правда, у авторов имеется тенденция отделять слова с -a- вокализмом вроде болг. бáцам и др., объясняя их из звукоподражания, см. Георгиев БЕР I, 37; однако и семантически и формально едва ли целесообразно отделять все случаи *bacati от *bocati, см. также выше. Названную выше этимологию Георгиева критикует Гавлова (см. E. Havlová «Slavia» 33, 1964, 310), однако неясно, почему мы должны отдать предпочтение предлагаемому ею *bod-sa-jǫ, если есть реальная аналогия лат. слова. Близкие к Гавловой мысли высказывал еще Махек, кот. видел в слав. bacati интенсив на -s- bat-sati (см. Machek SPFFBU I, 1952, 84; также Machek 21; вслед за ним — Sadnik—Aitzetmüller 2, 68, но выше была показана близость семантики нашего глагола ('бодать, колоть' и лишь вторично — 'бить') именно с основой bod-.

***baciti:** макед. баци 'поцеловать' (Кон.), сербохорв. бȁцити 'бросить', 'выстрелить', диал. бāцӣт (Елез. I), сюда же бȁчити 'бросить' (РСА I, 350) и, возм., béčiti 'trudere, torquere' (с XVI в., RJA I, 219—220), чеш. baciti, диал. bacit 'бросить, ударить' (Malina. Mistř. 8), русск. диал. бáцить 'делать что-либо' (Филин 2, 159).

Гл. форма, морфологически, по-видимому, вторичная по отношению к *bacati / *bocati (см., там же подробно об этимологии).

***bacnǫti/*bocnǫti:** болг. бáцна 'поцеловать, чмокнуть, щелкнуть' (Геров, Георгиев), бóцна 'кольнуть' (БТР), макед. боцне 'уколоть, кольнуть; приколоть, прикрепить' (И-С), сюда же производное макед. бакне 'поцеловать' (там же), сербохорв. bȁcnuti 'кольнуть' (с XVII в., RJA I, 141), бȍцнути то же, словен. bácniti, becníti 'толкнуть, пихнуть' (Plet. I, 9, 15), чеш. bácnouti 'ударить; выстрелить', диал. bácnút 'упасть с высоты' (Malina. Mistř. 8), bácnót 'ударить', 'выстрелить', 'упасть с грохотом' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 17), bucnút 'ударить' (Kott. Dod. k Bart. 7), слвц. bacnút' 'ударить', 'швырнуть', 'упасть, свалиться' (SSJ I, 63), диал. bacnuc 'ударить челом' (Buffa. Dlhá Lúka 130), русск. бáцнуть (Даль [3] I, 141), диал. бóцнуться 'удариться обо что-либо, упасть, ушибиться' (псковск., тверск., Доп. к Опыту 12), укр. диал. бáцьнути 'ударить, упасть с шумом' (Гринченко I, 34).

Производное с суфф. *-nǫ-ti* от основы гл. **bacati* / **bocati* (см.). Вторичность образования следует из противоречия между суффиксацией, характерной для краткостного, моментального вида глагольного действия, и корневым вокализмом из другой глагольной категории.

***bačęgъ?/*bočęg?:** русск. диал. *бача́г* 'заливаемая весеннею водою ложбина' (Подвысоцкий 5), *бача́ги* 'лужицы от дождя, а также небольшие ямы, пруды, постоянно наполненные водой' (Куликовский 3), *бочаг* м. р., *боча́га*, *моча́га* ж. р. 'глубокая лужа, колдобина, ямина, залитая водою; омут; большая ямина, шире и глубже впадающей в нее речки или ручья' (Даль [3] I, 295). — Возм., сюда же др.-русск. *бочижь* (:Далъ пустой ухожеи бортной *бочижь* на речки на Рвенце. Судебн. зап. 1606 г. Срезневский I, 159).

Это, по-видимому, только русск. (гл. обр.—с.-в.-р.) слово до сих пор не проэтимологизировано и считается темным по происхождению. См. Фасмер I, 138. Тем не менее, позволительно предположить здесь образование значительной древности (ср. близкую др.-русск. форму, не учтенную, напр., Фасмером), а именно — производное с суфф. *-ęgъ* от основы **bak-*, общей у нашего слова с другим суффиксальным производным — **bakul'a* / **bakъl'a* (см.), которое так же, как и **bačęgъ*, до сих пор не находило места в слав. этимол. словарях. Продолжения обеих праформ имеют (в числе прочих) значения 'яма с водой', 'озеро'. Мы предполагаем здесь наличие и.-е. основы **bhā-k-*, с расширением, обозначающей блеск, свет, что вполне подходило бы как название небольшого водного зеркала, резко выделяющегося на каком-либо ином фоне. Подробнее см. **bakul'a* / **bakъl'a*.

***bačiti?:** русск. диал. *ба́чить* 'говорить, разговаривать' (Опыт 8), 'сказывать, рассказывать' (Васнецов 13), 'понимать', 'слышать' (Филин 2, 161), *бацӣть* 'шуметь, шумно разговаривать' (там же, 159).

Расширение с помощью *-k-* суффиксального основы, представленной в праслав. **bajati* (см.) и в др. образованиях. См. Фасмер I, 138 (: *ба́чить* II). Древность проблематична.

***badadlo:** сербохорв. *bȁdalo* ср. р. 'хирургический зонд' (RJA I, 145), 'острие' (Maš 425), слвц. стар. *badadlo* ср. р. 'колючка, острие' (SSJ I, 63).

Производное от гл. **badati* (см.) с помощью суфф. *-dlo*.

***badakъ:** н.-луж. *badak* 'большой чертополох Lappa maior' (Muka Sł. I, 8; ср. еще *Badak* 'tribulus, Große Distel', 1650 г., Schuster-Šewc, Sprachdenkm. 337), русск. *бодя́к* 'Cirsium', укр. *бодак* 'Cirsium palustre' (Гринченко I, 80), *бодя́к* 'чертополох' (Гринченко I, 81), укр. *будя́к* м. р. 'чертополох, волчец' (Гринченко I, 106—107), блр. *бадзя́к* 'Cirsium'.

Сущ., производное с суфф. *-(a)kъ* от основы гл. **badati* (см.). Укр. форма *будя́к* обнаруживает вторичное изменение корневого

вокализма и экспрессивное, неорганическое смягчение согласного.

***badati (sę)**: болг. *бодá* 'колоть(ся)', 'ощущать острую боль' (БТР), *бодá се* 'колоться, бодаться' (Геров: *бодѫ ся*), сюда же болг. *бáдкам* 'силиться припомнить, сказать, сделать что-нибудь' (Георгиев), *бадáкам* 'ковыряться, медленно работать (обычно — о шитье, вышивании)', 'покалывать' (там же), макед. *боде* 'колоть', 'бодать' (И-С), *боде се* 'колоться; бодаться' (там же), сербохорв. *бáдати* 'покалывать', 'идти потихоньку'; стар. *bódati* 'pungere' (RJA I, 469), словен. *bȏdati* 'колоть', 'прорастать' (Plet. I, 38), сюда же *bȗdati* 'плохо работать' (Plet. I, 69), ст.-чеш. *bádati* (XV в., Ст.-чеш., Прага), чеш. *bádati* 'испытывать, исследовать, изучать', сюда же *bodati* 'колоть (острым орудием), жалить', диал. *bodat* 'закалывать ножом (поросенка)' (Malina. Mistř. 11), сюда же диал. *bžodat* 'колоть, жалить' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 31), слвц. *badat'* 'исследовать, наблюдать', *bádat'* 'изучать', *bodat'* 'колоть (острым орудием)' (SSJ I, 63, 64, 110), сюда же *badkat'* 'идти мелкими шажками', 'подталкивать', *bakat'* 'идти кое-как' (SSJ I, 67), н.-луж. *badaś* 'исследовать' (Muka Sł. I, 8), польск. *badać* 'исследовать', 'убеждаться наощупь, присматриваясь, прислушиваясь' (Dorosz. I, 291—292), словин. *bădăc* 'толкать' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 12), др.-русск. *бадати* 'бодать, колоть', 'размышлять, исследовать' (Срезневский I, 39), русск. *бодáть* 'ударять, колоть рогами (о рогатом скоте)', диал. *бадáть* 'лить (воду)' (Филин 2, 38), *бадáться* 'пачкаться, мараться, возиться в грязи', 'пачкать (о краске)' (там же), *бадяться* 'ходить без дела, болтаться' (Говоры Прибалтики 22), ст.-укр. *бадатися* 'допытываться, доискиваться, углубляться во что-либо', 'заниматься' (XVII в., Тимченко I, 49), укр. *бадáти*, *бадáтися* 'исследовать, испытывать' (П. Білецький-Носенко. Словник укр. мови. Київ, 1966, 48), *бáдатися* 'стараться' (Картотека Украинского академического словаря), *бадáцце* 'превозмогать трудности, перебиваться' (П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, 17), блр. *бадзяцца* 'скитаться, шляться'.

Следует пояснить, что, хотя ряд форм в слав. языках имеет корневое *-o-* (или даже *-o-* > *-u*, напр. в словен.), мы считаем необходимым восстановить для всех этих форм праслав. прототип с корневым гласным *-a-* как наиболее закономерную дуративно-итеративную гл. форму на *-ati*. Вокализм *-o-* был обобщен в ряде языков позднее, под влиянием **bodǫ*, **bosti* (см.). Вместе с тем **badati* и его *-a-* вокализм — это праслав. глагольная инновация, поскольку и.-е. соответствия последовательно показывают здесь наличие в основе *-e-* и *-o-*, при отсутствии долгих *ā* или *ō*, ср. объединяемые вокруг и.-е. **bhedh-* лат. *fodiō* 'рыть', кимр. *bedd*, корн. *bedh* 'могила', лит. *bedù*, *bèsti* 'колоть, втыкать', *badýti* то же, см. Pokorny I, 113—114; Trautmann BSW 29; Berneker I,

37, 66; Machek LP 7, 1958, 78 (относит сюда еще хетт. *padda-*); Фасмер I, 183.

Существенно отметить, что изложенное выше объяснение **badati* полностью распространяется и на случаи со знач. 'исследовать, испытывать' (чеш., слвц., н.-луж., польск., др.-русск., укр., см. выше). См. еще Brückner 10; Sławski I, 25. Широкой популярностью пользуется иная этимология **badati* 'исследовать, испытывать' — из ложной декомпозиции **o-badati* < **obadati* < **ob-adati*, ср. ст.-чеш. *jadati* 'исследовать, испытывать' и далее — лит. *úodžiu, úosti* 'нюхать, чуять' (Berneker I, 24; J. Rozwadowski RS I, 1908, 254; G. Iljinski PF 11, 1927, 183—184; Б. М. Ляпунов ИОРЯС XXXI, 1926, 42; A. Vaillant RES XIII, 1933, 111; Machek 21). Мы оставляем ст.-чеш. *jadati* совершенно в стороне как особый случай (см. **adati*, выше). Что касается относительной хронологии вокализма **badati*, см. изложенные выше соображения, не позволяющие, как кажется, оперировать здесь и.-е. сравнениями. Генезис значений 'исследовать, испытывать' можно проследить, не выходя за рамки известных значений продолжений праслав. **badati* (см. выше), ср. в первую очередь знач. 'стараться, силиться' (болг., укр.). От знач. 'стараться' совсем недалеко знач. 'толкаться, ковыряться' и наконец — исходное 'колоть'. Соотнесение укр. *бадатися* 'стараться' — как итератива — с **bosti* содержится также в Материалах Украинского этимологического словаря под ред. А. С. Мельничука (рукоп., Киев).

Формы вроде болг. *бадкам, бадакам*, слвц. *badkat'* и даже *bakat'* могут быть совершенно уверенно охарактеризованы как суффиксальные интенсивные гл. формы (слвц. знач. 'идти коекак' < 'колоть', ср. сербохорв. *бàсати* 'идти не глядя' < 'бить'). Русск. диал. *бадя́ться*, блр. *бадзя́цца* содержит экспрессивную палатализацию.

***badoriti?** / ***baduriti?**: чеш. *baduřiti* 'обманывать' (Kott I, 42), слвц. *badúrit'* экспр. 'подталкивать, подзадоривать, подначивать' (SSJ I, 64; см. еще Habovštiak. Orav. 187), н.-луж. *badoriś* 'болтать' (Muka Sł. I, 9), польск. *badurzyć* 'болтать небылицы' (Warsz. I, 82). Ср. еще чеш. *badúrat se* 'казаться' (Kott. Dod. k Bart. 2).

Слово, довольно проблематичное относительно своего возраста и происхождения. Можно, исходя из знач., взвесить две возможности: (1) образование с префиксом *ba-* от гл. **duriti* (см.), относительно природы префикса *ba-* ср. **batoriti* (ниже); (2) производное от основы гл. **badati* (см.), ср. знач. слвц. слова.

***badъ**: сербохорв. стар., диал. *bâd* м. р. 'punctus' (XVII в.), 'stimulus, заостренный стержень' (RJA I, 145; Елез. I; Tr. 75).

Обратное отглаг. производное от основы **badati* (см.). Древность скорее сомнительна.

***badъlь**: сербохорв. *бâдаљ*, род. п. *-дља* м. р. 'травянистое растение Carduus', 'острый железный наконечник, которым погоняют

волов', 'колючка (ежа)', 'овод' (RJA I, 145), 'рыба Cobitis taenia L.', *бâдељ* то же, *бâдољ* м. р. 'то, чем погоняют волов' (PCA I, 237), *бâдље* ж. мн., *бâдљи* м. мн. 'глазная болезнь' (см. также Vis 298), словен. *bádelj*, род. п. *-dlja*, м. р. 'высокое тернистое растение Silybum marianum' (Slovar sloven. jezika, I, 89). — Сюда же относится производное и преобразованное сербохорв. *бадр̀љица* ж. р. 'стебель, ствол', *баздр̀љика* ж. р. то же, *баздрљица* ж. р.

Производное с суфф. *-ъlь* от основы гл. **badati* (см.). Ср. след. Не исключена вторичность образования от **bodъlь* (см.) под влиянием вокализма **badati*. Об экспрессивных формах типа *бадр̀љица* как о производных от основы несврш. вида *bad-* говорит, сравнивая их с формой *badaljika*, Скок (Skok. Etim. rječn. I, 87).

***badylь:** сербохорв. *badil* м. р. 'железная лопата' (с XVI в., RJA I, 146), *badiļ* м. р. 'растение Cirsium arvense L.' (там же), диал. *bàdīlj* 'железная лопата, заступ для рытья земли' (Maš 425), сюда же преобразованное сербохорв. диал. *bàcīlj* 'перо лука' (Maš 425), слвц. диал. *badil'* м. р. стебель кукурузы (Buffa. Dlhá Lúka 130), *badyl'* (вост.-слвц., Š. Ondruš Slsl 2, 1967, 96), польск. *badyl* м. р. 'стебель без листьев, сухой ствол' (Dorosz. I, 293), *badyl*, *badel* (Warsz. I, 82), русск. диал. *бады́ль* м. р. 'сухой стебель' (Филин 2, 41), сюда же *бадылёк* 'растение Galeopsis Tetrahit' (Даль[3] I, 93), укр. *бадили́на* ж. р. 'стебель, трость, былинка' (Гринченко I, 19; Укр.-рос. словн. I, 27), блр. *бадыль* м. р. 'бодливый' (Байкоў-Некраш. 40).

Производное с суфф. *-ylь* от гл. основы несврш. вида *bad-* (см. **badati*). Тесно связано с **bodylь* (см.); сравнение с последним, а также вокализм корня близких суффиксальных производных **kovylь*, **metylь*, **motylь* (см.) показывают возможную вторичность вокализма **badylь* (под влиянием **badati*). См. еще Фасмер I, 104 (: *бадылек*); Sławski I, 25; Sławski JP XXXIV, 1954, 135. Принимая во внимание географию **badylь* и его многозначность ('лопата', 'растения Cirsium arvense, Galeopsis', 'перо лука, стебель'), а также наличие специфических форм вроде сербохорв. *bàcīlj* (относительно объяснения *-c-* см. **bacati*), нельзя не признать ошибочным мнение о заимствовании сербохорв. *badilj* 'лопата' из ит. (ср.-лат.) *badile* то же (Skok. Etim. rječn. I, 87).

***badylьje:** укр. *бади́лля* ср. р. собир. 'стебли, былинки, ботва' (Гринченко I, 19; Укр.-рос. словн. I, 27), блр. *бадыльлё* 'сухие стебли от соломы' (Байкоў—Некраш. 40).

Производное с суфф. *-ьje* (собир.) от **badylь* (см.).

***bagati:** слвц. диал. *bahac* 'догадываться' (Buffa. Dlhá Lúka 130), укр. *бага́ти=бажати* 'сильно желать, хотеть' (Гринченко I, 16). — Сюда же польск. диал. *zabagać się* 'захотеть, пожелать' (Warsz. VIII, 14).

Это слово обычно этимологизируют как родственное греч. φώγω 'жарить, поджаривать', др.-в.-нем. *bahhan*, др.-англ. *bacan* 'печь, жарить', с развитием знач. 'жарить, жечь' > 'горячо желать, жаждать'. См. Berneker I, 38; Фасмер I, 104—105; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 107. Сюда же примыкают близко родственные праслав. **bažati*, **bažiti* (см.). Не получила поддержки в литературе этимология, связывавшая праслав. **bagati* с др.-инд. *bhájati*, *bhájate* 'делит, наделяет; получает как часть', а также с праслав. **bogъ*, **bogatъ* (см.), причем **bagati* якобы получило знач. 'желать' из первонач. 'хватать' (Г. А. Ильинский ИОРЯС XXIII, 1918, 126—129). Менее вероятные этимологии (вроде гипотезы Петерссона о метатезе в связи с лит. *gobė́ti* 'жаждать', подробно разбираемой другими авторами, см. напр. Sadnik—Aitzetmüller, там же) здесь опускаем.

Знач. 'догадаться' у глаголов с основой *bag-* (слвц. *bahac*, ср. еще укр. *збагну́ти*, Гринченко II, 121) мы объясняем контаминативным сближением с глаголами с основой *bad-* (см. **badati*).

***bagatьje:** укр. *бага́ття* ср. р. 'огонь, горящие угли, костер' (Гринченко I, 17), *бага́тьте* ср. р. 'горящее уголье, огонь, пламя' (П. Білецький-Носенко. Словник укр. мови. Київ, 1966, 48, там же варианты *бгачье*, *бага́чь*, *бгачь*; см. еще Пискунов 9), русск. диал. *бага́тье* ср. р. 'огонь' (донск., Опыт 4; Даль [2] I, 35: «более употр. об огне, еще не вырубленном или тлеющемся под пеплом»), блр. *бага́цце* 'огонь'.

Предположительный праслав. лексический диалектизм, неизвестный другим слав. языкам. Считают родственным греч. φώγω 'поджаривать', др.-в.-нем. *bahhan* 'печь' и праслав. **bagati*, **bažati*, **bažiti* (см.). См. Фасмер I, 101—102 (там же прочая литер.); Rudnyćkyj 1, 48. Впрочем, должно учитываться и иное, старое толкование — из родственной связи с **bogatъ* (см.), в основе чего якобы лежит представление о превращении жара в золото (А. А. Потебня ЖСт. I, 1890, 117).

***bagna/bagn'a:** русск. диал. *багна* ж. р. 'растение Scabiosa arvensis L., короставник полевой', 'то же, что багун', 'заросли багульника' (Филин 2, 34), русск. диал. (арх.) *багля́* 'дорога, тропа, выстланная по раде (болоту) бревешками; бревенчатая мостовая, мостовинник' (Даль [3] I, 89), укр. диал. *bahna* ж. р. 'грязь в поле' (St. Hrabec. Narwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950, 27), блр. *ба́гна* ж. р. 'топь' (Е. Ф. Карский ИОРЯС II, 2, 1897, 562), диал. *ба́гма* ж. р. 'топь, болото' (Бялькевіч, Магіл. 80).

Форма ж. р., соответствующая ср. р. **bagno* (см.) и м. р. **bagnъ* (см.) или (**bagn'a*) производное с суфф. *-j(a)* от основы **bagn-*, объединяющей все эти слова.

***bagnatъjь:** чеш. *bahnatý* прилаг. 'болотистый' (Jungmann I, 61).

Прилаг., производное с суфф. *-at-*, от основы *bagn-* (см. **bagno*).

***bagněti:** укр. *багні́ти* 'делаться болотистым, тинистым, топким' (Гринченко I, 18).

Гл., производный с суфф. *-ěti* от именной основы **bagn-* (см. *bagno* и родственные).

***bagnistъjь:** слвц. *bahnistý* 'болотистый' (SSJ I, 65), польск. *bagnisty* 'болотистый, топкий' (Warsz. I, 83), русск. диал. *багни́стый* 'низкий, болотистый, мокрый' (курск., Филин 2, 35), укр. *багни́стий* 'болотистый, топкий, тинистый, илистый' (Гринченко I, 18).

Прилаг., производное с суфф. *-ist-* от основы **bagn-* (см. **bagno*).

***bagnišče:** чеш. *bahniště* ср. р. 'болотистое место', *bahnisko* ср. р. то же, слвц. *bahnisko* ср. р. то же (SSJ I, 65), н.-луж. *bagnisko* ср. р. 'большое болото' (Muka Sł. I, 9), польск. *bagnisko* ср. р. 'болото' (Warsz. I, 83), укр. *багни́ще* ср. р. 'болото, болотистое место' (Гринченко I, 18).

Производное с собир. суфф. *-išče* от основы *bagn-* (см. **bagno*).

***bagniti?:** чеш. *bahniti* 'делать болотистым', диал. *bahnit se* 'гноиться (о ране, язве)' (Hošek. Českomorav. II, 146), русск. диал. (с.-в.-р.) *ба́глить* 'мостить бревнами дорогу на раде' (Подвысоцкий 3), 'мостить бревнами дорогу на болоте' (Филин 2, 33), ю.-в.-р. 'сильно топить, топить жарко' (Даль[3] I, 89), 'сильно идти (о дожде)', 'сильно, жарко топить (печь)', 'долго и больно бить' (Филин 2, 33—34).

Несмотря на разнородность значений и различие форм, здесь предпринята попытка объединить их одной реконструированной праформой. Русск. *баглить* < **багнить*. Форма **bagniti* — производное на *-iti* от именной основы *bagn-* (см. **bagno*). Значения, более или менее прямо связанные со знач. **bagno* — 'болото, сырое место, топь', — не нуждаются в комментариях: 'делать болотистым', 'мостить дорогу на болоте', 'сильно идти (о дожде)'. Значения 'жарко топить' и 'больно бить' могли развиться вторично на описанной выше семантической первооснове, ср. аналогичную многозначность русск. *шпарить*, наконец просторечн. *жарить* 'идти (о дожде)', 'бить'. Значения слов в русском диал. материале объединяются в две четкие группы — с.-в.-р. и ю.-в.-р., причем похоже, что в обоих случаях словообразовательные акты протекали независимо от одной и той же основы. Не исключена возможность, что с.-в.-р. форма (и знач.) произведена не прямо от *багно* 'болото', а от производного *багля́* 'дорога на болоте' (< **багня* < **bagn'a*, см.).

***bagnitъjь:** чеш. *bahnitý* прилаг. 'болотистый, топкий', слвц. *bahnitý* прилаг. 'болотистый' (SSJ I, 65), в.-луж. *bahnity* (Jakubaš), н.-луж. *bagnity*.

Прилаг., производное с суфф. *-it-* от основы *bagn-* (см. **bagno*).

***bagno:** чеш. *bahno* ср. р. 'болото', диал. *behno* то же (Hruška. Slov. chod. 12), слвц. *bahno* ср. р. 'топь, большое болото, тина на дне тихих рек, потоков и болот' (SSJ I, 65), в.-луж. *bahno* 'болото, ил' (Pfuhl 4), н.-луж. *bagno* ср. р. 'болото', диал. 'багульник болотный Ledum palustre' (Muka Sł. I, 10), польск. *bagno* ср. р. 'топь, трясина, болото', 'растение Ledum (palustre)' (Dorosz. I,

297), словин. *bãgnø* ср. р. 'багульник Ledum palustre' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 12), др.-русск. *багъно* 'грязь, lutum, болото, palus' (Срезневский I, 39), русск. диал. (курск.) *багнó* ср. р. 'низкое и топкое место' (Опыт 4), 'растение багульник' (Даль [3] I, 89), *багно* ср. р. 'растение Ledum L., багульник' (арх., ср. полоса России, Филин 2, 34), ст.-укр. *багно* 'топь, трясина, болото' (1477 г.), 'растение Ledum palustre' (Тимченко I, 48), укр. *багнó* ср. р. 'болото, топь, глубокая грязь', 'грязь', 'растение Ledum palustre' (Гринченко I, 18), 'болотистая местность', 'беспорядок, мусор' (В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів. Харків, 1960, 13), 'название растения' (Г. Г. Немченко. Особливості говірки с. Широкий Луг Тячівського р-ну. Дип. роб. Ужгород, 1954, 132), *багнó*, *багýн* 'растение Ledum palustre' (П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ, 1961, 17), блр. *багнó* 'болото', 'сенокос' (Е. Ф. Карский. Материалы для изучения белорусских говоров. 1. —ИОРЯС II, 2, 1897, 562). Подробные диал. сведения о слав. продолжениях **bagno* и **bagnъ* (у автора — **bagъno*, **bagъnъ*) см. также Н. И. Толстой. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды (М., 1969) 154—158. Там же — о связи знач. 'болото' и 'багульник'.

Четкость географического ареала (зап.-слав. и вост.-слав.), регулярность соответствий и простота реконструкции праслав. праформы находятся в явном противоречии с невыясненностью этимологии этого слова, о происхождении которого до сих пор ведутся споры. Можно оставить в стороне устаревшие сравнения праслав. **bagno* с лит. *bognas* (Miklosich 6; Holub—Kopečný 63), кот. само недавно заимствовано из соседних слав. языков, а также весьма проблематичное сближение с лит. *bojus* 'топкое место' (К. Буга РФВ LXX, 1913, 100; между прочим, ни этого, ни вышеупомянутого лит. слова не дает Френкель в своем лит. этимол. словаре). Особняком стоят также разыскания Оштира, который сближал слав. с прафором. **bauga*, откуда франц. *boue* 'грязь' (K. Oštir «Etnolog» I, 1926—1927, 7).

Наиболее серьезным представляется старое сравнение слав. **bagno* с герм. **baki-*, **bakki-*, откуда — др.-в.-нем. *bah*, соврем. нем. *Bach* 'ручей', др.-сакс. *beki*, англос. *becc*, др.-исл. *bekkr* 'ручей'. См. J. J. Mikkola BB XXI, 1896, 218; C. C. Uhlenbeck PBB 26, 292; Berneker I, 38; Фасмер I, 102. Сравнение с герм. словами ценно еще потому, что их объединяет со слав. названием болота не только общий корень, но и общий суффиксальный элемент *-n-*, поскольку, как указал Миккола, герм. **bakki-* отражает и.-е. **bhagní-*. Суффиксальным (на *-n-*), хотя и темным, образованием считал наше слово Миклошич, см. Miklosich. Vgl. Gr. II, 117. Наличие непроизводного, бессуффиксного н.-луж. *bagi* мн. 'болота' уже с полной определенностью позволяет квалифицировать *-n-* в **bagno* как суффикс, см. Трубачев «Сербо-луж.

лингв. сборник» (М., 1963) 160; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 113.

Видеть в исходе *-n-* не суффикс, а след гетероклитической основы, как это делает целый ряд ученых, сближающих **bagno* с **bagrъ*, **bagra* 'красный цвет' (Brückner 11; Sławski I, 25; Pokorny I, 161; J. Schütz «Festschrift für M. Woltner» [Heidelberg, 1967] 152; E. Fraenkel. Сб. в честь Эндзелина 107), затруднительно хотя бы потому, что название болота и название цвета в данном случае обладают выразительно разными ареалами (см. карту). Так, название пурпура — почти исключительно ю.-слав., где **bagno* неизвестно, поэтому излюбленная апелляция к тесной взаимосвязи терминов 'цвет' и 'болото' в данном примере не действует. Перед нами бесспорно древние диалектизмы праслав. лексики. Обращают внимание в связи с проблемой *-r/n-* основы также на укр. *багри́на* 'болото, место, богатое источниками' (Материалы Украинского этимологического словаря под ред. А. С. Мельничука, рукоп., Киев; там же привлекается слвц. *bahurina* 'сырая, болотистая местность', кот. лучше оставить в стороне), но ср. чеш. *bahnina* ж. р. 'болотные испарения' (Kott I, 42), что вызывает предположение о вторичных изменениях формы укр. слова.

Сближение Махека — **bagno*: лат. *stāgnum* 'болото' (Machek 22) едва ли может быть принято.

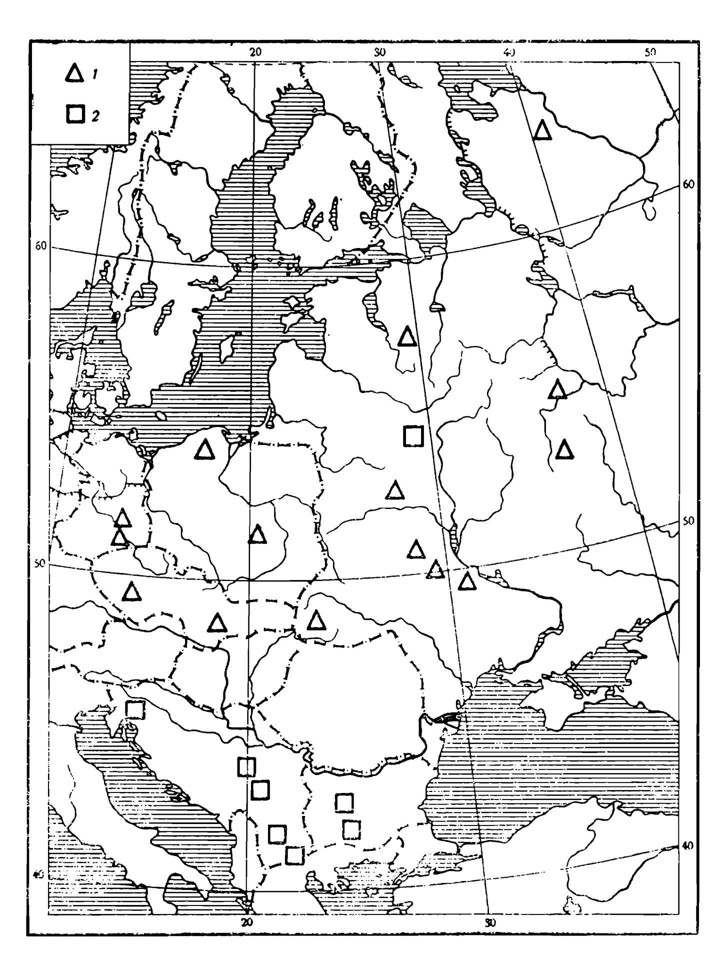
На отношении значений **bagno* 'болото' и 'багульник Ledum palustre' мы наблюдаем начальную стадию выделения нового имени — перенесение названия болота на растение, собственно — семантическое словообразование, которому сопутствуют также формальные средства, см. в последнем случае **bagnъ*.

***bagnǫti:** чеш. *bahnouti* 'жаждать, вожделеть' (Kott I, 42), диал. (остр.) *bahnút* 'жаждать' (Kott. Dod. k Bart. 2), слвц. *bahnút'* то же (Kálal 13), укр. *ба́гнути* 'сильно желать, хотеть' (Гринченко I, 18).

Производный гл. с суфф. *-nǫti* от основы *bag-*, представленной в **bagt'i*, **bagati* (см.).

***bagnъ:** н.-луж. *bagan* м. р. 'болото при ключе, растение багун Ledum palustre, багульник, зоря' (Muka Sł. I, 9), *bagon* м. р. 'багульник болотный Ledum palustre' (там же, 10), сюда же н.-луж. *bageń*, род. п. *-gńa* м. р.=*bagan* (Muka Sł. I, 9), русск. диал. *баго́н* 'багульник' (Даль[3] I, 89), *ба́га́н* м. р. 'болото', 'багульник' (Псковский областной словарь 1, 89), *багу́н* м. р. 'кустарник багульник Ledum palustre' (Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби 1, 22), укр. *багу́н* м. р. 'растение Ledum palustre L.' (Гринченко I, 18), блр. *багу́н* м. р. 'багульник Ledum palustre L.' (Байкоў — Некраш. 40).

Местные н.-луж., русск., укр., блр. рефлексы, при всем их разнообразии, являются прямым продолжением праслав. **bagnъ*. Следовательно, речь может идти не о суффиксах *-ан*, *-он*, *-ун*,

1 — *bagno, *bagnъ; 2 — *bagra, *bagrъ I

как могло бы показаться на первый взгляд, а только о местных вторичных вокализациях группы *-gn-*. Обратное производное (**bagnъ* м. р.) от **bagno* ср. р. (см.) для обозначения растения Ledum palustre, багульника. Ср. Фасмер I, 103, где сказано весьма осторожно: «возм., к *багнó*». Там же справедливо отвергается сближение Соболевского с греч. φηγός, лат. *fagus*. Подробно о названиях багульника (включая такие вторичные производные как русск. *багульник*, диал. *багýнник*) см. В. А. Меркулова «Этимол. исследов-ия по русск. яз.» III (М., 1961) 15—17. Неправ В. И. Абаев («Studia linguistica slavico-baltica C.-O. Falk . . .oblata». Lundae, 1966/1968, 1 и след.), кот. отделяет явно вторичные варианты — диссимилятивное *багула*, *багульник* — и сближает их с далекими нем. *Wachol-der* 'можжевельник' и осет. *waγyly* 'шиповник'.

***bagnъka:** чеш. *bahenka* ж. р. 'вид болотного травянистого растения', 'пресноводное животное Paludina vivipara', слвц. *bahienka* ж. р. 'вид болотной травы Heloechloa' (SSJ I, 65), укр. диал. *багóнка* ж. р. 'лужа' (Гринченко I, 18).

Производное с суфф. *-ъka* от основы *bagn-* (см. **bagno*).

***bagnьсь?:** русск. диал. *баганец*, род. п. *-нца*, м. р. 'растение Urtica L., крапива' (смол., Филин 2, 33).

Производное с суфф. *-ьсь* от основы *bagn-* (см. **bagno*).

***bagnьje:** н.-луж. *bagńe* ср. р. 'болото' (Muka Sł. I, 9).

Производное с суфф. *-ьje* (собир.) от основы *bagn-* (см. **bagno*).

***bagnьnъjь:** чеш. *bahenní*, *bahenný* прилаг. 'болотный', слвц. *bahenný* прилаг. то же (SSJ I, 65), польск. *bagienny* 'болотный' (Warsz. I, 82).

Прилаг., производное с суфф. *-ьn-*, от основы *bagn-* (см. **bagno*).

***bagotiti?/*bagъtiti?:** чеш. *pachtiti se* 'стремиться, жаждать', слвц. *bachtit'* (*sa*), *pachtit'* (*sa*) экспр. 'жаждать, сильно желать; стараться' (SSJ III, 10), слвц. диал. *bahot'it'* 'жаждать, желать' (Habovštiak. Orav. 187).

Скорее всего, экспрессивное производное с интенсивирующим суфф. *-ъt-iti/-ot-iti* от основы гл. **bagati*, **bagnǫti* (см.). См. Machek 28, где чеш. и слвц. формы в общем правильно относятся к *bažiti*, но там же, 349, *pachtiti se* совершенно ошибочно поставлено в связь с *pakost* и производными.

Экспрессивный характер гл. формы делает сомнительным ее праслав. происхождение.

***bagǫtьnъjь:** слвц. диал. *bahutní* 'жадный' (Zoch 74).

Отглагольное прилагательное, производное с суфф. *-ǫt-ьn-* от основы гл. *bag-* (см. **bagati*). Ничто не мешает, впрочем, рассматривать это образование как суффиксальное расширение (*-ьn-*) основы старого причастия **bagǫt-*, еще не имеющего *-j-*ового расширения, позднее проведенного у всех слав. причастий на *-ǫt-/-ęt-*. Ср. по типу образования **mogǫtьnъjь* (см.). Стоит также отметить, что прич. **bagǫt-* образовано непосредственно от основы

нетематического гл. **bagti* (см.), а не от уже тематизированных **bagati*, **bažati*, **bažiti* (см.).

***bagra:** болг. *бáгра* ж. р. 'краска; цвет' (БТР), макед. *багра* ж. р. 'цвет, окраска', 'пурпур, багрянец' (И-С), сербохорв. *bȁgra* ж. р. 'pigmentum, мазь, которой смазывают сети, чтобы они не рвались от сухости' (RJA I, 150), *ба̏гра* ж. р. 'растение Puccinia graminis' (РСА I, 230), *ба̀гра* ж. р. 'красная краска', 'вид морской рыбы' (там же), блр. *бáгра* ж. р. 'пурпур' (Байкоў—Некраш. 40).

Во всем, кроме рода, тождественно **bag(ъ)rъ* I (см.; там же подробно об этимологии). Любопытно обратить внимание на изоглоссную связь ю.-слав. форм с блр. словом, тем более что относительно последнего трудно предположить книжное заимствование, как это, видимо, имело место в других близких случаях в вост.-слав. языках.

***bag(ъ)rěnъ(jь):** ст.-слав. багърѣнъ, багърѣнъ, -ыи прилаг. πορφυροῦς purpureus 'багряный' (SJS), болг. *багрян* 'темнокрасный, багряный' (Младенов БТР), *бáгрен* то же (БТР), сербохорв. *bagren* 'purpureus' (XIII в., RJA I, 151), словен. *bagrên* 'пурпурный, багряный' (Plet. I, 9). — Сюда же сущ. сербохорв. *ба̀грем*, *ба̏грем*, *ба̀грен*, *ба̏грен* м. р. 'акация Robinia pseudacacia' (РСА I, 230).

Прилаг., производное с суфф. *-ěn-* от основы *bagr-* (см. **bag(ъ)rъ* I).

***bag(ъ)riti:** ст.-слав. багърити φοινίσσειν, purpurare 'окрашивать в пурпурный цвет' (Супр., SJS), болг. *бáгря* 'красить, окрашивать', 'строить' (Геров), 'красить (в красный цвет)' (БТР), диал. *бáгрę* 'красить' (Горов. Страндж. БД I, 65), макед. *багри* 'красить, окрашивать', 'багрянить, румянить' (И-С), сербохорв. *ба̀грити*, *ба̏грити* 'красить в красный цвет; румянить' (РСА I, 231), словен. *bagríti* 'красить в пурпурный цвет' (Plet. I, 9).

Отыменный гл. на *-iti*, производный от **bag(ъ)rъ* I (см.) или же соотносимый в ряде (ю.-слав.) языков с сущ. **bagra* (см.).

***bagro:** слвц. диал. *bahro* 'часть колеса' (Buffa. Dlhá Lúka 130), русск. диал. *багрó* 'багор' (Куликовский 2), *багрó* ср. р. 'металлический наконечник багра' (Псковский областной словарь 1, 90) укр. *багрó* ср. р. 'косяк, часть составного обода колеса' (Гринченко I, 18). Сюда же *bahra* ж. р. 'обод колеса' (Jungmann I, 62: с пометой slc.).

Во всем, кроме грамм. рода, тождественно **bag(ъ)rъ* II (см.; там же относительно этимологии).

***bagrovъjь:** цслав. багровъ прилаг. 'purpureus' (Mikl.), в.-луж. *bahorowy* 'пурпурный' (Pfuhl 1054).

Производное с суфф. *-ov-* от **bag(ъ)rъ* I (см.). Вост.-слав. соответствия (русск. *багрóвый*) здесь сознательно опущены, поскольку представляют собой книжные заимствования из ц-слав.

***bag(ъ)rъ I:** ст.-слав. багъръ м. р. ἁλουργίς, purpura 'багрец' (Супр., SJS), болг. *бáгър* м. р. 'багряница, порфира', *бáгър* прилаг.

'багряный' (Младенов БТР), сербохорв. стар. (серб.-цслав.) *bagar*, род. п. *bagra*, м. р. (с XIII—XIV вв., RJA I, 149), сербохорв. *бăгар*, *-гра*, м. р. =*бăгра* (РСА I, 228), словен. *báger*, род. п. *-gra*, м. р. 'багрец' (Plet. I, 9).

Как и в других статьях на *bagr-*, здесь опущены все вост.-слав. формы, которые целесообразно считать книжными заимствованиями из цслав. (кроме блр. *багра* — см. **bagra*, — которое имеет вид народной формы, соответствующей ю.-слав. словам). Это надлежит постоянно иметь в виду при решении вопроса об этимологии данного слова, потому что этимол. словари здесь не проводят почти никакого различия между местными народными формами и литер. лексикой, заимствованной из цслав. (см., напр., Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 107, где даны в обзоре соответствий также русск. *бáгор*, укр. *бáгор*; ср. еще Фасмер I, 103). Генезис зап.-укр. *багрúй* 'темно-красный' (Желеховский, Гринченко I, 18) для нас недостаточно ясен. Ср. безусловно заимствованный характер такого укр. цветообозначения, как *барзіŭ*, *барзий* 'черное животное с белой грудью'.

Бернекер считал слово этимологически темным, см. Berneker I, 38. В последующее время был высказан ряд предположений и об исконном, и об иноязычном происхождении. Младенов производил это название цвета из и.-е. **bhagh-ro-*, откуда также ср.-нидерл. *baggaert* 'ил, тина, грязь', сближая их со слав. **bagno* (см.) и ирл. *bāal* 'вода' < и.-е. **bhoghlā* (см. РФВ LXVIII, 1912, 373—378; Младенов 13; Георгиев БЕР I, 25). Ряд ученых связывает наше слово с греч. φώγω 'жарить' и родственными, как напр. Х. Барић, цит. по ЈФ III, 1922—1923, 200; Фасмер, там же. Предполагалось родство также с болг. *божýр* 'мак' < **băgeur-* (K. Oštir «Etnolog» I, 1926/1927, 2), подвергнутое сомнению позднее. Особо проблематичным, впрочем, представляется объяснение **bag(ъ)rъ* из част. *ba-* в соединении с корнем **gъr-* якобы из **gorěti* (А. С. Львов — «Этимол. исследов-ия по русск. яз.» IV, 1963, 66—71). Всесторонне рассматривался вопрос о возможности заимствования, причем в качестве источников назывались герм. **fagra-* 'красивый' (Преобр. I, 11; против см. Фасмер, там же), араб. *maγra* 'краснозем' (см. вслед за Локочем — Sławski RS 16, 1948, 85; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 108; против см. E. Dickenmann «Kratylos» I, 79), наконец — тюрк. *baqyr*, *baγyr* 'медь' (K. H. Menges UAJb. 31, 1959, 177—178). Слово продолжает оставаться этимологически неясным, признание его исконного родства со слав. формами (с основой **bagati*, **bažiti* < и.-е. **bhōg-*, ср. греч. φώγω, выше, или с **bagno*) всякий раз встречает препятствие в явном несовпадении ареалов тех и других слов (см. карту). Считать данное название красного цвета и краски (т. е. типичное культурное слово) особо древним и.-е. реликтом как будто нет веских оснований. Очагом распространения красного красителя было древнее восточное Средиземноморье,

поэтому мысль о заимствовании **bag(ъ)rъ* I балканскими славянами не может быть пока снята с повестки дня.

Из прочей литер. см. G. Herne. Die slavischen Farbenbenennungen. Uppsala, 1954, 48 и след.

***bag(ъ)rъ II:** слвц. *bahor*, род. п. *-hra*, м. р. 'деревянная гнутая часть колеса', 'выгнутые кирпичи, идущие на постройку печей' (SSJ I, 65), также диал. *bahor* (Zoch 74), *behor*, *bahor* 'верхний, подвижный мельничный жернов' (Kálal 20), русск. *багóр*, род. п. *-грá*, м. р. 'длинный деревянный шест, на кот. насажен железный наконечник с острием и крюком', укр. диал. *багр*, *багор* 'косяк колесного обода' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 64).

Праслав. диал. **bag(ъ)rъ* II (слвц., русск., укр.) вместе со слвц. диал. *bahro* 'часть колеса', русск. диал. *багрó* 'багор, наконечник багра' (см. **bagro*, выше) мы объясняем как производное имя с суфф. *-r-* от глагольной основы **bag-*, этимологически родственной и апофонически парной основе **běg-* (см. **běgťi*) (ср. уже Š. Ondruš. Pôvod slova *bahor* «Jazykovedné štúdie» 11. Jónov sborník (Bratislava, 1971) 111—115). Если последняя во всех слав. языках выражает знач. 'бежать, быстро двигаться', то реликтовый вариант **bag-*, кот. продолжает дослав. **bōg-* (соответственно — **běg-* < **bēg-*), мы квалифицируем как производную *-o-* ступень с каузативной функцией 'заставлять бежать, быстро двигаться'. Ср. лит. *bogìnti* 'поспешно тащить', связь которого с лит. *bė̃gti* и далее — слав. *běgťi*, *běžati* общеизвестна (см. Fraenkel I, 38, где, к сожалению, никак не комментирован не вполне регулярный вокализм лит. слова — ожидалось бы **buoginti*, ср. лтш. *buôkstîtiês* 'околачиваться', *buôkstî̂t* 'скрывать'). Осмысление имени **bag(ъ)rъ* II в связи с дослав. **bēg-*: **bōg-* удовлетворительно в семантическом отношении, ср. выше знач. 'часть колеса', 'подвижный жернов', 'шест для толкания'. Здесь все указывает на д в и ж е н и е, бег. Немаловажно, что наряду с слвц. *bahor* в том же знач. 'верхний, подвижный мельничный жернов' выступает слвц. *behor* (см. выше) и что чеш. эквивалентом этих слов служит *běhoun*, собств. 'бегун'. Предлагаемая здесь этимология от гл. 'бежать' не требует отмены старой гипотезы о происхождении от гл. 'гнуть', якобы лучше всего объясняющей знач. 'крюк багра', 'колесный обод' (Berneker I, 38; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 109), но оставляет место также и для этой связи, правда, на ином уровне. Следует иметь в виду, что значения 'гнуть' и 'двигать' тесно связаны и взаимно переплетены, ср. чеш. *hnutí* 'движение', а также семантический комплекс 'избегать' ∾ 'уклоняться' в разных языках. При этом едва ли нужно прибегать к сомнительной иррегулярной апофонии (Ablautsentgleisung) *bug-*: *bag-* на базе и.-е. **bheug-* 'гнуть' (см. Sadnik—Aitzetmüller, там же). Слав. **běg-/* **bag-* < дослав. **bēg-/*bōg-* < и.-е. **bhuēg-*, с закономерной утра-

той лабиализующего *-u̯-*, ср. ст.-слав. бе < и.-е. **bhu̯ĕt*. И.-е. **вhu̯eg-* мы связываем с и.-е. **bheug-* 1) 'бежать' (греч. φεύγω, лат. *fugiō*, сюда же лит. *bū̃gti* 'испугаться'), 2) 'гнуть'. Праформа **bheg^{u}-* 'бежать' (кот. производит впечатление специально сконструированной для объяснения греч. φέβομαι 'бегу') могла явиться вторичным преобразованием и.-е. **bheug-*. Отрыв **bheg^{u}-* (и слав. **bĕg-*) от **bheug-* (см. Pokorny I, 116, 152) во всяком случае маловероятен. Об этом говорит и поведение соответствующих слав. и и.-е. основ, обнаруживающих близкие главные и второстепенные значения 'бежать, двигать', 'гнуть', 'бояться'.

Прочие этимологии слав. **bag(ъ)rъ* II: сближение с англос. *becca* 'мотыга' (Г. А. Ильинский ИОРЯС XXIV, 1923, 120—121; Фасмер I, 102, где приведены более старые сведения по этимологии, с литературой), с нем. *Felge* '(колесный) обод' (Machek 22, с предположением «праевропейского» источника для обоих слов), с др.-инд. *bāhú-* 'рука' (Материалы Украинского этимологического словаря под ред. А. С. Мельничука).

К **bag(ъ)rъ* II, русск. *багор* примыкают, видимо, русск. диал. *багóрье* ср. р. 'хвойник, накиданный в воду, для приманки рыбы' (Даль [3] I, 90), *багрóвйще* ср. р. 'шест; жердь, лесина, на которую крюк насажен' (там же), *багрéвище* ср. р. 'палка, к которой привязывается леса для ловли рыбы; удилище' (новг., Филин 2, 35). К слову *багор* примыкают также русск. *багай* 'род железного лома с небольшим изгибом', *багана* 'палка, крюк', однако их целесообразнее рассматривать как более позднюю перестройку формы *багор*, а не как равноправные производные с иными суффиксами (так Ильинский, там же).

***bagrьcь:** словен. *bâgrec*, род. п. *-rca*, м. р. 'пурпурная краска' (Plet. I, 9), в.-луж. *bahorc* м. р. 'пурпур' (Pfuhl 1054).

Производное с суфф. *-ьсь* от **bag(ъ)rъ* I (см.). Есть мнение, что словен. слово заимствовано из русск. книжным путем (см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 107; в.-луж. форма приводится там с опечаткой). Русск. *багрéц* не фигурирует в нашем перечне, поскольку оно представляет собой в конечном счете цслав. элемент.

***bagti:** укр. *багтú*, *багчúй* 'хотеть, желать' (Гринченко I, 18).

Сохранение (или скорее воспроизводство, иначе ожидалось бы укр. **бачи*) древней атематической основы, представленной с тематизирующими расширениями в **bagati*, **bažati*, **bažiti* (см.). Косвенный след той же атематической основы находим еще в прилаг. **bagǫtьnъjь* (см.).

***bagъvinьje:** укр. *баговúння*, ср. р. 'род водорослей' (Гринченко I, 18), блр. *багавíньне* 'водоросли, тина', (Гарэцкі 18).

Суффиксальное производное на *-in-ьje* от основы *bagъv-* (см. **bagy*).

***bagъvьnikъ:** слвц. диал. *bahou̯ník* 'название растения' (Habovštiak. Orav. 158), русск. диал. *багóвник* м. р. 'растение Conium macula-

tum L.; небольшой ядовитый кустарник, резкий запах которого вызывает головную боль; болиголов' (тверск., псковск., новг., волог.), 'то же, что багульник' (Даль [3] I, 89; Филин 2, 34).

Суффиксальное производное на *-ьnikъ* от основы *bagъv-* (см. **bagy*).

***bagy**: н.-луж. *bagi* мн. 'тундры, болота' (Muka Sł. I, 9), укр. *багвá* ж. р. 'болотистая низменность, топь' (Гринченко I, 17; Укр.-рос. словн. I, 26).

Здесь, по сути дела, целесообразно говорить о двух несколько различных случаях, формально объединенных под одним заглавным **bagy*: 1) мн. ч. от незасвидетельствованного **bagъ* м. р. (н.-луж., см. также под **bagno*, где и об этимологии); 2) основа ж. р. **bagy* (основа косв. п. — **bagъv-*), ср. сюда же *Багва*, река бассейна Днестра, см. о последней Фасмер I, 102; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 112; M. Rudnicki SO 30, 1973, 115—117 (последний, правда, пытается связать с названием бука). Родственно также **bagno* (см.).

***baxačь**: словен. *baháč* м. р. 'хвастун' (Plet. I, 9), чеш. *bacháč* м. р. 'все пузатое, толстое' (Kott I, 42).

Производное с суфф. *-(a)čь* от гл. **baxati* (см.).

***baxarь**: русск. диал. *бáхарь* 'сказочник' (Богораз 22), *бáхарь*, *бáхорь* м. р. 'говорун, краснобай', 'сказочник', 'знахарь', 'любовник' (Филин 2, 152).

Суффиксальное производное на *-x-arь* от основы **ba-* (см. **bajati*). См. А. И. Соболевский ИОРЯС XXVII, 1924, 324; Berneker I, 38; Фасмер I, 136. Ср. еще расширения на *-x-or-* от той же основы, ниже.

***baxati**: сербохорв. *bàhati* 'топать' (с XVI в., RJA I, 153), словен. *báhati* 'хвастать' (Plet. I, 9), чеш. диал. (мор.) *báchati* 'бить' (Kott I, 42), слвц. *báchat'* 'ударять, бить, колотить' (SSJ I, 65), русск. *бáхать* 'бить, колотить, стучать, хлопать, стрелять' (Даль [3] I, 139), укр. *бáхати* 'стрелять; толкать' (Гринченко I, 34).

Значения глаголов свидетельствуют о семантическом развитии 'хвастать' < 'стучать, ударять', следовательно, неправы лингвисты, кот. производят все эти случаи из общего **ba-* 'говорить' (Miklosich 5; R. Perušek AfslPh XXXIV, 1912, 20; Berneker I, 38—39; A. Brückner KZ LI, 1923, 240). В основе наших глаголов лежит особый ономатопоэтический звукокомплекс *bax-*, передающий удар, стук. Ср. нем. *prahlen* 'хвастать': *prallen* 'ударяться'; русск. *хвáстать*, первонач. — 'хлестать'. С **baxarь*, **baxora*, **baxoriti* (см.) не связано.

***baxatъ(jь)**: сербохорв. *bàhat* прилаг. 'superbus, гордый, надменный' (RJA I, 153), словен. *bahàt* прилаг. 'хвастливый' (Plet. I, 9), чеш. *bachatý* 'толстый, пузатый' (Kott I, 42).

Прилаг., производное от основы *bax-* (см. **baxati*, **baxačь*) с помощью суфф. *-at-*. Не исключена, правда, возможность,

что чеш. слово со своей специфической семантикой представляет собой экспрессивное производное от *baňatý* 'пузатый' (см. **baň'a*) или семантически сблизилось с последним.

***baxnǫti:** сербохорв. *бахнути* 'явиться как снег на голову', *bàhnuti* 'impingere, ingruere' (с XVII в.), 'ударить' (RJA I, 153), *ба̏нути* (РСА I, 293), диал. *ба̑нут* 'ударить' (Елез. I), слвц. диал. *baχnút'* 'ударить с шумом' (Habovštiak. Orav. 187), русск. диал. *бáхнуть* 'упасть', 'выстрелить из ружья', 'ударить' (Добровольский 24), укр. *бáхнути* 'выстрелить, толкнуть' (Гринченко I, 34), блр. *бáхнуць*.

Сербохорв. глагольная лексика производилась от сущ. *bah* 'ictus, momentum' (см. Fr. Kurelac «Rad» XV, 1871, 91—96, с подробным обзором значений и употреблений), однако именно на сербохорв. языковой почве часть случаев *bah* продолжает **bъx-* и поэтому двусмысленна. Как и **baxati* (см.), **baxnǫti* образовано от звукоподражания типа *b.x* с различной вокализацией, ср. **buxnǫti*.

***baxora:** ст.-чеш. *báchora* ж. р. 'сказка, басня, выдумка' (XV в., Gebauer 24), чеш. *báchora* ж. р. 'выдумка, побасенка', а также *bachora* ж. р. 'ребенок, только еще начинающий говорить', диал. *báchora* ж. р. 'выдумка' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 18). Ср. еще слвц. *báchorka* ж. р. 'побасенка, выдумка' (SSJ I, 65); любопытно отличие знач. приводимого Юнгманом чеш. *báchora* ж. р. 'набухшая слива' (Jungmann I, 63). Русск. диал. *бахóра* м. и ж. 'разговорчивый человек, балагур', 'тот, кто хвастается, бахвалится', 'знахарь, знахарка' (Филин 2, 156).

Суффиксальное производное на *-x-or-* от основы *ba-* (см. **baxarь*, **bajati*). Об экспрессивной роли *-x-* в этих образованиях см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 117.

***baxorica:** сербохорв. *ба̏хорица* ж. р. 'колдунья, знахарка' (см. также M. Tentor «Razprave» I, 1950, 71), чеш. *bachořice* ж. р. 'вид колбасы'.

Формально представляет собой суффиксальное производное **ba-x-or-ica* от основы *ba-* (см. **baxora*, **bajati*), ср. особенно знач. сербохорв. слова. Семантика чеш. слова, возм., отражает влияние иного лексического гнезда, где выступают значения 'бить', 'плотный', 'толстый' (см. **baxačь*, **baxatъjь*, **baxati*).

***baxoriti:** сербохорв. *ба̏хорити* 'колдовать, заговаривать (болезнь, горе)', словен. *bahoríti* 'колдовать' (Plet. I, 10), сюда же *baháriti* 'хвастать' (там же, 9), чеш. *bachořiti* 'болтать' (Jungmann I, 63; Kott I, 43), русск. диал. *бахóрить* 'говорить, разговаривать' (Васнецов 13), 'разговаривать, беседовать; сплетничать; наряжаться' (Сл. Среднего Урала 38), 'болтать, говорить попусту' (Псковский областной словарь 1, 134), укр. *бáхорити* 'ворожить, гадать' (П. І. Реденець. Особливості говірки села Малий Раковець Іршавського округу. Дип. роб. Ужгород, 1952, 82).

Экспрессивное суффиксальное расширение (*-x-or-iti*) основы *ba-* (см. **bajati*) или глагольное производное на *-iti* от имени **baxora*, **baxorъ* (см.).

***baxorъ:** болг. *бáхур* 'прямая кишка', 'прямая кишка свиньи, нафаршированная как колбаса' (Младенов БТР), *бахýр* м. р. 'круглый сосуд с узким горлышком для водки' (там же), диал. *бахýр* м. р. 'кровавая колбаса' (Стойчев БД II, 128), сербохорв. *бȁхор* м. р. 'колдун', 'живот' (РСА I, 340), диал. *бȁор*, уничиж. — о ребенке (: онаj *бȁор* плȁче, ȉч не патише), 'часть внутренностей животного' (Елез. I; РСА I, 295), чеш. *bachor* м. р. 'передний желудок у жвачных', 'брюхо (у человека)' диал. *báchor* м. р. то же (Svěrák. Boskov. 105), ср. ст.-чеш. *bachoř* м. р. 'прямая кишка' (Gebauer 24), слвц. *bachor* м. р. 'самая большая часть желудка у жвачных', 'внутренности животного', экспр. 'брюхо, пузо (человека)', 'что-либо выпуклое, полость чего-либо' (SSJ I, 65), в.-луж. *bachor* 'толстощекий мальчик' (Jakubaš).

В этой статье объединены случаи, кот. можно трактовать, по-видимому, как **baxorъ* I и **baxorъ* II, поскольку для одних примеров мы можем говорить о своего рода экспрессивном имени деятеля **ba-x-orъ* от основы *ba-*, ср. сербохорв. *бȁхор* 'колдун', диал. *бȁор* 'ребенок (видимо, крикливый)', сюда же укр. *бáхур* 'маленький ребенок, крикун' (см. о последнем Р. Смаль-Стоцький «Slavia» 5, 1926, 9, но там дана связь с *bachati*). См. еще **baxoriti*, **baxora*, **baxarь*. В то же время для других примеров мы должны принимать образование **bax-orъ* от гл. **baxati* (см.), сюда относится весьма специфическая болг., сербохорв., чеш., слвц. лексика с семантикой 'внутренности, кишки', 'колбаса', 'живот', 'что-либо толстое, круглое'. Бесспорно сюда принадлежит русск. диал., блр. *бáхур* 'толстяк', приводимое Фасмером и ошибочно толкуемое им как заимствование из еврейского (см. Фасмер I, 137). Достаточно указать на родственные чеш., слвц. *bachor* 'часть желудка у жвачных', а также 'пузо, брюхо' (см. выше), чтобы мнение о наличии здесь исконнославянского образования представилось несравненно более вероятным. Ср. сюда же уже упоминавшееся неоднократно выше сербохорв. диал. *бȁор* — о ребенке. Кстати, этот последний пример служит также оправданием того, что разграничение на **baxorъ* I и **baxorъ* II не проведено нами здесь до конца, потому что в том же сербохорв. диалекте слово *бȁор* выступает также в знач. 'внутренности животного' (откуда, может быть, затем вторично — 'карапуз, ребенок'?). Вероятным направлением развития значений, видимо, было след.: **baxati* 'бить' > 'сбитый, плотный; живот, внутренности, кишки, колбаса; круглое, выпуклое'. Принимая во внимание очевидную оригинальность всех этих слав. образований, мы должны признать сомнительной тюрк. этимологию (Георгиев БЕР I, 36).

Подробно об этих экспрессивных образованиях см. R. Laskowski. Słowiańskie **bachorъ*: **bachorь*: **bachurъ*. — RS XXVI, 51—56.

***baxunъ:** словен. *bahûn* м. р. 'хвастун, крикун' (Plet. I, 10).

Производное с суфф. *-unъ* от гл. **baxati* (см.).

***baxъ?:** сербохорв. *bȁh* м. р. 'гордец', 'шум, грохот' (RJA I, 151), русск. диал. *бах* 'говорун, краснобай' (Подвысоцкий 5).

Суффиксальное производное с экспрессивным *-x-* от основы *ba-* (см. **bajati*). Возраст данного экспрессивного образования остается неясным, вместе с тем сравнение с более сложными **baxarь*, **baxora*, **baxoriti* (см.), представленными в слав. языках достаточно широко, дает некоторые основания для того, чтобы сохранить также настоящий простейший тип в ряду других однокоренных образований предположительно праслав. эпохи.

***baxъtati:** в.-луж. *bachtać* 'крякать (об утках); болтать', н.-луж. *bachtaś (se)* 'хвастать, важничать' (Muka Sł. I, 10).

Интенсивная форма глагола, суффиксальное производное на *-ъt-ati* от основы гл. **baxati* (см.).

***baxъtěti?:** сербохорв. диал. *ба̀хтети* 'пугать' (РСА I, 340), русск. диал. *бахтеть* 'бахвалиться, гордиться' (А. Балов. Народный говор в Пошехонском у. Яросл. губ. — ЖСт. III, 1893, 510).

Аналогично предыдущему объясняется как глагольный интенсив, производное с суфф. *-ъt-ěti* от основы гл. **baxati* (см.). Ср., впрочем, след.

***baxъtъ?:** сербохорв. *bȁhat* м. р. 'шум, грохот, топот' (с XVI в., RJA I, 152—153), сюда же *bât* м. р. то же, со стяжением из *bȁhat* (RJA I, 205). — Ср. еще, с отклонениями в форме *bȁhôt* м. р. то же (RJA I, 154), *bahat* ж. р. 'топот' (XVI в., редко, RJA I, 153).

Производное имя с суфф. *-ъtъ* от основы гл. **baxati* (см.).

***baja/*bajь:** сербохорв. диал. *ба́ја* ж. р. 'чары, сглаз' (РСА I, 245), словен. *bája* ж. р. 'колдовство, заклинание' (Plet. I, 10), чеш. *báj*, *báje* ж. р. 'миф, басня, фантазия', диал. *baja* ж. р. 'басня, выдумка' (Malina. Mistř. 8; Gregor. Slov. slavk.-bučov. 18), русск. диал. *ба́я* ж. р. 'прозвище веселой говорливой женщины, рассказчицы' (Филин 2, 167).

Отглаг. производное имя ж. р. от основы гл. **bajati* (см.).

***bajačь:** болг. *бая́ч* м. р. (БТР), макед. *бајач* м. р. 'знахарь' (И-С), сербохорв. *ба̀ја̑ч* м. р. 'колдун', чеш. *báječ* м. р. 'тот, кто рассказывает басни, небылицы' (Kott I, 43).

Производное имя деятеля с суфф. *-(a)čь* от основы **bajati* (см.).

***bajadlica:** сербохорв. *bȁjalica* ж. р. 'колдунья, знахарка, incantatrix' (с XVII в., RJA I, 155).

Имя деятеля ж. р., производное с суфф. *-ica* от след.

***bajadlo:** сербохорв. *ба̏јало* м. р. 'колдун' (Вук Караџић; РСА I, 247), русск. диал. *ба́яла* м. и ж., *ба́ялка* ж. р. 'то же, что баюн, говорун, рассказчик' (перм., Филин 2, 167).

Первонач. имя действия с суфф. *-dlo* от основы *ba-* с вторично проведенной тематизацией под влиянием формы гл. **bajati* (см.). Более древний вид именной основы, возм., представлен в образованиях на **ba(d)l-* (см. ниже).

***bajadlьcь:** сербохорв. *bȁjalac*, род. п. *bȁjaoca* м. р. '*incantator*, колдун, знахарь' (с XVII в., RJA I, 155).

Производное с суфф. *-ьcь* от **bajadlo* (см.).

***bajadlьnica:** словен. *bajâlnica* ж. р. 'плутовка' (Plet. I, 10).

Производное с суфф. *-ьnica* от **bajadlo* (см.) или с суфф. *-ica* — от прилаг. **bajadlьnъ* (см.).

***bajadlьnikъ:** словен. *bajâlnik* м. р. 'плут, мошенник' (Plet. I, 10).

Производное с суфф. *-ьnikъ* от **bajadlo* (см.) или с суфф. *-ikъ* — от прилаг. **bajadlьnъ* (см.).

***bajadlьnъ:** словен. *bajalen* прилаг. 'колдовской, волшебный' (Plet. I, 10).

Прилаг., производное с суфф. *-ьn-* от **bajadlo* (см.).

***bajanъ?:** болг. *ба́ян* нескл. прилаг. (только в песне: Видо ле, *баян* българко. Георгиев), др.-русск. *баѧнъ* 'обаятель, incantator' (Срезневский I, 46), русск. диал. *ба́ян* м. р. 'певец', 'то же, что баюн, говорун, рассказчик' (Филин 2, 167).

Производное с суфф. *-(a)nъ* от основы гл. **bajati* (см.). См. Георгиев БЕР I, 38; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 115. Названные авторы не соотносят др.-русск. имя деятеля и болг. диал. слово (несклоняемое прилагательное), в то же время между ними наблюдается формальное тождество, а функция и прочие особенности болг. слова могли появиться вторично.

***bajati I:** болг. *ба́я* 'шептать заговоры, заклинания (о знахаре, колдуне)', 'рассказывать', диал. *ба́ę* 'лечить заговорами' (Горов. Страндж. — БД I, 65), *ба́йъ* то же (Колев БД III, 294), *ба́ę* 'лечить' (с. Добротино, Гоцеделчевско. Дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *ба́е* нареч. 'словно, как будто, кажется' (Георгиев), макед. *бае* 'колдовать, ворожить, заговаривать' (И-С), сербохорв. *бȁјати* 'колдовать, ворожить, заговаривать (болезнь, горе)', словен. *bajati* 'болтать', 'предсказывать, гадать', 'заговаривать, ворожить, колдовать', ст.-чеш. *báti*, *baju* 'говорить, выдумывать' (Gebauer I, 29), чеш. *bájeti* 'болтать, говорить небылицы' (Kott I, 43), диал. *bajat'* 'рассказывать (сказки)' (Bartoš Slov. 10), *bajat* 'выдумывать, рассказывать басни' (Gregor. Slov. slavk. - bučov. 18, Kopečný. Urč. 136), в.-луж. *bać* 'рассказывать (сказки, басни)', 'говорить вздор' (Pfuhl 4), н.-луж. *bajaś* 'болтать, рассказывать' (Muka Sł. I, 11), польск. *bajać* 'рассказывать (басни или сказки)', 'рассказывать небылицы' (Dorosz. I, 298), словин. *bajac* 'рассказывать (сказки)', 'говорить вздор' (Sychta I, 15), др.-русск. *баѧти* 'рассказывать басни, выдумки', 'обаять' (Срезневский I, 47), русск. диал. *ба́ять* 'говорить' (Куликовский 3, Деулинский словарь 50), ст.-укр. *баяти* 'говорить, разговаривать', 'заговаривать' (Тимченко I, 65), укр. *ба́яти* 'рассказывать',

'ворожить' (Гринченко I, 35), диал. *бáйати* 'ворожить', 'заговаривать' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 66; В. В. Бабинець. Говірка села Лавки Мукачівського р-ну. Дип. роб. Ужгород, 1954, 143).

Праслав. **bajati* с очерченным выше кругом значений родственно арм. *ban* 'слово', греч. φημί (дор. φᾱμί) 'говорить', φωνή 'голос', лат. *fārī* 'говорить', др.-исл. *bón*, др.-англ. *bēn* 'просьба, молитва', др.-инд. *bhánati* 'говорит', др.-в.-нем. *ban* 'заповедь, запрет'. См. Berneker I, 39; A. Meillet. Les verbes signifiant 'dire'. — BSL 20, 1916, 31, 161; C. D. Buck. Words of speaking and saying in the Indo-European languages. — AJPh XXXVI, 1915, 127; Ernout—Meillet[3] I, 437; Walde—Hofm. I, 526; Hofmann 396—397; Brugmann KVGr. 79; Pokorny I, 105—106.

Атематическое и.-е. **bhāmi*, реконструируемое на базе греч. и других и.-е. глагольных форм, получило в ряде и.-е. языков вторичную иотовую суффиксацию и тематизацию, откуда праслав. **bajati*, лат. (редк.) *jōr*, 1 л. ед. ч. от *fārī*, < **fā-i̯-ōr*, др.-англ. *bōian* 'хвастать'. См. Meillet, там же; см. еще A. Meillet MSL 11, 1900, 300, 308; F. Holthausen KZ XLVIII 1918, 238—239; Pokorny, там же; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 117; J. Safarewicz. Studia linguistica in honorem T. Lehr-Spławiński 134. Ср. далее греч. βάζω 'болтать, говорить', кот. толкуют как и.-е. догреческое, см. O. Haas. Das frühitalische Element (Wien, 1960) 7, но ср. Frisk I, 207—208.

Лит. *bóju*, *bóti* 'обращать внимание', обычно включаемое рядом авторов (Мейе и др.) в число родственных форм, восходит к *dabóti* < польск. *dbać* и поэтому не имеет сюда никакого отношения. См. Фасмер I, 140; Fraenkel I, 53. Вообще весьма знаменательно отсутствие родственных форм в балт. языках.

***bajati (sę) II:** в.-луж. *bać so* 'незаметно гореть, тлеть' (Pfuhl 4), н.-луж. *bajaś se* 'тлеть, мерцать' (Muka Sł. I, 11).

На основании этих исключительно серболуж. свидетельств мы восстанавливаем особое праслав. слово, лексический диалектизм ограниченного распространения. Ср. уже Berneker I, 39: *bajǫ*, *bajati* 2, кот. сближается там с др.-инд. *bhā́ti* 'светит, блестит, сияет', греч. φαίνω 'показывать,' ирл. *bān* 'белый'. См. еще Pokorny I, 104; Трубачев «Славянское языкознание (V Междунар. съезд славистов)» (М., 1963) 187. Однако Бернекер неправ, когда он до конца разделяет праслав. **bajati* I 'говорить' и **bajati* II 'гореть, тлеть, мерцать' и считает неродственными также породившие их и.-е. основы. Несостоятельны также его указания на особые аблаутные отличия и.-е. основы со знач. 'говорить' от и.-е. основы со знач. 'светить'. Достаточно обратиться к материалам словаря Покорного (кот., правда, сам не говорит о связи обеих основ), чтобы увидеть, что и та и другая и.-е. основа имеет ступени **bhā-* и **bhō-*. Мы считаем обе группы слов этимологически родственными на и.-е. уровне, о чем говорят и другие семантико-

этимологические аналогии, ср. **sьvьrkati*: **svьrčati* и др.Разграничение, имевшее следствием выделение особых праслав. **bajati* I и **bajati* II, наметилось еще в дослав. период. Здесь уместно вспомнить, что еще Бак придерживался мнения о тождестве и.-е. **bhā-* 'говорить' и др.-инд. *bhā-* 'светить', греч. φαίνω (C. D. Buck. Words of speaking and saying in the Indo-European languages. — AJPh XXXVI, 1915, 127), причем он представляет себе развитие знач. как 'делать ясным' > 'говорить'. Мы склонны выводить все из синкретической ономатопеи.

***bajidlo:** словен. *bajílo* ср. р. 'колдовство, заговор' (Plet. I, 10).

Производное с суфф. *-dlo* от основы гл. **bajiti* (см.). Ср. еще **bajadlo* (см.) и ряд слов с основой **ba(d)l-* (см. ниже).

***bajidlьja:** ст.-укр. *баиля, байля* ж. р. 'знахарка, шептуха' (Тимченко I, 50—51).

Имя деятеля, производное с суфф. *-ьja* от имени действия на *-dlo* **bajidlo* (см.).

***bajiti:** сербохорв. *ба̏јити* 'зевать, произносить с зевотой' (РСА I, 250), ст.-чеш. *bájiti* 'сочинять' (XV в. Ст.-чеш., Прага), чеш. *bájiti* 'фантазировать, вымышлять', слвц. *bájit'* (*si*) 'грезить, мечтать, фантазировать; тосковать' (SSJ I, 66), русск. диал. *ба́ить* 'говорить, разговаривать, рассказывать' (Опыт 5), 'манить, приманивать' (Доп. к Опыту 4), 'говорить', 'рассказывать сказки' (Добровольский 20).

Гл., производный на *-iti* от той же основы, что и **bajati* I (см.). Основа также косвенным образом засвидетельствована в производном **bajidlo* (см.).

***bajunъ:** русск. диал. *баю́н* 'говорун, краснобай' (Богораз 22; Мельниченко 30); Словарь говоров Подмосковья, 24).

Имя деятеля, производное с суфф. *-unъ* от основы гл. **bajati* (см.) или **bajiti* (см.).

***bajь:** сербохорв. *baj* м. р. 'ворожба, колдовство, incantatio' (RJA I, 155), 'очарование, чары' (РСА I, 245), слвц. *báj* ж. р. 'миф, фантазия, легенда, сказание' (SSJ I, 66), русск. диал. *бай* м. р. 'веселый рассказчик, говорун', 'речь, способность говорить' (Филин 2, 52), ст.-укр. *бай* м. р. 'знахарь, колдун' (1758 г., Тимченко I, 50), укр. *бай* м. р. 'сказочник' (Гринченко I, 20), 'забава, развлечение, веселье' (І. С. Колесник. Матеріали до словника діалектизмів укр. говорів Буковини. 1959, 5), блр. *бай* 'сказочник' (Носович. Сборник белорусских пословиц 205).

Отглаг. производное от основы **bajati* (см.), практически тождественное имени ж. р. **baja*/**bajь* (см.) и выделенное, скорее, лишь по морфологическим соображениям, ср. вероятное отражение в сербохорв., русск. диал., укр. и блр. соответствиях основы на *-jo-* м. р.

***bajьda:** польск. диал. *bajda* 'болтун, враль' (Warsz. I, 83), укр. *ба́йда*, общ. р., 'гуляка, беспечный человек', 'прозвище неуклюжей женщины', 'краюха, ломоть хлеба' (Гринченко I, 20; Укр.-рос.

словн. I, 28). — Сюда же производные отыменные глаголы чеш. диал. *bajdat* 'болтать' (Kott. Dod. k Bart. 2), польск. *bajdać* 'нести вздор' (Warsz. I. 83), укр. диал. *байдати* 'болтать вздор, говорить чепуху' (Гринченко I, 20), русск. диал. *ба́йдать* 'бездельничать, бить баклуши' (курск., орл., Филин 2, 54).

Первонач. имя действия, производное с суфф. *-ьda* от основы гл. **bajati* (см.) или **bajiti*. Уже состоявшийся переход nomen actionis > nomen agentis, а также тот факт, что суфф. *-ьda* рано утратил продуктивность и вообще весьма редок (ср. **pravьda*, **voržьda*), не позволяет нам следовать за теми, кто, возм., склонен видеть здесь позднее образование, чему, видимо, способствует экспрессивность этих слов (см. Sławski I, 25, особенно — Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 116—117; Machek 22). Знач. 'ломоть хлеба', известное также у польск. *pajda*, *bajda*, в конечном счете, вероятно, — тюркизм, ср. Brückner 391.

***bajьka:** макед. *бajка* ж. р. 'сказка' (И-С), сербохорв. *bȁjka* ж. р. 'басня, сказка, fabula' (с XVII в., RJA I, 151), 'сказка, выдумка', 'ворожба, заговоры' (РСА I, 250), словен. *bajka* ж. р. 'сказка' (Plet. I, 10), чеш. *bajka* ж. р. 'басня', 'сказка, выдумка', слвц. *bajka* 'басня, выдумка' (SSJ I, 66), диал. *bajka* ж. р. 'неправда' (Buffa. Dlhá Lúka 130), в.-луж. *bajka* ж. р. 'сказка, басня' (Pfuhl 5), н.-луж. *bajka* 'басня, сказка' (Muka Sł. I, 11), польск. *bajka* ж. р. 'сказка, басня' (Dorosz. I, 301), русск. диал. *ба́йка* ж. р. 'говор', 'сказка' (Опыт 5), ст.-укр. *байка* ж. р. 'выдумка' (Зизаний, Тимченко I, 50), укр. *ба́йка* ж. р. 'басня', 'безделица, шутка, пустяки' (Гринченко I, 21), блр. *ба́йка* ж. р. 'басня, небылица' (Блр.-русск. 115).

Широко распространенное в слав. языках, но, возм., возникшее как параллельное и относительно новое образование с суфф. *-ьka* от основы гл. **bajati* (см.).

***bajьnъ(jь):** сербохорв. *bȁjан* 'очаровательный, упоительный', 'сказочный', 'баснословный' (РСА I, 247), словен. *bâjen* прилаг. 'легендарный, мифический', 'устный' (Plet. I, 10), чеш. *bájný* прилаг. 'мифический', 'таинственный', 'прекрасный, великолепный', слвц. *bájny* прилаг. 'фантастический, легендарный' (SSJ I, 66).

Учитывая активность употребления этих слов в литературе и книжной поэзии, следует считаться с вероятием возникновения их в какой-то части как семантических калек для передачи соответствующей зап.-европ. литературной терминологии: нем. *sagenhaft*, *mythisch*, франц. *légendaire*. Не исключено, что решающую роль при этом сыграл чешский, ср. чеш. *bájesloví* (калька) = *мифология*. Отсутствие в нашем распоряжении историч. данных вынуждает нас оставить пока **bajьnъ(jь)* в числе возможных праслав. лексем.

***bakati:** сербохорв. *bakati* 'increpare' (XVI в., редк., RJA I, 159), чеш. *bakati* 'ссорить, натравливать' (Kott I, 43), диал. *bákat* 'много болтать о пустяках' (Kott. Dod. k. Bart. 2), польск. стар.

bakać '(весело) кричать', 'ругать' (Warsz. I, 85), русск. диал. *бáкать* 'говорить, разговаривать, беседовать' (Филин 2, 59). — Сюда же русск. диал. *бакулить* 'говорить, пустословить' (Труды МДК. Словарь к ответам на программу по Саратовск. губ. — РФВ LXVI, 1911, 204; Мельниченко 27), а также, возм., *бóкнуть* 'сказать что-либо тихо', 'сообщить что-либо не вовремя' (Филин 3, 69) и *бокотáть* 'обидно выражаться' (там же, 70), *бя́кнуть* (влад., тамб.) 'сильно ударить о землю', (колым.) 'буркнуть' < **бакнуть* (А. А. Шахматов ИОРЯС VII, кн. 2, 1902, 346).

Расширение на *-k-* основы, представленной в **bajati* (см.) и родственных. См. J. Otrębski LP 1, 1949, 126; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 118. Ввиду экспрессивного характера допустимо считать относительно поздним образованием.

***bakošь?:** чеш. диал. *bakoš* м. р. 'большая корзина, куда складывают яйца, подаренные на рождество' (Malina. Mistř. 8).

Проблематичное по своей древности сложение не вполне ясного префикса *ba-* и имени **košь* (см.). В словаре Махека отсутствует.

***bakul'a/*bakъl'a:** сербохорв. *бàкуља* ж. р. 'первый слой древесины (особенно у дуба) непосредственно под корой, около трех пальцев в толщину, заболонь, alburnum' (Караџић, где даются синонимы *бељ*, *бјелика*, а также говорится: «Заболонь белее самой древесины и раньше нее начинает гнить»; см. еще RJA I, 161, PCA I, 264), ст.-чеш. *bakule* ж. р. 'porolum' (Ст.-чеш., Прага), чеш. диал. *bakula* ж. р. 'шишка, нарост' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 18), диал. *bakule* ж. р. 'шишка, желвак', слвц. *bakuľa* ж. р. 'толстая, кривая палка' (SSJ I, 67), в.-луж. *bakulka* ж. р. 'прыщ, пузырь, pustula' (Pfuhl 1054), русск. диал. *бакýлька* 'выстроганная палочка для веретена' (Волог. обл. Бабаев. р-н, Картотека Словаря белозерских говоров), *баклýша* ж. р. 'заболонь, у дерева', 'чурка' (Даль³ I, 101), сюда же, с поздним оформлением, русск. диал. *баклáн* м. р. 'чурбан' (Даль³, там же), *баклы́ш* м. р. 'большой камень, островок', 'колышек (деталь саней)' (Филин 2, 63). — Сюда же, далее (непосредственно к варианту **bakъlь?*), могут быть отнесены укр. *бакáль* м. р. 'озеро' (Гринченко I, 22; Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — «Полесье» [М., 1968] 214), русск. диал. *бакáй* м. р. 'речной проток, проран в плавне, в камышах' (Даль³ I, 99), укр. *бакáй* м. р. 'глубокая яма в реке, пруде', 'грязный, наполненный водою ухаб на дороге, выбоина, ложбина, посредине которой лужа' (Гринченко I, 22), 'яма, канава, ухаб' (Картотека Украинского академического словаря; Укр.-рос. словн. I, 29), 'яма, выбоина на дороге, залитая водой' (В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів. Харків, 1960, 13), *бакáя* 'большой овраг' (Т. А. Марусенко, там же), Наконец, сюда же относятся русск. диал. *бакалéя* ж. р. 'залив, губа, лужа' (вятск., Филин 2, 58), из **bakъl'a*, а также *бакалá* ж. р. 'заязь,

заязок в проточной воде перед плотиною, от напора льда' (Даль[3] I, 99), *бо́кал* м. р. 'рытвина на летней дороге' (Филин 3, 68), *бака́лда* ж. р. 'глухой заливец или ковш, поемная яма, колдобина, ямина, которая наливается водой по весне и остается как бы озерком; глубокая зажора по дороге в распутицу' (Даль[3] I, 99—100), сюда же *бокалди́на* ж. р. 'яма, наполненная водою' (там же, 267), с экспрессивной эпентезой *-д-*. Ср. еще укр. диал. *бакані* 'заболоченная мокрая равнина' (Т. А. Марусенко, там же). Ср. еще с изменением вокализма *а* > *о* > *у* русск. диал. *букла* 'дубина, палка', 'нерасторопная женщина' (Филин 3, 265), *бу́кля́* ж. р. 'залив', 'изгиб реки', 'глубокое, тихое место в реке; заводь' (там же, 266), *букля́* 'яма, вырытая водой во время весеннего разлива' (Мельниченко, 37), *букли́нка* ж. р. 'дубинка' (Доп. к Опыту 14), *букле́шка* ж. р. 'толстый обрубок дерева' (там же), *букле́ня*, *буклёха* 'толстяк' (Даль[3] I, 341).

Объединение этих раньше трактовавшихся как правило разрозненно слов (ср. Фасмер I, 109, где предполагается заимствование *бакай*, *бакалда*; а также Machek 22, где слвц. *bakuľa* истолковано как заимствование из лат. *baculum*, далее — там же приводится слвц. *bakalia* 'губка', причем автор увидел единственную возможность проэтимологизировать последнее, соотнеся его с русск. *бакалея* 'колониальные товары', из араб., хотя слвц. слово так же далеко от этого арабизма, как и диал. русск. *бакале́я* 'залив, лужа', см. выше) под одной общей леммой вызвано у нас, кроме очевидной формальной возможности сведе́ния разных вариантов к исходному **bakuľa* / **bakъľa* (и близким), также и серьезными семантическими основаниями. Ср. **bolnь* и **bolnьje* (см.), равным образом обозначающие как древесную заболонь, так и болотистые, мокрые пространства и т. д. Аналогия названий **bolnь* ~ **bolnьje*, отчетливо продолжающих и.-е. обозначение светлого, белого цвета, положенного как в основу названия заболони дерева, так и в основу названия болот, а также прочие аналогичные показания вроде сербохорв. *бељ*, *бјелика* 'заболонь', лат. *alburnum* то же, позволяют искать и для **bakuľa* / **bakъľa* синонимичную исходную основу, возм., — некое расширение и.-е. **bhā-* 'блеск, свет' с помощью элемента *-k-*. Речь идет о лексике, не пользовавшейся до сих пор особым вниманием этимологов, ср. тот факт, что в словарях Миклошича, Бернекера и, насколько можно понять, — Садника—Айцетмюллера пропущено не одно-два слова, а все названное выше обширное семейство лексем, объединяемых у нас праформами **bakuľa* / **bakъľa* в сербохорв., чеш., слвц., русск., укр. языках со знач. 'заболонь дерева', 'шишка, нарост', 'прыщ, пузырь', 'чурка, палка, колышек', 'яма с водой', 'болотистое место' (прочие значения выглядят как производные, менее ясно семантически отношение словен. диал. *bákulica* ж. р. 'корзиночка', см. Štrekelj. Slov. 5).

Обширность данного лексического гнезда, сложность отношений форм и значений между собой — все говорит о древности образования, во всяком случае — о праслав. возрасте. Филиация отдельных значений, видимо, была такова, что мы можем выделить знач. 'болото' и 'заболонь дерева' как главные (см. выше). С последним знач. тесно связаны '(губчатый) нарост', 'шишка'; 'прыщ, пузырь', 'чурка, палка'. Между прочим, интересно обратить внимание на форму и знач. лат. *bāca* ж. р. 'ягода', *bācula* то же (Плиний), а также *baculum* ср. р. 'палка'. Ср. Walde—Hofm. I, 91, 92, где совсем иначе, но вряд ли более вероятно (*bāca* связывается с именем Вакха и толкуется как средиземноморское название винограда, однако лат. слово употребляется применительно к л а в р у; *baculum* реконструируется как **bac-tlom*).

Р. В. Кравчук («Беларуская лексікалогія і этымалогія». Мінск, 1968, 85) возобновляет объяснение Даля — *бакалда* — метатеза к *калдоба*, но таким путем трудно объяснить все разнообразие вариантов (выше).

***ba(d)la?:** укр. диал. *ба́ла* 'ворожбит' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 66).

Имя деятеля **ba(d)la*, возм., представляет собой результат перехода nomen actionis > nomen agentis. Подробно об этимологии см. **ba(d)lovati*, **ba(d)lьji*, ниже. Переход в другой тип именных основ — **ba(d)lo* > **ba(d)la* — мог также быть вызван вторичным выравниванием по именам деятеля м. р. на *-a*.

***balagovati:** болг. диал. *балагу́вам* 'говорить неясно, бормотать' (Георгиев), слвц. диал. *balagovac* 'тратить время впустую' (Buffa. Dlhá Lúka 131).

Скорее всего сложение **bala-gov-ati*, где **gov-* близко родственно этимологически второму компоненту *gu-r-* (с расширением *-r-*) в сложном гл. **balaguriti* (см.). Первый компонент, по-видимому, вопреки распространенному мнению, не связан с **ba(d)lovati*, **ba(d)lьji* (см.), кот. выступали как культовые, специальные термины, тогда как элемент *bala-* — не более как экспрессивная ономатопея типа др.-инд. *balbalā* (см. о последнем Mayrhofer II, 421). См. Berneker I, 40, где взвешивается возможность истолкования как *-l*-ового причастия **balъ*, куда автор относит и ст.-слав. балии, с чем трудно согласиться; болг. и слвц. слов, названных выше и образующих любопытную изолексу, Бернекер не знает. Как неясное охарактеризовано болг. диал. *балагу́вам* в болг. этимол. словаре, см. Георгиев БЕР I, 28. Садник и Айцетмюллер видят в болг. диал. слове только производное от **ba-* или **bal-* (см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 123, без упоминания слвц. соответствия), но парность **balagovati* : **balaguriti*, близких этимологически и семантически, слишком красноречива, ср. также выше. Любопытно отметить, что др.-инд. *gavatē* 'заставляет звучать', обычно приводимое как этимол.

соответствие вариантам праслав. основы *gur- / *govor-, наиболее точно отвечает праслав. *gov- в составе *balagovati, редкому примеру нерасширенной основы в этом этимол. гнезде.

***balaguriti:** русск. *балагу́рить* 'говорить весело, забавно, пересыпая речь шутками, остротами', блр. *балагу́рыць* 'балагурить, вести пустую беседу' (Касьпяровіч 32). — Сюда же укр. *балагу́р* (редк.) 'балагур' (Укр.-рос. словн. I, 30), если это не русизм.

Исключительно вост.-слав. и вместе с тем, видимо, старый праслав. лексический диалектизм: сложение ономатопеи *bala-* и основы *gur-*, ср. вокализм лтш. *gaura* 'болтовня', далее — **govorъ* (см.). См. Berneker I, 40; Фасмер I, 112; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 122; Shevelov. A prehistory of Slavic 272. Близко родственно **balagovati* (см.).

***balakati:** болг. диал. *бала́кам* 'плескаться, играя, в воде' (Геров, Георгиев), сербохорв. *balakati* 'болтать что угодно' (редк., RJA I, 162), слвц. *baláchat'* 'говорить небылицы, вносить смуту, смущать' (SSJ I, 67), польск. диал. *bałakać* 'болтать' (Warsz. I, 90), русск. *бала́кать*, диал. *бала́кать* 'болтать, шутливо разговаривать' (Опыт словаря говоров Калининской области 29), *баля́кать* 'разговаривать о том, о сем, без цели, без плана' (Васнецов 12), укр. *бала́кати* 'беседовать, болтать, калякать, разговаривать' (Гринченко I, 23), блр. *бала́каць* 'калякать' (Блр.-русск. 115). — Сюда же, с иным расширением, первоначально той же основы чеш. диал. *baláňat* 'болтать' (валашск., Kott. Dod. k Bart. 2) и русск. диал. *бала́нить* 'говорить, болтать' (куйб., арх., Филин 2, 74).

Мы сближаем болг., русск., укр. слова вслед за составителями болг. этимол. словаря (Георгиев БЕР I, 28), объясняя форму **balakati* как производное на *-k-ati* от звукоподражат. основы **bala-*, родственной др.-инд. *balbala-*. До сих пор обычно данное слово толковалось и этимологизировалось как почти исключительно вост.-слав. образование, см. Berneker I, 40; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 121 (где говорится о предположительном блр. происхождении польск. слова, а также о русск. происхождении сербохорв. примера, см. там же, 123). Однако наличие болг. и слвц. соответствий (знач. болг. слова 'плескаться' генетически близко знач. 'болтать вздор') все-таки позволяет рассматривать все эти, в том числе — вост.-слав. слова в плане более широких, общеслав. закономерностей. Поэтому мысль о том, что русск. *бала́кать*, укр. *бала́кати* отражают слоговой плавный и сопоставимы с *бо́лкнуть*, польск. *bełkać* (Шахматов ИОРЯС VII, 1902, 353, 375; Sadnik—Aitzetmüller, там же; Фасмер I, 112) выглядит сомнительно. Сближение *бала́кать*: лит. *balãzyti* см. К. Буга РФВ LXX, 1913, 100.

***balamǫta/*balamǫtъ:** чеш. диал. *bałamut'a* 'тот, кто морочит голову людям' (Bartoš. Slov. 11), слвц. *balamuta* ж. р. 'смятение, беспорядок', 'смута' (SSJ I, 67), *galamuta* ж. р. то же (SSJ I, 425),

диал. *balamuta* ж. р. 'неприятность' (Buffa. Dlhá Lúka 131), русск. *баламýт* м. р. 'беспокойный, производящий тревогу, смуту человек', 'вздорный болтун, сплетник', ст.-укр. *баламутъ* 'баламут, смутьян' (1600—1605 гг.), 'смута', 'пустой человек' (Тимченко I, 52), укр. *баламýт* м. р. 'возмутитель, нарушитель душевного покоя, обольститель', 'знахарь' (Гринченко I, 24). — Сюда же (усеченное) русск. диал. *баламá* м. и ж. р. 'непостоянный, пустой и болтливый человек' (Даль[3] I, 105).

Скорее всего отглагольное производное, см. **balamǫtiti*.

***balamǫtiti:** чеш. *balamutiti* 'вводить в заблуждение, обманывать', диал. *bałamutit* 'лгать' (Kott. Dod. k Bart. 2), слвц. *balamutit'* 'сбивать с толку', 'сеять смуту, ложные слухи' (SSJ I, 67), сюда же диал. *galamut'it'* то же (Hobovštiak. Orav. 143), а также усеченное *balášit'* (Kálal 14), польск. диал. *bałamącić* 'мутить, вводить в заблуждение' (Warsz. I, 90), русск. диал. *баламýтить* 'мутить' (Добровольский 21), 'мутить, делать мутной чистую воду', 'производить несогласие, раздор' (Васнецов 11), ст.-укр. *баламутити* 'мутить, темнить' (Тимченко I, 52), укр. *баламýтити* 'мутить, возмущать', 'смущать, нарушать покой' (Гринченко I, 24), 'мешать в работе' (І. А. Софілканич. Особливості говірки с. Лецовиця Мукачівського р-ну. Дип. роб. Ужгород, 1954, 97), блр. *баламýціць* 'баламутить, будоражить' (Блр.-русск. 115). — Сюда же, видимо, укр. диал. *балашíть* 'лежать под паром, не возделываться' (П. С. Лисенко. Словник діалектної лексики середнього і східного Полісся. Київ. 1961, 17), ср. аналогичную форму слвц. *balášit'* (выше). — Сюда не относится, видимо, болг. диал. *баламóсувам* 'вводить в заблуждение, обманывать' (Шапкарев — Близнев БД III, 201).

Вероятнее всего может быть истолковано в духе старой этимологии — как глагольное сложение **bala-mǫtiti* (см. **mǫtiti*), см. Berneker I, 40; см. еще раньше V. J. Petr BB XXI, 1896, 208 (сближает первый компонент с лат. *fāl-lere* 'обманывать', греч. φηλός 'ложный, обманчивый'); Brückner 12; V. Machek ČMF 13, 99 (элемент *bala-* связывает с *bláto* 'болото'); несколько иначе см. Machek 23 (*bala-mǫtiti*, где первый компонент сближается с др.-инд. *bāla-* 'молодой, детский'); E. Stankiewicz «Word» 11, 1955 (=«Slavic Word» № 4), 628; Фасмер I, 113. Первоначальное употребление **balamǫtiti* относится, видимо, к моральной сфере, ср. значения 'обманывать', 'лгать', 'сеять смуту, ложные слухи', 'вызывать несогласие', 'нарушать покой' (знач. 'мутить чистую воду' вторично), поэтому **balamǫtiti* может быть поставлено в ряд с **balagovati*, **balaguriti*, **balakati* (см.), с кот. его объединяет этимологически общий компонент *bala-*, ономатопея, близкая по природе к др.-инд. *balbalā-*.

Выдвигались также различные гипотезы о заимствованном происхождении слова. В качестве курьеза назовем забытое объяснение из нем. стар. *balmunt*, *balemunt* 'плохой опекун' (A. Lud-

wig «Krok» 3, 1889, 4). Значительно бóльшим успехом пользуется этимология от монг. *balamut* 'своевольный', принятая рядом авторов. Литературу см. Фасмер, там же; далее см. F. Sławski SO 18, 1947, 278; Sławski I, 26; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 125—126. См. еще некоторые дополнительные соображения в кн.: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы (Л., 1957) 35, примеч. 4.

***balamǫtьnъjь:** чеш. редк. *balamutný* прилаг. 'лживый, обманчивый', польск. *bałamutny*, диал. *bałamątny* (Warsz.), русск. диал. *баламýтный* прилаг. 'болтающий пустяки, любящий сплетни' (Куликовский 3), ст.-укр. *баламутный* 'сбивающий с толку, обманчивый' (1598 г., Тимченко I, 52), укр. *баламýтний* 'мутный, нечистый (о жидкостях)', 'непокойный, тревожащий' (Гринченко I, 24).

Прилаг. производное с суфф. *-ьn-* от основы *balamǫt-* (см. **balamǫta/*balamǫtъ*, **balamǫtiti*, где подробно об этимологии).

***balamъčь, *balamъčьnъjь:** русск. диал. *бáлмочь*, *бáлмошь*, *бáломошь* ж. р. 'дурь, сумасбродство, безрассудство, бестолочь' (Даль[3] I, 109), *баламы́ш* м. р. 'обман' (псковск., Даль[3], там же), сюда же производные *бáлмошный*, *баламóшный* прилаг. 'дикий, несуразный по своим выходкам, эксцентричный' (Молотилов. Говор северной Барабы 94), *баламóжить* 'дурачиться' (нижегор., Доп. к Опыту 5), *баламóшить* 'тревожить, будоражить, беспокоить' (вятск., Филин 2, 71), *бáлмасти* мн. 'прихоти' (Псковский областной словарь 1, 102). — Правильность заглавной реконструкции косвенно подтверждает родственное русск. диал. *баламы́ка* 'жидко разведенное толокно' (Два старинных областных словаря XVIII столетия. Сообщение П. К. Симони. Вятский областной словарь 1772 г. — ЖСт. VIII, 1898, 448).

Видимо, старое сложное слово, несмотря на свой исключительно русск. характер. Первый компонент — тот же, что и в **balaguriti*, **balamǫtiti*, как см. уже Фасмер I, 117, однако второй компонент отнесен там неточно к *мочь*. Мы видим здесь тесную связь с **mъknǫti*, **mykati* (см.).

***baliti/*ba(d)liti?:** русск. диал. *бáлить* 'шутить, проказничать' (Даль[3] I, 109), *балúть* 'болтать' (Труды МДК. Н. Соколов. Поездка в Тихвинский у. Новгор. губ. Словарик говора д. Пешневы. — РФВ LXII, 1909, 294), *бáлить* 'разговаривать, болтать' (Деулинский словарь 48). — Сюда не относится сербохорв. *bȁliti* 'mucum emittere, выпускать слюну' (RJA I, 165), деноминатив от сербохорв. *бȁла*, *bȁle* мн. ч. ж. р. 'mucus, слюни' (RJA I, 164), видимо, заимствовано из роман. языков.

Недостаточно ясно (отсюда и двойственный вид реконструкции), — происходит ли это слово от звукоподражат. элемента *bal-* (см. **balaguriti*, **balamǫtiti*) или же оно может быть понято как **ba(d)liti*, производного от именной основы **ba(d)l-* (см. ниже **ba(d)lovati*, **ba(d)lьji)*, ср. знач. 'болтать', а также ср. отыменный гл. с родственной основой лат. *fabulare* 'рассказывать'

(: *fābula* 'беседа, рассказ' < и.-е. **bhādhlā*), откуда, напр., исп. *hablar* 'говорить, разговаривать'. Сравнение с *балакать*, *балагур*, *баламут* см. у Фасмера (I, 115), но отнесение им сюда же слова *баять* совершенно излишне в таком случае.

***ba(d)lovati (sę):** цслав. баловати 'curare, лечить' (Mikl.; ст.-слав. убаловати; см. А. С. Львов. Очерки 39 и след.), болг. диал. *балбсвам*, *балосам* 'заниматься, увлекаться; мешать кому-либо в работе' (по мысли Младенова ЕПР 14, относится сюда же, см., впрочем, с сомнением, Георгиев), словен. *balováti* 'болтать, нести вздор', слвц. диал. *balovac* 'обращаться, обходиться' (Kálal 15), словин. *balovac są* 'шумно веселиться, кутить' (Sychta I, 16), русск. *баловáть* 'потворствовать прихотям, капризам', 'шалить', диал. *бáловать* 'ласкать, снисходительно обращаться' (Добровольский 21), *бáловаться* 'смеяться' (там же), укр. *балувáти* 'заниматься чем, быть опытным в чем' (Гринченко I, 25), диал. 'развлекаться', 'добиваться своего' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 67), блр. *бáлавацъ* 'баловать'.

Давно принято связывать со ст.-слав. балии 'врач' (см. Berneker I, 42, где *balovati* производится непосредственно от **balъ* — к *bajati*, однако вследствие древнего и повсеместного проведения иотового расширения в *bajati* производная форма вроде **balъ* нереальна; далее см. Фасмер I, 117, где *баловать* связано с *балий* без комментариев; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 118). Но если верно, что основой глаголов на -eu-/u-, в том числе — праславянских на *-ovati* / *-ują*, служили имена деятеля на *-u-* (V. Georgiev LP VIII, 1960, 17 и след.; В. Георгиев «Славянска филология» III. София, 1963, 31; V. Georgiev «Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists». Cambridge, Mass., 1962 [1964], 741), то производящей основой для *balovati* никак не могло быть *balъji*. В лучшем случае мы можем лишь соотнести **ba(d)lovati* и именную основу **ba(d)l-*, рассматривая при этом данный глагол как аналогическое образование по типу более древних на *-ovati* / *-ują*. Подробности этимологии основы см. под **ba(d)lъji*.

Что касается слав. соответствий и их ареала, то, помимо уже упомянутой ненадежности болг. формы, нужно также отнести к весьма сомнительным слвц. *balovac*, не упоминаемое Махеком, и особенно — словин. *balovac są*, кот. вполне может оказаться идентичным польск. *balować* 'веселиться на балу' < *bal*, зап.-европ. происхождения (см. Brückner 12). Т. о., основной ареал образуют надежные ст.-слав., словен, русск., укр., блр. формы, тогда как зап.-слав. языки обнаруживают лишь проблематичные соответствия и не имеют поэтому контрольного значения в вопросе отражения *dl*, предполагаемого здесь нами.

***balovina?:** словен. *bálovina* ж. р. 'ковыль Stipa Pennata' (Plet. I, 11), русск. диал. *баловина* 'тенистое карасевое озеро' (Яросл. Поволжье, Филин 2, 85).

Возм., родственно *balъka* (см.) в близких значениях.

***ba(d)loviti?:** чеш. диал. *balvit* 'говорить вздор, глупости' (Malina. Mistř. 8), слвц. диал. *balvit'* то же (Kálal 15), русск. диал. *балóвить* 'парить в печке' (Псковский областной словарь 1, 103).

Эта диал. лексика не получила отражения в слав. этимол. словарях. Предположительно сближаются нами с **ba(d)lovati* (см.), что требует, разумеется, допущения перехода *dl* > *l*, кот. мог в специальных условиях (в группах согласных вроде *-lv-* < *-dlv-* в наших примерах или диалектно — на слвц. территории) осуществляться и в зап.-слав. языках, Знач. 'говорить вздор' и 'парить в бане', при всей их разнородности, могут быть связаны друг с другом в рамках всей семантики **ba(d)lovati* и близких форм.

***ba(d)lunъ:** русск. диал. *балýн* м. р. 'шалун' (волог., Доп. к Опыту 5), 'баловник, шалун', 'баловень, избалованный человек', 'рассеянный, невнимательный человек', 'лентяй' (Филин 2, 87).

Производное с суфф. *-унъ* от **ba(d)lovati* (см.). Древность образования проблематична.

***balъka:** сербохорв. диал. *balka, bala* ж. р. 'ковыль Stipa pennata L.' (Истрия, RJA I, 165), польск. диал. *bałka* ж. р. 'маленькое озеро в долине; сухой овраг в степи' (Warsz. I, 90—91), русск. диал. *балка* ж. р. 'впадина на дне реки' (Псковский областной словарь I, 102), 'камыш' (там же), 'долина, ложбина, длинный и широкий овраг в степи', 'овраг в лесу', 'низменная местность' (Филин 2, 82), ст.-укр. *балка* ж. р. 'овраг в степи' (1688 г., Тимченко I, 54), укр. *бáлка* ж. р. то же (Гринченко I, 25), диал. *бáвка* 'лужа' (I. С. Колесник. Матеріали до словника діалектизмів укр. говорів Буковини. 1959, 5). — Ср. еще укр. диал. *балок* 'мокрое место между взгорьями' (Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — «Полесье». М., 1968, 215).

Производное с суфф. *-ъка* от слабо засвидетельствованного **bala* < и.-е. **bhā-l-* 'светлый, яркий, белый', откуда затем развились названия болота, лужи (ср. лит. *balà*) и названия отдельных растений, ср. прежде всего ковыль с его светлой метелкой (см. еще **balovina*). До сих пор ю.-слав. слова обычно не привлекались для сравнения с русск., укр. *балка*, но рассматривались изолированно, что способствовало признанию сербохорв. *bala, balka* словом иноязычного происхождения (Skok. Etim. rječn. I, 98). В свете вероятного родства сербохорв. *balka* 'ковыль' с русск. *балка* 'овраг', 'впадина,' а также 'камыш', укр. *балка* 'овраг', *бавка* 'лужа' представляется устаревшим мнение об отсутствии соответствий русск., укр. и польск. словам в других слав. языках (Фасмер I, 116; см. еще Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 127, где тоже отсутствует указание на сербохорв. слово; но ср. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 158, где о *bala*, *balka* говорится как о словен. слове).

Сближение русск. *балка* с оронимом *Балкан* (А. Соболевский РФВ LXXI, 1914, 439—440) проблематично.

***ba(d)ly** мн.: русск. диал. *бáлы* мн. 'россказни, пустой, забавный разговор, шутки, веселье, остроты' (Даль³ I, 111), *балы́* 'болтовня' (Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ XXVIII, 1892, 50), укр. *бáли* мн. 'разговоры, россказни' (Гринченко I, 24).

Plurale tantum от незасвид. имени **ba(d)la* ж. р., тождественного лат. *fābula* ж. р. 'речь, рассказ; басня' < и.-е. **bhā-dhl-ā* (см. о лат. слове Walde—Hofm. I, 437, без слав. слова). Ограниченность распространения вост.-слав. языками сообщает некоторую проблематичность реконструкции, откуда — вариантность заглавной формы. См., напр., Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 119, где русск. *балы*, укр. *бали* рассматриваются в духе традиции как производные на *-l-*.

***ba(d)lьji:** ст.-слав. балии м. р. ἰατρός, medicus 'врачеватель, врач' (SJS, Sad.), др.-словен. *bali* 'врач', 'исцелитель, спаситель (о Христе)' (Фрейз. пам., см. A. V. Isačenko. Jazyk a pôvod Frizinských pamiatok. Bratislava, 1943, 46, 51, где эта форма относится к древнейшему ст.-слав. фонду великоморавского происхождения, см. еще А. С. Львов. Очерки, 39 и след.). — Неясно, относится ли сюда ст.-чеш. *Balej* м. р., имя собств.: *Domini Balegyonis* (Gebauer I, 24).

Имя деятеля, производное с суфф. *-ьji* от основы имени действия **ba(d)l-* < и.-е. **bhā-dhl-*, ср. лат. *fābula* 'речь, рассказ'. См. Трубачев «Этимология» (М., 1963) 46, примеч. 57. Большинство авторов выдвигает праформу **balьji*, кот. по сути дела лишь транслитерирует ст.-слав. слово (так см. Berneker I, 42: < **balъ* < **bajati*; Sadnik—Aitzetmüller, Vgl. Wb. 2, 118 и след.; Vaillant. Gramm. comparée II, 1 (Lyon—Paris, 1954) 104—105). Но еще Соболевский («Slavia» V, 1927, 441) обратил внимание на то, что ст.-слав. слово восходит, по-видимому, не к **balьji*, а к **badlьji*, ср. тот факт, что именно ряд зап.-слав. основ на *-dl-* образуют производные на *-ьji-* **prędlьji*, **pradlьji*, сюда же др.-русск. **бьралии*, русск. *бра́лья*, *пря́лья*, *шва́лья* (Соболевский, правда, разъединяет балии и русск. *баловать*, что едва ли нужно). Вайян тоже, кстати, ставит ст.-слав. балии в один ряд со ст.-чеш. *přědlí*, *přadlí*, *pradlí*, *švadlí*, названиями лиц м. и ж. р., производными от названий действий на *-dl-*, однако это не мешает ему говорить о суфф. *-ĭji* в балии, см. Vaillant, там же.

Мы не считаем убедительной мысль о влиянии на балии со стороны лат. *balneum* и прочих форм названия бани (I. Vahros. Grossrus. Sauna. — «FF Communications» No. 197. Helsinki, 1966, 70; см. еще А. С. Львов. Указ. соч. 45). Из более старой литер. см. A. Pictet. Etymologische Forschungen über die älteste Arzneikunst bei den Indogermanen. — KZ V, 1856, 47; он же. Die alten Krankheitsnamen bei den Indogermanen.— KZ V, 1856, 331.

***ba(d)lьstvo:** ст.-слав. балъство ср. р. ἰάτρεία, φάρμαχον, remedium, sanatio 'лекарство, лечение' (SJS, Sad.).

Производное с суфф. *-ьstvo* от основы *ba(d)l-*, см. подробно **ba(d)lovati*, **ba(d)lьji*.

***ban'a:** ст.-слав. бани ж. р. βαλανεῖον, λουτρόν, balneum, lavacrum 'баня, купанье' (Supr. Apost., SJS. Sad.), болг. *бáня* ж. р. 'баня, купальня; купанье' (БТР), макед. *баља* ж. р. 'баня, ванная, купанье, ванна' (И-С), сербохорв. *бȁња* ж. р. 'баня, купальня', 'минеральный источник', сюда же *бȁњица* ж. р. 'баня, купальня, ванна', словен. *bȃnja* ж. р. 'ванна, корыто' (Plet. I, 11), чеш. *báň*, *báně* ж. р. 'купол башни; небосвод; круглая крышка; круглый сосуд', 'осиное гнездо', 'шахта, копь', диал. *baňa* ж. р. 'купол'. (Lamprecht. Slov. Středoopav. 21), *báň* 'жбан, кувшин' (Kubín, Čech. klad. 164), слвц. *baňa* ж. р. 'копь, шахта', 'круглый пузатый сосуд' (SSJ 1, 69), 'все округлое' (Buffa. Dlhá Lúka 131: ruka mu napuxla jak baňa), в.-луж. *banja* ж. р. 'кувшин, тыква, вообще — все пузатое' (Pfuhl 6), н.-луж. *baňa* 'брюхастый сосуд; чаша для воды; большой молочник', 'тыква' (Muka Sł. I, 13), польск. *bania* 'все выпуклое', 'выпуклый сосуд', 'купол' (Warsz. I, 93), др.-русск. *баня* 'баня, balneum' (XI в., Срезневский I, 41), *баиня* 'баня' (1599 г., там же, III, Доп., 7[1]), русск. *бáня* ж. р. 'специальное помещение, где моются и парятся', 'мытье в бане', диал. (южн., зап.) *бáня* 'шар, мыльный пузырь' (Даль[3] I, 113), *бáйна* 'баня' (Подвысоцкий 3; Опыт словаря говоров Калининской области 29), ст.-укр. *баня* ж. р. 'баня' (Беринда, Тимченко I, 56), 'выпуклый сосуд, котел' (1597 г.), 'купол' (1591 г., там же), укр. *бáня* ж. р. 'купол', 'солеварня', 'минеральный целебный источник' (Гринченко I, 27), диал. *бáн'а* 'каменоломня' (І. А. Софілканич. Особливості говірки с. Лецовиця Мукачівского р-ну. Дип. роб. Ужгород, 1954, 97), *báňi* ж. р. 'минеральный источник', 'солеварня' (St. Hrabec. Narwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950, 32).

Достоверно объяснено как праслав. заимствование **ban'a* < **banja* < народнолат. **bānea*, *balnia* (последнее засвид. в лат. эпиграфике), собственно — мн. ч. от лат. *balneum*, *balineum* 'баня, купальня', кот. в свою очередь заимствовано из греч. βαλανεῖον в том же знач. См. A. Meillet BSL 16, 1910, CLXXVI; он же BSL 20, 1916, 91; он же MSL 11, 1899, 179 (в первых двух работах Мейе оспаривает мнение Фасмера и Шахматова о том, что слав. слово заимствовано из греч. или через посредство греч.; еще меньше оснований предполагать герм. посредство); особенно подробно, с освещением реалий, см. M. Murko. Die Schröpfköpfe bei den Slaven. Slav. baňa, baňka, lat. balnea. — WuS V, 1913, 1—42; Berneker I, 43 (предполагает посредство ср.-греч. *βάνειον); Мейе. Общеслав. язык 130 (со специальным указанием на отражение в слав. слове долготы народнолат. **bānja* : сербохорв. *бȁња*); F. Sławski RS 16, 1948, 85; P. Chantraine LB VI, 1963, 16;

Фасмер I, 121—122. См. еще И. С. Вахрос «Scando—Slavica» IX, 1963, 162—165, а также специальную монографию: I. Vahros. Grossruss. Sauna. «FF Communications» No. 197 (Helsinki, 1966) 68 и след., автор которой пытается, вслед за Махеком, реабилитировать теорию непосредственного заимствования из греч. βαλανεῖον, кот. якобы отразилось, в частности на русск. почве, в формах с *-j-*, ср. русск. диал. *байна*. Но подобные формы могут быть легко объяснены иначе, см. А. Соболевский РФВ LXIV, 1910, 134, где говорится о диссимиляции **баньна*.

См. еще Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 85—86, где подробно о взаимоотношениях 'баня, купальня' ∾ 'купол, пузатый сосуд' (однако с привлечением постороннего материала). Праслав. **ban'a*, будучи заимствовано южными славянами в знач. 'balneum,' прежде всего беспрепятственно распространилось у вост. славян в том же знач. 'balneum', и лишь через стадию 'рудник, шахта', распространилось в знач. 'купол, сосуд' в зап.-слав. языках (ср., впрочем, отдельные ю.-слав. соответвия **banъka* / **banьka*), под влиянием которых последнее, наиболее позднее, знач. появилось и в вост.-слав. География и относительная хронология распространения слова **ban'a* как бы иллюстрирует наличие известных в науке изоглоссных рубежей и ареалов. См. Трубачев. Ремесленная терминология. (М., 1966) 289—293.

Имели место попытки объяснить **ban'a* как исконное слав. слово, см. A. Brückner KZ XLV, 1913, 26—27 (но его ссылки на относительно позднее польск. *banior*, *bajor* неубедительны); Г. А. Ильинский ИОРЯС XXIII, 1921, 197—202 (с маловероятной попыткой объяснения из и.-е. **bhō-*); Š. Ondruš «Slavica Slovaca» 4, 1968, 242 и сл. (производит **ban'a* от **batati* 'бить', т. е. 'там, где бьют, хлещут водой', ср., впрочем, сходно — от **bhan-* 'бить' — еще R. Meringer IF XVI, 1904, 158—159).

***banъka/*banьka:** сербохорв. *бȁњка* ж. р. 'сосуд, которым черпают воду' (РСА I, 295), словен. *bânjka* ж. р., ум. от *banja*, 'плоская посудина для жидкости' (Plet. I, 11), чеш. *baňka* ж. р. 'пузатый сосуд', 'небольшой купол', слвц. *banka* ж. р. 'маленькая посуда' (SSJ I, 70), диал. *baňka* ж. р. 'глиняный пузатый сосуд для питьевой воды' (Buffa. Dlhá Lúka 131), в.-луж. baňka ж. р. 'кувшинчик' (Pfuhl 6), польск. *bańka* ж. р. 'пузырек, банка' (Warsz. I, 95), русск. *бáнка* ж. р. 'стеклянный или металлический сосуд, преимущественно цилиндрической формы', диал. *бáнка* 'мелкая, но широкая деревянная бадья для продажи живой рыбы' (Мельниченко 28), 'коробка' (Словарь Тверского у. Тверской губ. Труды МДК. — РФВ LXXI, 1914, 343), *бáнька* 'железное кольцо, скрепляющее косу и косовище' (Псковский областной словарь 1, 108), *бáнки* мн. 'металлические, пустые внутри, цилиндры, привязанные к верхней тетиве плавной «лоховой» сети' (псковск, Филин 2, 94), ст.-укр. *банька* ж. р. 'пузырек', *банка* ж. р. то же (Тимченко I, 55—56), укр. диал. *бáнька* 'глиняная посуда с уз-

ким горлом, для жидкости' (Й. О. Дзендзелівський. Словник специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я. — Лекс. бюл. VI. Київ, 1958, 39), *банька* ж. р. 'пузырь на воде' (П. Білецький-Носенко. Словник української мови. Київ, 1966, 50), *ба́нки* мн. 'пузыри на воде от дождя' (А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, 9), блр. *ба́нька.*

Ум. производное от **ban'a* (см.). Древность образования сомнительна; в некоторых слав. языках могло распространиться вторично.

***banьnъ(jь):** болг. *ба́нен* прилаг. 'банный, купальный' (Младенов БТР), сербск.-цслав. банкнъ прилаг. βαλανείου, λουτροῦ, balnei 'банный' (Mikl.), др.-русск. *баньныи*, *бальныи* 'банный, balnei' (XII—XIII вв., Срезневский I, 40), русск. *ба́нный* прилаг., ст.-укр. *банный* прилаг. 'с куполообразной крышей (?)' (Тимченко I, 55), укр. *ба́нний* 'банный' (Укр.-рос. словн. I, 33).

Прилаг., производное с суфф. *-ьn-* от **ban'a* (см.). Ср. иное производное с той же функцией в **banьskъjь* (см.). Форма др.-русск. *бальныи* вторична (диссимиляция) и не может непосредственно сравниваться с лат. *balneum*, *balnei.*

***banьskъ(jь):** ст.-слав. бан҄скъ прилаг. τοῦ λουτροῦ, lavacri 'банный' (Euch., SJS), болг. *ба́нски*, прилаг. от *ба́ня* (РБЕ), сербохорв. *ба̏њскӣ* прилаг. 'минеральный, водолечебный' (РСА I, 295), чеш. *báňský* 'шахтный, горнодобывающий', слвц. *banský* прилаг. то же (SSJ I, 69).

Прилаг., производное с суфф. *-ьsk-* от **ban'a* (см.). Ср. **banьnъjь.*

***bara:** болг. *ба́ра* ж. р. 'речка, поток', 'стоячая вода, лужа' (БТР), 'маленький поток' (Божкова БД I, 242), 'лужа' (Горов БД I, 66; Сакъов БД III, 318), 'речка' (Гълъбов БД II, 70), 'маленькая речка' (Шапкарев — Близнев БД III, 202), 'маленький источник, крытый и огражденный камнем' (Стойчев БД II, 126), макед. *бара* 'лужа' (И-С), сербохорв. *ба̏ра* ж. р. 'лужа', 'луг', словен. *bára* ж. р. 'болото, топь' (Plet. I, 12), чеш. диал. *bara* 'большое болото' (Bartoš. Slov. 12), слвц. диал. *bara* (Kálal 16), возможно, сюда же полаб. *poro* ж. р. 'болото, грязь' (Polański—Sehnert 113). — Ср., возм., еще русск. диал. *балару́жина* ж. р. 'лужа, скоп грязной воды' (вятск., Даль³ I, 106), если последнее из **baro-lužina*; далее, ср. болг. диал. *бара́лǫ* ср. р. 'выемка с водой' (Стойчев БД II, 127), укр. диал. *бари́ло* 'возвышенность в общем значении' (Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). «Полесье». М., 1968, 215), *бару́ля* 'яр, обрыв' (Дорошенко. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини 104).

Поскольку вызывает известные сомнения принадлежность к **bara* русск. диал. *балару́жина* (< **баро-лужина*? или ***бало-лужина*? См. Berneker I, 40; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2,

127; Фасмер I, 113), русск.-цслав. *бара* по сути дела — южнославянизм (см. V. Georgiev WdS VI, 1961, 13), а связь между соответствующими *-l*-овыми производными — болг. диал. *бáлo* и укр. диал. *барúло*, *барýля*, ранее как будто не привлекавшимися, также нуждается в дополнительном изучении, постольку делается сомнительным в целом отражение **bara* в вост.-слав. (То обстоятельство, что поднятый выше вопрос еще может быть решен положительно специально для укр. языка, объясняется скорее фактом известного проникновения лексических изоглосс из карпатской и балканской области на укр. территорию, ср. также близкое **barъ*, ниже). Проблематично далее, древнее наличие *bara* в польск. языке, так как приводимое обычно польск. диал. *barzyna* (см. Berneker I, 43), возм., заимствовано из чеш. Характерно, что Брюкнер вообще не упоминает такой формы, а в статье *bara* специально указывает: «. . . у нас только в ономастике: река Barycz» . . . (Brückner 15). Мы приводим среди соответствий и полаб. *poro* (см. еще Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 157), вполне отдавая себе отчет в гипотетичности этого. Т. о., бесспорный ареал **bara* — это болг., макед., сербохорв., словен. территория, на периферии которой помещаются чеш. и слвц. соответствия. Георгиев (там же) отмечает еще отражение слав. *bara* в топонимии Рудных гор, на западе славянства, ср. *die Bare* (1518 г.). Но особенно широко это слово представлено в Болгарии, гл. обр. — западной, включая многочисленные названия рек и мест (см. Георгиев БЕР I, 32, там же — предыдущая литер.; Sadnik—Aitzetmüller, там же). Происхождение слова **bara*, кот. может быть отнесено к числу праслав. регионализмов, еще не выяснено окончательно. Греч. μπάρα, с кот. его сравнивал Миклошич (Miklosich 7), само заимствовано из слав., см. Георгиев БЕР, там же. Продолжают сближать **bara* с алб. *bërrak* 'болото, стоячая вода' (см. еще из литер. Berneker I, 43; K. Oštir «Etnolog» I, 1926/1927, 2; V. Georgiev. La toponymie ancienne. . . 9), но последнее само — целиком слав. происхождения — из **barьnъ*+слав. суфф. *-ak* (см. подробно Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 157). Вслед за Младеновым принято говорить о родстве слав. слова с др.-инд. *Barbarā* ж. р., гидроним, греч. βόρβορος 'тина', но эти сближения крайне сомнительны (см. о др.-инд. названии Mayrhofer II, 412; о неясности праформы и возможном звукоподражат. образовании греч. слова см. Frisk I, 252). Мысль о том, что **bara* легко объясняется как параллельное образование к **bal-* < и.-е. **bhā-l-* 'светлый, блестящий»' (Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 158; см. еще раньше в том же духе F. Specht. Ursprung 318, примеч. 5), не кажется нам убедительной. Очевидная изолированность имени **bara* в слав., а также преимущественное его распространение в западной части Балканского п-ова вынуждает серьезно взвесить возможную связь праслав. диал. **bara* с остатками языка дослав. населения этих

районов. Ср. второй компонент названия *Metu-baris*, междуречье Савы и Дравы в древности, буквально — 'междуболотье' или 'междуречье' (H. Krahe. Illyrisches. «Glotta» 22, 1934, 125 и след.); не менее ценно указание на практическую идентичность слав. апеллатива *bara* 'речка, ручей' и второго компонента названия реки *Колу-бара*, притока Савы (см. I. Duridanov. Illyrische Flussnamen in Serbien. — LB VI, 1963, 102). Меньшей достоверностью обладает в наших глазах отождествление праслав. **bara* с фрак. *para* 'ручей, река' < и.-е. **bōra* (V. Georgiev. La toponymie ancienne. . . 9). Нужно помнить, что свидетельства о наличии **bara* как раз не характерны для восточной Болгарии, что в известном смысле противоречит фрак. этимологии **bara*.

О чеш. и слвц. соответствиях см. Machek 26, где также о взаимовлиянии (или смешении) форм чеш. *bařina* : *bažina*.

***baranica:** чеш. *beranice* ж. р. 'баранья шапка', 'овца, матка', 'овечья шкура, овчина', 'штаны из овчины' (Jungmann I, 95), слвц. диал. *baraňicä* (Habovštiak. Orav. 160, без указания знач.), ст.-укр. *бараница* ж. р. 'выделанная баранья шкура' (Тимченко I, 56), укр. *баранúця* 'баранья полость, полость из овчины' (Укр.-рос. словн. I, 33), *баранúця* ж. р. 'овчина для укутывания ног зимою в дороге' (Гринченко I, 28).

Производное с суфф. *-ica* от **baranъ* (см.).

***baranina / *boranina:** чеш. *beranina* ж. р. 'баранина, запах барана', диал. *baraňina* ж. р. 'баранина' (Svěrák. Karlov. 109) слвц. диал. *baraňina* ж. р. 'мясо' (Buffa. Dlhá Lúka 131), польск. baranina ж. р. 'баранина' (Dorosz. I, 345), словин. *barą̃ńina* ж. р. 'баранина' (Lorentz. Slovinz. Wb. I, 15), др.-русск. *боранина* 'мясо барана' (Афан. Никит., Срезневский III, Доп. 24'), русск. *бара́нина* ж. р. 'мясо барана или овцы', ст.-укр. *баранина* ж. р. 'баранье мясо' (Тимченко I, 56), укр. *бара́нина* ж. р. 'баранина' (Гринченко I, 28), блр. *бара́ніна* 'баранина'.

Производное с суфф. *-ina* от **baranъ* / **boranъ* (см.).

***baranovъ(jь):** н.-луж. *baranowy* 'бараний' (Muka Sł. I, 14).

Притяжат. прилаг., производное с суфф. *-ov-* от **baranъ* (см.).

***baranъ:** сербохорв. *ба̏ран* м. р. '(черно-белый) козел', 'баран' (РСА I, 300), диал. *báran* 'баран' (Nk 270), чеш., стар. и диал. *baran* м. р. (Gebauer 25, 40) 'баран' (мор., Kott I, 46), 'баран', 'дурак' (Malina. Mistř. 9; Gregor. Slov. slavk.-bučov. 19), 'железная тяпка', 'название сорта яблок', 'приспособление для переноски травы' (Bartoš. Slov. 12), сюда же чеш. диал. *barušky* 'сережки на иве' (Kott. Dod. k Bart. 3), слвц. *baran* м. р. 'баран, самец овцы', 'дурак', 'тяжелая колотушка, баба' (SSJ I, 71), сюда же слвц. диал. *baruška* 'овечка' (Kálal 18), *barka* ж. р. 'ягнёнок' (Matejčík. Východonovohrad. 121), в.-луж. *boran* м. р. 'баран' (Pfuhl 40), н.-луж. *baran* 'баран' (Muka Sł. I, 14), польск. *baran* м. р. 'баран, самец овцы' (Dorosz. I, 342—343), словин. *bãrǫ̀un* м. р. 'баран' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 17), др.-русск. *баранъ*, *боранъ* 'баран,

овечий самец, aries' (XIV в., Срезневский I, 41—42), русск. *бара́н* м. р. (в т. ч. в спец. знач.-иях: 'стенобитное орудие, таран', 'толстый брус' и т. п.), диал. *бара́н* м. р. 'тонкий сорт бараньей кожи', *шерстный баран* 'нестриженая баранья шкура', *баран* 'шуба из овчины', 'праздник молотьбы', разнообразные прозвища, название кушанья ('печенье'), 'гребень морской волны', 'птица Gallinago gallinago, бекас' (Филин. 2, 103, 105), *бара́нок* м. р. 'баранья шкура' (там же, 106), ст.-укр. *баранъ* м. р. 'баран, самец Ovis aries', 'военная осадная машина' (Тимченко I, 57), укр. *бара́н* м. р. 'баран, самец овцы' (Гринченко I, 28), *бара̀нок* м. р. 'бекас' (Гринченко I, 28), *бара́нка* ж. р. 'овца?' (там же), блр. *бара́н* 'баран'. — Сюда же примыкает болг. диал. *бъра́нкъ* ж. р. 'овца', 'легкомысленный человек' (с. Карайсен, Велико-Тырновский окр., дип. раб. Архив Софийск. ун-та), *бара́нк'и* мн. 'овцы', ласкат. (с. Величково, Позарджикский окр., дип. раб. Архив Софийск. ун-та).

Вопрос о происхождении слова **baranъ* должен решаться с особым учетом данных лингвистич. географии как в рамках слав. территории, так и в отношениях с иными языковыми ареалами. Должны быть также подвергнуты пересмотру некоторые мнения, укоренившиеся в этимологии. Прежде всего нужно указать, что представления о распространении этого слова в слав. языках должны быть несколько расширены. Если последнее время возобладало мнение, что ю.-слав. языки не знают слова **baranъ* (см. Трубачев. Дом. жив. 74; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 240: «В южнославянском этого слова не существует»), то, по-видимому, необходимо уточнить, что по имеющимся сведениям данного слова не знает только словенский (а это в конечном счете играет здесь решающую роль при этимологизации), тогда как в сербохорватском и даже болгарском **baranъ* в действительности известно. Так, мы не считаем возможным отделять этимологически вслед за Садник и Айцетмюллером сербохорв. *бȁран* 'козел, баран' (ср. еще сербохорв. диал. *bȁran* 'баран', у нас выше) от праслав. **baranъ*. Скок в своем сербохорв. этимол. словаре указывает сербохорв. *baran* м. р. (J. S. Reljković) 'баран', также в кач-ве фамилии (в Приморье), отсюда ум. *bára* — о козе и свинье; вариант *boran* в народн. говорах не обнаружен. На существование этого слова в паннонско-славянском указывает, по мнению Скока, венг. *bárány* (Skok. Etim. rječn., I, 110). Приведенных нами выше болг. соответствий как будто достаточно, чтобы констатировать в народн. болг. языке наличие формы ж. р. **baranъka*, производной от **baranъ*, что косвенно говорит о существовании в определенное время также формы **baranъ* в болг. языке. Этих болг. диал. слов, между прочим, не знает даже новый Болгарский этимологический словарь, как известно, очень богатый народной лексикой. Вост.-болг. характер упомянутых свидетельств (см. выше), вероятно, не может

скомпрометировать их исконного характера в пользу, скажем, заимствования из вост.-слав. (ср. укр. *бáранка* ж. р. 'овца?'). Отношения слов **baranъ* и **ovьnъ* (см.) говорят о том, что **baranъ* — относительно новое название самца овцы в слав. языках (см. Трубачев, там же; A. Sabaliauskas. Baltų kalbų naminių gyvulių pavadinimai (jų kilmė ir santykis su atitinkamais slavų kalbų pavadinimais. «Baltų ir slavų ryšiai». Vilnius, 1968, 115). Вне всяких сомнений слово **baranъ* заимствовано слав. языками, правда, ссылка при этом как на основной аргумент на различия корневого вокализма *bar-/bor-/ber-* (Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 240) ничего не объясняет сама по себе, а сами эти варианты огласовки не существовали, конечно, одновременно в древнейших слав. формах или языке-источнике, но развились вторично уже в отдельных слав. языках. Поэтому правильно считать чеш. *beran* 'баран' вторично диссимилированной формой (так см. Holub—Kopečný 67), аналогично мы объясняем и др.-русск. *боранъ*, русск. диал. (холмогорск.) *борáн* (Трубачев, там же, 73), в.-луж. *boran* < **baranъ*. Древнейшую слав. форму **baranъ* наряду с этимологической непрозрачностью характеризует, по нашему мнению, наименее славянский звуковой облик с последовательным проведением определенного вида гармонии гласных. Все это вместе взятое, особенно в соединении с необходимостью объяснить не только корень, но также и суффикс, которым потенциально является исход *-an-*, недвусмысленно указывает на Восток. Поэтому неудачна этимология, объясняющая только часть слав. слова и предложенная гл. обр. албанистами и романистами, кот. сближали слав. *baranъ* с алб. *berr* 'овца, пастбищный скот', далее — с сев.-ит. диал. *ber*, *birr*, *bero*, *bar*, ю.-франц. *berri* в том же знач., видя в них лексику альпийского ареала, оформившуюся из подзывания животных (см., вслед за Г. Майером, Иоклем и Майер-Любке, — E. Çabej «Glotta» 25, 1937, 50 и след.; J. Hubschmid. Haustiernamen und Lockrufe als Zeugen vorhistorischer Sprach- und Kulturbewegungen. «Vox Romanica» 14 (1954/1955) 195; M. Camaj. Albanische Wortbildung. Wiesbaden, 1966, 86; Berneker I, 43, кот. наряду с алб. и роман. словами указывает на близость греч. βάριχοι 'бараны', βάριον 'овцы, мелкий скот'; Brückner 15; Фасмер I, 123). Сюда примыкают более расплывчатые указания чешских этимологов на «праевропейский» субстрат, см. Holub—Kopečný, там же; Machek 29). Но βάριχοι — это, собственно, (Ϝ)ἄριχοι, кот. вместе с βάριον относится прямо к греч. (Ϝ)ἀρήν 'овца, баран', родственному греч. εἶρος (*ϜερϜος) 'шерсть', а также лат. *vervex* 'баран' (см. Frisk I, 137; Walde[2] 826). Между прочим, из лат. *vervex* происходит и франц. *brebis* 'овца' и, возм., часть прочих роман. диал. форм, обычно относимых к подзываниям альпийского ареала. Эти греч. и роман. формы сравнивались со слав. *baranъ* ошибочно, см. Трубачев. Дом. жив. 74—75; F. Kopečný «Slavia»

XXXI, 1962, 462; он же SaS XXVIII, 1967, 276; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 240. Объяснение многочисленных прочих европейских (романских и др.) форм из первичного подзывания в общем привлекательно, подзывания типа *brr*, обращаемые к овцам, встречаются и сейчас, но в таком случае пришлось бы говорить не об ограниченном альпийском ареале, поскольку созвучные подзывания овец употребляются не только в Альпах и на Пиренеях (баск. *barra*), но и на Востоке Европы и далеко за ее пределами, на что обращал внимание Хубшмид. В случае с подзыванием допустимо предполагать независимое элементарное родство, ономатопею.

Альпийская теория происхождения праслав. **baranъ* окончательно снимается тем фактическим обстоятельством, что именно альпийские славяне — словенцы — не знают слова **baranъ* совершенно (в отличие от балканских славян), что проницательно подметил еще Брюкнер (см. Brückner, там же). Выше уже была речь о типологическом вероятии вост. происхождения слав. слова. Раньше высказывалась гипотеза о тюрк. происхождении праслав. **baranъ* < др.-тюрк. **baran* 'идущий' (см. Трубачев. Дом. жив. 76), которую мы сейчас считаем целесообразным видоизменить, отведя тюрк. языкам лишь роль посредника при передаче вероятного среднеиранского заимствования **bārān* 'баран, овца' < ир. **varan*, родственного др.-инд. *uraṇa-* м. р. 'ягненок, баран', арм. *gaṙn* 'ягненок', греч ἀρήν (о кот. см. выше) < и.-е. **u̯ren-* 'баран, овца' (см. Pokorny I, 1170). Аналогичный путь из иранского через тюркские в славянский проделало семантически смежное слово *чаба́н* 'овечий пастух'. См. близко к изложенному уже K. Moszyński JP XXXIII, 1953, 365—366; Sadnik—Aitzetmüller, там же.

***baranьcь:** слвц. диал. *barańec* 'молодой баран' (Habovštiak. Orav. 164), русск. диал. *баране́ц*, род. п. *-нца́*, *бара́нец*, род. п. *-нца*, м. р. 'растение Lycopodium, плаун', 'Thymus Serpillum L., чабрец, богородская трава', 'крапива' (Филин 2, 105), укр. *бараие́ць*, род. п. *-нця́*, м. р. 'бекас' (Гринченко I, 28).

Производное с суфф. *-ьсь* (и вторичными значениями, см. русск., укр.) от **baranъ* (см.).

***baranьjь:** слвц. *baraní* прилаг. 'бараний' (SSJ 1, 71), польск. *barani* 'бараний, овечий' (Dorosz. I, 344), словин. *barą̃nï* прилаг. 'бараний' (Lorentz. Slovinz. Wb. I, 16), др.-русск. *борании* 'сделанный из шкуры барана' (XV в., Срезневский III. Доп. 24′), *боран*ь (XIV в., Картотека СДР), русск. *бара́ний* 'относящийся к барану', 'приготовленный из баранины', ст.-укр. *бараний* прилаг. 'бараний' (Тимченко I, 56).

Притяжат. прилаг., производное с суфф. *-ьjь* от **baranъ* (см.).

***barati:** болг. *ба́рам* 'трогать, касаться' (БТР, также — диал., см. БД I, 294, 66, 243, II, 71, III, 202), диал. 'искать, спрашивать' (Георгиев), 'работать' (Стойчев БД II, 127), макед. *бара* 'искать',

'просить, требовать', 'рыться, шарить', 'трогать, касаться, щупать' (И-С), диал. *се барам=се лекувам* (А. Андоновски. Зборови од Дебарско. — MJ I, 1950, 240; Видоески. Поречкиот говор 56), словен. *bârati* 'спрашивать' (Plet. I, 12), слвц. *bárat'* 'ломать, пронзать' (SSJ I, 71—72), др.-русск. *барати* длит. 'сражаться, pugnare' (Срезневский I, 42).

Единственно приемлемой представляется в данном случае морфологическая этимология: **barati*, итератив к **borti* / **boriti* > **barati* 'проникать, искать, спрашивать, просить, требовать', также с ослаблением исходного значения: 'ломать, сокрушать' > 'трогать, щупать', 'рыться', 'работать'. Это дает возможность увидеть инновационный характер данного словообразовательного (семантического) акта, ограниченного, по сути, только ю.-слав. языками, и вместе с тем поставить все (лексикализованные и морфологические) случаи **barati* в один ряд. См. уже Георгиев БЕР I, 33, где дано сближение болг. и словен. слова с др.-русск. *барати*, но семантические отношения авторам остались неясны. Близкую семантическую аналогию мы видим в слав. **pytati* 'спрашивать' < 'пробовать' < 'мучить', родственном лат. *putō*, *-āre* 'думать' < 'резать' (см. Фасмер III, 421). См. Z. Gołąb «Studia in honorem T. Lehr-Spławiński», 1963, 213—215, где автор тоже говорит о родстве *barati* и *boriti* 'бороться', но предлагаемый им путь развития значения кажется менее убедительным ('бороться' > 'хватать' > 'искать' > 'требовать, просить').

Прочие этимологии: Младенов ЕПР 17: болг. *ба́рам* — к *бера́*, русск. *беру*, *брать* (но итератив к **berǫ* — **birati*!); Ильинский PF 11 (1927), 185: болг. *барам* 'искать', словен. *bârati* 'спрашивать' < **ob-arati* (ср. лат. *orare*), с первичным знач. 'спрашивать'; В. Čop SR XIII, 1961/1962, 185—187: **barati* — итератив к **borti* < и.-е. **bhorə-*, ср. греч. φραδ-, φράζω 'говорить, доводить до сведения', φράζομαι 'думать, полагать', в конечном счете — из и.-е. **bher-* 'нести, приносить', якобы о движении руки, но автор понимает затруднительность семантич. стороны своей этимологии; ср. об этом Bezlaj. Etim. slovar 8, но собственная гипотеза Безлая — *barati* < **gъbarati*, с упрощением начала слова, куда автор относит вслед за Махеком (см. Machek 142) также **govorъ* / **gъvorъ*, — по меньшей мере сомнительна. Бернекер, сравнивая болг. и словен. слова, кратко определял их как «темные» (Berneker I, 43), Садник и Айцетмюллер тоже приходят к неутешительному выводу (см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 237: «Nur unbefriedigende Erklärungen»), хотя авторы хорошо осведомлены в существующей литературе по этимологии слова, вышедшей после Бернекера.

***barina:** сербохорв. *bȁrina* ж. р., увелич. от *bȁra* (с XVII в., RJA, I, 186), ст.-чеш. *bařina* ж. р. 'lacuna' (XV в., Ст.-чеш.,

Прага), ср., возм., сюда же чеш. диал. *bařena* 'трещина, щель' (Kott. Dod. k Bart. 3), *bařina* 'топь, болотистое место' (Hruška. Slov. chod. 12; Kellner. Východolaš. I, 70), слвц. *barina* ж. р. 'сырое, болотистое место' (SSJ I, 72), а также, возм., диал. *bahurina* то же (Kálal 13).

Производное с суфф. *-ina* от **bara* (см.).

***bariščе:** макед. *бариште* ср. р. 'большая лужа' (И-С), сербохорв. *бäрӣште* ср. р. 'болотистое место' (РСА I, 307), чеш. диал. (мор.) *bařisko* ср. р. 'болото' (Kott I, 47).

Производное с суфф. *išče* (собир.) от **bara* (см.).

***baruga/*barǫga?:** болг. *баpýга* ж. р. 'поток', 'лужа' (Геров; Младенов БТР), 'низкий источник, обложенный камнями', 'маленький водоворот' (Стойчев БД II, 127), макед. диал. *баруга* ж. р. 'лужа' (Кон.), сербохорв. *бàруга* ж. р., увелич. от *бäра*, 'русло, по которому вода бежит от плотины на мельницу' (РСА I, 314), сюда же *бàругва* ж. р. 'водоворот, омут, куда больше всего собирается рыбы' (там же).

Суффиксальное производное от **bara* (см.). Древность образования проблематична.

***baruxati?:** чеш. диал. *barouchat* 'мять, комкать' (Bartoš. Slov. 12—13).

Представленное только в чеш. диалектах и явно экспрессивное по характеру, это образование сомнительно в отношении своей древности. Возм., из сложения приставки *ba-* и основы гл. **rušiti* (см.). Относительно природы этой приставки в глагольном сложении см. еще под **batoriti*. Ср. еще чеш. диал. (мор.) *barúchat* 'разрушать, разваливать', а также 'греметь', в кот. Махек объяснял *ba-* < **pa-* (пейоративный префикс), см. Machek 26, но с приставкой *pa-* у нас связано скорее представление об исключительно именном префиксе.

***barъ:** русск. диал. *бар* м. р. 'болото, место, непригодное для хозяйственных целей' (тверск.), 'глубокое место в море, где останавливается пароход' (арх., Филин 2, 98), укр. диал. *бар* м. р. 'мокрое место между холмами' (Гринченко I, 27).

Не совсем ясно, можем ли мы говорить о бесспорном родстве с **bara* (см.), кот. ведет себя как древний регионализм субстратного (иллир.?) происхождения. См. еще Фасмер I, 122, кот. не знал еще русск. диал. форм.

***barьje:** сербохорв. *бâрје* ср. р. 'поле под водой' (РСА I, 310), словен. *barjè* ср. р. 'болото, топь' (Plet. I. 12).

Производное с суфф. *-ьje* от **bara* (см.).

***barьnъ:** сербохорв. *бâран* прилаг. 'болотный, болотистый' (РСА I, 300).

Прилаг. производное с суфф. *-ьn-* от **bara* (см.).

***barьskъjь:** сербохорв. *bȁrskī* прилаг. 'paluster, болотистый' (RJA I, 190).

Прилаг., производное с суфф. *-ьsk-* от **bara* (см.).

***basati:** макед. *баса* 'бить, шлепать' (Кон.), сербохорв. *басати* 'бить, ударять' (РСА I, 318), диал. *ба̏сат* 'сильно ударить', 'страдать, мучиться' (Елез. I), *ба̀сати*, *ба̏сати* 'идти не глядя' (РСА I, 318), 'есть' (там же). — Неясно, относится ли сюда словен. *básati* 'напихивать, набивать' (Plet. I, 13), возм., из нем. *fassen* или близких более старых форм, см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 82; ср. еще русск. диал. *ба́сать*, *сба́сать* 'украсть', тоже объясняемое как заимствование из того же нем. *fassen* 'хватать и т. п.' (Фасмер I, 130). Неясно, далее, и отношение к **basati* болг. диал. *ба́скам* 'резать (крупными кусками), рубить' (Геров; Горов БД I, 66; Стойчев БД II, 127), ср. еще *ба́сна* то же (Геров).

Гл. **basati* в знач. 'бить, ударять' продолжает форму **bat-s-ati*, расширение на *-s-* основы *bat-*, выступающей во многих образованиях с близкими значениями. Форма с расширением *-s-* носит экспрессивный характер. См. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 81—82. Особо следует оговорить форму русск. диал. *баса́ть* 'занимать кого-либо разговорами, россказнями' (Филин 2, 128), где можно констатировать лишь *-s-*овое расширение варианта основы, представленной (с иным расширением) в **bajati* 'говорить' (см.), т. е. в данном случае — **ba-s-ati* (см. след.).

***basiti:** русск. диал. с.-в.-р. *баси́ть* 'занимать кого-либо разговорами, россказнями' (Филин 2, 130), 'толковать, калякать, болтать' (Подвысоцкий 5), 'лечить' (Е. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ XXVIII, 1892, 50; И. Солосин. Материалы для этнографии Астраханского края. Краткие сведения о говоре ахтубинских сел Царевского уезда. — РФВ LXIII, 1910, 128), *баси́ть* 'заговаривать' (Деулинский словарь 49), *баси́ться* 'лечиться' (ряз., Доп. к Опыту 6).

Расширение на *-s-* основы, представленной в **ba-j-ati* (см. **bajati*), **ba-j-iti* и родственных. См. Фасмер I, 130.

***basnica:** чеш. *básnice* ж. р. 'сказочница, сказительница' (Jungmann I, 75).

Имя деятеля ж. р., производное с суфф. *-ica* от **basnь* (см.) и соответствующее аналогичному имени м. р. **basnikъ* (см. след.).

***basnikъ:** чеш. *básník* м. р. 'поэт', слвц. *básnik* м. р. то же (SSJ I, 74), ст.-укр. *басникъ* 'знахарь, шептун, колдун' (Тимченко I, 60).
Производное с суфф. *-ikъ* от **basnь* (см.).

***basnь:** ст.-слав. басн҄ь ж. р. μῦθος, fabula 'сказка' (Apost., SJS), болг. *ба́сня* ж. р. 'басня', 'выдумка' (БТР), *басьнь* ж. р. 'басня; ложь, выдумка' (Геров), диал. *ба́сна*, *ба́сма* ж. р. 'заговор, заклинание против болезни' (М. Младенов БД III, 38), макед. *басна* ж. р. 'басня', 'заговор, заклинание' (И-С), сербохорв. *ба̏san*, род. п. *ба̏sni*, ж. р. 'fabula' (с XV в., RJA I, 192), *ба̏sna* ж. р. то же (с XVII в., также 'выдумка' 'заговор', RJA 1, 193), *ба̏sma* ж. р. 'заговор, заклинание' (там же), словен.

bâsen, род. п. *-sni*, ж. р. 'вымысел; басня', *bâsna* ж. р. то же (Plet. I, 13), стар. *basem* ж. р. 'Fabula' (Kastelec: *baiſem*), ст.-чеш. *básn*, *báśň*, *báseň* ж. р. 'вымысел, басня' (Gebauer I, 27), чеш. *báseň*, род. п. *-sně*, ж. р. 'стихотворение, поэма; басня', диал. *basňa* 'выдумка, вымысел' (Bartoš. Slov. 13), слвц. *báseň*, род. п. *-sne*, ж. р. 'поэма, стихотворение', 'выдумка' (SSJ I, 73), в.-луж. *baseń*, род. п. *-snje*, ж. р. 'рассказ, поэма, стихотворение' (Pfuhl 8), *basnja* то же (там же), н.-луж. *baśń*, *baseń* ж. р. 'сказка, поэма, стихотворение' (Muka Sł. I, 19), польск. *baśń* ж.р. 'басня; выдумка, небылица' (Dorosz. I, 371), др.-русск. *баснь* 'сказка, μῦθος; обаяние, incantatio' (Срезневский I, 45), русск. *ба́сня* ж. р. 'небольшой нравоучительный рассказ', 'выдумка, вымысел', диал. *басня* 'сказка' (Добровольский 23), ст.-укр. *басня* ж. р. 'басня, выдумка', 'предание, рассказ' (Тимченко I, 60).

Древнее слав. именное произведение с суфф. *-snь* от основы *ba-* (см. **bajati* 'говорить' и родственные). См. Berneker I, 45; Фасмер I, 131; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 120. Вместе с тем сравнение с и.-е. соответствиями показывает инновационный характер слав. производного на *-snь*, т. к. другие и.-е. языки знают только более простые именные производные от **bhā-* — на *-m-/-n-* и на *-s*: лат. *fāma*, арм. *ban*, лат. *fās*.

***basъkъjь:** русск. диал. *ба́ской* 'красивый, нарядный, прекрасный' (Подвысоцкий 4), *баско́й* 'хороший, красивый' (Куликовский 3), *баско́й*, *ба́ский* 'говорливый' (влад., костр., Филин 2, 133), *ба́ский* 'речистый, бойкий на разговор' (Опыт словаря говоров Калининской области 30), укр. *баски́й* 'резвый, ретивый, рьяный' (Гринченко I, 32), 'ретивый, резвый (о коне)' (Картотека Украинского академического словаря).

Здесь выделено особо прилаг. **basъkъjь*, словообразовательное оформление которого как самостоятельного слова (производное с суфф. *-ъk-* от основы *bas-*) представляется достаточно древним, если учесть с.-в.-р.-укр. ареал соответствий. Полезно обратить внимание на то, что это прилаг. обнаруживает как знач. 'говорливый', так и знач. 'красивый', — обстоятельство, существенное для установления этимол. связей. Сама основа *bas-* представлена в более широкой группе образований — имен и прилагательных (ср. хотя бы подборку примеров у Садник и Айцетмюллера, кот. достаточно убедительно сближают русск. диал. названия красоты, красивого — *ба̑сь*, *баса́*, *ба́сый* — с сербохорв. диал. *nàbas* 'красиво, превосходно', одновременно справедливо критикуя коми-зырянскую этимологию Фасмера, см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 127), но возраст лексического выделения этих остальных образований, их праславянская древность осталась для нас недостаточно ясной. Возвращаясь к основе *bas-*, заметим, что она нуждается в более широкой этимологической трактовке (ср. выше значения 'красивый' и 'говорливый'), почему, с одной стороны,

нельзя игнорировать сближения слав. *bas-* с др.-инд. *bhāsati* 'светит, блестит, сияет' (см. Sadnik—Aitzetmüller, там же), а с другой стороны — нельзя не учитывать связи *баса́*, *баско́й* с **bajati* 'говорить' (см. А. И. Соболевский ИОРЯС XXVII, 1924, 325), особенно же — с лат. *fās* ср. р. (**bhā-s*) 'божественный закон' и др.-инд. *bhāṣate* 'говорит', показывающими идентичное расширение. В основе всех этих лексем мы полагаем единое и.-е. **bhā-s-* (подробности о едином и.-е. **bhā-* 'говорить' и 'сиять' см. под **bajati* I, II, выше),

***bata/*bat'a/*batja:** болг. *ба́те* 'старший брат' (Георгиев), диал. *бать* м. р. 'отец, кум; старший брат' (Младенов БТР; Стойчев БД II, 127: *бат* м. р. 'кум'), *ба́к'у* м. р. 'старший брат' (Горов. Страндж. БД I, 65), сюда же диал. *ба́ко* м. р. 'старший брат', 'отец' (Младенов БТР), *ба́льо* м. р. то же (там же), далее — болг. *баща́* м. р. 'отец' (БТР), макед. *бате* м. р. 'старший брат' (И-С), сербохорв. *ба̏та* м. р., ласкат., 'брат', 'друг, приятель', 'отец, свекор, деверь', 'пожилой человек' (РСА I, 325), *ба̏то* м. р. то же, часто в знач. 'отец', далее — *bȁća* м. р. 'брат' (RJA I, 144), ст.-чешск. *bát̆a* м. р. 'брат', фамильярное обращение (Хрон. Далимила, XV в.; Ст.-чеш., Прага), чеш. *báťa* м. р., обращение к добродушному или глупому человеку, отсюда, далее, вторичные производные ст.-чеш. *batik* м. р. 'братец' (1490 г., Ст.-чеш., Прага), *batík* м. р. 'милый' (XV—XVI вв., там же; Šimek 27), *batěk* м. р. 'брат, милый' (Šimek 27), чеш. *batík* м. р. 'братец' (Jungmann I, 76), *batek*, род. п. *-tka*, м. р. 'брат' (Kott I, 50), диал. *batěk*, род. п. *-t'ka* м. р. 'маленький, коренастый парень' (Bartoš. Slov. 13), ст.-чеш. *baticě* ж. р. 'сестрица' (Gebauer I, 29), слвц. *bát'a* м. р., особенно в обращении 'известный, немолодой человек' (SSJ I, 74), 'отец, дядя, старший брат' (Kálal 18), сюда же производное *bat'ko* м. р., при фамильярном обращении, 'известный, немолодой человек' (SSJ I, 75), др.-русск. *батѧ* 'отец, pater' (только один раз, Ип. летоп. под 1161 г. Срезневский I, 45—46), а также производное др.-русск. *батько* 'отец' (Тверск. летоп. под 1160 г., Срезневский III, Доп. 8'; Гр. берест. новг. № 290, XIII—XIV вв., Картотека СДР), русск. *ба́тя* м. р. 'отец', 'священник', диал. *ба́тя* м. р. (презрит. и пренебреж.) 'отец', 'дед', 'крестный отец', 'старший брат', 'тесть', 'почтительное или ласковое обращение к старшему по возрасту', 'друг, приятель' (Филин 2, 150), вторичные производные *ба́тюшка* м. р. то же, диал. *батька* 'отец' (Добровольский 24), *бачкя* 'отец' (Труды МДК. Словарь к ответам на программу по Тамбовской губ. — РФВ LXVI, 1911, 214), ст.-укр. *батько* м. р. 'отец' (1548 г.), 'духовный отец' (Тимченко I, 61), *батко* м. р. (1562 г. там же), укр. *ба́тько* м. р. 'отец', также — почтительное приветствие пожилому человеку (Гринченко I, 33; Укр.-рос. словн. I, 37), *ба́тя*, ум. от *ба́тько* (там же. 34), блр. *ба́цька* 'отец, батюшка'.

Вынесенные в заглавие статьи формы не исключают друг друга взаимно, но являются хронологическими вариантами, из кот. **bata* — древнейший (реально засвид. в сербохорв.), остальные обнаруживают смягчение (экспрессивной природы), с наиболее законченным результатом в болг. (**batja*). Форма **bata* весьма архаична и по своим особенностям может быть поставлена в один ряд с другими простейшими названиями родства (**baba*, **papa*, **tata*, **mama*), которые характеризует двухсложность (нередко — чистая редупликация), однородный вокализм, принадлежность к экспрессивной сфере словоупотребления, как бы наделяющая их чертами ахронии. Эти особенности способствуют тому, что данная форма, будучи типологически очень древней, вместе с тем лучше всего подходит для того, чтобы подключаться к некоторым более развитым словообразовательно, тематизированным и семантически более нейтральным названиям родства на правах ум. формы. Поэтому мы имеем основания не рассматривать известную этимологию **bat'a* как деминутива от **brat(r)ъ* (см. Berneker I, 46; Machek 26—27) как последнюю досягаемую инстанцию истолкования нашего слова. Можно сказать, что мужской термин родства **bata* ʻотец, дядя, старший брат, старший, почтенный мужчина' вторично соотнесен с **brat(r)ъ* (см.). Заслуживает упоминания этимология, выдвинутая в принципе еще Соболевским, кот. сближал русск. *бáтя*, болг. *бащá* с др.-инд. *pitā*, греч. *πατήρ*, лат. *păter* (А. И. Соболевский РФВ LXIV, 1910, 149; он же ИОРЯС XXVII, 1924, 330[1]), однако совершенно излишне при этом его предположение о заимствовании славянами у скифо-сарматов. Здесь налицо озвончение (т. е. ослабление артикуляции) *p* > *b*, ср. напр. ит. *babbo* ʻпапа', при нейтральном *padre* ʻотец', экспрессивное по природе, что же касается несоответствия в вокализме между старой акутовой долготой **bata* (сербохорв. *bȁća*) и краткостью и.-е. *pətér*, то вторична как раз краткость (< **pa-ter*). Далее см. подробно, с литературой, Трубачев. Слав. терм. родства 21, 195 и след. См. еще Фасмер I, 135; Sadnik—Aizetmüller. Vgl. Wb. 4, 226; А. А. Бурячок. Назви спорідненості і свояцтва в укр. мові (Київ, 1961) 10 и след.

***batati:** сербохорв. *бȁтати* ʻбить, колотить', словен. *bâtati* то же (Plet. I, 14), др.-русск. *батати* ʻколотить tundere' (XIV—XV в., Срезневский I, 45), русск. диал. *батáть*, *ботáть* ʻбить по воде багром или батаухой для того, чтобы испугать рыбу и загнать ее в сети', ʻискать, бегая' (Филин 2, 142), *батать* ʻискать, бегать для розысков' (Бычков. Слова Валдайского у. и Владимирской губ. XLV). — Неясно, сюда ли основа болг. диал. *батѝсувам* ʻнаносить вред' (БД I, 242; II, 70).

Старая глагольно-именная основа (см. еще **batъ*, **botati* и др.), ономатопоэтическая природа которой никак, однако, не противоречит возможности определения генетических связей

с и.-е. лексикой, ср. напр. лат. *battuere* 'бить, колотить, толочь' (см. о последнем Walde—Hofm. I, 99). Специфичность слова не позволяет однозначно охарактеризовать его вокализм (итеративная долгота?). Нет никаких данных прямо соотносить **ba-tati* и **badati* (см.), вопреки Прокошу (см. E. Prokosch AJPh XXXII, 1911, 432). В близких формах встречаются отличия в вокализме, правда, неясно, насколько правильно видеть здесь апофонию в полном смысле (см. подробнее Berneker I, 46: **bhe̯uā-t-*, **bhāu-t-*, **bhu̯ā-t-*). См. еще Sadnik—Aizetmüller. Vgl. Wb. 2, 68 и след. Подробный обзор сербохорв. значений см. F. Kurelac «Rad» XV, 1871, 97.

***batica:** сербохорв. диал. *bat̂ica* 'третья часть молотильного цепа' (Skok), диал. *betîca* (Црес, M. Tentor «Razprave» I, 1950, 71), словен. *betica* 'толстый конец цепа', 'дубинка'.

Производное с суфф. *-ica* от основы, представленной в **batъ*, **batati* (см.).

***batikъ:** русск. диал. *бáтик* 'короткое древко цепа' (Сл. Среднего Урала 37), 'палка с утолщением на одном конце, использующаяся для разных целей', 'часть цепа, ударяющая по снопам; било', 'кнут' (Филин 2, 143).

Производное с суфф. *-ikъ* от основы *bat-* (см. **batъ* и особенно — **batogъ*). Древность образования трудно доказать.

***batina:** сербохорв. *бȁтина* ж. р. 'палка, fustis', 'удар, палкой', словен. *bâtina* ж. р. 'палка, дубинка, колотушка' (Plet. I, 14), чеш. диал. *batina* 'точный удар' (Hruška. Slov. chod. 12).

Суффиксальное производное на *-ina* с основой *bat-* (см. **batъ*, **batati* и др.).

***batiti(sę):** сербохорв. диал. (черногорск.) *бȁтити се* 'отскакивать, бить назад (напр. о ружье, дающем отдачу)', русск. диал. (костр., кинеш.) *бáтить* 'издавать глухой звук от удара' (Опыт 8), *бá-тúть* 'бить, стучать', 'лгать' (Филин 2, 143).

Вариант глагольной основы, близко родственный **batati* (см.).

***batjina:** болг. *бáщина* ж. р. 'отцовское наследство' 'отчизна' (БТР), макед. *баштина* ж. р. 'родовое имущество, наследство', 'родной край, родные места' (И-С), сербск.-цслав. баштина ж. р. 'hereditas' (Mikl.).

Только ю.-слав. производное с суфф. *-ina* (собир.) от **bat'a* / **batja* (см.). Сербохорв. *баштина* ж. р. 'родина', 'вотчина, имение' заимствовано из болг.

***batjinъ:** цслав. баштинъ притяжат. прилаг. πατρός, patris (Mikl.), болг. *бáщин* прилаг. 'отцовский', 'отеческий' (БТР), сербохорв. диал. *bȁćin* прилаг. притяжат. от *bȁća* 'братец' (RJA I, 144).

Притяжат. прилаг., производное с суфф. *-inъ* от **bat'a* / **ba-tja* (см.).

***batogъ:** сербохорв. *бȁтог* м. р. 'палка', 'сушеная рыба' (РСА 1, 333), также *бȁток* м. р. 'сушеная рыба' (Караџић, s. v.; РСА I, 334), ст.-чеш. *batoh* м. р. 'плетка' (XIV—XV вв., Ст.-чеш.,

Прага), чеш. *batoh* м. р. 'дорожная заплечная котомка', также диал. *batoh* м. р. (Svěrák. Karlov. 109), польск. *batog* м. р. 'здоровенная дубина', *batogi* мн. 'битье палкой' (Dorosz. I, 374), словин. *bãtŭg* м. р. 'бич, плеть' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 18), др.-русск. *батогъ* 'бич, flagellum' (Срезневский I, 45), русск. *батóг* м. р. 'палка, 'трость', 'простая из лесного дерева палка' (Подвысоцкий 5), 'бильная часть цепа', 'палка, посох' (Мельниченко 29), диал. *бадáг*, *бáдег*, *бадóк*, род. п. *-окá*, м. р. 'палка, посох, трость, хворостина; било; бич, плеть, долгий кнут на длинном кнутовище' (Даль[3] I, 92), *бадóг*, *бадок* 'вообще рычаг, толстая длинная палка' (Васнецов 10), *падóг* 'палка, посох', 'часть ткацкого станка', 'палка у молотила', 'короткая палка цепа' (Мельниченко 140), *бóдóг* м. р. 'посох, палка', 'бьющая часть цепа, било' (Филин 3, 56), ст.-укр. *батогъ* м. р. 'бич', 'палка, планка' (1688 г., Тимченко I, 61), укр. *батíг*, род. п. *-огá*, м. р. 'кнут, плеть', 'растение Scorzonera rosca', 'усы у огурцов, дынь', 'растение Chondrilla juncea L.' (Гринченко I, 32), сюда же, возм., преобразованное *патúк* м. р. 'палка, кол' (Гринченко III, 101), а также *батюга* ж. р. 'большой кнут, плеть' и *батýра* ж. р. то же (Гринченко I, 33).

Производное с суфф. *-ogъ* от основы гл. **batati* (см.). Хотя группа образований на *-ogъ* в славянском весьма своеобразна, включает ряд темных, а также заимствованных слов, далее — содержит также отыменные производные и прочие специфические случаи, относительно **batogъ* едва ли имеет смысл питать сомнения в его чисто слав. характере и отглагольности (см. выше), невзирая на известное количество затемненных вариантов (см. обзор). Относить **batogъ* к «воинской» лексике ир. происхождения (см. Moszyński. Pierwotny zasiąg 130—131) мы не можем хотя бы ввиду явной принадлежности нашего слова к аграрной, хозяйственной, бытовой (а не кавалерийской или военной) лексике. Относительно особого знач. чеш. слова см. Machek 27. Ср. еще словен. *batjàga* ж. р. 'дубинка, колотушка' (J. Kelemina ČJKZ III, 1921—1922, 35), с отличием в огласовке суффикса. Далее см. Berneker I, 46; Фасмер I, 134. На заимствовании (из финно-угорского через тюркско-булгарский) настаивает Добродомов «Этимология. 1967» (М., 1969) 253—270.

***batoriti:** слвц. диал. *bátorit'* 'шуршать, шуметь' (Habovštiak. Orav. 187), польск. диал. *botorzyć* 'лепетать (о ребенке, начинающем говорить)' (Warsz. I, 194), русск. диал. *батóрить* 'разговаривать, беседовать' (перм., Филин 2, 146). — Неясно, принадлежит ли сюда слвц. *bútorit'* 'будить' (SSJ I, 147).

Бесспорное сложение элемента *ba-* и глагольной основы *toriti*, ср. редуплицированное **tor-toriti* (см. **tortoriti*). Праслав. **toriti*, не сохранившееся в чистом виде в слав. языках, тождественно этимологически лит. *tarýti* 'говорить, произносить, выговаривать'—форме, более первоначальной сравнительно с упо-

требительным лит. *tar̃ti* в том же знач. (см. об этом Fraenkel II, 1064). Что касается элемента *ba-*, он функционирует здесь как специальный глагольный префикс, преверб, возм., близкий по знач. лит. *be-*, кот. сообщает глаголу оттенок длительности или усиления действия. Т. о., структурно и этимологически праслав. **batoriti* может отвечать лит. *betar̃ti* 'продолжать говорить, все еще говорить'. Префикс *ba-*, возм., из и.-е. **bhu̯-a-*. Образование **ba-toriti*, усвоившее черты экспрессивного глагола, известно нам в нескольких слав. языках (слвц., польск., русск.). на уровне диал. элемента лексики. До сих пор как будто не было объектом этимол. исследования.

***batъ:** болг. диал. *бат* м. р. 'стрела у весов' (Геров: *батъ*, *бжтъ*), сербохорв. *bȁt* м. р. 'дубина, колотушка, палка, clava, malleus, baculum, verber, pistillum, surculus' (с XV в., RJA I, 205), также — определенная мера земли (Влаjинац II, 152), словен. *bât* м. р. 'дубина; жезл; (деревянный) молоток, колотушка', 'початок' (Plet. I 14), чеш. *bat* 'палка' (Kott I, 50), польск. *bat* 'кнут' (Warsz. I, 104), русск. диал. *бат* м. р. 'полый железный конус на длинном шесте, которым ударяют по воде во время рыбной ловли, чтобы испугать рыбу; прут' (Филин 2, 139), 'долбленое сосновое или осиновое корыто с прибитыми по бокам для устойчивости бревнами' (Куликовский 3), 'лодка, выдолбленная из толстого дерева' (Сл. Среднего Урала 37), (сиб., камч.) 'лодка, обычно небольших размеров, выдолбленная из целого ствола дерева; однодеревка', мн. (волог., перм., сиб.) 'два (иногда три) соединенных вместе долбленых корыта или колоды, использующиеся вместо лодки, парома' (Филин 2, 139), укр. диал. *бат* 'батог' (А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської обл. Одеса, 1958, 16).

Обратное образование от гл. **batati* (см.), сохраняющее характерный для последнего вокализм. См. Machek 26: «Postverbale od batati». Нельзя, конечно, не считаться с формами, кот. допускают другой древний вокализм (или влияние этого другого вокализма), ср. цслав. бѫтъ 'скипетр', словен. *bə̀t* 'дубина', др.-серб. *бьть* (первые две формы взяты у Г. А. Ильинского ИОРЯС XXIII, 1921, 209; о др.-серб. форме XIV в. см. Г. Шкриванић HJ VII, 1955). Но едва ли подходит для всех наших примеров в целом предлагаемая Ильинским (там же) этимологизация из и.-е. **bheut-* 'надуваться'. Совершенно конкретная словообразовательно-морфол. характеристика слова **batъ* (см. выше) не позволяет, впрочем, также последовать за Айцетмюллером, когда он оспаривает древнее значение 'бить' (см. Berneker I, 46) и, наоборот, считает древним и основным знач. 'расти, растение', а эволюцию формы представляет себе как **bheu-* > **bhuət-* > праслав. **bvot-* > **bat/-* / **bot-* (R. Aitzetmüller ZfslPh XXII, 1954, 363—367; см. еще Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 72, 74). Это слишком широкая трактовка этимол. связей; думается, что о другом

говорят сближения праслав. **batъ* 'дубина' и прежде всего — праслав. **batati* 'бить' с галльско-лат. *battuo* 'бить', лат. *fatuus* 'глупый' < '*пораженный глупостью' < и.-е. **bhāt-* (см., напр., E. H. Sturtevant «Language» 3, 1927, 119—120).

См. еще Brückner 18; Sławski I, 28 (обращает на себя внимание поздняя дата появления *bat* в польск. письменности: XVIII в.); Фасмер I, 133 (автор специально указывает на ненадежность старого сближения с лат. *con-fūtō* 'сваливать, сбивать', *rē-fūtō* 'опровергать', предпочитая сравнение **batъ*, **batati* с кимр. *bathu* 'бить' и галльско-лат. *battuere* 'бить').

***bava:** русск. диал. *бава* ж. р. 'довольство' (ряз., Доп. к Опыту 4), *бáва* 'забава, игрушки; довольство, достаток, обилие' (Даль[3] I, 89), блр. *бáва* ж. р. 'разговор, беседа' (Байкоў—Некраш. 40), диал. *бáва* ж. р. 'долгая беседа' (Бялькевіч. Магіл. 80), 'забава, потеха' (Сцяшковіч. Грод. 42).

Праслав. диал. **bava*, реконструируемое на основе этих вост.-слав. примеров, может быть весьма старым глагольным именем, соотносимым с гл. **baviti* (см. подробно это последнее, там же и о характере отношений **bava*: **baviti*). Обращает на себя внимание известная архаичность и самостоятельность значений имени — 'довольство, достаток, обилие' и лишь отчасти — 'забава, игрушки' и под., что замечательно, если учесть почти полное возобладание в русск. языке продолжений приставочного **zabaviti (sę)* (см.) с семантикой 'забавлять, развлекать' (семантика, близкая к знач. 'довольство', косвенно отражена также в приставочных **dobaviti*, **pribaviti*). Знач. и форма **bava* 'довольство, достаток' делают возможным объяснение этого глагольного имени как производного с удлинением гласного от основы наст. врем. несупплетивного гл. **bovǫ*, **byti*, ср. **trava* : **trovǫ*, **truti* (см.). Не исключена, далее, возможность поисков и.-е. истоков этих отношений, во всяком случае можно принять, что праслав. диал. **bava* продолжает и.-е. **bhōu̯ā* ж. р., ср. др.-инд. *bhāváḥ* м. р. 'становление, бытие', нем. *Bau* 'строение', лат. *favus* м. р. '(пчелиный) сот с медом' < **fovos* < и.-е. **bhŏu̯os* (см. о них Walde—Hofm. I, 469; Mayrhofer II, 485; Pokorny I, 146 и след.). Фасмер (I, 101) говорит о *-бава* только в составе сложного *забáва*, не упоминая наших случаев свободного употребления *бава*.

***bavežь:** болг. *бавéж* м. р. 'промедление, задержка' (БТР), макед. *бавеж* м. р. то же (И-С).

Производное имя с суфф. *-ežь* от гл. **baviti* (см.). Не исключено позднее местное образование.

***baviti (sę):** болг. *бáвя* 'медлить', 'задерживать', 'забавлять' (БТР), диал. *бáвę* 'мешать кому-нибудь', *бáвę се* 'задерживаться' (Горов. Страндж. БД I, 65), *бáв'ъ* 'задерживать кого-нибудь' (Колев БД, III, 294), *бáва се* 'терять время, задерживаться' (М. Младенов БД III, 37), *бáвим съ* 'оставаться, задерживаться дольше на одном месте' (М. Младенов. Говорът на Ново село, Видинско

208), макед. *бави* 'медлить; оттягивать, тянуть' (И-С), сербохорв. диал. *ба̏вит* 'опаздывать, задерживаться' (Елез. I), *ба̏вити се* 'задерживаться', словен. *báviti se* 'заниматься', 'задерживаться' (Plet. I, 14), чеш. *baviti* 'развлекать, интересовать; отнимать время'; *baviti se* 'коротать время, развлекаться', диал. *bavit* 'мешать в работе', *bavit se* 'медлить' (Bartoš. Slov. 13), слвц. *bavit'* 'развлекать; интересовать', 'отнимать время, задерживать', *bavit' sa* 'развлекаться, забавляться', 'задерживаться' (SSJ I, 75), польск. *bawić* 'забавлять', 'пребывать', *bawić się* (Dorosz. 1, 378—379), словин. *bǎ̄vjĭc* 'задерживать', 'занимать, забавлять' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 18), русск. диал. *бáвить* 'мешкать, делать что-нибудь не скоро' (псковск., Доп. к Опыту 4), 'говорить' (Псковский областной словарь 1, 89; Филин 2, 31), *бáвиться* 'мешкать, задерживаться', диал. *бáвиться* 'медлить' (Добровольский 20), 'с трудом обходиться, кое-как перебиваться' (Деулинский словарь 48), ст.-укр. *бавити* 'оставаться', 'медлить, проводить время', 'задерживать', 'заниматься чем-либо' (Тимченко I, 46), *бавитися* 'задерживаться, оставаться', 'заниматься чем-либо, увлекаться', 'забавляться' (там же), укр. *бáвити* 'забавлять, развлекать', 'удерживать, задерживать' (Гринченко I, 15), 'замедлять, задерживать', 'забавлять' (П. Білецький-Носенко. Словник укр. мови 48), 'развлекать', 'проводить время', 'тратить', 'пройти, миновать' (Картотека Украинского академического словаря), 'задерживать', 'играть' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 64), блр. *бáвiць* 'занимать, тешить, задерживать; мешкать' (Байкоў—Некраш. 40).

Обычно соотносят с **byti* (см.) как его каузатив. См. Berneker I, 47; Machek 27 (толкует как старый фактитив-каузатив к *byti*, выступающий в этой роли в слав. языках обычно только в сложениях с *jьz-*, *za-*, *do-*; простое *baviti* 'amuser' автор склонен расценивать как вторичное, депревербализованное); Георгиев БЕР I, 24; Sławski I, 28; Фасмер I, 101; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 101—103. В последнее время см. специально Z. Gołąb. The Grammar of Slavic Causatives (=«American contributions to the Sixth International congress of slavists». Prague, 1968. Preprint) 9, кот. указывал, что каузатив *baviti* построен на предполагаемом презентном **bovǫ* (к *byti*), соответствующем др.-инд. *bhávati* (ср. J. Kuryłowicz BPTJ XVI, 101). Вокализм каузатива *a* получен продлением: *ō* < *o*. Т. о., соотношение презентной и каузативной основ имеет вид на и.-е. уровне как **bheu̯e-*: **bhou̯ei̯e-*, на праслав. уровне — как **bove-*: **bavi-* ср. др.-инд. каузатив *bhāvā́yati*.

Однако серьезного внимания заслуживает отличная точка зрения на **baviti*, высказанная, напр., Брюкнером: «od **bawa*, *zabawa*, a to od *być* (jak *sława od słyć*)» (Brückner 18). Иными словами, соотносимое на практике с *byti каузативное **baviti* построено в действительности на имени **bava* подобно тому, как

*****traviti* (кауз. к **truti*) построено на **trava*, а **slaviti* (:**slyti* / **sluti*) — на **slava*. Выше мы приводим конкретные, живые продолжения праслав. **bava* (см.), а также доводы в пользу древности последнего имени. Если праслав. **bava* имеет близкие параллели в др.-инд. *bhāvá-* и др. (см. **bava*), то параллелизм праслав. **baviti* и др.-инд. bhāvayati, принимаемый практически всеми авторами, носит скорее иллюзорный характер, на что указывалось также в соотв. дополнении к русскому изданию словаря Фасмера, вслед за Куриловичем, кот. пишет об этом: «Вокализм *ā*, получивший в индо-иранском функцию древней ступени *ŏ*, нельзя отождествлять с балто-славянским вокализмом *ā*, германским *ō*, которые часто обретают ту же самую функцию. Неправильно делают вывод о непосредственном фонетическом родстве таких форм, как ст.-слав. бавити 'избавить, спасти' и др.-инд. *bhāvayati* 'рождает, производит', ст.-слав. славити 'славить' и др.-инд. *śrāváyati* 'произносит', авест. *srāvayeiti* 'возвещает', ст.-слав. плавити 'заставлять плыть' и др.-инд. *plāvayati* то же, ст.-слав. гравити 'гареге' и др.-инд. *grāhayati* (кауз.), ст.-слав. парити 'парить, летать' (герм. *fōrjan* 'вести') и др.-инд. *pāráyati* 'вести'» (J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, 325).

Траутман приводит в своем балто-слав. словаре праформу **bō-veịō* как балто-слав. каузатив к гл. 'быть', но он не в состоянии назвать балт. соответствий (см. Trautmann BSW 41). Брюкнер с полным правом говорит об отсутствии соответствий слав. **baviti* в лит. (см. Brückner, там же). Балтийский не знает ни архаичного праслав. **bava*, ни инновационного **baviti*.

***bavǫtъka:** русск. диал. *баўтка* ж. р. 'прибаутка, побасенка, присказка' (Даль[3] I, 138).

Производное с суфф. *-ъka* от основы старого, нейотированного прич. **bavǫt-* (см. **baviti*, **bava*).

***bavьnъ(jь):** болг. *бáвен* прилаг. 'медленный' (БТР), также диал. *бавен* то же (М. Младенов БД III, 37), макед. *бавен* то же (И-С), чеш. *bavný* прилаг. 'занимательный' (Jungmann I, 80).

Прилаг., производное с суфф. *-ьn-* от основы гл. **baviti* (см.).

***bazaniti?:** русск. диал. *базáнить* 'говорить напыщенно, свысока; иногда употребляется в значении лести' (В. Шевляков. Местные слова города Тотьмы (Вологодской губ.). — ЖСт. IX, 1899, 139), 'сильно кричать' (Васнецов 10—11), 'кричать, плакать с криком' (Мельниченко 27), 'стрекотать, перебивать чужую речь' (Богораз 21), 'хвастать' (Куликовский 3), 'реветь, кричать, горланить' (Подвысоцкий 3), *базáнить*, *базóнить* 'плакать, реветь', 'кричать, громко петь', 'буянить, шуметь, стучать', 'громко лаять, мычать' (Сл. Среднего Урала 1, 30).

Бесспорно экспрессивный характер слова сказался и на его значениях (из них преобладают 'сильно кричать', 'громко петь'

и под., отмеченные экспрессией) и на форме, чем объясняется условность нашей заглавной реконструкции. Конечная этимология не оставляет сомнений: основа *ba-, родственная *bajati, *basnь (см.) и др. Конкретная словопроизводная связь несколько менее ясна: деноминатив от имени деятеля (ср. русск. диал. *базáн* 'крикун', см. Фасмер I, 105) или экспрессивное фонетич. преобразование *bazniti? — Ср. *bazliti, *bazlo.

***baziti:** русск. диал. *бáзить* 'громко кричать, плакать, ругаться' (Мельниченко 27).

Экспрессивное расширение (*ba-z-iti) основы, представленной в *bajati I, *bajiti, *basnь (см.).

***bazliti:** русск. диал. *базлúть* 'реветь, кричать' (влад., Доп. к Опыту 4), 'врать' (Куликовский 144).

Производное на *-iti* от *bazlo (см.). Ср. еще *bazaniti, *baziti (см. выше). В целом возраст этих экспрессивных образований проблематичен.

***bazlo:** русск. диал. *базло* 'крикун', 'горло, широкое горло' (Мельниченко 27), 'горло, глотка', 'крикун', 'врун, обманщик', 'злой человек', бранно о стариках (Филин 2, 50).

Это экспрессивное слово с невыясненной историей неоднократно относилось исследователями к праслав. лексике и даже дало повод к этимол. дискуссии, см. N. Jokl AfslPh XXVIII, 1906, 8 (для обоснования своего закона деназализации в праслав. языке неудачно этимологизирует как сложение приставки *ob-* и основы гл. *jęti*); J. Charpentier AfslPh XXIX, 1907, 9 (выступив с критикой упомянутого закона Йокля и в частности по этимологии слова *базло*, предложил не менее сомнительную этимологию из и.-е. *bhā(u̯)ĝ(h)lom, сблизив с лат. *faux* 'пасть, глотка, горло'); см. затем антикритику автора названного закона: N. Jokl AfslPh XXIX, 1907, 29. Разбором нашего слова занимался также Ильинский, кот. справедливо указал на то, что русск. *базло* стоит в одном ряду с многочисленными глаголами и прочими словами с корнем *баз-* 'кричать', ср. русск. *базáнить*, *базлить*, *базланить*, *базан*, *базлан*, *базел* и др.; *баз-* есть расширение и.-е. *bha- 'говорить' формантом *ĝ*, куда автор относит также греч. βάζω 'говорить, болтать' < *βαγι̯ω (Г. Ильинский РФВ LIX, 1908, 430—432). Далее см. Berneker I, 47; A. Brückner IF XXIII, 206—219 (цит. по: RS II, 1909, 232—233); особенно обстоятельно см. Фасмер I, 106.

***bazovъjь:** н.-луж. *bazowy* 'бузинный' (Muka Sł. I, 21).

Производное с адъективным суфф. *-ov-* от *bazъ (см.).

***bazuriti:** русск. диал. *базýрить* 'жить обманом, плутовать' (пск., осташк., твер., Филин 2, 51). Топоров (Сб. в честь С. Б. Бернштейна 450 и сл.) гипотетически выделяет праслав. диал. *bazuriti или, скорее, *obazuriti, заимств. из ир. *abi-zūr-/*aba-zūr-, ср. авест. *zūrah-* 'несправедливость', 'обман'. Там же привлекается слав. *baduriti, о кот. иначе см. выше.

***bazъ:** н.-луж. *baz* м. р. 'бузина Sambucus nigra' (Muka Sł. I, 21), русск. диал. *бас* м. р. 'бузина' (курск., Филин 2, 127). — Ср. сюда же, судя по вокализму, укр. диал. *базни́к* 'сирень' (Г. Ф. Шило. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957, 240), *базни́к* м. р. 'собачья бузина Sambucus ebulus L'., 'сирень Syringa vulgaris' (Гринченко I, 20).

Обычно принято считать, что слав. языки сохранили и.-е. огласовку **bhəuĝ-* (откуда праслав. **buzъ*, **buzina*, см.) и **bhuĝ-* (откуда — широко распространенное праслав. **bъzъ*, см.), тогда как об отражении в слав. главного варианта древнего и.-е. названия бука — **bhāĝ-* — или ничего не говорится или упоминается с сомнением. См. Berneker I, 111, s. v. *bъzъ*: «. . .**bhā(u)ĝ-* in: gr. φηγός, dor. φāγός 'Eiche'; lat. *fagus* 'Buche'; aisl. *bōk*, ahd. *buohha* 'Buche'; got. *bōka* 'Buchstabe' (bei Caesar: silva *Bācenis*); (schwerlich in klr. *baznýk*; slk. *baza*?)». Между тем если слвц. *baza*, действительно, скорее восходит к **bъza* (см. Berneker, там же, выше; ср. еще двусмысленные болг. диал. *база́к* м. р. 'бузина Sambucus ebulus', см. Илчев БД I, 185; ср. далее болг. диал. *базани́к*, *базанóк*, см. Стойчев БД II, 126; *базóвина* ж. р. 'Sambucus nigra', Илчев, там же), то производное укр. *базни́к*, а также н.-луж. *baz* и особенно — русск. диал. *бас* 'бузина' (см. выше), не нашедшее пока доступа в этимол. словари, продолжают праслав. **bazъ*, кот. ценно для нас своим прямым соответствием вокализму и.-е. **bhāĝos*, единственной достоверной реконструкции и.-е. названия бука. См. Pokorny I, 107—108, кот. приводит греч., лат., галльск., герм. формы, точно указывающие на общее и.-е. **bhāgos*, а реконструкцию вариантов **bhāug-*, **bhəug-*, **bhūg-* называет «крайне невероятной». Очевидно, в отношении праслав. **baz-*: **bъz-*: **buz-* отразились какие-то вторичные перестройки, однако это еще надлежащим образом не исследовано наукой. Из литер. см. Brückner 22 (автор обращает внимание на то, что польск. *bez*, диал. *bezd*, обозначает два совершенно разных кустарниковых растения — бузину и сирень, кот. объединяет такое свойство, как сильный запах, откуда мысль о происхождении от *bździeć* и родственных); Machek 31 (с полезным наблюдением о возможных табуистических мотивах изменчивости формы **bъzъ*, **buz-* и т. д., ср. суеверия, связанные с бузиной и чертом, у поляков), Moszyński. Pierwotny zasiąg 60; Фасмер I, 233 (: *бузина́*, там же указана предшествующая литер.).

***bažati:** слвц. диал. *bažat'i* 'жаждать' (Matejčík. Východonovohrad. 122), русск. диал. *бажа́ть* 'очень хотеть чего-нибудь, сильно желать' (Опыт 5), 'желать, иметь склонность, любить, ласкать' (Куликовский 2), 'искренно, сердечно любить', 'усиленно просить, ублажать' (Подвысоцкий 3), *бажа́ць* 'пламенно желать чего' (Добровольский 20), ст.-укр. *бажати* 'хотеть' (1675 г., Тимченко I, 50), укр. *бажа́ти* 'сильно желать, хотеть' (Гринченко I,

19), блр. *бажáць* 'сильно желать, просить' (Носов. 12), 'хотеть' (Расторгуев. Северск.-блр. 140).

Словообразовательный вариант, представляющий собой, по всей вероятности, *j*-овое расширение **bagati* (см.: там же и относительно этимологии; см. еще **bažiti*, ниже).

***bažina:** ст.-чеш. *bažina* ж. р. 'очень сырая местность' (1490 г., Ст.-чеш., Прага), чеш. *bažina* ж. р. 'сырая, болотистая местность,' польск. *bażyna* ж. р. 'растение Empetrum' (Dorosz. I, 384).

Если перечисленные чеш. и польск. слова не представляют собой результат нередкого в этих языках смешения исконного *ž* и первоначального *ř*, т. е. *r* палатализованного (см. в этом случае **barina*, **bara*, выше), то, очевидно, мы имеем дело с суффиксальным производным на *-ina* от основы **bag-* (см. **bagno*, **bagnъ*, **bagy*).

***bažiti:** ст.-чеш. *bažiti* (конец XIII в.; ... pověsti světských i škodných *nebaʃiti*. Ст.-чеш., Прага), чеш. *bažiti* 'сильно желать', возможно, сюда же диал. *baščit* 'много и жадно есть' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 20), слвц. *bažit'* 'очень хотеть, стремиться' (SSJ 1, 77), русск. диал. *бажúть* 'очень хотеть чего-нибудь, сильно желать' (Опыт 5; Васнецов 10), 'по поверью, с помощью колдовства насылать несчастья на других' (Сл. Среднего Урала I, 30), *бáжить* 'ласкать, лелеять' (Картотека Печорского словаря), ст.-укр. *бажити* 'хотеть, желать, жаждать' (1758 г., Тимченко I, 50), укр. *бажúти* 'жаждать, сильно желать' (Гринченко I, 19). — Сюда же ст.-польск. пример cosz mu *się zábáżyło* (Лексикон Кнапского, 1641 г., см. A. Brückner AfslPh XI, 1888, 122).

Несмотря на то что следы основы **bag-*, первонач. каузатива к **běg-*, реальны в слав. (см. специально **bag(ъ)rъ* II, выше), не кажется вероятным стремление некоторых лингвистов отнести сюда также слав. **bažiti*. См. W. Osten-Sacken IF XXII, 312 и след., 340 (автор выдвинул объяснение **bažiti* как каузатива к ст.-слав. бѣжати); аналогично см. Z. Gołąb. The grammar of Slavic causatives (= «American contributions to the Sixth International congress of Slavists». Prague, 1968) 14. Наиболее распространено толкование праслав. **bažiti* из. и.-е. **bhōg-* 'жечь, жарить', см. Berneker I, 38; Фасмер I, 104—105; см. также подробно **bagati*, далее — **bagnǫti*, **bagt'i*. Предположение о метатезном происхождении (Machek 28, вслед за Петерссоном) проблематично.

***bažǫtъka:** русск. диал. *бажýтка* общ. р. 'желанный, милая' (Даль[3] I, 94), 'милый, любимец, желанный, голубчик (о ребенке)' (пск., тверск., Филин 2, 46).

Именное производное с суфф. *-ъка* от основы старого прич. **bažǫt-* от **bažati* (см.). Ср. еще **bagǫtьnъjь* (см.).

***bebrěnъ:** др.-русск. *бебрѣнъ* 'бобровый, fibrinus' (Слово о полку Игореве, Срезневский I, 47), ср. еще Иос. Флав. VII, 5, 4: въ ризахъ *бъбрянахъ* ἐν ἐσθήσεσιν σηρικαῖς (Мещерский УЗ ЛГПИ 198, 1956, 5—6).

Прилаг., производное с суфф. *-ěn-* (и.-е. *-ēn-*) от **bebrъ* (см.). Другие слав. языки не знают такой формы, употребляя обычно прилагательные, восходящие к праслав. **bobrovъjь* (см.). Праслав. диал. **bebrěnъ*, восстанавливаемое на основе только др.-русск. свидетельства, имеет, с другой стороны, довольно широкий круг соответствий за пределами слав. языков в виде целого ряда *-n*-овых прилагательных от местных продолжений и.-е. **bhebhr-*. Так, для праслав. **bebrěnъ* можно назвать параллелизмы в авест. *bawraini-*, лат. *fibrīnus* 'бобровый', вольск. *Fibrēnus*, гидроним, галльск. *bebrinus*, лит. *bebrinis*, др.-в.-нем. *bibirīn* 'бобровый' (формы цит. по: Fick[3] I, 157; Pokorny I, 136—137). На древность соединения **bebrъ* (или его предшественника) с *-n*-овым суффиксом может указывать наличие аналогичных производных от нередуплицированного и.-е. **bher-*, напр. греч. φρύνη 'жаба, лягушка'. См. еще Berneker I, 47, Фасмер I, 141 (и тот и др. только упоминают без комментариев). Иначе толкует др.-русск. слово Мещерский (там же; см. он же «Труды Отд. др.-русск. литер.» XIV, 1958, 43—44). Считать др.-русск. *бебрѣнъ* обычным производным на *-ěnъ* (см. A. Vaillant BSL 59, 1964, 141) едва ли целесообразно, принимая во внимание хотя бы его реликтовый, изолированный и бесспорно древний характер, наряду с отличным и тоже древним, сформировавшимся на *-u*-основе прилаг. **bobrovъjь*.

***bebrina:** сербохорв. *Bȅbrina* ж. р., название трех сел в Славонии (RJA I, 218), в.-луж. *běbrina* 'мясо бобра' (Pfuhl 10).

Производное с суфф. *-ina* от основы имени **bebrъ* (см.).

***bebrovьna:** в.-луж. *běbrownja* ж. р. 'жилище бобра' (Pfuhl 10). — Ср. сербохорв. *Bebrevnica* ж. р., название села в Хорватии (XIII в., RJA I, 218).

Производное с суфф. *-ьna* от основы прилаг. **bebrov-* (см. **bobrovъjь*, с отличием в корневом вокализме).

***bebrъ:** сербск.-цслав. бебръ м. р. κάστωρ, fiber (Mikl.), болг. *бе́бер* м. р. 'бобр Castor fiber' (Младенов БТР, Георгиев), словен. *béber*, род. п. *-bra*, м. р., *bréber*, род. п. *-bra*, м. р. 'бобр' (Plet. I, 15, 54), в.-луж. *běbr* м. р. 'бобр' (Pfuhl 10), др.-русск. *бебръ* 'бобр fiber, castor', 'бобровый мех' (Срезневский I, 47; III, Доп. 8').

Название бобра известно в нескольких вариантах, восходящих к праслав. периоду, ср. еще **bobrъ*, **bьbrъ* (см.). Древность всех этих огласовок подтверждается еще тем обстоятельством, что каждая из них обнаруживает соответствия также за пределами слав. языков. Правда, характер, масштабы и распространение этих соответствий позволяют наметить некоторые возможные хронол. отличия между ними. Так, соответствия праслав. **bobrъ* (см.) не идут дальше балтийского, ср. лит. *bãbras* 'бобр' и др. (см. К. Буга РФВ LXVII, 1912, 234), и это говорит скорее в пользу относительно поздней природы праслав. **bobrъ*, но оно,

с другой стороны, сохранило древнюю *-u*-основу и географически представлено в слав. языках весьма широко. Последнего нельзя сказать о варианте **bьbrъ* (см.), хотя для него можно предполагать значительную древность, ср. реликтовый характер отражений балт. **bibrus* в др.-прусск. ономастике (*Bybir*, *Biber*, *Biver*, *Bibra*, см. Буга, там же), как, впрочем, и соответствия в ряде других и.-е. языков, ср. ниже герм., итал., кельт. примеры, кот. могут отражать как **bhebhru-*, так и **bhibhru-*.

Имеются все основания считать праслав. **bebrъ* более старой огласовкой сравнительно с **bobrъ*. Об этом ясно говорит, напр., то, что в польск. языке название животного в форме **bebrъ* неизвестно, тогда как последняя огласовка еще выступает в древнем польск. гидрониме *Biebrza* (см. A. Brückner KZ XLVIII, 1918, 213). О том же свидетельствуют и.-е. соответствия: лит. *bẽbras*, *bebrùs* 'бобр', лтш. *bebrs*, др.-прусск. *bebrus*, др.-в.-нем. *bibar* 'бобр', др.-англ. *beofor*, корн. *befer*, лат. *fiber* 'бобр'. См. в основном уже А. Будилович. Первобытные славяне I (Киев, 1878), 192; Miklosich 8; Berneker I, 47; Vondrák. Vgl. slav. Gr. I, 498; Brugmann. KVGr. 152; R. Trautmann BSW 28—29; Walde — Hofm. I, 490—491; Specht. Der Ursprung 120; Kluge[15] 75; Pokorny I, 136; Фасмер I, 141, 180—181; Fraenkel I, 38; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 150—151; Р. Эккерт ВСЯ IV, 108—109. Давно убедительно показано, что **bebrъ* восходит к первонач. цветообозначению в редуплицированной форме и.-е. **bhe-bhr-u-s*. Древнее знач. хорошо сохранено в др.-инд. *babhrú-* 'бурый, коричневый' (см. Mayrhofer II, 409).

***bebrъkъ:** в.-луж. *běbrk* м. р. 'маленький бобр, бобренок' (Pfuhl 10).

Производное с суфф. *-ъkъ* от основы *bebr-* (см. **bebrъ*) или точнее — с суфф. *-k-* от *-u*-основы *bebrъ-*, ср. др.-инд. *bábhruka-* м. р. 'ихневмон' от *babhru-*.

***bečati:** сербохорв. *бе́чати* 'мычать', 'кричать' (РСА I, 528), словен. *béčati* 'блеять (об овцах); кричать, хныкать' (Plet. I, 15), в.-луж. *blečeć*, н.-луж. *bjacaś* 'мычать, блеять' (Muka Sł. I, 39), чеш. *bečeti* 'блеять', диал. *bečat* 'плакать' (Malina. Mistř. 9), *bečat'* то же (Bartoš. Slov. 14), *bečet* 'мекать, блеять, мычать' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 21), сюда же чеш. диал. *bečít* то же (Hruška. Slov. chod. 12), слвц. диал. *bečat'* (Habovštiak. Orav. 278), польск. *beczeć* 'блеять (об овце, козе)' (Dorosz. I, 390), русск. диал. *бецать* (новг., Филин 2, 285), ст.-укр. *бечати* 'блеять' (Тимченко I, 88); сюда же примыкает русск. диал. *бяча́ть* 'блеять (об овце)' (Филин 3, 360).

Звукоподражат. глагол, фонетический вариант **bekati* (см.).

***bedra:** ст.-слав. бєдра ж. р. μηρός, femur 'бедро' (Psalt., SJS), сербск.-цслав. бєдра ж. р. μηρός, femur (Mikl.), сербохорв. *бȅдра* ж. р. 'бедро', словен. *bédra* ж. р. 'бедро' (Plet. I, 16), ст.-чеш. *bedra* ж. р. 'бедро, ляжка', 'пах', 'поножи' (Gebauer I, 33; Šimek 27), польск. диал. *b'edra* ж. р. 'бедро' (Olesch, S. Annaberg 9),

др.-русск. *бедра* 'верхняя часть лядвеи' (Срезневский I, 47), русск. диал. *бедрá* ж. р. 'верхняя половина всей ноги; часть от таза до колена; лядвея, ляжка' (Даль[3] I, 144).

Старый словообразовательно-морфол. вариант ж. р. к **bedro* (см.; там же подробно об этимологии). Легкость, с кот. варьируют **bedra* и **bedro* в разных слав. языках, наводит на мысль о первонач. адъективной природе образования.

***bedratъ(jь):** словен. *bedràt* прилаг. 'широкобедрый, с большими ляжками' (Plet. I, 16), в.-луж. *bjedraty* (Jakubaš), укр. *бедрáтий* 'широкобедрый, с развитыми бедрами' (Гринченко I, 36).

Прилаг., производное с суфф. *-at-* от основы *bedr-* (см.* *bedro*).

***bedrenica/*bedrьnica:** макед. *бедреница* ж. р. 'бедренная кость' (Кон.), сербохорв. *бѐдреница* ж. р. 'болезнь крупного рогатого скота, свиней, lumbago', 'бок чего-либо (кровати, ткацкого станка)' (РСА I, 377), 'бедренец Pimpinella saxifraga' (там же, I, 378), диал. *бѐ̑дрница* 'болезнь скота' (Елез. I), *бѐ̑дреница* 'кривая деревянная часть седла сзади' (Vuk. 380), словен. *bedrníca* ж. р. 'das Darmbein' (Plet. I, 16). — Ср. еще сербохорв. *бѐдриница* ж. р. 'прострел, lumbago', 'бедренец Pimpinella saxifraga'.

Производное с суфф. *-ica* от основы прилаг. **bedren-*/**bedrьn-* (см. **bedrьnъjь*/**bedrenъjь*, ниже), по сути — субстантивация упомянутого прилагательного.

***bedrenikъ/*bedrьnikъ:** сербохорв. *bedrenik* м. р. 'растение Pimpinella' (RJA I, 223), 'болезнь Bacillus anthracis', 'бедренец Pimpinella saxifraga' (РСА I, 377), словен. *bédrnik* м. р. 'бедренец Pimpinella' (Plet. I, 16), ст.-чеш. *bedrník* м. р. то же (Gebauer I, 33; Ст.-чеш., Прага), также *vedrník* (Ст.-чеш., Прага), чеш. *bedrník* м. р. 'растение Pimpinella', слвц. стар. *bederník* м. р. 'растение Pimpinella major' (SSJ I, 78), диал. *bebrník* то же (Kálal 19), ст.-польск. *biedrnik* 'бедренец' (Sł. stpol. I, 86), укр. диал. *бэдрэник* м. р. 'Potentilla anserina L., гусиная лапка' (Д. А. Бейлина. Материалы для Полесского ботанического словаря. «Лексика Полесья». М., 1968, 415).

Ю.-слав. свидетельства вызывают у исследователей сомнения, см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 262, где прямо указано на русск., чеш. или польск. происхождение словен. формы; правда, в отношении сербохорв. слова эти авторы не совсем точны, когда они утверждают, что примеры не встречаются раньше XIX в. и связаны с формированием естественно-научной терминологии в XIX в. Но сербохорв. *bedrnik* есть уже у Стулли, что практически фиксирует наличие его в языке XVIII в., задолго до систематической деятельности по формированию названной научной терминологии. См. еще А. Будилович. Первобытные славяне I (Киев, 1878), 72.

Острый запах и жгучий вкус растения оправдывали бы, с нашей точки зрения, этимологию, ранее игнорировавшуюся исследователями: производное от первоначально адъективного **bedrъ*,

образования с суфф. *-r-* (ср. **xytrъ* и под.) от глагольной основы **bed-*, ср. **bodǫ*, **bosti* (см.), а в отношении ступени вокализма — лит. *bedù*, *bèsti* 'колоть'. Только в этом и ни в каком другом смысле может пониматься опосредствованное родство с **bedra*, **bedro* 'бедро' (см.). Подробнее см. след. статью.

***bedrenьсь/*bedrьnьсь:** сербохорв. *bȅdrinac*, род. п. *bȅdrînca* м. р. 'растение Pimpinella' (RJA 1, 223), *бѐдренац*, *бедре́нац*, род. п. *-нца*, м. р. (РСА I, 347), словен. *bedrênec*, род. п. *-nca*, м. р. 'растение Pimpinella' (Plet. I, 16), *bedrînec*, род. п. *-nca*, м. р. (там же), польск. *biedrzeniec*, *wiedrzeniec* 'бедренец Pimpinella' (Warsz. I, 148), русск. *бедрене́ц* 'Pimpinella saxifraga' (Даль[3] I, 144), диал. *бедря́нец*, род. п. *-нца*, м. р. 'лекарственное степное растение' (донск., Филин 2, 178), ст.-укр. *бедренецъ*, *бедринецъ* м. р. то же (Тимченко I, 65), укр. *бедри́нець*, род. п. *-н'ця*, м. р. 'растения Pimpinella saxifraga, Peucedanum cervaria' (Гринченко I, 37). — Сюда же производное от той же исходной формы слвц. *bederenček* с тем же знач. (Kálal 20).

Мы этимологизируем название лекарственного растения Pimpinella saxifraga, обладающего резким запахом и жгучим вкусом, как суффиксальное производное на *-en-ьсь/-ьn-ьсь* от более древнего *-r-*производного **bedrъ*, функционально и структурно понимаемого нами как прилаг. от глагольной основы **bed-/*bod-*, ср. праслав. **bodǫ*, **bosti* 'колоть' и родственные (см. еще близкое **bedrenikъ/*bedrьnikъ*). Этими броскими качествами бедренец давно обратил на себя внимание (в качестве некоторой семантич. аналогии здесь можно указать на лат. эпитет *saxifraga* 'ломающая камни', придаваемый обычно лат. названию бедренца и калькированный в русск. научной терминологии, ср. *бедренец* камнеломковый). Родство названий бедренца, приведенных выше, а также в предыдущей ст., с названием бедра — **bedra*, **bedro* (см.) предполагалось уже давно и неоднократно (см. еще Miklosich 8; Holub—Kopečný 67: *bedrník* < *bedro*. «Ввиду того, что корень его пах козлом, бедренец был древним колдовским зельем для возбуждения детородной силы (бедро — вместилище плодородия)»; см. совершенно аналогично Machek. Jména rostlin 158; Machek 28; Bezlaj Etim. slovar, рукоп., Любляна). Однако существенное отличие нашего понимания связи с **bedro* 'бедро' состоит в том, что общим исходным словом всей семьи мы считаем не сложившееся уже **bedro* со знач. 'бедро', а прилаг. на *-r-*bedrъ* с семантикой 'острый, колкий' и под., кот. положено в основу как названия бедра, так и названий растения и некоторых прочих апеллативов, испытав при этом субстантивацию в условиях различного суффиксального оформления. Описанное прилаг. **bedrъ*, в реальности и четких связях которого с глагольной основой **bed-/*bod-* 'колоть' трудно сомневаться, мы не выделяем в виде самостоятельной словарной статьи единственно по той причине, что оно устанавливается нами путем

реконструкции второй ступени, не будучи нам дано в виде прямых продолжений в слав. языках. Недостатком предшествующих этимологизаций как *bedrъпьсь, *bedrъnikъ, так и *bedro (см. ниже) был постулат изначальности знач. *bedro 'бедро'.

Ввиду тонизирующих свойств растения высказывалось мнение о родстве его названия с праслав. *bъdrъ (см.) (Brückner 25; Фасмер I, 142; Меркулова. Очерки по русск. народн. номенклатуре растений 66, с приведением названий другого близкого растения — русск. диал. *бадрянка*, *бадрóнка*, *бадровь*; эти названия могли испытать влияние вокализма русск. *бодрый* или вообще могли быть произведены от последнего слова, см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 261). Однако первоначальная, этимологическая связь *bedrъпьсь с *bъdrъ 'бодрый' очень мало вероятна по соображениям лингвистич. географии и историч. диалектологии, поскольку праслав. *bъdrъ отсутствует и, по-видимому, отсутствовало всегда в зап.-слав. языках, будучи распространено на востоке и юге славянства. У нас нет также никаких оснований принимать вокализм *bъdr- для нашего названия растения Pimpinella saxifraga, как раз хорошо известного как в зап.-слав., так и вост.-слав. языках. Предпринималась также попытка выявить в названии бедренца продолжение особого и.-е. *bhedr- 'процветание, богатство' (H. G. Lunt. Old Church Slavonic *bedrъno*. — «Language» 29, 1953, 129 и след., Меркулова, там же; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 262), но допускаемая иногда при этом связь *bhedr- и *bъdrъ едва ли приемлема, наконец, само отражение и.-е. *bhedr- в слав. весьма проблематично (см. *bedrъпъ II), а привлечение сюда др.-инд. *bhadrá* 'счастливый, отрадный' (H. G. Lunt, там же; Sadnik — Aitzetmüller, там же) также не бесспорно (см. Mayrhofer II, 467—468).

Прочие этимологии см. Фасмер, там же; Sadnik—Aitzetmüller, там же. Рудницкий допускает даже заимствование из ср.-лат. **piperīnella* (Rudnyćkyj 1, 96).

***bedrica:** болг. *бедрúца* ж. р. 'сбитый хлопок, раскатанный тонкой и длинной прядью для прядения' (Геров), сербохорв. *бѐдрица* ж. р. 'бедро', 'окорок', 'синяк, кровоподтек от удара на теле', 'растение Pimpinella', 'сорт яблок' (РСА I, 377), диал. *бедрице* мн. 'сорт яблок' (Vis 15), словен. *bédrica* ж. р. 'бедро' (Plet. I, 16).

Производное с суфф. *-ica* от древней адъективной основы *bed-r- (: *bed-/*bod- 'колоть, бить', см. *bodǫ, *bosti, ниже), лексикализованная субстантивация незасвидетельствованного прилаг. *bedrъ. Семантика 'колоть, бить', реконструируемая для исходного *bedrъ, легла в основу знач. 'бедро, окорок' (см. выше сербохорв., словен. примеры, а также специально — *bedro), эта же семантика почти без изменения сохранена в сербохорв. знач. 'синяк, кровоподтек о т у д а р а на теле' (Разрядка наша. — *О. Т.*), к ней близко в сущности и болг. знач. 'сбитый хлопок'. Относительно знач. 'сорт яблок' см. *bedrika, о знач.

'растение Pimpinella' см. подробно *bedrenьcь/*bedrъnьcь (выше). Более традиционные концепции с исходным *bedro 'бедро' или и.-е. *bhedr- 'процветать', как нам кажется, не в состоянии объяснить упомянутые выше семант. особенности слов.

***bedrika:** сербохорв. *бѐдрика* ж. р. 'сорт сладких и твердых яблок' (РСА I, 377), 'яблоко средней величины' (JŠ 11), словен. *bedríka* ж. р. 'сорт яблок' (Plet. I, 16).

Производное с суфф. *-ika* от древней основы прилагательного **bedr-*, в сущности — фонетич. вариант к **bedrica* (см.). Семантич. развитие, возм., объясняется из значения этимологической первоосновы: 'бить' > 'сбитый, плотный, твердый'. Неубедительно отнесение к и.-е. **bhedr-* 'процветание' (H. G. Lunt «Language» 29, 1953, 133).

***bedro:** болг. *бедрó* ср. р. 'бедро' (БТР), макед. *бедро* ср. р. 'бедро' (И-С), сербск.-цслав. бєдро ср. р. μηρός, femur (Mikl.), сербохорв. *бѐдро*, ср. р. 'бедро, ляжка', словен. *bédro* ср. р. 'бедро' (Plet. I, 16), чеш. *bedra* мн. ср. р. 'поясница, чресла', слвц. *bedro* ср. р. 'бедро, бедренная кость' (SSJ I, 78), диал. *bedro* ср. р. 'ребро' (Matejčík. Východonovohrad. 123), в.-луж. *bjedro* ср. р. 'ляжка' (Pfuhl 19), н.-луж. стар. *b'edro* ср. р. 'поясница, бедро' (Muka Sł. I, 33), польск. *biodro* ср. р. 'бедро' (Dorosz. I, 525), русск. *бедрó* ср. р. 'часть ноги человека или животного от таза до колена', ст.-укр. *бедро* 'верхняя часть ноги' (Тимченко I, 65), укр. *бедрó* ср. р. 'бедро' (Гринченко I, 37), блр. *бядрó*.

Мы объясняем праслав. **bedro* как субстантивированное прилаг. **bedr-* (в форме ср. р.), производное с суфф. *-r-* от глагольной основы **bed-/*bod-* 'бить, колоть' (см. **bodǫ*, **bosti*). Ср. ** bedra* ж. р. (выше). Лексема **bedro* обозначает верхнюю часть ноги от таза до колена, бедренную кость, кстати сказать, — с а м у ю д л и н н у ю кость человека. Лексические инновации, экспрессивные по природе, отмечены здесь и для других языков. Характерно отсутствие общего и.-е. названия бедра, в отличие от нижней части ноги, ступни (и.-е. **pod-*). Образование праслав. **bedro* < **bed-/*bod-* 'бить, колоть' полезно сравнить с нем. *Bein* 'верхняя часть ноги, кость', герм. **baina-* < и.-е. **bhei-* 'бить'. Т. о., **bedro* — праслав. новообразование, и его поэтому не имеет смысла связывать с лат. *femen*, *femur*, как это предложил в свое время Петр (см. V. J. Petr BB XXI, 1896, 210, где неточно дается *fēmen*, *fēmur*, там же приводится сравнение с якобы родственным нем. *Bein*). См. подробно Walde—Hofm. I, 477, где лат. *femur*, род. п. *-inis*, ср. р. 'бедро, ляжка' признается в конечном счете неясным, старым исконным именем с основой на *-r/n-*, кот. не может продолжать праформу **bhed-men-/*bhed-r-* и тем самым не родственно слав. *bedro*; см., далее, Ernout—Meillet[3] I, 399: *femur*. . . «Нет никакой возможности сблизить со ст.-слав. бєдро 'бедро', которое само изолировано». Этимологическое сближение bedro : femur, усовершенствованное

в деталях реконструкции Бернекером (см. Berneker I, 47—48) и признаваемое в общем им самим ненадежным, сохраняется современными этимол. словарями (см. Фасмер I, 143, там же названа старая литер.; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 264); H. Birnbaum. Indo-European nominal formations submerged in Slavic 150. По изложенным выше соображениям целесообразно отказаться от этого сближения.

Прочие этимологии: к др.-инд. *badh-*, *bandh-* 'ligare, colligere' (С. Микуцкий. Изв. ОРЯС IV, 1855, 409); из и.-е. **bhĕdh-* 'гнуть', ср. др.-инд. *jñu-bādh-* 'преклонив колени', др.-исл. *knē-beð* (W. v. d. Osten-Sacken IF XXIII, 1908, 377—378); из и.-е. **bed-rom*, ср. арм. *port* 'пуп, середина' < и.-е. **bod-ro-* (H. Petersson LUÅrs I/XI, № 5, 1915, 171, цит. по: JФ III, 1922—1923, 216; Pokorny I, 96); Махек развивает оригинальную, но малоубедительную мысль о родстве слав. *bedro* со ср.-в.-нем. *zimere*, *zimb(e)re* ж. р. 'бедро, чресла' < герм. **temra-* < *demra-*, куда относит и лат. *femur/-minis* на базе общего **d(h)emr/-men-*, с допущением метатез и т. п. (Machek 28—29); сближение с и.-е. догреч. *πέτρα* 'скала', *πέτρος* 'камень' < **bed-ros*, **bed-rā* см. V. Georgiev LB 1, 1959, 84.

***bedrunъka/*bedrunica/*bedrenъka/*bedronъka:** чеш. *bedruňka* ж. р. 'божья коровка', диал. *bedrunka* то же (Bartoš. Slov. 14), *berunka* ж. р. то же (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 21), *verunka* ж. р. то же (Malina. Mistř. 136), слвц. *bedrunka* (Kálal 20, 909), диал. *bobruna* ж. р., *bobrunka* 'божья коровка' (Buffa. Dlhá Lúka 134), польск. *biedronka*, *biedrzonka* ж. р. 'Coccinella, 'божья коровка' (Warsz. I, 148), укр. диал. *бобрýнка* ж. р. 'божья коровка Coccinella' (Гринченко I, 78), *боборýнка* то же (там же), *бобруни́ця* ж. р. то же (там же), *бобрýна*, *бобрýс'ка* 'божья коровка' (Карпатский диал. атлас 95), *бабрýна* ж. р. то же (Гринченко I, 15), *бабрýна* (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 63), *бабрýн* м. р. 'божья коровка' (Гринченко I, 15); далее, сюда же инакооформленные *бабри́ська* ж. р. 'божья коровка Coccinella' (там же), *бедрак* м. р. 'личинка майского жука' (Гринченко I, 36), *бі́дрик* м. р. 'божья коровка' (Гринченко I, 37; А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, 10), *бі́здрик* м. р. 'божья коровка Coccinella septempunctata' (Гринченко I, 40), *пі́трик* м. р. 'божья коровка' (Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. «Лексика Полесья». М., 1968, 88), блр. *бабруніца*, *бедарка*, *бедрык*, далее — диал. *вэдрык*, *бэдрык*, *пэдрык*, *вэдрык-пэдрык*, *бобрык*, *федрык* м. р., *подэрко* м. р., *федарка* м. р., *фэдорко* м. р., *хведарка* м. р., *пэтрык* м. р., *пятрок* м. р. *пятрук* м. р., *пятрусь* м. р., *пытро* м. р., *пэтро* м. р., *пятро*, *петра-пайла* м. р., *тодор* м. р., *пэдорка-едорка* м. р., *пэтрик-ведрык* м. р., *цэдрык-пэдрык* м. р, и др. 'божья коровка' (Л. Ф. Шаталава. Назва «божай кароўкі» (Coccinella septempunctata)

у беларускіх гаворках. — «З жыцця роднага слова». Мінск, 1968, 166 и след.).

Название божьей коровки, представленное в таком удивительном множестве вариантов в чеш., слвц., польск., укр. и блр. языках, может быть возведено в основном к нескольким праслав. праформам **bedrunъka*, **bedrunica* **bedrenъka*, **bedronъka*, кот. имеют второстепенные суффиксальные отличия. Все эти названия — не что иное как субстантивация с помощью суффиксов *-unъka*,*-unica*, *-enъka*, *-onъka* первоначальной основы прилагательного **bedrъ*, *-r*-производного от глагольной основы **bed-/*bod-* 'колоть' (см. **bodǫ*, **bosti*). Прилаг. **bedr-* (восстанавливаемое нами косвенным путем, кроме данного названия насекомого, также на основе слов **bedra*, **bedrenikъ/*bedrъnikъ*, **bedrenьcь/*bedrъnьcь*, **bedrica*, **bedrika*, **bedro*, см. выше) характеризовалось наличием семантики, производной от глагольного знач. 'колоть, бить'. Применительно к случаю названия насекомого Coccinella septempunctata мы имеем право говорить о конкретной реализации значения 'наколотый', «punctatus», ср. такую броскую особенность божьей коровки как несколько точек на жестких надкрыльях, что отмечено и латинским научным термином septempunctata 'покрытая семью точками'. Отличия диалектных разновидностей названий, при всем их множестве, объясняются без особого труда. Это вторичные усечения с новой суффиксацией (*бедрак*, *бедрик*, *бездрик*, *бэдрык*), разнообразные ассимиляции и диссимиляции согласных (*bobrunka*, *боборýнка*; *vedrunka*, *вэдрык*), наконец — отражение разных вторичных осмыслений в связи с именами людей и святых, напр. блр. *пэдорка*, *петра-паўла* (см. специально о последних Л. Ф. Шаталава, там же).

Признавая тот известный факт, что божья коровка окружена разными народными суевериями, мы, тем не менее, не видим необходимости объяснять перечисленные выше названия из проблематичного и.-е. **bhedr-* 'процветание, счастье' (так см. H. G. Lunt «Language» 29, 1953, 131—133; ср. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 262—263). Махек, считая происхождение слов неясным, указывает на близость лит. *petrẽlė* 'божья коровка' (см. Machek 29, с опечаткой: Lid., вместо Lit.), но само лит. слово (кстати, пропущенное в словаре Френкеля) представляет собой лишь адаптацию, литуанизацию блр. *пэтрык* и под. (см. выше). Не кажется убедительным, далее, объяснение наших названий божьей коровки из первонач. словоупотребления *бедра* 'с пятнами на бедрах, с бедрами иного цвета', откуда — 'пестрая вообще' (так см. В. Т. Коломієць «Мовознавство» 1967, № 3, 49—52, с большим укр. диал. материалом и правильным возведением всех укр. форм к первонач. **бедрунка*). См. еще Р. В. Кравчук ВЯ 1968, № 4, 124, где справедливо оспаривается близость укр. *бабрýн* и т. д. 'божья коровка' с *бабрати*, но,

с другой стороны, проводится необоснованная попытка отграничить варианты *бабр-*, *бобр-* от *бедр-*, без сомнения связанные генетически (см. выще). Специально о варианте блр., укр. *бедрик* см. Р. В. Кравчук «Беларуская лексікалогія і этымалогія» (Мінск, 1968) 85. Этимологию укр. *бе́дрик*, *ве́дрик* < *ве́дро* '(ясная) погода' см. Г. Ф. Шило. Названия божьей коровки в украинских говорах. — «Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу (Одесса, 4—7 июня 1969 г.)» М., 1969, 37.

***bedrьce:** болг. *бедърце́* ум. ср. р. 'ляжечка' (Геров: *бедьрце́*), словен. *bédrce* ср. р. ум. 'бедро, ляжка' (Plet. I, 16), русск. *бёрце*, *берцо́* ср. р. 'голень' (Даль[3] I, 207), диал. *бе́рце* то же (Сл. Среднего Урала 43), *бе́рце*, *бе́рцо*, *берцо́* ср. р. 'бедро', 'голень', 'кусок холста, служащий для обертывания голеней ног' (Филин 2, 260).

Ум. производное с суфф. *-ьce* от **bedro* (см.). Собственно говоря, болг., словен. образования не вызывают сомнений, этимологическая проблема возникает только в связи с русск. формами. Кажется вполне приемлемым старое объяснение русск. *бёрце*, *берцо́* < **бедрьце* упомянутого выше состава, с последующим упрощением группы согласных. Литературу см. Фасмер I, 159, собственные возражения которого не представляются существенными, равно как и разделяемое рядом авторов мнение о происхождении из **bьrkъ*, невероятное фонетически, о чем см. справедливо Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 265 (: необычность прогрессивной палатализации в этих условиях в русск.). Сами Садник и Айцетмюллер считают наиболее подходящим объяснением *берцо* < **bьrdьce*, куда действительно относятся укр. *берце́* 'мостик из одной или двух кладок', 'валек, к кот. крепится дышло', ст.-польск. *barca*, *bierco* 'валек при дышле', но, по нашему мнению, эта последняя лексика, продолжающая праслав. **bьrdьce* (см.), не связана с *берцо́* < **bedrьce*. Знач. 'свая для укрепления рыболовной снасти', диалектно представленное у русск. слова (см. Фасмер, там же), не представляет дополнительных трудностей, если вспомним о первонач. семантике основы **bedr-* (см. ряд предшествующих статей).

***bedrьnъ(jь) I / *bedrenъjь:** цслав. бедрьнъ прилаг. μηροῦ, femoris (Mikl.), болг. *бе́дрен* 'бедренный' (БТР), макед. *бедрен* прилаг. то же (Кон.), сербохорв. *бѐдренӣ* 'бедренный' (РСА I, 377), словен. *bédrn* прилаг. 'бедренный' (Plet. I, 16), чеш. *bederní* прилаг., слвц. стар. *bederný* прилаг. то же (SSJ I, 78), ст.-польск. *biedrny* 'бедренный, coxendicis, femoris' (1471 г., Sł. Stpol. I, 86), русск. *бедрен(н)ый*, *бедерный*, *бедряный* (Даль[3] I, 144).

Прилаг., производное с суфф. *-ьn-* от **bedro* (см.).

***bedrьnъ II?:** ст.-слав. бедръно прилаг.: бедръно въздание πλουσίαν τὴν ἀνταπόδοσιν (Euch., SJS; Sad.: *bedrьnъ* adj. reichlich).

Употребленное единственный раз ст.-слав. прилагательное (откуда — проблематичность реконструкции самостоятельной

праформы, см. выше), имевшее, судя по греч. эквиваленту, знач. 'богатый, обильный', можно проэтимологизировать, вслед за Лантом (см. H. G. Lunt «Language» 29, 1953, 128—133), как родственное др.-инд. *bhadra-* 'благосостояние, процветание, богатство', которое далее связывается с гот. *batiza* 'лучший'. См. специально Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 261 (с указанием прежних, менее вероятных этимологий). Особенно близки в таком случае, конечно, слав. и др.-инд. формы, объединяемые также наличием общего суфф. *-r-* и возводимые к общему и.-е. **bhed-r-*. Кажется, это единственная приемлемая слав. этимология, предлагаемая Лантом в упомянутой работе, поскольку его попытки аналогично истолковать названия божьей коровки и растения Pimpinella saxifraga с основой **bedr-* (см. выше) нами отвергаются.

***beka?:** болг. диал. *бéка* ж. р. 'растения осока Carex, чистец Stachys' (Младенов БТР; Георгиев), сербохорв. диал. *бека* 'растение с мелкими мясистыми листиками и звездчатыми желтыми цветочками, стелющееся по скалам и каменным стенам, Sedum sempervivum tectorum' (черног., Ровинский 642), словен. *béka* ж. р. 'вид ивы Salix viminalis' (Plet. I, 16), укр. *bečka* 'Salix L.' (St. Makowiecki. Słownik botaniczny łacińsko—małoruski. Kraków, 1936, 322). — Далее, сюда же, возм., примыкают сербохорв. *bȅkva* ж. р. 'Salix vitellina L., Salix viminalis L.,' а также *bekovica* (RJA I, 228), русск. *бековúна* ж. р. 'растение Horminum' (Даль² I, 81, без помет относительно распространения).

Эта группа слов целиком пропущена Бернекером и авторами некоторых других этимол. словарей (напр., русск. *бековúна* не упоминают ни Преобр., ни Фасмер). Мысль Георгиева о происхождении болг. слова от звукоподражания, обозначающего овцу (см. Георгиев БЕР I, 40), не очень убедительна и не учитывает близких форм в других слав. языках. Правда, нет полной уверенности в связи всех этих форм друг с другом, нельзя не считаться с различиями значений, наконец — с сомнительностью отдельных форм и в целом — с неясностью праслав. реконструкции, вытекающей отсюда. Основательному анализу подверг словен. и сербохорв. лексику Безлай, приводящий также производные словен. *békovica*, *békovina* и др. и указывающий на возможную связь с болг. названием. Безлай признает неясность происхождения слов, допуская вместе с тем заимствование из ср.-в.-нем. **weike*, **weikel*, соврем. нем. *Weichel*, как, впрочем, в равной степени — вслед за Скоком — и из роман. названия ивы, ср. фриульск. *vènc* 'Salix' (Bezlaj. Etim.slovar, рукоп., Любляна).

Нетрудно заметить, что принадлежность сюда русск. формы означала бы ошибочность идеи об этих (сравнительно поздних) заимствованиях.

***bekati:** болг. диал. *бéка* 'блеять' (Стойчев БД II, 128), сербохорв. *békati* 'balbutire' (Белостенец, Ямбрешич, Стулли, RJA I, 227),

словен. *bekáti* 'блеять, болтать' (Plet. I, 16), чеш. *bekati* 'блеять, невнятно бормотать', диал. *békat* 'рявкать' (Malina. Mistř. 10), русск. *бéкать* 'блеять; мямлить' (Даль[3] I, 197—198; Филин 2, 206), укр. *бéкати* 'кричать по-козьи, по-овечьи, блеять', 'реветь (о детях)' (Гринченко I, 48). — Сюда же, далее, примыкает словен. *beketáti*, *begetáti* 'блеять' (Plet. I, 16), ст.-укр. *бегетати* 'блеять (об овцах)' (Тимченко I, 65), русск. диал. *бекетáть* то же (Даль, там же).

Гл. звукоподражат. происхождения от междом., передающего крик (напр. овцы), см. Berneker I, 48; Фасмер I, 146.

***beknǫti:** макед. *бекне* 'заблеять' (И-С; Кон.), сербохорв. *бéкнути* 'проблеять', словен. *békniti* то же (Plet. I, 17), чеш. диал. *béknót* 'рявкнуть' (Gregor. Slov. slavk.-bučov. 21).

Перфективная глагольная форма на *-nǫti* от **bekati* (см.).

***bekotъ:** словен. *bekèt*, *bekòt* м. р. 'блеянье (о мелкой скотине)' (Plet. I, 16—17), чеш. *bekot* м. р. 'блеянье (овец), мычанье (телят); плач'.

Отглагольное имя, производное с суфф. *-otъ* от основы **bekati* (см.).

***belbeniti /*belbeliti:** русск. диал. *белебéнить* 'безумолку молоть' (Даль[3] I, 198), 'беспрестанно говорить пустяки, не умолкая болтать' (Филин 2, 208), *белебéлить* 'много говорить о пустяках' (Филин, там же), укр. *белебéнити* 'болтать, баять' (Гринченко I, 49).

Звукоподражательный гл. с редуплицированной ономатопеей в основе: **belbel-*, тесно связанной с вариантом **bolbol-*, с иной огласовкой, см. Фасмер I, 111, 147, о связи русск. *белебенить* и *балаболить*. Основа **belbel-* диссимилировалась в **belben-*, но ср. лит. *blebénti* 'болтать', очень напоминающее по своему звуковому составу русск. и укр. слова (см. Fraenkel I, 31, без упоминания русск., укр. форм).

belbenь?/*belbelь: укр. *бéлебень*, род. п. *-беня/-бня*, м. р. 'возвышенное и открытое место', 'глубокое место в воде' (Гринченко I, 49; Укр.-рос. словн. I, 55), диал. *бéлебень* 'открытая или опустошенная местность без построек и растительности', 'очень холодный ветер' (В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів. Харків, 1960, 15), *белибéнь* 'незаросший, голый бугор, пустошь' (А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської области. Одеса, 1958, 16), *бúлибін'* 'глубина' (Г. Е. Дорій. Особливості говірки села Підгород Мукачівського округу. Дип. роб. Ужгород, 1953, 78).

Отчетливо звукоподражат. по своему происхождению именное образование, соотносимое с предшествующим гл. (см. **belbeniti/*belbeliti*). См. Э. Балецкий «Studia Slavica» V, 1959, 183—184, кот. производил знач. 'глубокая вода', 'глубокое место в воде', от первонач. обозначения шума воды, а знач. 'возвышенное и открытое место' — от шума ветра.

***belbetati:** сербохорв. *блебетати* 'болтать', диал. *блебећати* 'говорить невнятно' (Елез. I), словен. *blebetáti* 'болтать' (Plet. I, 33), чеш. *blebtati*, *blebotati* 'невнятно бормотать', слвц. диал. *blebtat'* (Kálal 28), русск. диал. *блебетáть* 'лепетать, мямлить; болтать пустяки' (Даль³ I, 235).

Глагол, производный от не полностью редуплицированной основы (**bel-be-*) с помощью интенсивирующего суфф. *-(e)tati*. При реконструируемой праформе **belbetati* русск. *блебетать* должно было бы продолжать некое **белебетать* с последующим выпадением гласного, понятным в этом экспрессивном слове, но ср. лит. *blebëti*, *blabëti* 'болтать', наряду с лит. *balbatúoti* 'ворчать' (см. Fraenkel I, 31). В подобном образовании не имеет смысла предполагать обычный ход метатезы плавного или регулярную апофонию гласных, уместнее говорить о звукоподражании *b-l-b/b-r-b* с различной вокализацией (Skok. Etim. rječn., s. v. *blabositi* (I, 166); Sadnik — Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 166—167).

bel'ati?** /běl'ati?:** чеш. *belhati* (*se*) 'прихрамывать, ковылять' (см. также Kott I, 56). — Бернекер приводит и слвц. *belhat'* 'хромать' (Berneker 1, 48, без указания источника).

Это слово получило у некоторых этимологов праслав. реконструкцию **belъgati*, см. Berneker I, 48—49 (с замечанием: «Der Ansatz ist problematisch»); B. Čop «Živa Antika» V, 1955, 233—234 (: чеш. *belhati* < **belъgati*, ср. греч. βάλαρες ·οἱ βλαισοί). Реконструкция **belъgati* в данном случае попросту ошибочна, и элемент *h* в чеш. *belhati* так же вторичен, как и в чеш. *kulhati*. Подобно тому как синонимичное *kulhati* восходит к **kul'ati* (Machek 246), *belhati* может продолжать **bel'ati*, ср. сюда же чеш. диал. *belat* 'качать, укачивать (ребенка)'. См. Machek 29, где также указано на рифмованный характер употребления чеш. *belhati* — *kulhati*. Автором высказывается (там же) интересная мысль о связи с чеш. *kolébati* 'качать, колыхать' < праслав. **kolěbati* (см.), кот. Махек анализирует как **ko-lěbati*, т. е. сложение основы *lěb-* с приставкой *ko-* (см. Machek 213). К сожалению, Махек очень краток («Viz i kolébati»), и отношения **kolěbati* и **bel'ati* (?) / **běl'ati* (?) еще нуждаются в изучении. Возм., наше темное слово — результат старой метатезы **lěb-* < **běl'-*?

***belnika:** болг. *бле́ни́ка* 'белена' (Георгиев; Геров: *блѣни́ка* ж. р. 'растение Hyoscyamus niger, белена черная').

Производное с суфф. *-ika* от основы **beln-* (см. **belnъ*).

***belnovati:** болг. *бленýвам* 'отравиться беленой' (Георгиев), 'предаваться мечтам, грезить' (БТР), 'мечтать' (Младенов БТР), макед. *бленува* 'мечтать' (Кон.; И-С), чеш. *blenovati* 'болтать' (Kott, I, 73).

Гл. на *-ovati*, производный от имени **belnъ* (см.).

***belnъ/*belena:** болг. *блян* м. р. 'греза, мечта (несбыточная)' (БТР), диал. *блен* то же (Младенов БТР), (Геров: *блѣнъ* м. р. 'мечты',

'белена'), макед. *блен* м. р. (поэт.) 'греза, мечта' (И-С), сербохорв. *blen*, *blem* м. р. (редк.) 'белена' (RJA I, 435), сюда же *белена* ж. 'дурак, болван' (РСА I, 439), словен. *blèn* м. р. 'белена Hyoscyamus niger' (Plet. I, 34; отсюда производное *blencâti* 'говорить во сне, бредить; болтать', там же), ст.-чеш. *blén* м. р. 'белена' (Gebauer I, 64), чеш. *blín* м. р. 'белена', (переносн.) 'порочное вожделение', диал. *blim* м. р. 'белена' (Kott. Dod. k Bart. 4), слвц. *blen* м. р. 'белена Hyoscyamus niger' (SSJ I, 102), 'горечь' (Kálal 28), диал. *belian* 'белена' (Kálal 21), польск. *blen* м. р., а также *bielun* 'белена' (Warsz. I, 165), др.-русск. *беленъ* 'белена, hyoscyamus, ὑοσκύαμος' (Изб. 1073 г., Срезневский I, 68), русск. *белена́* ж. р. 'ядовитое растение сем. пасленовых', диал. *белен* м. р. 'белена Hyoscyamus niger' (ворон., ряз.), 'растение Capsella bursa pastoris' (олон., Филин 2, 209).

Две заглавные реконструкции отражают древнее наличие двух праслав. вариантов данного слова, причем менее распространенное **belena* столь же реально (ср. сербохорв. *белѐна*, слвц. *belian*, русск. *белена*, сюда же примыкает польск. *bielun*, см. еще ниже), как и более распространенное **belnъ*, куда относятся остальные болг., макед., сербохорв., словен., чеш., слвц. примеры, а также др.-русск. *беленъ*, русск. диал *белен*. Следовательно, в отдельных частях слав. территории наблюдается сложное соотношение форм, как напр. в русск., где есть продолжения и праслав. **belnъ*, и **belena* (впрочем, так же должны быть охарактеризованы пары слвц. *blen—belian*, польск. *bleń* (см. **belnь/-bielun*). При этимологизации названия белены важно обратить внимание на древность знач. 'мечты, грезы, бред, бредить, болтать', ср. еще **belnovati* (выше). Здесь поучителен пример укр. *блёкот* 'белена' (сюда же укр. *блекота́* 'белена', 'цикута', *бле́кіт* 'цикута, бешеница'), первоначально, конечно, — 'невнятное бормотание', ср. укр. *блекота́ти*, *белькота́ти* 'невнятно говорить, бормотать'. Белена Hyoscyamus — очень ядовитое растение, сильное отравление ею вызывает галлюцинации и бред. Будучи известна с древности именно этим свойством, она, естественно, обозначалась с помощью слов, называющих бред, бессвязную речь, бормотанье. В одних языках это наблюдается очень наглядно (см. выше), в других затемнено ввиду древности обозначения, тем более что речь идет о названии, охватывающем ряд и.-е. языков. Праслав. **belnъ*, **belena* и **bьlnъ* (см. ниже) родственно кельт. (галльск.) *belinuntia*, *belenuntia*, βιλινουντία, βελένιον 'белена', кимр. *bela* 'белена', англос. *beolone*, др.-сакс. *bilene* 'белена', нем. диал. *bilme*, далее — др.-в.-нем. *bil(i)sa*, нем. *Bilsen-kraut* 'белена Hyoscyamus niger'. Индоевропеисты предполагали связь названий белены с и.-е. **bhel-* 'белый, светлый'. Ср. еще A. Pictet. Les noms celtiques du soleil. — KZ IV, 1855, 361—362, кот. сближает кельт. названия белены, растения, посвящаемого Аполлону, с галльск. именем бога — *Belenus*

и далее — с ирл. *béal*, *béol*, *bél* 'солнце', слав. *bělъ* 'белый', др.-инд. *bhal-*. См. далее P. Kretschmer «Glotta» 14, 1925, 96 и след.; Kluge [15] 79 (: «. . . к и.-е. **bhel-* 'беловатый': растение названо за свои серозеленые листья»); Pokorny I, 120; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 2, 134 (авторы говорят о неделимой связи названия белены и слав. *bělъ* 'белый'). Ср. еще Фасмер I, 147. Между прочим, авторы ряда слав. этимол. словарей вовсе не считают эту связь самоочевидной. Еще Миклошич обращал внимание на возникающее при отравлении беленой головокружение, умственное расстройство (Miklosich 9). У Бернекера, возм., не случайно опущена та часть индоевропеистских этимологий, где говорится о родстве с названием белого цвета (Berneker I, 48). Вполне определенно высказывается Брюкнер: «. . . *bielon*, *bielun* ничего не имеет общего с белым» (Brückner 25). Ничто не мешает нам при этимологизации праслав. названий белены обратить внимание на возможность родства этого названия (и близких герм. и кельт. названий растения) с глаголами 'говорить, болтать, кричать', объединяемыми вокруг особого и.-е. **bhel-* (см. Pokorny I, 123: *bhel-*6).

См. еще из литер.: V. J. Petr BB XXI, 1896, 209; BB XXV, 1899, 146 (относит к слав. слову лат. *filix*, *filex* 'папоротник', против этого см. Berneker, там же; Walde—Hofm. I, 497); Trautman BSW 30 (автор рассматривает форму *belena-/belenā* как балто-слав., фиктивность чего станет очевидной, если учесть отсутствие близких форм в балт., напр. в лит., см. Brückner, там же); Specht. Ursprung 140 (ставит вопрос о гетероклитичности отношений имен др.-в.-нем. *bili-sa*, кельт. βελι-νούντιαμ: англос. *beolone* < **bhelu-nā* : слав. **bel-n-ъ*/ **bьl-n-ъ*); Machek 34—35 (относит слав., герм. и кельт. слова к «праевропейскому», см. еще Machek LP II, 1950, 158, но аблаут **bel-en-* : **bel-n-* : **bьl-n-* свидетельствует в пользу исконности этих слов, см. Sadnik—Aitzetmüller, там же; см. также Specht, выше). См. еще Shevelov. A prehistory of Slavic 405.

***belnь:** ст.-польск. *bleń* 'белена Hyoscyamus niger L.' (1460 г., Sł. stpol. I, 99).

Словообразовательно-морфологический вариант (сведениями о грамм. роде мы не располагаем) к **belnъ* (см.).

***beračь:** болг. *бера́ч* м. р. 'тот, кто берет', 'собиратель' (Геров; БТР), макед. *берач* м. р. 'сборщик урожая' (И-С; Кон.), сербохорв. *bèrâč* м. р. 'сборщик урожая (винограда, кукурузы)' (вслед за Стулли и Вуком см. RJA I, 234), словен. *beráč* м. р. 'сборщик, собиратель' (Plet. I, 20).

Имя деятеля, производное с суфф. *-ačь* от презентной основы гл. **berǫ*, **bьrati* (см.).

***berčina:** в.-луж. *brěčina* ж. р. 'Sorbus torminalis' (Pfuhl 1058).

Производное с суфф. *-ina* от основы **berk-* (см. **berka*, **berkъ*, ниже).

***berdja:** цслав. брѣжда прилаг. ἐγκύων, ἐγκύμων, praegnans, fetus (Mikl.), русск.-цслав. *брѣжии* ἐγκύμων, gravidus (Срезневский I, 185—186), сербохорв. *брȇђа* 'беременная' (Караџић s. v.; Mić 171, 202), диал. *breja* 'стельная (о корове)' (Ка 261), словен. *bréja* прилаг. 'беременная (о животных)' (Plet. I, 54), чеш. *březí* прилаг. 'беременная (обычно — о дом. животных)' русск. диал. *берéжая* 'жеребая' (Куликовский 4; Подвысоцкий 6), *берёжа* 'кобыла жеребая' (Добровольский 26), укр. *берéжа* (Желеховский). — Сюда же производное слвц. *breziwá* прилаг. 'беременная (о самке четвероногого)' (SSJ I, 129—130).

Праслав. **berdja* — типичный архаизм и реликт древней лексики. Это слово сохраняет древнее знач. своего корня **bher-* — 'рожать, носить (во чреве)' (см. Мейе. Общеслав. язык 401), весьма показательно также реликтовое его употребление в части ю.-слав., зап.-слав. и вост.-слав. языков. Праслав. **berdja* может продолжать (с акутовой долготой, учитывая русск. и сербохорв. акцентуацию) и.-е. **bherədi̯ā* или является слав. производным на *-j-* от и.-е. **bherədā*, производного с суфф. *-d-* от упомянутого **bher-*. Уже давно обратили внимание на родство слав. слова с синонимичным лат. *fordus*, *forda*, см. Miklosich 10; Berneker I, 49; М. Коген ИОРЯС XXIII, 1918, 19—20; F. Mezger «Language» 22, 1946, 197; A. Meillet MSL 12, 1902, 220 (: ср. др.-инд. *bhárīman-*, ст.-слав. брѣмѧ, др.-инд. *bharitram*, греч. φαρέτρα); он же MSL 14, 1907, 378 (о родстве слав. *berǫ*, *bьrati*); G. K. Solta «Die Sprache» XII, 1966, 45 (: лат. *forda* — архаизм в сакральном языке); Фасмер I, 154; Трубачев. Дом. жив. 54 (там же — о влиянии русск. *жеребая* → *бережая*); Откупщиков. Из истории и.-е. словообразования (Л., 1967) 119; Machek 48; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 282—283.

Недостаточно ясны детали развития лат. формы: из **foridos* (см. Walde—Hofm. I, 527, где предполагается влияние формы лат. *gravidus*, т. е. вторичный процесс) или из **bhr̥d-* / **bhr̥sd-* (ср. Ernout—Meillet[3] I, 406). Не лишено сомнений и сравнение праслав. **berdja* с лит. *bergždžia* прилаг. ж. р. 'яловая (о корове, телке)' по причине его семантических отличий и формальных особенностей (см. Berneker, там же; Sadnik—Aitzetmüller, там же; высказывалось даже мнение, что лит. слово произведено от *-s*-основы **bheros*, см. Fraenkel I, 39; ср. возможность лат. *forda* < и.-е. **bhr̥sdā*, см. выше). Однако думается, что можно, не прибегая к этим построениям, объяснить лит. *bergždžia* < **berdžia* < **berdi̯a*, что же касается знач. 'еще не телившаяся, яловая', его родство со знач. 'стельная, беременная', тем не менее, очевидно, а расхождение, видимо, здесь вторично. Лит. форма неправомерно опущена в словарях Траутмана (см. Trautmann BSW 32: *bērdi̯ā-*) и Фасмера. Напротив, другая старая этимология — сближение праслав. **berdja* и лит. *brę́stu*, *bréndau*, *brę́sti* 'зреть, наливаться' (Berneker, там же, со ссылкой на И. Шмидта,

но ср. так уже С. Микуцкий Изв. ОРЯС V, 1856, 51; см. еще Фасмер, там же) — в формальном отношении не очень надежна, в связи с чем, очевидно, отдельные исследователи не считают целесообразным ее упоминать (см. отсутствие этих сближений в словарях Френкеля и Садник—Айцетмюллера).

***berěja:** русск. диал. *берея* 'женщина, собирающая ягоды для домашнего употребления или для продажи' (арх., Даль³ I, 308).

Имя деятеля ж. р., производное с суфф. *-ěja* от презентной основы гл. **bьrati* (см.) — **berǫ* и т. д.

***bergatъ:** словен. *bregàt* прилаг. 'гористый' (Plet. I, 54), чеш. *břehatý* 'имеющий берега' (Kott I, 95).

Прилаг., производное с суфф. *-at-* от **bergъ* (см.).

***bergovitъjь:** болг. *бреговит* 'холмистый' (Младенов БТР), (Геров: *брѣговитый*, прилаг., 'утесистый, обрывистый, стремнистый'), макед. *бреговит* прилаг. 'холмистый, гористый' (И-С; Кон.), сербохорв. *bregòvit* прилаг. 'clivosus' (с XVI в., RJA I, 623), 'холмистый, возвышенный' (РСА II, 141), словен. *bregovît* прилаг. 'küstenreich', 'гористый' (Plet. I, 54), чеш. *břehovitý* 'имеющий берега' (Kott I, 95), слвц. редк. *brehovitý* прилаг. 'холмистый' (SSJ I, 129).

Прилаг., производное с суфф. *-ov-it-* от **bergъ* (см.).

***bergovъ(jь):** чеш. *břehový* прилаг. 'береговой', слвц. *brehový* прилаг. то же (SSJ I, 129), в.-луж. *brjohowy* то же (Pfuhl. 48), польск. *brzegowy* 'береговой' (Dorosz. I, 690), словин. *břegṷǫvï* прилаг. то же (Lorentz Slovinz. Wb. I, 79), русск. *берегово́й* прилаг. 'относящийся к берегу', укр. *берегови́й* 'береговой' (Укр.-рос. словн. I, 56), блр. *берагавы́* то же.

Прилаг., производное с суфф. *-ov-* от **bergъ* (см.). Характерно для зап.-слав. и вост.-слав. языков. Ср., впрочем, сербохорв. *Брѐгово* ср. р., название села на берегу р. Великий Тимок (РСА II, 141), болг. *Брегово*, местн. назв. близ Видина, первонач. прилаг., а также образования **bergovitъ* (см.), характерные гл. обр. для ю.-слав. языков, кот. косвенно свидетельствуют об общеслав. распространении адъективной формы на *-ov-* от **bergъ*. Сюда же ср. греч. Βεργουβίτσα, местн. название, из субстратного слав. **bergovica* от **bergov-*. Болг. *бреговú* 'береговой' заимствовано из русск., Георгиев БЕР II, 84.

***bergt'i:** цслав. брѣшти, брѣгу μέλειν, curae esse (Mikl.), сербохорв. *brijèći* 'беречь, хранить, соблюдать' (XIII—XVII вв., Даничич, RJA I, 64), др.-русск. *берегѹ*, *беречи* 'беречь' (Срезневский I, 69), русск. *бере́чь* 'охранять; сохранять, предохранять', диал. *бере́чь* 'угощать', 'ухаживать' (Говоры Прибалтики 28), ст.-укр. *берегти* (Тимченко I, 83), укр. *берегти́* 'беречь, хранить' (Гринченко I, 51), блр. *берагчы́* 'беречь'.

Слово, широко и активно сохраненное только в вост.-слав. языках, но в древности бесспорно употреблявшееся также и

в других частях слав. территории, о чем свидетельствует производное имя с *-o*-вокализмом **borgъ* (см.) для обозначения клади сена и т. п. как раз прежде всего в зап.-слав. языках. О древности образования гл. **bergǫ*, **bergt'i* говорит такая морфологическая черта как сохранение и.-е. вокализма *-e-*, см. A. Meillet MSL 14, 1907, 384; Мейе. Общеслав. язык 174. Этимологическая ситуация охарактеризована достаточно всесторонне уже Миклошичем: «ср. гот. *bairgan*, др.-в.-нем. *bërgan*. Микуцкий приводит лит. *birginti*; *brêgъ* 'берег' как будто связано с *brêgą* в знач. 'защищать'» (Miklosich 10). Хотя гот. *baírgan* 'прятать, хранить', др.-в.-нем. *bergan* то же принято возводить к и.-е. **bherĝh-*, форма на палатальный задненебный (см. Pokorny I, 145), слав. **bergǫ*, **bergt'i* с его нарушением сатемного перехода так же, как и слав. **bergъ* (см.), современные лингвисты единогласно считают исконнородственным герм. лексике, а не заимствованным из последней. Основной аргумент — наличие оригинального слав. апофонического ряда **berg-*/**borg-*/**bьrg-*, при второстепенности значения фонетич. показателя и.-е. **ĝh* > слав. *z*. См. Berneker I, 49; Trautmann BSW 31; Kluge[15] 68; Pokorny, там же (сюда же, кроме герм., слав. и лит. слов, еще галлороман. (рето-иллир.) *bargā* 'крытая соломенная хижина' < **borgā*; там же, 141, вслед за Кречмером, высказана мысль о деноминативном образовании гл. **bherĝhō* 'прятать, скрывать' от имени **bherĝh-* 'гора, убежище'); Фасмер I, 153; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 271; Kiparsky. Die gemeinslav. Lehnwörter aus d. Germ. 59; Fraenkel I, 44 (s. v. *bìrginti* 'беречь, скупиться'). Попытки определить следы обеих упомянутых и.-е. основ в иллир. и пеласг. субстратах см. A. Mayer «Glotta» 24, 1936, 163 и след.; A. J. Van Windekens. Le pélasgique (Louvain, 1952) 131 и след.

Серьезного внимания заслуживает этимологическое сближение, забытое как славистами, так и балтистами и вместе с тем весьма перспективное именно в плане балтистики, особенно если вспомнить странную изолированность лит. *bìrginti* в лит. и лтш. словаре. Мы имеем в виду сближение русск. *берегу*, *беречь* и лит. *gerbti* 'чтить, почитать, уважать, ценить' (С. Микуцкий Изв. ОРЯС IV, 1855, 409), ср. далее — лтш. *gārbêt* 'хорошо обращаться, беречь', *gārbît* 'беречь, щадить'. Обращает на себя внимание практическое тождество знач. слав. **bergt'i* и этих балт. слов, кот. в таком случае могут быть объяснены из метатезы первоначальных лит. **bergti*, лтш. **bargît* / **bargêt*, этимологически тождественных слав., герм. словам и лит. *bìrginti* (см. выше; иначе — и едва ли удачно — о лит. *gerbti* см. Fraenkel I, 147—148: очевидны трудности, с кот. приходится бороться автору словаря, который справедливо сомневается в родстве лит. *gerbti* и *gìrti* 'хвалить'; созвучную лит. и лтш. лексику со знач. 'чистить, наряжать', приводимую у Френкеля, лучше объяснять из нем. *gerben* в близких знач., как предлагал уже Кипарский; др.-прусск.

лексика, связанная с русск. *жеребей* и др., должна быть также оставлена в стороне).

***bergul'a/*bergulica:** сербохорв. *brègul̦a* ж. р. 'вид ласточки: Merops apiaster L., Hirundo apus L.' (RJA I, 622), *брегу̀љица* ж. р. 'стриж, береговая ласточка' (PCA II, 141), *брѐгуља* ж. р. 'Alcedo ispida' (там же), словен. *bregúlja* ж. р. 'стриж' (Plet. I, 54), чеш. *břehule* ж. р. 'береговая ласточка, стриж Cotyle riparia', слвц. *brehuľa* ж. р. 'стриж, береговая ласточка Riparia riparia' (SSJ I, 129), укр. диал. *берегу́лиця* 'стриж Cotyle riparia; трясогузка Motacilla alba' (І. Верхратський. Знадоби, 202). — Ср. еще сербохорв. *брегу̀ница* ж. р. 'стриж Riparia riparia' (PCA II, 141; RJA I, 622: с XVII в., впервые — в словаре Микали).

Производное с суфф. *-ul'a* и *-ul-ica* от **bergъ* (см.). Береговая ласточка и некоторые другие виды птиц были названы так за обыкновение селиться в мягких прибрежных обрывах рек и озер. Ср. сходные наименования — нем. *Uferschwalbe*, лат. (*hirundo*) riparia, собственно — 'береговая ласточка', хотя видеть в слав. названиях кальку с этих нем. и лат. слов, возм., необязательно.

***bergъ:** ст.-слав. брѣгъ м. р. κρημνός, αἰγιαλός, ὄχθη, χεῖλος, litus, praeceps, praecipitium, ripa 'берег' (SJS), болг. *бряг* м. р. 'берег', 'земное возвышение, обрыв' (БТР; Геров: *брѣг* м. р. 'обрыв, скат, стремнина, утес; берег реки или моря над водою'), диал. *брег* то же, макед. *брег* м. р. 'берег', 'холм; гора' (И-С), сербохорв. *бри̏jег* м. р. 'холм', 'берег, межа, край', диал. *брѐг* (Елез. I), словен. *brêg* м. р. 'берег', 'склон горы', 'холм, невысокая гора' (Plet. I, 54), ст.-чеш. *břěh* м. р. 'холм, склон', 'берег', 'пристань' (Gebauer I, 100—101), чеш. *břeh* м. р. 'берег', 'край, межа', диал. *břech*, род. п. *-ha*, м. р. 'холм' (Malina. Mistř. 13), слвц. *breh* м. р. 'берег', 'склон, откос, холм' (SSJ I, 129), в.-луж. *brjóh*, *bróh* м. р. 'берег; холм' (Pfuhl 47, 49), н.-луж. *bŕog* 'берег; склон, бугор; вал, насыпь; куча, громада' (Muka Sł. I, 79), полаб. *brig* м. р. 'берег (реки)' (Polański—Sehnert 41), польск. *brzeg* м. р. 'берег, край' (Dorosz. I, 689), словин. *břěg* м. р. 'край, берег' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 79), др.-русск. *берегъ* 'ripa' (Пов. вр. л., Срезневский I, 69), русск. *бе́рег* м. р. 'край земли у водной поверхности', ст.-укр. *берегъ* м. р. 'берег', 'край', 'около' (Тимченко I, 83—84), укр. *бе́рег* м. р. 'берег', 'край, кайма' (Гринченко I, 50), диал. *бе́рег* 'возвышенность, пригорок; гора, склон горы; склон оврага, долины; высокий отвесный берег, пропасть' (Т. А. Марусенко. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). «Полесье». М., 1968, 216), *béreh* 'берег', 'возвышенность, гора, склон' (St. Hrabec. Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950, 32), *бе́р'іг̂* 'берег', 'неурожайная земля', 'взгорье' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта, 74), *бе́рэг* 'кромка, продольный край ткани' (Н. Г. Владимирская. Полесская терминология ткачества. — «Лексика Полесья». М., 1968, 195), блр. *бе́раг* 'берег'.

Сравнение праслав. *bergъ с близкими герм. названиями горы — гот. *baírgahei*, др.-в.-нем. *bërg* — было принято еще в слав. этимологии XIX в. (см. Miklosich 10). В дальнейшем, с включением в сравнение также классических сатемных соответствий вроде авест. *barəzō* 'высота, гора', арм. *barjr* 'высокий', оформилась точка зрения на слав. слово как на заимствование из герм., в противном случае ожидалось бы исконное праслав. **berzъ* < и.-е. **bherĝh-*. См. Berneker I, 50 (с литер.). Но уже тогда критика указала, что на одном лишь этом основании трудно счесть заимствованием слово, столь распространенное, своеобразное семантически (наиболее популярное слав. знач. 'берег' как раз неизвестно в герм.) и связанное с топографической лексикой. См. A. Meillet RS II, 1909, 69; A. Brückner. Die germanischen Elemente im Gemeinslavischen. — AfslPh XLII, 1929, 127; Brückner 44; Trautmann BSW 30—31; Младенов ЕПР 47; Георгиев БЕР II, 85; Фасмер I, 153 («Учитывая нисходящую интонацию и знач., едва ли можно рассматривать это слово как заимств. из герм. . .»); Moszyński. Pierwotny zasiąg 157; Kluge[15] 67; Machek 47 («Относится к случаям, где **ĝ* отразилось как *g*, вместо надлежащего *z*, поэтому не нужно считать это слово заимствованным из германского»); Popović. Geschichte der serbokr. Spr. 545 (специально о древности знач. 'гора, холм' в сербохорв.); Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 272—273.

В связи с необходимостью осмыслить различие между сатемными продолжениями и.-е. **bherĝh-*, с одной стороны, и праслав. **bergъ* — с другой, выдвигались соображения относительно возможной экспрессивной веляризации и.-е. палатального задненебного, причина чего могла корениться в эмоциональности образа высокого, крутого, обрывистого. См. близко к идеям Махека — F. Liewehr. Über expressive Sprachmittel im Slavischen. — ZfS I, 1956, 21. Попытку объяснить праслав. **bergъ* с его нерегулярной рефлексацией и.-е. **ĝh* как заимствование из какого-то другого (не герм.) кентумного и.-е. языка см. Kiparsky. Die gemeinslav. Lehnwörter aus d. Germ. 101, 108 (автор даже считает возможным говорить об «ареале еще не разделившихся кентумных языков» как вероятном источнике подобных случаев). См. еще более определенно — Pokorny I, 140—141, где ст.-слав. брѣгъ, сербохорв. *брйјег*, русск. *бéрег* характеризуется как слово скорее венет.-иллир., чем герм. происхождения. Ср. фрак. Βέργα, Βέργη, якобы с доэтнической депалатализацией, как и в ст.-слав. брѣгъ (D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957, 51 и след.; там же, 85, приводится в этой связи фрак. Βρεγε-δάβα, название укрепления; см. еще В. И. Георгиев. Исследования. . . 119; B. Simeonov LB VI, 1963, 91). Ср., далее, болг. *Брегалище*, местн. назв. фрак. происхождения, как и гидроним *Брегалница*, — из **Bargal-* (J. Zaimov LB VI, 1963, 82).

Из прочей литер.: V. J. Petr BB XXI, 1896, 208—209 (проблематичное сближение ст.-слав. брѣгъ и др. с лат. *frangere* 'ломать', *nau-frag-ium* 'кораблe-крушение', греч. *φάραγξ* 'расколотая скала', др.-в.-нем. *brëhhan* 'ломать'; т. е. 'берег' < 'разлом'); E. Prokosch AJPh XXXII, 1911, 433 (пытается истолковать слав. и герм. слова как продолжения некоего и.-е. **berqó-* в духе закономерности, близкой к закону Вернера, которая якобы влияла на чередования слав. звонких и глухих); T. B. Jones AJPh LXXV, 1954, 217; V. Polák RS 18, 1956, 30 (: слав. **bergъ* 'гора', ср. нем. *Berg* 'гора', гот. *baírgahei* 'гористая местность, горы', ирл. *bri* 'гора', кимр. *bre* 'гора, пригорок'); ср. еще E. Laroche BSL 58, 1963, 77—78, где к этому и.-е. лексическому гнезду отнесены еще лув. *parrai-* и хетт. *parku-* 'высокий'.

***bergyni:** др.-русск. *берегыни* (. . . а переже того клали требу упирєм ї *берегинѧм*. Сб. Паис. XIV—XV вв., Сб. Соф. XIV—XV в. — Картотека СДР), *вeрeгины* (Клали требу оупиремъ и *верегинямъ* — в др. списках, Срезневский I, 243), сюда же, возм., укр. *перегéня* ж. р. 'ряженая девушка, пугающая, ради шутки, подруг' (Гринченко III, 113).

Производное ж. р. с суфф. *-yni* от **bergъ* (см.). Др.-русск. контекст («. . . а до этого приносили жертву оборотням и б е р е г и н я м») и укр. знач. ('ряженая девушка, пугающая . . . подруг') в соединении с анализом структуры слова (см. выше) позволяют истолковать его знач. как 'береговая фея, русалка'. Будучи словообразовательно прозрачным, это слово обнаруживает вместе с тем затемненные варианты, причем, видимо, сказались табуистические запреты или раннее забвение языческого термина (ср. др.-русск. *верегины*, выше), а также влияние созвучного более темного др.-русск. *перегыня* 'непроходимая местность' < праслав. **pergyni* (см.) как в случае с укр. *перегéня* (см. выше). — Ср. (очень бегло) Sadnik—Aizetmüller. Vgl. Wb. 4, 271.

***berica:** словен. *beríca* ж. р. 'собирательница, сборщица' (Plet. I, 20).

Производное с суфф. *-ica* от презентной оснвы *ber-* гл. **bьrati* (см.).

***beridlo:** сербохорв. *бѐрило* ср. р. 'кошолка или корзинка с закрывающимся верхом, для сбора крупных фруктов' (РСА I, 475), словен. *berílo* ср. р. 'зеленый корм, собранный для скота' (Plet. I, 20).

Производное с суфф. *-(i)dlo* от презентной основы *ber-* (см. **bьrati*). Словообразовательно-этимологическая параллель может быть указана в лат. *fericulum*, *prae-fericulum* 'поднос, блюдо' < и.-е. **bher-tlo-m* (Ernout—Meillet[3] I, 402), тогда как слав. **beridlo* < **bher-ī-tlo-m* (не исключена вторичная тематизация отглагольного производного в слав., подобно тому как лат. *fericulum* < *ferculum*). Подробно об отношениях слав. производных

на *-dlo* и их и.-е. соответствий см. Трубачев «Этимология» (М., 1963) 37 и след.

***berixъ:** словен. *bérih* м. р. 'собиратель, сборщик' (Plet. I, 20).

Производное имя деятеля с суфф. *-ixъ* от презентной основы *ber-* (см. **bьrati*). Ср. **ženixъ* (см.).

***berka:** словен. *bréka* м. р. 'растения Sorbus sp., Sorbus aria' (Plet. I, 54), н.-луж. (диал. редк.) *brěka* ж. р. 'боярышник кленолистный Sorbus torminalis' (Muka Sł. I, 76), русск. *берёка* ж. р. 'Sorbus torminalis', укр. *берéка* ж. р. 'растение Pyrus torminalis' (Гринченко I, 52).

Это название разновидности рябины до сих пор не получило убедительной этимологии (перечень существующих объяснений см. ниже). Типологически наиболее вероятно было бы членить слово как **ber-k-a*, образование с *-k-* суффиксальным, видимо, оформившееся, как и другие такие производные, уже в собственно слав. период. Возм., от основы **berǫ*, **bьrati* (см.), ср. эпитет наиболее распространенной рябины обыкновенной — лат. (Sorbus) a u c u p a r i a, буквально 'б е р у щ а я, л о в я щ а я птиц' (птиц привлекают ее ягоды). Видеть в праслав. **ber-k-* (производные от этой основы см. в след. статьях) продолжение и.-е. **bher-* 'блестеть' с *-k-* расширением, т. е. некий аналог к названию березы, как это делают Садник и Айцетмюллер (см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 149; Мошинский, на кот. они ссылаются, видит в праслав. **berka*, **berkъ* вообще заимствование из герм. **berkō* 'береза', см. Moszyński. Pierwotny zasiąg 54—55), затруднительно ввиду отсутствия подтверждений; реально можно назвать лишь некоторые далекие семантически расширения и.-е. **bher-* с *-k-* палатальным (см. Pokorny I, 141—142). Справедливо сомневаются в сближении Бернекером нашего слова с лит. *brìnkti* 'набухать' (Berneker I, 50). См. Фасмер I, 154—155, где также упомянуто другое спорное сравнение — с чеш. *břesk* 'терпкий вкус'. Не поддается контролю «праевропейская» этимология Махека, сблизившего слав. **berk-* и герм. **spero-* 'Sorbus' (V. Machek LP II, 1950, 156; он же Jména rostlin 115).

***berkovьсь:** словен. *brékovec*, род. п. *-vca*, м. р. 'берека Sorbus torminalis; Sorbus aria' (Plet. I, 54), в.-луж. *brěkowc* м. р. 'тутовое дерево' (Pfuhl 45).

Суффиксальное производное на *-ov-ьсь* от **berka* или **berkъ* (см.).

***berkъ:** сербохорв. *брêк* 'Sorbus torminalis' (PCA II, 144), словен. *brêk* м. р. 'вид рябины Sorbus torminalis, берека' (Plet. I, 54), чеш. *břek* м. р. 'растение Pirus torminalis', диал. *břak* 'лесное дерево Pirus' (Bartoš. Slov. 23), *břak* м. р. 'вид рябины Sorbus torminalis, берека' (Gregor. Slov. slavkov.-bučov. 29), слвц. *brek* 'Pirus torminalis', 'клен, явор' (Kálal 39), н.-луж. *bŕok* 'боярышник кленолистный Sorbus torminalis' (Muka Sł. I, 80), польск. *brzęk* м. р. 'вид рябины' (Dorosz. I, 692).

Морфол. вариант (м. р.) к *berka (см.), ж. р. Польск. форма содержит вторичную назализацию; см. Brückner 44.

***berkyni:** болг. *брéкина, брекúня* 'вид рябины Pirus torminalis' (Георгиев; Геров: брѣкынѧ ж. р. 'рябина Sorbus aucuparia'), диал. *брéкина* ж. р. 'Pirus (Sorbus) aria' (Илчев БД I, 186), *бр'ѐкина* ж. р. 'лесное дерево Sorbus domestica и его плод' (Горов БД I, 69), макед. *брекина* ж. р. 'Sorbus torminalis' (Кон.), сербохорв. *брѐкиња* ж. р. 'растение Sorbus torminalis L.', 'Sorbus aria' (PCA II, 145), 'плод, ягода этого растения', диал. *брё̏киња* 'красные ягоды лесного дерева определенного вида; само дерево' (Елез. I), словен. *brekínja* ж. 'Sorbus sp., Sorbus aria' (Plet. 1, 54), ст.-чеш. *břekyně* ж. р. 'acerina' (Ст.-чеш., Прага), чеш. *břekyně* ж. р. 'ягода растения Pirus torminalis', слвц. *brekyňa* ж. р. 'вид рябины, берека Sorbus torminalis (SSJ 1, 129).

Производное с суфф. *-yni* от основы **berk-* (см. **berka*, **berkъ*). Зап.-укр. диал. *bŕakyňa* представляет собой, по сути, заимствование из польск., т. к. отражает проявившуюся в последнем вторичную назализацию. См. Moszyński. Pierwotny zasiąg 54.

***berma:** сербохорв. диал. *брéма* ж. р. 'деревянный сосуд для воды' (Караџић s. v.; Vis 41).

Вполне возм., что мы имеем перед собой гипокористическое образование от сербохорв. *bremenica* (так см. RJA 1, 623), но не исключено, что эта форма — результат более раннего процесса. В таком случае **berma* относится к **bermę* (и. е. **bherəmn̥*), как праслав. **zima* — к и.-е. **ĝheimn̥*.

***bermenatъ(jь):** сербохорв. *брё̏менат* 'беременный' (PCA II, 147), словен. *bremenàt* прилаг. 'тяжелый, тяжкий', 'беременный' (Plet. 1, 55), чеш. *břemenatý* 'отягощенный, тяжело нагруженный' (Kott 1, 95).

Прилаг., производное с суфф. *-at-* от основы **bermen-* (см. **bermę*).

***bermenitъ(jь):** сербохорв. *брё̏менит, -а,* прилаг. 'беременная' (PCA II, 148), словен. *bremenît* прилаг. 'тяжелый (напр., о колосе)', 'беременный, -ая' (Plet. 1, 55), чеш. *břemenitý* 'отягощенный, обремененный' (Jungmann 1, 180).

Прилаг., производное с суфф. *-it-* от основы **bermen-* (см. **bermę*).

***berme(no)noša:** сербохорв. диал. *бремѐноша* ж. р. 'носильщик, переносчик тяжестей'.

Сложение двух именных основ: **bermen-* (см. **bermę*) и **noša* (см.).

***bermenьje:** сербохорв. *брѐмење* ср. р. собир. 'тяжесть, груз (PCA II, 148), чеш. *břemení* ср. р. 'ноша, скарб' (Kott, 1, 95)

Собир. производное с суфф. *-ьje* от основы **bermen-* (см. **bermę*)

***bermenьnъ(jь):** ст.-слав. брѣменьнъ, -ыи прилаг. oneratus 'обремененный' (Supr., SJS), болг. *брéменна* прилаг. 'беременная' (БТР Младенов БТР), макед. *бремен* 'чреватый', *бремена* прилаг. ж. р.

'беременная' (И-С), сербохорв. *брѐмен*, -а 'беременная' (РСА II, 147), словен. диал. *bremên*, ж. р. *bremena* 'беременная' (Plet. II. Dodatki II), чеш. редк. *břemenný* прилаг. 'отягощенный, тяжелый', слвц. *bremenný* (SSJ VI, 16), польск. *brzemienny* 'груженый, отягощенный', *brzemienna* ж. р. 'беременная' (Warsz. I, 218; Dorosz. I, 690), др.-русск. *беремѧньныи* 'беременная, носящая в чреве младенца' (1497 г., Срезневский III. Доп. 12'), русск. *берéменная* 'вынашивающая в себе зародившегося младенца (о женщине)', ст.-укр. *беременная* прилаг. 'беременная', *беремѣнна* то же (Тимченко I, 84).

Прилаг., производное с суфф. *-ьn-* от основы **bermen-* (см. **bermę*).

***bermenьnica:** сербохорв. *брѐменица* ж. р. 'боченок, приспособленный для переноски и перевозки'.

Производное с суфф. *-ьn-ica* от основы **bermen-* (см. **bermę*) или, возм., субстантивация прилаг. **bermenьnъ* (см.) с помощью суфф. *-ica*.

***bermę,** род. п. **-mene:** ст.-слав. брѣмѧ, род. п. -ене, ср. р. φορτίον, γόμος, onus, sarcina 'груз, бремя' (SJS), болг. *бремé* ср. р. 'груз', 'забота, бремя' (БТР), 'ноша; груз, тюк' (Младенов БТР), 'ноша; охапка (сена)' (М. Младенов БД III, 42), макед. *бреме* ср. р. 'ноша, груз', 'вязанка, охапка' (И-С), сербохорв. *брѐме*, род. п. *-мена* ср. р. 'тяжесть, груз', 'беременная женщина', диал. *бреме* 'мера веса' (Mić 380), *брѐме*, *бриме* 'мера веса', 'ноша' (Влајинац II, 168—171, 172), сюда же производное диал. *brīnce* (Sus 153), словен. *bréme*, род. п. *-ména*, ср. р. 'тяжесть, ноша; тюк, связка', 'плод во чреве', 'бремя' (Plet. I, 54—55), ст.-чеш. *břiemě* ср. р. 'тяжесть, ноша', *břemeno* ср. р. (Ст.-чеш., Прага), чеш. *břímě* ср., *břemeno* ср. р. 'тяжелая ноша', 'бремя', сюда же производное, ум. чеш. диал. *břemíčko* ср. р. 'узел, котомка' (Hruška. Slov. chod. 14), слвц. *bremä* 'тяжесть' (Kálal 39), *bremeno* ср. р. то же (SSJ I, 129), в.-луж. *brěmjo*, род. п. *-mjenja*, ср. р. 'тяжелая ноша' (Pfuhl 45), н.-луж. *brěḿe*, род. п. *-ḿeńa*, ср. р. 'бремя, тяжесть, груз; ярмо; вязанка', 'мера веса' (Muka Sł. I, 76), польск. *brzemię*, род. п. *-mienia*, ср. р. 'тяжесть, ноша' (Dorosz. I, 690), др.-русск. *беремѧ* 'связка, охапка, тяжесть; тюк' (Срезневский I, 70; III. Доп. 12'), русск. *берéмя*, род. п. *-мени*, ср. р. 'большая охапка, вязанка', 'ноша, охапка' (Подвысоцкий 6), 'всякая тяжесть, ноша' (Мельниченко 31), 'охапка' (Куликовский 4), диал. *берéмье* ср. р. 'вязанка дров' (Филин 2, 254), *бéремо* ср. р. = *беремя*; 'сено, сбитое граблями для подачи на воз или связанное в вязанку' (Филин, там же), *берéма* 'охапка', 'тяжесть, обременение' (Добровольский 26), ст.-укр. *беремя* 'тяжесть' 'охапка' (XVI в. Тимченко I, 84), укр. *беремя* 'бремя' (Пискунов 16), диал. *берéмено* 'наполненный чем-либо мешок, перевязанный посередине для удобного ношения' (Т. П. Довбак. Словотвір іменних частин мови в говірці

с. Королево Виноградівського району. Дип. роб. Ужгород, 1957, 85), *бири́мн'а* 'неполный мешок зерна' (В. В. Бабинець. Говірка с. Лавки Мукачівського району. Дип. роб. Ужгород, 1954, 143), ст.-блр. *беремя* (*повозовое*) 'обязанность доставки подвод, подво ы' (Горбач. 39), блр. *бярэ́мя* 'охапка (дров)'.

Праслав. **bermę* представляет собой имя с основой на согласный (**bermen-*), соотносительное с гл. **berǫ*, **bьrati* (см.), но восходящее еще к и.-е. **bherəm̥n* или **bherəmen*, о чем говорит сербохорв. и русск. ударение (см. выше), отражающее акутовую интонацию дифтонгического сочетания гласного с плавным, вызванную здесь заменительным удлинением гласного после падения *ə*; об и.-е. древности говорит и отражение производным **bermę* древнего значения 'нести → ноша', присущего и.-е. **bher-* и видоизмененного в слав. **berǫ*, **bьrati* 'брать'. Ввиду древней двухсложной структуры корня (**bherə-*) наиболее точным соответствием праслав. **bermę* считается др.-инд. *bhárīman-* 'ношение', а не *bhárma*, греч. φέρμα ср. р. 'ноша, плод во чреве' (впрочем, в *bhárma* следует учитывать утрату *ə* перед суфф.). См. A. Meillet MSL 12, 1902, 220; Мейе. Общеслав. язык 130; Brugmann. KVGr. 347; Berneker I, 50; R. Gauthiot BSL 16, 1910, CLX; P. Persson. Beiträge zur idg. Wortforschung 2 (Uppsala—Leipzig, 1912), 642; Hofmann 395; Pokorny I, 128; Vaillant. Gramm. comparée I, 239; Фасмер I, 155; Mayrhofer II, 481 (специально указывает на фиктивность авест. *barəman-*, иногда фигурирующего в литер.); см. еще Откупщиков. Из истории и.-е. словообразования 119—158 (о суффиксальных чередованиях); Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 282.

Праслав. **bermę* сохраняет глагольный вокализм *-e-* (см. A. Meillet. MSL 14, 1907, 378), что в общем присуще именным производным на *-men-*. Относительно дальнейших *-t-* расширений и.-е. **bherm̥n* вроде греч. φέρμα (основа косв. пп. φέρματ-) см. P. Kretschmer «Glotta» 13, 1924, 264 (автор сопоставляет мнения Мейе и Трубецкого на этот счет).

***bermišče:** ст.-укр. *беремище* 'тяжесть' (Тимченко I, 84).

Производное с суфф. *-išče* от основы **berm-* (см. выше **berma*, **bermę*). Возраст образования неясен.

***bermo:** блр. *бере́мо* ср. р. 'ноша в обхват руками' (Носов. 25).

Морфолого-словообразовательный вариант ср. р. к **berma* ж. р. (см.; подробно об этимологии см. **bermę*). Древность образования неясна. Возм., вторично преобразовано из **bermę* (см. эту статью, в частности — соответствующие русск. диал. примеры в обзоре форм).

***bersta:** чеш. *břesta* ж. р. 'верхний слой березовой коры' (Kott I, 95), польск. *brzesta*, *brzosta* ж. р. 'кора вяза' (Warsz. I, 221), русск. *берёста* ж. р. 'верхний слой березовой коры, идущий на выгонку дегтя, выделку лаптей, корзинок и п.', 'верхний, свет-

лый слой березовой коры' Даль³ I, 205), диал. *бяреста* 'березовая кора' (Добровольский 26), блр. *бярóста* 'береста'.

Праслав. **bersta* (точнее — **berzta*) представляет собой форму, близко родственную праслав. **berza* (см.), и, как и последняя, восходит к и.-е. периоду: **berzta* < **bherəĝtā*, *-t-* производное от и.-е. основы **bherəĝ-* 'светлый, белый', также в качестве названий березы. Праслав. слово непосредственно соответствует прежде всего герм. лексике: гот. *baírhts* 'светлый, ясный', др.-в.-нем. *beraht* 'блестящий', англос. *beorht* то же, англ. *bright* 'яркий, светлый, блестящий'. См. Berneker I, 52; Pokorny I, 139; Фасмер I, 156; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 147 (о первонач. адъективном характере образования). См. еще специально **berstъ* (ниже).

***berstěnъ(jь):** сербохорв. стар. *bresten* прилаг. 'ulmeus, вязовый' (XI в., в ит. и лат. текстах, RJA I, 629), также *brijestan*, *brijesan* прилаг. то же (только в словарях Беллы и Стулли, там же, 649), польск. диал. *brześciany* 'берестовый, вязовый' (Warsz. I, 218), русск. *берéстяный*, *берестянóй* 'берестовый', укр. *берестяни́й* 'берестовый, берестяной' (Укр.-рос. словн. I, 57), блр. *берасця́ны* то же.

Прилаг., производное с суфф. *-ěn-* от основы **berst-* и соотносимое в одних случаях ('вязовый') с **berstъ* (см.), в других ('берестяной, из бересты') — с **bersta* (см.).

***berstika:** словен. *brestíka* ж. р. 'вид вяза', 'ива', 'название гриба' (Plet. I, 56).

Производное с суфф. *-ika* от **berstъ* (см).

***berstikъ:** сербохорв. стар. редк. *brèstīk* м. р. 'ulmarium, вязовая роща' (Белла, Белостенец, Стулли, см. RJA I, 629; РСА II, 151).

Производное с суфф. *-ikъ* от названия дерева **berstъ* (см.). Не исключено послепраславянское образование.

***berstina:** сербохорв. *Brèstine* ж. мн., местн. назв. в Сербии (RJA I, 629), чеш. *břestina* ж. р. 'вязовая роща' (Kott I, 95), слвц. *brestina* ж. р. то же (SSJ I, 129), русск. диал. *берести́на* ж. р. 'береста' (Филин 2, 256).

Собир. производное с суфф. *-ina* от названия дерева (см. **berstъ*) или от названия березовой коры, как в случае с русск. словом. Древность проблематична.

***bersto:** др.-русск. *берестo* 'березовая кора' (Кир. Тур., Срезневский I, 70; гр. берест. № 27, XIV в., Картотека СДР), русск. диал. *берéсто* 'береста' (Васнецов 15), *берестó* ср. р. 'береста' (Деулинский словарь 53), *бéрéстó* ср. р. 'береста', 'письмо, бумага' (Филин 2, 257).

Словообразовательно-морфологический вариант ср. р. к форме ж. р. **bersta* (см.). Наличие этимологически тождественных форм всех трех родов **bersta* — **bersto* — **berstъ* (см.) представляется ясным отражением первонач. адъективного характера данного образования.

***berstovъ(jь):** цслав. брѣстовъ прилаг. ulmi (Mikl.), болг. *брястов* прилаг. 'вязовый' (Младенов БТР; БТР; Геров: *брѣстовый*), сербохорв. *брѐстов*, диал. *бри̏стов* то же, словен. *bréstov* прилаг. 'вязовый' (Plet. I, 56), чеш. *břestový* прилаг. 'вязовый' (Jungmann I, 181), слвц. *brestový* то же (SSJ I, 129), польск. *brzostowy* прилаг. 'вязовый' (Warsz. I, 221), сюда же др.-русск. *Берестовъ* местн. название (Усп. сб. XII в.; Картотека СДР), русск. *бéрестовый* (Даль[3] I, 205: *берестовые* оглобли), укр. *берестóвий* (Гринченко I, 52).

Прилаг., производное с суфф. *-ov-* от названия дерева **berstъ* (см.).

***berstъ:** цслав. брѣстъ м. р. ulmus (Mikl.), болг. *бряст* м. р. 'берест, вяз Ulmus' (БТР), *брест* то же (Младенов БТР), диал. *брес* м. р. (М. Младенов БД III, 42), макед. *брест* м. р. 'вяз' (И-С), сербохорв. *бре̑ст*, диал. *бри̏јест* м. р. 'вяз Ulmus campestris', *бри̑ст* то же, сюда же (в венг. графике) *Briszt*, соврем. сербск. *Brês(t)*, местн. назв. в Воеводине (Popović. Geschichte der serbokr. Spr. 389), словен. *brést* м. р. то же (Plet. I, 55), чеш. *břest* м. р. 'вид вяза Ulmus suberosa', диал. *břest* 'бук' (Kott. Dod. k Bart. 6), слвц. *brest* м. р. 'вяз Ulmus campestris' (SSJ I, 129), польск. *brzost* м. р. 'вид вяза Ulmus montana' (Dorosz. I, 694), русск. *бéрест* м. р. 'дерево Ulmus campestris' (Даль[3] I, 205), диал. *берёст* м. р. 'береста' (перм., Филин 2, 255), ст.-укр. *берестъ* 'вяз Ulmus campestris' (Тимченко I, 85), укр. *бéрест* м. р. то же (Гринченко I, 52), а также 'верхняя кора березы, годная для гонки дегтя' (там же; см. еще А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология» М., 1966, 10), диал. *бéрест* м. р. 'берестяной поплавок в сетевых рыболовных снастях' (Кривицкий. Из словаря полесских рыболовов. «Полесье» 166), блр. *бéраст* 'берест'.

Внимательный учет значений продолжений праслав. **berstъ* (ср. особенно русск. диал. *берёст* 'береста', укр. *бéрест* 'верхняя кора березы' и т. п., см. выше) делает очевидной связь, вернее — тождество этимологии **berstъ* и **bersta* (см.). Этому не противоречит, впрочем, и охвативший большинство слав. языков инновационный семантический процесс переноса на разные виды вяза, поскольку вяз — это дерево, кора которого напоминает кору березы. Праслав. **berstъ*, как и **bersta*, восходит к и.-е. **bherǝĝt-* 'светлый, яркий', кот. выступает как прилаг. Для **berstъ* действительна та же акцентологическая характеристика, что и для **bersta*, ср. ударение сербохорв. *бри̏јест*. Т. о., первоначально мы можем говорить не о словообразовательных, а о чисто морфол. отношениях между **berstъ* и **bersta*, кот. продолжают и.-е. прилагательные м. и ж. р. Акцентологич. противостояние русск. *бéрест*, укр. *бéрест*, блр. *бéраст*, с одной стороны, и русск. *берёста* и т. д. — с другой, развилось вторично. Ср. Sadnik—

Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 148 (авторы, правда, трактуют название вяза как производное).

Из литер. см. еще Miklosich 11 (кот. указывает, что болг. *бряст* 'вяз' встречается также в знач. 'береза' и приводит еще производное *бресталък* 'березняк, березовая роща', но ни о том, ни о другом не упоминает Георгиев БЕР, где обычно скрупулезно собраны все производные); Berneker I, 52; Фасмер I, 156; Moszyński JP XXXII, 1952, 195; XXXIII, 1953, 354; XXXV, 1955, 123 и след.; Moszyński. Pierwotny zasiąg 32—33 (этимологизирует **berstъ* из **berd-to-* от расширенного и.-е. **bher-* 'резать, расщеплять', 'торчать', что якобы соответствует структуре коры самого дерева); F. Sławski JP XXXIII, 1953, 399 (оспаривает описанную этимологию Мошинского ввиду отсутствия следов расширенного **ber-d-* в слав.); Machek. Jména rostlin 129—130; Machek 47 (автор сомневается в этимологии от и.-е. **bherəǵ-* 'сиять' и выдвигает оригинальную этимологию, по которой как **berstъ* 'вяз', так и **berza* 'береза' родственны нем. *Borke* 'кора', якобы по причине особого корообразования, отличающего оба эти дерева, но см. Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 147). См. еще Brückner 45.

***berstь:** русск. диал. *бéрестъ* ж. р. 'дерево Ulmus campestris' (курск., Доп. к Опыту 8), 'народное название береста-карагача Ulmus campestris' (курск., Филин 2, 257).

Словообразовательно-морфол. вариант к **berstъ* (см.). Древность выделения сомнительна.

***berstьje:** болг. *брéстье* ср. р. собир. (Младенов БТР), сербохорв. *брêшħе* ср. р. собир. (РСА II, 154), *брŷјешħе* ср. р. собир. 'вязы', словен. *brêstje* ср. р. 'вязовый лес' (Plet. I, 56), сюда же др.-русск. *Берестие*, *Берестье*, город на Волыни (Срезневский I, 70).

Собир. производное с суфф. *-ьje* от **berstъ* (см.).

***berь:** словен. *bêr*, род. п. *-î*, ж. р. 'сбор' [Plet. I, 20: = *bera*: telovnik je najprva pomladnja *ber* (čebelam)].

Производное от презентной основы *ber-* глагола **bьrati* (см.). Древность образования скорее сомнительна.

***berьba:** болг. *бербá* ж. р. 'сбор, уборка; время уборки (плодов)' (Младенов БТР, Геров), макед. *берба* ж. р. 'сбор урожая; время сбора урожая' (И-С), сербохорв. диал. *бéрба* ж. р. 'сбор винограда', словен. *bêrba* ж. р. то же (Plet. I, 20).

Отглаг. именное производное с суфф. *-ьba* от презентной основы *ber-* (см. **bьrati*). Не исключено новообразование, ограниченное ю.-слав. языками, причина которого, возм., коренится в сдвигах значения более старых образований вроде **borъ*, **sъborъ* (см.).

***berьca:** чеш. *berce* м. р. 'тот, кто берет' (Kott I, 57).

Имя деятеля, производное с помощью суфф. *-ьca* от презентной основы *ber-* глагола **bьrati* (см.). Ср. еще след.

***berьcь:** словен. *berec*, род. п. *-rca*, м. р. 'собиратель, сборщик' (Plet. I, 20), ст.-чеш. *berec* 'сборщик налогов' (Brandl 6), чеш. *berec*, род. п. *-rce* м. р. 'сборщик налогов' (Kott I, 58).

Отглаг. имя деятеля, производное с суфф. *-ьcь* от презентной основы *ber-* (см. **bьrati*). Ср. **berьca*, выше.

***berьka/*berika:** русск. диал. *бéрька, бéрика* ж. р. 'березовый и кленовый сок' (Псковский областной словарь 1, 185), *бéрика* ж. р. 'березовый сок, собираемый весной и идущий на приготовление кваса' (великол., пск., Филин 2, 259), блр. диал. *бéрка* ж. р. 'березовый сок' (Касьпяровiч 38).

Слово, не учтенное этимол. словарями. Упомянув чисто внешнее созвучие с чеш. *břečka* 'березовый сок' и родственными (кот. Махек возводит к гипотетическому деминутиву от названия березы — **ber(zi)čьka*, см. Machek 47; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 147; см. иначе об этой лексике под **brěčьka*, ниже), мы видим единственную возможность использовать вост.-слав. слово, предположительно относимое нами к праслав. состоянию, определив его как отглагольное имя, производное с суффиксами *-ьka/-ika* (см. варианты выше) от основы наст. времени *ber-* (см. **bьrati*).

***berьna:** словен. *bêrnja* ж. р. 'сбор (средств), собирание' (Plet. I, 20), также название меры (Štrekelj. Slov. 5—6), ст.-чеш. *berna* ж. р. 'сборы в пользу короля' (1404 г., Ст.-чеш., Прага), *berně* ж. р. 'королевская подать' (Gebauer I, 41; Ст.-чеш., Прага).

Производное с суфф. *-ьna* от основы *-ber-* (см. **bьrati*, **berǫ*), возм., первоначально адъективного происхождения. См. след.

***berьnъjь:** ст.-чеш. *berný* прилаг. 'принятый, имеющий хождение (о деньгах)' (Gebauer I, 42), чеш. *berný* прилаг. то же, слвц. *berný* прилаг. то же (SSJ I, 81), польск. *bierny* 'жадный', 'заманчивый', 'емкий', 'пассивный' (Warsz. I, 152).

Прилаг., производное с суфф. *-ьn-* от глагольной основы *ber-* (см. **bьrati*, презенс **berǫ*).

***berza:** цслав. брѣза ж. р. betula (Mikl.), болг. *брезá* ж. р. 'береза Betula alba' (БТР), диал. *бер'ȧза* 'береза Betula alba' (Младенов БТР), макед. *бреза* ж. р. 'береза' (И-С), сербохорв. *brȅza* ж. р. 'береза Betula alba L.', словен. *brézä* ж. р. 'береза' (Plet. I, 56), чеш. *bříza* ж. р. 'береза', слвц. *breza* ж. р. 'береза Betula' (SSJ I, 129), в.-луж. *brěza* ж. р. 'береза Betula alba' (Pfuhl 45), н.-луж. *bŕaza* ж. р. 'береза' (Muka Sł. I, 74—75), полаб. *breză* ж. р. 'береза' (Polański—Sehnert 41), польск. *brzoza* ж. р. 'береза' (Dorosz. I, 694) словин. *břůǫza* ж. р. 'береза' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 79), русск. *берёза* ж. р. 'лиственное дерево из группы сережчатых, большею частью с белой корой и сердцевидными листьями Betula', ст.-укр. *береза* ж. р. 'дерево Betula alba' (Тимченко I, 84), укр. *берéза* ж. р. 'береза' (Гринченко I, 51), блр. *бярóза* 'береза'.

Название дерева березы представляет собой классический случай в древней ботанической лексике, когда, во-первых, все славянские формы, обладающие одним и тем же значением 'Betula alba', восходят к праслав. **berza*, не поддающемуся этимологическому анализу на слав. почве; во-вторых, реконструированное праслав. **berza* восходит к и.-е. **bherəĝos*, **bherəĝā*, кот., в свою очередь, весьма распространено в и.-е. языках и обозначает различные разновидности Betulaceae, практически — за одним исключением, о котором см. далее. Т. о., название березы обнаруживает исключительную древность, но оно же характеризуется и редкой ясностью этимологии, поскольку бесспорно произведено от и.-е. основы со знач. 'блеск, свет, белый цвет'. См. об этом Moszyński. Pierwotny zasiąg 27. Этимол. анализ и.-е. форм см. специально Pokorny I, 139. Круг родственных соответствий праслав. **berza* давно и в целом вполне достоверно установлен. См. Miklosich 11, где уже дан перечень балт., осет., др.-инд., герм. соответствий слав. слову. См. еще Будилович. Первобытные славяне 131. В числе родственных форм авторы единогласно называют лит. *béržas*, др.-в.-нем. *birihha*, др.-англ. *beorc* 'береза', др.-инд. *bhūrjá-* 'вид березы', см. напр. Berneker I, 52. Несмотря на более или менее решительно выраженный скепсис отдельных ученых, сюда же принадлежит лат. *frāxinus* 'ясень'. Так, совершенно неправы Эрну—Мейе, кот. видят здесь неясность в форме и в семантике (Ernout—Meillet[3] I, 449), или Станг, выступающий по тем же мотивам против этого старого сближения (Chr. S. Stang. WdS I, 1956, 352). Сравнение **berza* и *frāxinus* см. Berneker, там же; М. Коген ИОРЯС XXIII, 1918, 19; Walde—Hofm. 1, 544 (: «исчезновение древнего знач. и перенос на ясень в Италии объясняется тем, что береза не обитает в естественном состоянии на Юге Европы»); Pokorny, там же; Фасмер I, 154; Младенов ЕПР 47; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 146. Вполне поддаваясь семантическому обоснованию (см. выше), сближение с лат. *frāxinus* закономерно объясняется и фонетически. При этом др.-инд. *bhūrjá-* так относится к лат. *frāxinus*, как др.-инд. *pūrṇá-* — к лат. *plēnus*, др.-ирл. *lān* или как др.-инд. *ūrṇā* — к лат. *lāna*. Как известно, эти соответствия толкуются как отражение и.-е. долгого слогового плавного (*l̥̄*, *r̥̄*). См. Brugmann KVGr. 132. Поэтому в случае с названиями березы мы имеем, кроме и.-е. **bherəĝ-*, откуда герм., балт. и слав. формы (и.-е. *-erə-* отразилось как сочетание *-er-* под акутовым ударением в балтийском и славянском, тогда как для герм., напр., др.-в.-нем. *birihha*, здесь предполагают сохранение следа *ə*, см. Vondrák. Vgl. slav. Gramm I, 300; Мейе. Общеслав. яз. 56; Arumaa. Urslav. Gramm. I, 143), также и.-е. **bhr̥̄ĝ-*, откуда упомянутое др.-инд. название и лат. *frāxinus* (первонач. адъективная производная форма **bhr̥̄ĝsenos*). См. специально O. Szemerényi «Glotta» 38, 1960, 225; ср. P. Persson. Beiträge zur idg. Wortforschung 2

(Uppsala—Leipzig, 1912), 753. Дополнительные сведения об индо-ир. формах см. Mayrhofer II, 514—515; Абаев I, 253 (: осет. *bærz* / *bærzæ* 'береза', ср. тадж. *burz* 'арча', памирские формы *furz* 'береза', *barež*, *baruǰ* 'береза'). Сюда же примыкает в акцентологич. отношении лит. *bìržė* (подробно о балт. формах см. Fraenkel I, 40).

Не менее существенна морфол. проблематика этимологии и.-е. названия березы. Индоевропеисты обычно считают исходной основу на *-o-* ж. р. См. A. Meillet. Le genre féminin des noms d'arbres et les thèmes en -o-. — MSL 14, 1906—1908, 478; Мейе. Общеслав. язык 277. Более того, существует еще мнение о наличии здесь в древности консонантной основы им. п. **bhérəǵ-s*, род. п. **bhₑrəǵó-s* (см. Pokorny, там же; специально см. еще Specht. Ursprung 57). Однако едва ли целесообразно игнорировать практически равную древность как и.-е. **bherəǵos* (откуда др.-инд., лит. формы, но также и праслав. диал. **berzъ*! — см. специально ниже), так и и.-е. **bherəǵā* (откуда праслав. **berza*, герм. **berkō*, а также лтш. диал. *bẽrza*). Принимая во внимание этимологию ('светлый, белый'), мы видим в этом слове первоначальное прилаг. След этого древнего употребления сохранился в архаическом болг. диал. *бряз* прилаг. 'в белых пятнах (о буйволе)', сербохорв. *бре́за* сущ. ж. р. — о дом. животных, у кот. шкура белая с красными пятнами (РСА II, 143). См. Георгиев БЕР I, 76; II, 85. Об укр. диал. отражениях этого употребления см. О. С. Мельничук «Мовознавство» 1967, № 2, 21.

Из обширной литер. о названии березы см. H. Hirt IF X, 1899, 53; C. Lottner KZ VII, 1858, 23; A. Meillet BSL 24, 1924, 133; он же BSL 14, 1906, CLIII; Trautmann BSW 32; E. H. Sturtevant «Language» III, 1927, 119; Machek 49; Kluge [15] 80; J. Otrębski «Die Sprache» 9, 1963, 161; W. Merlingen «Kratylos» VI, 1961, 173; A. J. Van Windekens. Etudes pélasgiques (: проблема пеласг. βύρσα 'выделанная кожа, бурдюк'); D. Detschev. Die thrakischen Sprachreste 52, 54 (: фрак. Βέρζανα, *Bersovia*, местн. названия); В. И. Георгиев. Исследования . . . 119 (: реконструкция фрак. **bersa-* 'береза'); G. Bonfante «Studi baltici» I, 1931, 87.

Вполне возможно, что сюда не относится русск. *берёзка* 'Polygonum convolvulus', укр. *бере́зка* 'Convolvulus sepium, Convolvulus arvensis', блр. *бяро́зка* 'Convolvulus arvensis', вопреки Садник—Айцетмюллеру (см. Sadnik—Aitzetmüller, там же). Здесь есть основание предполагать затемнение иной, более старой этимологической связи, о кот. см. О. С. Мельничук «Мовознавство» 1967, № 2, 21 (: из праслав. **bьrlo*) и Р. В. Кравчук «Беларуская лексікалогія і этымалогія» (Мінск, 1968) 85 (где названия вьюнка производятся из **ob-verz-/vьrz-* 'обвязать').

***berzavъjь?:** чеш. диал. *březavá* (*kráva*) 'корова, у которой спина и живот белые, а остальное — красное или черное' (Bartoš. Slov. 26),

слвц. диал. *brezavý* прилаг. 'белопестрый (напр. о волах, о корове)' (SSJ I, 129). — Сюда же сербохорв. *брѐзава* ж. 'пеструха (о корове)' (РСА II, 143).

Производное адъективного характера, образованное с помощью суфф. *-av-* от основы **berz-* (см. подробно **berza*, там же — об адъективной природе этого образования и ее следах, прежде всего — в ю.-слав.). Древность скорее проблематична.

***berzdьna:** болг. *бре́зна́* ж. р. 'борозда', 'проход в винограднике', 'след' (Младенов БТР), диал. *бр́ѧзнъ* **ж.** р. 'борозда' (с. Каспичан, Коларовградско. Дип. раб., Архив Софийск. ун-та), польск. диал. *brzozna* 'борозда' (Warsz. I, 221).

Производное с суфф. *-ьna* от основы **berzd-*, родственной праслав. **borzda* (см.). Ср. аналогичное производное **borzdьna* (см. ниже).

***berzica:** болг. *брези́ца* 'береза' (Геров), диал. *брезица* 'растение метлица' (Младенов БТР), сербохорв. *брѐзица* ж. р., ум. от *бреза* 'береза', также в качестве названия пестрых животных (РСА II, 144), словен. *brézica* ж. р. ум. 'березка' (Plet. I, 57), н.-луж. *bŕazyca* 'береза; березовый прут, березка' (Muka Sł. I, 75), русск. диал. *бере́зица* ж. р. 'березовый сок' (каз., Доп. к Опыту 8). — Сюда же сербохорв. *Brȅzice* ж. мн., название села в Хорватии, местности — в Сербии (RJA I, 634).

Производное с суфф. *-ica* от **berza* (см.).

***berzika:** сербохорв. *брѐзика* ж. р. 'береза' (РСА II, 143).

Производное с суфф. *-ika* от **berza* (см.). Ср **berzica* с этимологически тождественным формантом. См. еще образование м. р. **berzikъ* (ниже).

***berzikъ:** сербохорв. *брѐзи̑к* м. р. 'березовый лес' (Караџић; РСА II, 143), сюда же *Brezíci*, род. п. *Brezíkâ* м. р. мн., название двух сел в Боснии.

Производное (собир.), образование с суфф. *-ikъ* от **berza* (см.).

***berzina:** сербохорв. *брѐзина* ж. р., увелич. от *бреза* 'береза', 'древесина березы' (РСА I, 634; II, 144), ст.-чеш. *břězina* ж. р. 'березовый лес' (1384 г., Gebauer I, 102; Ст.-чеш., Прага), чеш. *březina* 'группа берез', диал. *březina* 'береза' (Hruška. Slov. chod. 15), слвц. *brezina* ж. р. 'березовая роща' (SSJ I, 129), в.-луж. *brězyna* ж. р. 'березовые заросли' (Pfuhl 46), н.-луж. *bŕazyna* 'березняк' (Muka Sł. I, 75), сюда же полаб. словосочетание *no brizaină* местн. п. ед. ч. ж. р. 'в березняке' (Polański—Sehnert 41), польск. *brzezina* ж. р. 'березовый лес', 'древесина березы, срезанные березовые ветви'; 'береза' (сингулятивно) (Dorosz. I, 691), словин. *břü̯ozänă* ж. р. 'березовый лес' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 80), *bř'ezëna* ж. р. 'березовый лес', 'древесина березы, срезанные ветки березы' (Sychta I, 78), русск. *бере́зина* ж. р. 'береза, одно дерево; березовая палка, березовый прут' (Даль[3] I, 203; Фи-

лин 2, 251), укр. *березина* ж. р. 'березовое дерево', 'березовая ветка, розга', 'березовый лес' (Гринченко I, 51), диал. *березинá* 'березняк', 'ветки березы' (Онышкевич. Словарь бойковского диалекта 74), блр. *бярэзіна* ж. р. 'одно березовое дерево' (Шатэрнік 40).

Производное с суфф. *-ina* от **berza* (см.), выступающее в слав. языках в различных функциях (увеличительность, собирательность, уменьшительность). Очевидна близость к равнооформленному прилаг. **berzinъ* (см. след.). Древность оформления основы **berz-* формантом *-in-* может быть значительной. Ср. напр. родственное лат. *frāxinus* 'ясень' < **bhr̥ĝ-s-enos* (см. далее под **berza*) и особенно лит. *beržýnas* м. р. 'березняк', где этимологически тождественный формант имеет собир. значение. Поскольку речь идет о лексике, широко используемой в местных и водных названиях, см. обстоятельные исследования на эту тему: J. Prinz. Slavisch-baltische Entsprechungen bei den von **berž-* 'Birke' abgeleiteten slavischen und baltischen Orts- und Gewässernamen. — BNF 15, 1964, 247 и след; он же. Der Reflex des baltischen Substrats in von **berž-*'Birke' abgeleiteten russischen Orts- und Gewässernamen. — Там же, 261 и след.

***berzinъ(jь):** сербохорв. *брèзин* 'березовый' (РСА II, 144), н.-луж. *bŕazyny* 'березовый' (Muka Sł. I, 75).

Прилаг., производное с суфф. *-inъ* от **berza* (см.). Ср. предыд. статью.

***berzovica:** сербохорв. *брèзовица* ж. р. 'березовая палка', 'вид ядовитого гриба Lactarius torminosus' (РСА II, 144), словен. *brézovica* ж. р. 'березовый сок' (Plet. I, 58), чеш. диал. *březovice* ж. р. 'Birkenwasser' (Kott I, 96), слвц. диал. *brezovica* ж. р. 'березовая палка, дубинка' (SSJ I, 130), русск. диал. *берëзовица* 'нацеживаемый весною березовый сок, который, перебродив, образует сладковатый напиток' (Даль [3] I, 203).

Производное с суфф. *ica* от прилаг. **berzovъ(jь)* (см. ниже).

***berzovikъ:** сербохорв. *брездвӣк* м. р. 'березовый лес' (РСА II, 144), русск. диал. '*березовик* м. р.' гриб Boletus scaber et luteus', 'птица вальдшнеп' (Даль [3] I, 203), 'березовый лес, березовая роща', 'березовый сок', 'гриб опенок', 'майский жук', 'вальдшнеп, водящийся в березовых лесах' (Филин 2, 252), блр. *бярóзавік* 'березовый сок'.

Производное с суфф. *-ikъ* от основы прилаг. **berzov-* (см. **berzovъjь*, ниже).

***berzovina:** сербохорв. *брèзовина* ж. р. 'древесина березы', словен. *brezovína* ж. р. 'березовая древесина', 'березовый лес' (Plet. I, 58), чеш. *březovina* ж. р. 'березовая роща'.

Производное (собир.) с суфф. *-ina* от основы прилаг. **berzov-* (см. **berzovъjь*, ниже).

***berzovъ(jь):** болг. *брязов* прилаг. 'березовый' (Геров: *брѣ́зовый*), *брезóв, -а, -о,* прилаг. 'березовый' (РБЕ), сербохорв. *brȅzov* прилаг.

'березовый' (с XIV в., RJA I, 636), словен. *brézov* прилаг. 'березовый' (Plet. I, 58), чеш. *březový*, *břízový* прилаг. 'березовый', слвц. *brezový* (SSJ I, 58), в.-луж. *brězowy* 'березовый' (Pfuhl 46), н.-луж. *bŕazowy* 'березовый' (Muka Sł. I, 75), польск. *brzozowy* прилаг. 'березовый' (Dorosz. I, 695), словин. *břøzùøvï* прилаг. 'березовый' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 79), русск. *берёзовый* прилаг., укр. *берéзовий* 'березовый' (Укр.-рос. словн., I, 56), блр. *бяро́завы* 'березовый'.

Прилаг. продуктивного типа, производное с суфф. *-ov-* от **berza* (см.). Несмотря на то, что базой деривации была в данном случае основа на *-ā*, прилаг. **berzovъ* можно считать достаточно древним и праслав. образованием. Между прочим, мнение о том, что мы имеем дело с вторичными слав. инновациями всякий раз, когда речь идет о функционировании адъективного форманта *-ov-* вне зависимости от именных *-u*-основ, в частности — в примере с деривацией **berza* → **berzovъ* (см. J. Prinz BNF 15, 1964, 256 и след.), уже давно не является единственно возможным. Достаточно указать на фрак. *Berzovia* (местн. название на юго-западе Дакии, толкуемое как 'березовый (ручей)', см. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste 54, с литер.), а также на полные и.-е. соответствия праслав. **asenevъjь* (см.), **grabovъjь* (см.), тоже прилагательным на *-ov-* от основ не на *-u-*, чтобы признать возможность пересмотра относительной хронологии, обычно принимаемой для этой категории, в смысле (во-первых) принятия бо́льшей древности ряда производных на *-ov-* и притом — не только от названий деревьев — и (во-вторых) допущения достаточно раннего времени образования некоторых форм на *-ov-* от основ не на *-u-*. В связи с этим полезно упомянуть о замечательных своей широтой взглядах на образования, близкие слав. *-ov-* прилагательным, у Бругмана, кот. писал: «Я полагаю, что мы имеем дело здесь (в именах на -εύς. — *О. Т.*) с тем же самым *-ĕu̯o-*, которое выступает как вторичный суффикс в прилагательных греческого на -αλέ[F]ο-ς, напр. πῑαλέος (от πῖαλος), в славянском, напр. ст.-слав. ѧдѧмовъ 'принадлежащий Адаму'. . ., слоновъ 'слоновый' и т. д. (Miklosich. Vergl. Gramm. 2, 229 и след.), в древнепрусском — расширенное с помощью *-ina-* (ср. ст.-слав. слоновѧнъ и т. п.), напр. им. п. ед. ч. *smonenawins*, . . . и в латинском, напр. *annuo-s* (от *annu-s*), *cernuo-s* и т. п. Это *-eu̯o-*, расширенное с помощью *-io-*, играет видную роль также в образовании имен в италийском, напр. умбр. *Fisouie*, *Grabouie*, лат. *Salluvius*, *Pacuvius* . . . *-eu̯o-* как будто состоит из *-e-u̯o-*, где *-e-* — гласный именной основы» (K. Brugmann. Die Herkunft der griech. Substantiva auf -εύς, род. п. -ῆ[F]ος. — IF IX, 1898, 373—374).

***berzovьcь:** словен. *brézovec*, род. п. *-vca* м. р. 'ствол березы', 'растение Tormentilla' (Plet. I, 58), чеш. редк., диал. *březovec*, род. п. *-vce* м. р. 'березовый прут', слвц. *brezovec*, род. п. *-vca* м. р. то же

(SSJ I, 130), сюда же др.-русск. *Березовьць*, название города (Срезневский I, 70).

Производное с суфф. *-ьсь* от основы прилаг. **berzovъ* (см.).

***berzovьje:** сербохорв. *брѐзо̄вље* ср. р. собир. 'березы, березовая поросль' (РСА II, 144), словен. *brézovje* ср. р. то же (Plet. I, 58), чеш. *břízoví* ср. р. 'березовые ветки', русск. диал. (волог.) *березовьё* ср. р. собир. 'березовые дрова' (Филин 2, 254).

Производное (собир.) с суфф. *-ьjе* от основы прилаг. **berzovъ* (см.).

***berzozolъ:** др.-русск. *березозолъ* 'месяц апрель' (Четвероев. 1144 г., Срезневский I, 70), русск. (стар.) *березозол*, *березозоль* 'месяц март или апрель' (Даль [3] I, 204), укр. *березозíл*, род. п. *-зóла*, *березозíль*, род. п. *-зóля*, м. р. 'месяц март' (Гринченко I, 52).

Сложение **berzo-zolъ* именных основ **berz-* (см. **berza*) и **zol-*, родственного **zelenъ* (см.). См. Фасмер I, 154; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 3, 144.

***berzujь:** русск. *Березуй*, название пустоши (XVII в., Псковский областной словарь 1, 179).

Формально может анализироваться как **berz-u-jь*, производное с соответствующей суффиксацией от имени **berza* (см.), но если равнооформленное **volujь* (см.) четко характеризуется как *-j*-овое производное от основы косв. п **volu* (см. **volъ*), то во всем лексическом гнезде **berza* нет никаких признаков наличия основы на *-u-*, почему не может быть принято однозначное отнесение Фасмером русского топонима *Березуй* к *-u-* основам, расширенным с помощью суфф. *-i̯o-* (см. M. Vasmer. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung. Berlin, 1941, 15). Критику этого мнения Фасмера, причислявшего русск. *Березуй* к древнеславянским образованиям такого типа, см. J. Prinz BNF 15, 1964, 268—269. Последний ученый склонен на основании географического распространения формы *Березуй* и ее производных (бывш. Тверская, Могилевская губернии, ср. еще и наш пример из псковских материалов) выдвигать идею балт. субстратного происхождения и объяснять русск. *Березуй* из балт. **Beržōj-*.

***berzъ:** сербохорв. диал. *брȇз* м. р. 'береза' (РСА II, 143), словен. *brȇz* м. р. 'береза' (Plet. I, 56).

Праслав. циал. **berzъ* в функции названия березы представляет собой древний словообразовательно-морфологический вариант, восходящий к и.-е. форме м. р. **bherəĝo-*, наряду с праслав. **berza* (см.) — из и.-е. **bherəĝā* ж. р. Выше (см. под **berza*) уже говорилось о вероятном первоначально адъективном значении этих форм названия березы. К тому, что сказано в статье **berza* о реликтах адъективного употребления **berz-*, гл. обр. в качестве названий пестрых животных (болг., сербохорв. примеры), ср. еще др.-русск. *Березыи*, название города в Чернигов. княже-

нии (*Святославъ поиде къ Березому*. Ип. л., Срезневский I, 70).

***berzъka:** чеш. *břízka* ж. р. ум. 'березка', слвц. *briezka* ж. р. ум. то же (SSJ I, 129), н.-луж. *brjazka*, польск. *brzózka* ж. р. ум. 'березка', 'березовая кора' (Warsz. I, 221), словин. *břộuskă* ж. р. 'береза' (Lorentz Slovinz. Wb. I, 79), русск. *берёзка* ж. р. ум. 'молодая береза, также вид — береза малорослая Betula humilis' (Даль [3] I, 203), укр. *беréзка* 'Betula humilis Schrank' (Гринченко I, 51), *берíзка* (Гринченко I, 52), блр. *бярóзка*.

Деминутив регулярного вида, производный с суфф. *-ъka* от **berza* (см.). Ср. более распространенный на юге и юго-западе слав. территории деминутив **berzica* (см.).

***berzьje:** сербохорв. *брêзје*, *брêжђе* ср. р. собир. 'березы, березовый лес' (РСА II, 144, 142), словен. *brêzje* ср. р. 'березовый лес' (Plet. I, 57), чеш. *břízí* ср. р. 'березовая поросль, ветки березы', диал. *březí* ср. р. 'березовый лес' (Bartoš. Slov. 26), 'березовые ветки', 'молодая поросль' (Hruška. Slov. chod. 15), сюда же ст.-чеш. *Březie* ср. р. местн. название (Ст.-чеш., Прага), слвц. *brezie* ср. р. 'березовая роща' (SSJ I, 129), русск. диал. *берéзье*, *березьё*, ср. р. собир. 'березовый лес' (яросл., смол., ленингр., Филин 2, 254).

Собир. производное с суфф. *-ьje* от **berza* (см.).

***berzьjь:** чеш. (редк.) *břízí* прилаг. 'березовый', диал. *březí* (*kráva*) 'пестрая, белая с красным или черным (о корове)' (Bartoš. Slov. 26).

Производное с суфф. *-ьjь* притяжательное прилаг. от **berza* (см.).

***berzьnikъ:** сербохорв. *Brêznîk* м. р., название ряда населенных пунктов в Хорватии, Боснии (RJA I, 635), словен. *brêznik* м. р. 'месяц март' (Plet. I, 58), др.-русск. *березникъ* (*А норьи съ березникомъ межа*. — Отводн. кн. Кемск. п. 1462 г., Срезневский I, 70), русск. *берéзник* м. р. 'чистый березовый лес, роща; березовый хворост; гриб' (Даль [3] I, 203), укр. *берéзни́к* м. р. 'березовый лес, роща' (Гринченко I, 51).

Производное с суфф. *-ьnikъ* от имени **berza* (см.).

***berzьno:** ст.-чеш. *Břězno* ср. р., местн. название (Ст.-чеш., Прага), чеш. *Březno*, слвц. *Brezno*, польск. *Brzeźno*, ряд местн. названий (цит. по: H. Borek, J. Prinz, см. ниже), др.-русск. *Березьно*, поток близ Новгорода (Грам. кн. Всев. Юр. м. до 1136 г., Срезневский I, 70), русск. *Березно*, топоним («Russisches geographisches Namenbuch» 1, 360).

Огромный соответствующий материал по зап.-слав. языкам находим в кн.: H. Borek. Zachodniosłowiańskie nazwy toponimiczne z formantem *-ьn-* (Wrocław, 1968) 20—21. Отчетливо адъективный характер этих примеров (ср. наличие вариантов типа чеш. *Březná*, польск. *Brzezna* и т. д.) говорит о том, что первоначально это были прилагательные, производные с суфф. *-ьn-* от имени **berza* (см.). Но если, напр., в балтийском соответ-

ствующее прилаг. действительно зафиксировано (ср. лит. *beržìnis* 'березовый'), то слав. языки не знают прилаг. **berzьnъ* 'березовый', и это придает особую ценность названным выше топонимическим данным. См. специально J. Prinz BNF 15, 1964, 252—253, где указывается, что, в отличие от слав. апеллативной лексики, слав. топонимия в достаточном количестве знает это образование, в чем автор видит основание для реконструкции общего балто-слав. **beržin-* адъективного характера и высказывает мысль о том, что еще в дописьменный период этот тип прилагательного от названия березы был вытеснен в слав. языках типом на *-ov-*, хотя конкретные исследования по топонимии (см. прежде всего H. Borek, выше), говорят о преимущественно локальном, зап.-слав. ареале соответствующего топонима. Что касается мнения о вторичности **berzovъ* (см.), здесь также далеко не все ясно и возможна прямо противоположная точка зрения.

***berzьnъ/*berzьnь:** ст.-слав. брѣзьнъ 'апрель, aprilis' (SJS), болг. *брéзен* м. р. 'месяц апрель; месяц март' (Младенов БТР), сербохорв. диал. *брѐзан* м. р., название домашних животных белопестрой масти (РСА II, 143), словен. *brézen*, род. п. *-zna* м. р. 'месяц март; апрель', 'течка (у кошек)', '(детские) шалости' (Plet. I, 57), чеш. *březen*, род. п. *-zna* м. р. 'март', укр. *бéрезень*, род. п. *-зня* м. р. 'март' (Гринченко I, 51).

Производное с суфф. *-ьn-* (первоначально адъективное? — Ср. **berzьno*, а также значение сербохорв. примера, см. выше) от **berza* (см.).

***beržan(in)ъ:** словен. *bréžàn* м. р. 'прибрежный житель' (Plet. I, 60), чеш. *břežanín* м. р. 'прибрежный житель' (Jungmann I, 182), др.-русск. *бережане* 'жители берега' (Срезневский I, 69), русск. диал. *бережáне*, *бережáна* мн. 'жители побережья' (арх., вят., пск., беломор., Филин 2, 247), укр. *бережáн* м. р. 'прибрежный житель' (Гринченко I, 51).

Производное с суфф. *-ěn(in)ъ* от **bergъ* (см.).

***beržina:** болг. *брежинá* ж. р. 'холмистое место' (Геров — Панчев), 'крутизна' (диал., Георгиев), сербохорв. *brèžina* ж. р., увеличит, от *brijeg* 'берег; холм' (RJA I, 639; РСА II, 142), словен. *brežína* ж. р. 'берег; насыпь; побережье', 'склон, обрыв', 'возвышенность', 'горное сено' (Plet. I, 60), слвц. *brežína* ж. р. редк. 'склон; холм' (SSJ I, 130), русск. диал. *бережи́на* ж. р. 'отмель, идущая от берега в море', 'прибрежный луг, пожня', 'трава, растущая на морском берегу', 'редкий лес вдоль берега реки', 'теплая вода', 'парное молоко' (с.-в.-р., Филин 2, 248), укр. *бережи́на* ж. р. 'прибрежье, побережье', *бережинá* 'береговая трава, береговое сено' (Гринченко I, 51; Укр.-рос. словн. I, 56).

Производное с суфф. *-ina* от **bergъ* (см.).

***beržistъjь:** др.-русск. *бережистыи* 'крутоберегий, ripis abruptis munitus' (Ипат. летоп. под 1180 г., Срезневский I, 69), русск.

диал. *бережйстый*, *берёжистый* 'с высокими крутыми берегами' (орл., курск., новг., твер., вят., пск., урал.), 'пролегающий в углублении, как бы между двумя берегами' (влад.) (Филин 2, 248; Даль [3] I, 201: *берёжистая речка* 'высокоберегая, крутоберегая'), укр. *бережйстий* 'с высокими берегами' (Гринченко I, 51).

Прилаг., производное с суфф. *-ist-* от **bergъ* (см.).

beržьcь: сербохорв. стар. *brijèžac*, род. п. *briješca* м. р., ум. от *brijeg* 'холм; берег' (с XVI в., а также в словарях Вольтиджи. Стулли, см. RJA I, 649), словен. *brẽžec*, род. п. *-žca* м. р., ум. от *breg* (Plet. I, 60), др.-русск. *бережьць* 'бережок, название местности по стар. пути из Суздаля в Нижний Новгород' (Срезневский I, 69).

Ум. производное с суфф. *-ьcь* от **bergъ* (см.).

***beržьje:** болг. *брéжье*, *брежйе* ср. собир., употр. как мн. ч. от *бряг* 'берег' (Младенов БТР), сербохорв. *брȇжjе* ср. р. собир. от *брег* (РСА II, 142), др.-русск. *бережиѥ* 'побережие, ога' (Никон. летоп. под 1365 г., Срезневский I, 69).

Собир. производное с суфф. *-ьje* от **bergъ* (см.).

***beržьkъ:** словен. *brẽžek*, род. п. *-žka* м. р., ум. от *breg* 'холмик' (Plet. I, 60), сербохорв. *брéжак*, *бриjѐжак*, род. п. *-шка* м. р., ум. от *брег*, *бриjег* (с XVI в., также в словаре Стулли, см. RJA I, 649; РСА II, 142), ст.-чеш. *břiežek* м. р. 'холм, склон' (Šimek 31), слвц. *briežok*, род. *-žka, -žku* м. р., ум. к *breh*, а также 'склон, холм' (SSJ I, 129), в.-луж. *brjóžk*, н.-луж. *brjožk*, польск. *brzeżek*, русск. *бережóк*, диал. *бережóк*, род. п. *-жкá* м. р. 'край рюмки' (орл., Филин 2, 250), укр. *бережóк*, род. п. *-жка* м. р., ум. от *берег* (Гринченко I, 51), блр. *беражóк*.

Ум. производное с суфф. *-ьkъ* от **bergъ* (см.). Ср. **beržьcь*, выше.

***beržьnъ(jь)** I: ст.-слав. брѣжьнъ, -ꙑи, прилаг., τοῦ κρημνοῦ, praecipitii 'береговой' (Supr., SJS), болг. *брéжен* прилаг. (Младенов БТР), сербохорв. *брȇжнӣ*, *бриjȇжнӣ* 'береговой, прибрежный', 'гористый' (РСА II, 142), словен. *brežen* (см. Badjura 31), чеш. (стар.) *břežní* прилаг. 'береговой', слвц. *brežný* прилаг. редк. 'береговой' (SSJ I, 130), польск. *brzeżny* прилаг. то же (Dorosz. I, 691), др.-русск. *бережьныи* (Срезневский I, 69), русск. диал. *бережнóй* 'береговой' (Подвысоцкий 6), *бережнóй*, *бéрежный* 'расположенный на берегу, береговой, прибрежный' (енис., том., арх., пск., волог., Филин 2, 250), укр. *берéжний* 'прибрежный' (Гринченко I, 51).

Прилаг., производное с суфф. *-ьn-* от имени **bergъ* (см.).

***beržьnъjь** II: русск. *бéрежный* 'осторожный, осмотрительный' (Даль[3] I, 202), *бережнóй*, *бéрежный* 'бережливый, нерасточительный', 'тщательно охраняемый, оберегаемый', 'осторожный, боязливый' (Филин 2, 250), ст.-укр. *бережный* то же (Тимченко I, 84), укр. *берéжний* 'осторожный' (П. Білецький-Носенко. Словник укр. мови, 53).

Прилаг., образованное с суфф. *-ьn-*, соотносительное с гл. **bergt'i* (см.). Возраст образования неясен.

***besěda:** ст.-слав. бесѣда ж. р. λόγος, ῥῆμα, ὁμιλία, verbum, sermo 'слово, речь, разговор' (SJS), болг. *бесе́да* ж. р. 'беседа' (БТР), макед. *беседа* ж. р. то же (И-С), сербохорв. *бѐседа* ж. р., диал. *бѐсида*, *бѐсjеда* 'речь', 'беседа', *besȅda* 'разговор' (Sus 152), *besȅda* 'речь' (Ка 388), словен. *besêda* ж. р. '(отдельное) слово', 'речь', 'разговор', 'язык', 'беседа' (Plet. I, 21), ст.-чеш. *beseda* ж. р. 'развлечение', 'рассказ', 'приятное общение с друзьями', 'пир', 'садовая беседка' (Ст.-чеш., Прага), чеш. *beseda* ж. р. 'беседа, общественное развлечение', слвц. *beseda* ж. р. 'дружеский разговор, беседа' (SSJ I, 82), в.-луж. *bjesada* ж. р. 'беседа, общество, компания' (Pfuhl 20), польск. *biesiada* ж. р. 'пир' (Dorosz. I, 514), др.-русск. *бесѣда* 'седалище, место сиденья', 'разговор в собрании', 'разговор с кем-нибудь', 'речь, слово, слова', 'речь, язык' (Срезневский I, 83—84), русск. *бесе́да* ж. р. 'разговор, преимущественно деловой или задушевный', 'собрание, общество людей', (обл.) 'скамейка', диал. *бесе́да* 'деревенская вечеринка, посиделка' (Куликовский 4), 'вечернее собрание молодежи в доме с работой или только для увеселения', 'пирушка', 'договор между родителями жениха и невесты о браке, сговор', 'свадьба; все участники свадьбы', 'группа пожилых крестьян, собравшихся посидеть, поговорить на завалинке перед избой или на траве', 'сидение в гостях без приглашения', 'толпа, компания', 'прием', 'сиденья для ямщика в телеге', 'место для сидения', 'постройка в виде галереи, со столом и скамейками', 'общественная изба для крестьянской работы' (Филин 2, 261—263), ст.-укр. *беседа*, *бесѣда* ж. р. 'разговор', 'компанейское веселье, с угощением' (Тимченко I, 85, 87—88), укр. *бе́сіда* ж. р. 'разговор, беседа, речь', 'пир, пирушка', 'общество гостей' (Гринченко I, 53), диал. *бйс'іда* 'разговор' (Чучка 309).

Это слово по-прежнему может считаться спорным по происхождению, хотя в ходе этимол. дискуссий некоторые моменты выяснились достаточно определенно. Так, напр., уже анализ значений, сопоставление живых значений со значением древних свидетельств показывает несомненную древность семантич. признака 'сидеть' у слав. слова. Ср. др.-русск. *бесѣда* 'седалище, место сиденья', русск. обл. *бесе́да* 'скамейка'. Связь праслав. **besěda*: **sěděti* (см.) принимается большинством современных исследователей. Но при этом они, как правило, производят **besěda* из **bez-sěda*, т. е. сложения с предлогом-приставкой **bez* (см.), предполагая в данном случае для **bez* знач. 'вне, снаружи' как якобы более древнее знач. этого служебного слова. См. прежде всего Berneker I, 52; Преобр. I, 25; L. Wanstrat. Zur Bedeutungsentwicklung von slav. *besěda*. — ZfslPh XIV, 1937, 101—103; Фасмер I, 160; Sadnik—Aitzetmüller. Vgl. Wb. 4, 291. Ванстрат, в частности, называет как семантич. параллель др.-исл. *útiseta*

'сидение снаружи в ночное время с целью гадания и прорицания' (см. L. Wanstrat, там же). Авторы указывают также на знач. др.-инд. *bahíḥ* 'снаружи, вне', родственного слав. *bez*, но, если принимать этимологию **besěda* < **bez-sěda*, то придется признать данное слово слав. новообразованием без и.-е. соответствий, а одна эта констатация обязывает оперировать только известными слав. значениями *bez*, не прибегая к дославянским, что было бы более уместно при анализе дославянского слова-архаизма. Все примеры *bez-* и сложений с ним в слав. языках обнаруживают знач. 'без, не-' и не знают значений, сколько-нибудь близких к др.-инд. слову. Только знач. 'без' знает и родственное балт. *be-*.

Мы считаем, что праслав. **besěda* первоначально означало 'сидение' (без оттенка 'снаружи', не вытекающего из реальных значений и ad hoc примышленного исследователями, начиная с Бернекера, принимающими реконструкцию **bez-sěda*), откуда затем и 'место сидения' и 'совместное сидение, общение', 'разговор' и т. д. Ср. отчасти тот же путь, проделанный русским словом *посиделки*. В связи со сказанным мы сближаем, вслед за Розвадовским (J. Rozwadowski RS 2, 1909, 104 и след.) слав. **besěda* и др.-инд. *bhasát* (*bhasád-*) ж. р. 'задница' < *'сидение'. Иначе — и неубедительно — см. о др.-инд. слове Mayrhofer II, 489. Это сближение позволяет взглянуть на слав. слово как на реликтовое образование, со стороны семантической — древнее имя действия с последующей конкретизацией значения, со стороны формальной — архаическое и функционально не вполне ясное префигирование и.-е. корня **sed-* 'сидеть'. Ср. более старые попытки членить **besěda* как **be-sěda*, причем это *be-* сравнивалось с лит. дуративным глагольным префиксом *be-* (А. Погодин РФВ XXXIX, 1898, 3; Berneker, там же). Действительно, охарактеризованное выше слав. **besěda* можно сравнить прежде всего с лит. *besėdėti* : *aš besėdžiu* 'я все сижу', с этим префиксом. Эти отношения заслуживают дальнейшего изучения, тем более что вопрос о слав. соответствиях дуративному лит. *be-* продолжает подниматься в славистике. Ср. В. Čop SR XII, 1959—1960, 171—172, где начальное *be-* в слав. **besěda* связывается с хетт. глагольным предл. *pi-e* (*pē/bē*).

Прочая литер.: Г. Ильинский РФВ LXII, 1909, 237—239 (: **besěda* < **bes-ěda*, т. е. суффиксальное производное от корня **bes-* 'говорить', якобы родственного **bajati*, см. сходно Brückner 27); Sławski I, 22 (считает неясным); ср. E. Stankiewicz «Word» 11, 1955 (=«Slavic Word» N 4), 628; Machek 30 (принимает этимологию Бернекера, см. выше); Георгиев БЕР I, 44; Bezlaj. Etim. slovar. Poskusni svezek 8—9; он же JiS 1959/1960, 5, 142; J. Otrębski «Die Sprache» XII, 1966, 20 (: последняя по времени попытка анализировать **besěda* < **bes-ěda*, причем, однако, корень **bes-* возводится к и.-е. **sebh-*, основе местоименного про-

исхождения, откуда др.-инд. *sabhā* ж. р. 'собрание, община, судилище', первоначальное знач. как слав., так и др.-инд. слов, по мнению автора, — 'свои, члены того же рода, родня', ср. сюда же герм. **sebjō* ж. р., гот. *sibja* 'родство, родня'; **beseda* — собир. производное на *-ě-da*, ср. слав. **gavědь*, польск. *gawiedź* 'чернь, сброд').

***besěditi:** болг. диал. *бесе́да* 'обсуждать, авторитетно разговаривать с кем-нибудь' (с. Момина Клисура, Пазарджишко. Дип. раб. Архив Софийск. ун-та), сербохорв. *бѐседити*, диал. *бѐсидити*, *бѐсједити* 'говорить, держать речь', словен. *beséditi* 'говорить (речь)' (Plet. I, 21), чеш. *besediti* 'разговаривать' (Kott I, 59).

Отыменный глагол на *-iti*, производный от **beseda* (см.).

***besědovati:** ст.-слав. бєсѣдовати ὁμιλεῖν, λαλεῖν, διαλέγειν, προσαγορεύειν 'разговаривать, говорить с кем, к кому' (SJS), болг. *бесе́двам* 'беседовать, вести непринужденный разговор' (БТР), сербохорв. *бѐседовати* 'говорить' (РСА I, 484), словен. *besedováti* 'говорить, читать нравоучения, держать речь' (Plet. I, 22), чеш. *besedovati* 'совместно развлекаться, беседовать', слвц. *besedovat'* то же (SSJ I, 82), в.-луж. *bjesadować* 'развлекаться, беседовать' (Jakubaš), польск. *biesiadować* 'пировать', 'вкушать удовольствие', (охотн., промысл.) 'жировать (о диких животных)' (Warsz. I, 153), русск. *бесе́довать* 'вести с кем-либо деловой или задушевный разговор', диал. 'принимать участие в посиделках, беседе', 'сидеть, быть в гостях', 'проводить время без работы', 'пировать' (Филин 2, 265), ст.-укр. *бесѣдовати* 'разговаривать' (Тимченко I, 88), укр. *бесі́дувати* 'говорить, произносить', 'беседовать, разговаривать' (Гринченко I, 53), диал. *bešiduváty* 'говорить' (me rusnáce, bešidujéme po rusku; с. Комлошка, Венгрия).

Производный гл. с суфф. *-ovati* (см. **beseda*, выше).

***besědunъ:** словен. *besedûn* м. р. 'болтун' (Plet. I, 22).

Имя деятеля, производное с помощью суфф. *-unъ* от гл. **besědovati* (см.). Возможно позднее местное образование.

***besědъ / *besědь:** сербохорв. диал. *бѐсјед*, род. п. *-а* м. р., *бѐсјēд*, род. п. *-и*, ж. р. 'беседа' (РСА I, 485).

Морфол. вариант (*-о*-основа м. р. и основа на *-i-* ж. р.) к общеслав. типу **beseda* (см.). Древность проблематична, хотя, с другой стороны, принимая во внимание возможную архаичность основы праслав. **beseda*, а также, напр., отчетливо консонантный характер основы соответствующего др.-инд. *bhasát*/*bhasád-* (см. подробнее **beseda*), можно думать и здесь об отражении древней именной основы на согласный. Фасмер сравнивал с апеллативом русск. *беседа* название реки *Беседь*, в Верхнем Поднепровье (см. M. Vasmer «Oxford Slavonic papers» VI, 1955/1956, 53), но, как нетрудно заметить, морфологически более точным будет сравнение гидронима *Беседь* с малоизвестным апеллативом **besědь* (см. выше).

***besědъka:** ст.-чеш. *besiedka* ж. р. 'беседка' (Ст.-чеш., Прага), чеш. *besídka* ж. р. 'общественное развлечение, беседа', 'беседка (садовая)', 'крыльцо', слвц. *besiedka* ж. р. 'беседка, веранда', 'беседа, разговор' (SSJ I, 82), русск. диал. *бесéдка* ж. р. 'доска, на которой сидят у ворот, в сенях, в лодке и т. п.' (Доп. к Опыту 9), 'козлы, сиденье кучера на телеге' (Подвысоцкий 6), 'скамья, сидение в лодке, козлы для ямщика' (Куликовский 4), укр. *бесéдка* ж. р. 'лавка для гребцов в большой днепровской лодке, называемой дуб' (Гринченко I, 53).

***besědьlivъ:** сербохорв. *бесѐдљив* 'разговорчивый' (РСА I, 483), словен. *besedljìv* прилаг. 'говорливый, болтливый', 'бранчливый, вздорный' (Plet. I, 21), укр. диал. *бéсідливий* 'разговорчивый, словоохотливый' (Желех., Гринченко I, 53).

Прилаг., производное с суфф.-*ьlivъ* от гл. **besěditi* (см.).

В 1-м выпуске 466 словарных статей.